

**Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

На правах рукописи

**Матвеев Сергей Рафисович
«Философские истоки французского либерального консерватизма
(Ф. Гизо, А. Токвиль)»**

**Специальность
09.00.03 – «История философии»**

Диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук

Научный руководитель:

д.и.н.

И. М. Савельева

Москва – 2014

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Интеллектуальная культура Франции первой половины XIX века.....	39
1.1. Социальная реальность Реставрации и Июльской монархии	43
1.2. Интеллектуалы и идеологии посленаполеоновской Франции.....	81
Глава 2. Истоки политической философии Гизо	102
2.1. Истоки мировоззрения Гизо	102
2.2. Политическая карьера Гизо	115
Глава 3. Философия либерального консерватизма Франсуа Гизо	136
3.1. Система понятий в философии Гизо	136
3.2. Историософия Гизо	142
3.3. Свобода, равенство и власть в либеральном консерватизме Гизо.	162
3.4. Концепция среднего класса как социальной опоры либерального консерватизма	170
3.5. Проблема суверенитета в философии Гизо	179
Глава 4. Истоки политической философии Токвиля	195
4.1. Истоки мировоззрения Токвиля.....	195
4.2. Политическая карьера Токвиля.....	205
Глава 5. Философия либерального консерватизма Алексиса де Токвиля	215
5.1. Система понятий в философии Токвиля	215
5.2. Соотношение свободы и равенства в либеральном консерватизме Токвиля	224
5.3. Проблема суверенитета в политической философии Токвиля	231
Заключение	239
Список источников и литературы	243

Введение

Французская история конца XVIII – начала XIX в. дала беспрецедентный пример социально-политических трансформаций, осуществившихся в течение жизни одного поколения. В 1789–1851 гг., т.е. за шестьдесят два года, во Франции произошло три революции, было принято десять конституций, провозглашено три конституционные монархии, две республики, одна империя. Страна стала своего рода политической лабораторией, в которой сталкивались, взаимодействовали и трансформировались философские идеи, политические теории и идеологии. Тем не менее, на фоне насыщенной событиями, яркой французской истории отрезок 1814–1851 гг. часто воспринимается исследователями как серое пятно или случайное и мимолетное межвременье, в том числе и в области политической мысли, заурядность которой противопоставляется блеску Просвещения.

В поле политической философии сформировались принципы, составляющие ядро основных, «классических» идеологий двух последних столетий: либерализма, консерватизма и социализма. Эти идеологии, оформившиеся в первой половине XIX в., имеют философские истоки. Важным фактором появления идеологий было осознание наличия процесса социальных изменений, которое охватило интеллектуальное пространство посленаполеоновской Франции. Революция 1789 г. доказала, что социальная динамика, а не социальная статика, является нормальным состоянием общества. Так была обозначена проблема регулирования процесса эволюции: консерваторы стремились его замедлить, революционеры – ускорить, и все политические силы пытались открыть механизм воздействия на нормальный процесс изменений¹.

Идеологии кристаллизуют общие убеждения и ценности различных социальных групп, при этом интерпретируя мир, который есть, как мир, каким он должен быть; они представляют собой организующие волю людей проекты сосуществования. Идеологическое разнообразие порождает различное видение реальности, а также прошлого и будущего. Идеологии служат системой координат для политиков и рядовых граждан, которые получают возможность понимать логику действий того или иного лидера. Идеология является лишь одной из составляющих политической культуры, поскольку она накладывается на особенности общества. В связи с этим справедливо замечание А.М. Руткевича: «Англосаксонский консерватизм

---

¹ См.: Wallerstein I. World-Systems Analysis // Social Theory Today. Cambridge, 1987. P. 315.

отличается от континентального, подобно тому, как итальянский коммунизм не похож на китайский»².

Горизонтальная маркировка политического пространства по линии левые–правые восходит ко временам Французской революции, когда союзники и оппоненты королевской власти расположились соответственно в правой и левой части зала Национального собрания. Деление на два идеологических фланга закрепилось не только в массовом сознании и мире политики, но также стало использоваться для удобства анализа политическими историками и теоретиками. Однако Рене Ремон во введении к работе «Правая во Франции» говорит о сложности однозначного определения левой или правой в реальном политическом пространстве и бесконечном расширении политического спектра, который уже включает идеологов правых и левых, правые и левые партии, коалиции правых и левых, правый и левый центр и т.д.³ Среди правых встречаются и либералы, и откровенные враги парламентаризма, а среди левых – сторонники сильного государства и порядка⁴.

Стремление к социально-политической стабильности и нормальному функционированию общественных структур сделало возможным *либерально-консервативный консенсус*, в котором либералы и консерваторы избегают искушений радикализма. М.М. Федорова справедливо заметила, что либерализм и консерватизм «взаимодополняются и взаимокоррелируются, давая происхождение весьма сложным смешанным формам, идейная направленность и сущность которых определяется даже не столько их принадлежностью к тому или иному политическому направлению (как и любые категории, либерализм и консерватизм нигде не существуют в "чистом" виде, это всего лишь абстракции, понятийные орудия)»⁵. Под либеральным консерватизмом автор понимает совокупность идейно-политических доктрин, конкретных политических программ, поведенческих установок, присущих конкретно-историческому периоду посленаполеоновской Франции (1814–1851). Либеральный консерватизм основан на нескольких фундаментальных принципах, синтезирующих либеральную и консервативную идеологию. Это рациональность, которая вместе со свободой составляет ядро представлений о человеке – антропологической модели, которая явно или скрыто лежит в основе любой политической философии: «Не имея скрытого или явного объяснения свободы (или ее отсутствия) и рациональности (или иррациональности)

² Руткевич А. М. Что такое консерватизм? М., 1999. С. 7.

³ См.: Rémond R. La droite en France de la Première Restauration à la Ve République. Paris, 1963. P. 13.

⁴ См.: Ibid. P. 19-20.

⁵ Федорова М. М. Либеральный консерватизм и консервативный либерализм (сравнительный анализ английской и французской политической философии времен Великой Французской революции) // От абсолюта свободы к романтике равенства (из истории политической философии). М., 1994. С. 58.

политическое знание остается на уровне описательном и не поднимается до теоретического»⁶. Либеральный консерватизм сочетает просвещенческий оптимизм в отношении возможностей разума со стремлением к политическому порядку и фиксацией рамок дозволенного в реальном политическом пространстве. Таким образом, место либерального консерватизма на шкале «левые – правые» определяется через три сложных и противоречивых понятия – свобода, рациональность и порядок.

Свобода и рациональность являются антропологическими основаниями либерального консерватизма. «Левые» теории, представленные в посленаполеоновской Франции либеральными демократами и социалистами, базируются на идее равенства и ставят свободу в подчиненное положение, носителем рациональности становятся коллективные субъекты – государство, нация, класс, партия, т.е. рациональность перестает быть человеческой⁷. «Правые» теории, в посленаполеоновской Франции это крыло представлено традиционалистами, также ориентируются не на человеческую рациональность, а на некий идеальный субъект в виде Провидения или божественной воли, им свойственно «недоверие к человеческому в человеке», свободное «естественное» противопоставляется несвободному «человеческому»⁸.

Французский либеральный консерватизм располагается между двумя полюсами – «левыми» (либеральными демократами в духе Ж.-Ж. Руссо) и «правыми» (традиционалистами, последователями Ж. де Местра и Л. Бональда). Он возник в результате приспособления политико-философской мысли либерального и консервативного толка к политической реальности посленаполеоновской Франции. Появление либерального консерватизма связано с процессом фрагментации основных идеологий, который начался в XIX в. и выразился в выделении в рамках общего направления более узких течений, сражающихся друг с другом подчас более ожесточенно, чем с «чужими» идеологиями. Таким образом, история и теория французского либерального консерватизма является важной частью политической мысли и общественной жизни Реставрации (1814–1830) и Июльской монархии (1830–1848). Либеральный консерватизм возник в результате диалога между представителями различных политических течений и выбрал в себя комплекс на первый взгляд противоречивых идей, синтез которых органично вписывается в контекст политического развития страны. Не принимая во внимание опыт французского либерального консерватизма, трудно понять родство и близость двух ключевых политических идеологий Нового времени, а также механизм становления гражданского общества во Франции XIX–XX вв.

⁶ Чалый В. А. Рациональность в либеральных философских теориях // Кантовский сборник. 2011. № 4 (38). С. 30.

⁷ См.: там же.

⁸ См.: там же. С. 30–31.

Французский либеральный консерватизм имеет философские истоки в работах доктринеров, интеллектуальным и политическим лидером которых был великий историк Франсуа Гизо (1787–1874). Идеи последнего были развиты и обогащены знаменитым «либералом и консерватором» Алексисом Токвилем (1805–1859). В отличие от классической политической и социальной философии либеральный консерватизм ориентирован на актуальную политическую повестку, к проблемам которой неоднократно обращались его теоретики.

Оригинальные политические мыслители и теоретики французского либерального консерватизма Франсуа Гизо и Алексис Токвиль далеко не в равной степени признаны академическим сообществом. Философия Гизо долгое время оставалась малоизвестной политическим теоретикам англоязычного мира⁹. В корпус научной классики благодаря ярким дарованиям автора вошли исторические работы. Однако его интеллектуальная деятельность не ограничивалась областью истории: он компилировал справочники, составлял словари, писал статьи по литературе, педагогике и искусству, а также был автором философских сочинений. Политические трактаты Гизо выражали «дух эпохи», беспокойного и необычайно динамичного периода 1789–1851 гг. Мощные потрясения европейского порядка, крах монархии во Франции, завоевания и перегибы Революции, многочисленные войны наполеоновской эпохи и ожесточенные дискуссии периода Реставрации нашли отражение в философии Гизо. Однако его имя не появляется ни в одной крупной антологии политической мысли, а большинство его политических сочинений никогда не были переведены на какие-либо языки. Ни одну ссылку на Гизо невозможно найти в престижной «Блэквелловской энциклопедии политической мысли»¹⁰, которая содержит пространные статьи даже по поводу очень малоизвестных фигур. Кроме того, случайные ссылки историков философии на Гизо обычно дают представление о нем как о незначительном политическом мыслителе и некритически приписывают ему догматизм, присущий второразрядным умам¹¹. Политическую философию Гизо характеризовали как слабый и скучный эклектизм, продукт усталости консерватора. Сам Гизо, по мнению некоторых исследователей, «любил повторяться, забывал использовать новые достижения и неточно оперировал терминами»¹².

Алексис де Токвиль – признанный классик сразу нескольких дисциплин: истории, социологии, философии, политической науки; некоторые исследователи считают, что, изучая

⁹ См.: Craiutu A. *Liberalism under Siege: The Political Thought of the French Doctrinaires*. Oxford, 2005. P. 39.

¹⁰ The Blackwell Encyclopaedia of Political Thought. Oxford, 1987.

¹¹ См.: Ruggiero G. *The History of European Liberalism*. Boston, 1959. P. 169.

¹² Johnson D. *Guizot: Aspects of French History, 1787–1874*. L., 1963. P. 86.

нравы, он открыл коллективную психологию¹³. Его личность и сочинения высоко оцениваются наиболее значительными представителями гуманитарного знания. Исайя Берлин называл Токвиля, наряду с Локком, Миллем и Констаном, самым последовательным защитником пространства личной свободы¹⁴, прав человека и естественных границ, в пределах которых люди неприкосновенны¹⁵. Раймон Арон гордился своей принадлежностью к школе Токвиля и доказал наддисциплинарный характер гения своего предшественника¹⁶. Клод Лефор ценил либеральный интеллектуализм Токвиля и отказ последнего от мнимых добродетелей демократии¹⁷. Александр Солженицын в этом же ключе ссылаясь на авторитет великого мыслителя: «Алексис Токвиль считал понятия демократии и свободы – противоположными. Он был пламенный сторонник свободы, но отнюдь не демократии»¹⁸, «изучая США в XIX веке, [Токвиль] пришел к выводу, что демократия – это господство посредственности»¹⁹. Без упоминания Токвиля не обходится ни одно серьезное сочинение, посвященное истории либеральной или консервативной мысли. Примечательно, что либералы считают Токвиля безусловным сторонником либерализма и аргументируют это взглядами мыслителя на ценность индивидуальной свободы, консерваторы же, принимая Токвиля в свои ряды, делают акцент на позиции последнего относительно ценности порядка и сильного государства. Л.Н. Ефимов, автор самого современного перевода «Старого порядка и революции» на русский язык, заметил, что «Токвиль – один из тех редких авторов, без знания которого любое образование не может считаться полным; он из тех, кто формирует ум»²⁰.

Либеральный консерватизм представляет собой важную часть французской политической мысли и общественной жизни XIX века. Изучение этой традиции позволяет воссоздать разнонаправленный процесс становления гражданского общества и правового государства в периоды Третьей, Четвертой и Пятой республик. Философские идеи и публикации Гизо и Токвиля участвовали в этом строительстве в качестве теоретического фундамента либерального консерватизма. Поскольку либеральный консерватизм стал влиятельным политическим направлением в социальной жизни XX века, его теоретические основания, то есть интеллектуальный и политический опыт Гизо и Токвиля нуждается в осмыслении и обсуждении.

¹³ См.: Nantet J. Tocqueville. Paris, 1971. P. 30.

¹⁴ См.: Берлин И. Философия свободы. Европа. М., 2014. С. 128.

¹⁵ См.: там же. С. 177.

¹⁶ См.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 227.

¹⁷ Лефор К. Политические очерки (XIX-XX века). М., 2000. С. 211–220.

¹⁸ Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию. Л., 1990. С. 37–38.

¹⁹ Там же. С. 46.

²⁰ Ефимов Л. Н. Аннотация // Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб., 2008. С. 4.

Цель исследования – реконструировать философские основания французского либерального консерватизма через анализ ключевых понятий, а также проблем свободы, равенства, власти, суверенитета, телеологии и историософии в работах Франсуа Гизо и Алексиса Токвиля. Такая реконструкция требует тщательной контекстуализации их теорий в политическую реальность и интеллектуальную культуру Франции первой половины XIX века.

Поставленная цель предопределяет следующие **задачи исследования**:

- выявить предпосылки для рождения политических движений в целом и либерального консерватизма в частности в эпоху Реставрации и Июльской монархии;
- восстановить интеллектуальные сети, включавшие политических мыслителей посленаполеоновской Франции и определить места Гизо и Токвиля в философском ландшафте;
- установить истоки философских воззрений указанных мыслителей;
- провести семантический анализ ключевых понятий их политических теорий;
- проанализировать историософию, основные проблемы и положения политической и социальной философии указанных мыслителей.

Объектом исследования является французская интеллектуальная и политическая культура и, прежде всего, движение либерального консерватизма. **Предмет исследования** – философские воззрения Гизо и Токвиля, их роль в становлении французского либерального консерватизма.

Хронологические рамки диссертации охватывают период становления либерального и консервативного движения во Франции: от начала Французской революции (1789) до провозглашения Второй империи (1851). Конечно, установленные в данном исследовании границы не могут быть жесткими. Зарождение консервативного движения связывают с реакцией на начало Революции 1789 г., а либеральное движение заявляет о себе в предреволюционные годы, когда уже были ясны основные постулаты теории и появились первые политики, готовые реализовать их на практике. Многие значительные работы Гизо («О демократии во Франции») и в первую очередь его мемуары, а также «Старый порядок и революция» Токвиля появились после 1851 г., и реакция либерально-консервативного движения на эти сочинения выходит за пределы установленных хронологических рамок. Однако датировка либерального консерватизма первой половиной столетия представляется уместной в свете выдвигаемых задач: Гизо и Токвиль принадлежали к поколению, детство и юность которого пришлось на годы Революции и Империи; возможность для реализации

либеральных и консервативных идей появилась лишь при Реставрации, когда идеологии начали обретать определенную политическую структуру. Июльская монархия стала временем политического воплощения либерального консерватизма (орлеанизм). Февральская революция 1848 г. привела к политической гибели его главного идеолога – Гизо, её же последствия во многом не удовлетворяли Токвиля. Однако пик политической карьеры последнего пришелся на годы Второй республики (1848–1851), которой он служил в должности министра иностранных дел (1849).

При изучении данной темы был привлечён широкий круг источников. Поскольку предметом исследования являются политические теории Гизо и Токвиля, главными источниками были сочинения этих мыслителей.

Классикой исторического жанра являются труды Гизо «История цивилизации во Франции» в шести томах (1829–1832) и «История цивилизации в Европе» (1829). Эти сочинения родились из лекционных курсов, прочитанных мыслителем на пике своей академической и общественной популярности в 1826, 1828–1830 гг. Они стали событием не только научной, но и общественной жизни, получили большой резонанс в Европе, подвели итог всей исторической работе Гизо в период Реставрации и развили многие принципы, намечавшиеся в ранних трудах мыслителя. Для реконструкции историософии Гизо необходимо обращаться к его более ранним сочинениям. Первые наброски своих исторических взглядов и философского метода Гизо делает в предисловии к переводу книги английского историка Э. Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи»²¹ (1807–1812). Эти положения получают развитие в лекциях, которые Гизо начал читать в Сорбонне с 11 декабря 1812 г.²² Лекции курса публиковались в «*Journal des Cours publics*» сразу после прочтения, но не в авторской редакции, а по конспектам слушателей. В 1851 г., покинув политическую жизнь, Гизо издал в двух томах собственный вариант этого курса под названием «История представительного правления в Европе»²³. Б. Реизов, сличивший два издания, обратил внимание на незначительность правок, внесенных Гизо и сделал заключение: сам факт переиздания свидетельствует о том, что курс выражал подлинные взгляды Гизо, уже и в 1820 г. достаточно отчетливые и устоявшиеся²⁴. Идея эволюции общества и человека, ставшая основой

²¹ Gibbon É. Histoire de la décadence et de la chute de l'Empire romain. 13 vol. Paris, 1812 (Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Т. 1. СПб., 2006).

²² Часть этих лекций опубликована в приложении к первому тому мемуаров.

²³ Guizot F. Histoire des origines du gouvernement représentatif en Europe. 2 vol. Paris, 1851.

²⁴ См.: Реизов Б. Г. Французская романтическая историография. 1815–1830. Л., 1956. С. 180

историософии, впервые встречается в работе «О состоянии изящных искусств во Франции и о Салоне 1810 года»²⁵ (1810).

Политическая теория Гизо ясно сформулирована в исторических и философских сочинениях мыслителя, таких как «Некоторые соображения по вопросу свободы прессы»²⁶, «Представительное правление и текущее состояние Франции»²⁷, «О средствах правления и оппозиции в современной Франции»²⁸, «О смертной казни за политические преступления»²⁹, «История цивилизации в Европе»³⁰, «Политическая философия о суверенитете»³¹, а также в «Мемуарах»³².

Поиск текстов работ Гизо облегчает Интернет-ресурс [«http://www.guizot.com»](http://www.guizot.com), посвященный биографии, творческому наследию и изучению работ французского мыслителя. Большая часть сочинений Гизо цитируется в настоящем исследовании по оцифрованным версиям книг, опубликованным на указанном сайте.

Основные тексты сочинений Токвиля, оказавшие существенное влияние на развитие политической и исторической мысли во Франции XIX столетия: «Демократия в Америке» (*De la démocratie en Amérique*)³³, «Старый порядок и революция» (*L'Ancien régime et la Révolution*), «Воспоминания» (*Souvenirs*). Эти произведения были написаны и изданы в разное время и в совершенно не схожих обстоятельствах.

В январе 1835 г. вышли в свет первые два тома работы Токвиля «Демократия в Америке», а в 1840 г. появился и третий том³⁴. Сочинение принесло молодому автору огромный успех: французская аудитория была покорена картиной общества, сформировавшегося в Новом свете, исследователи называли выход книги «целым событием в истории демократических учреждений»³⁵. Работа довольно скоро была переведена на все основные европейские языки и еще при жизни Токвиля выдержала много изданий. Только в течение 1835 г. в шестнадцати

²⁵ Guizot F. De l'état des Beaux-Arts en France et du Salon de 1810. Paris, 1810.

²⁶ Guizot F. Quelques idées sur la liberté de la presse. Paris, 1814.

²⁷ Guizot F. Du gouvernement représentatif et de l'état actuel de la France. Paris, 1816.

²⁸ Guizot F. Des moyens de gouvernement et d'opposition dans l'état actuel de la France. Paris, 1821.

²⁹ Guizot F. De la peine de mort en matière politique. Paris, 1822.

³⁰ Гизо Ф. Политическая философия: о суверенитете Франции // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 507–588.

³¹ Гизо Ф. О средствах правления и оппозиции в современной Франции // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 263–491.

³² Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. 8 Vol. Paris, 1858–1867.

³³ Точное названия книги «De la démocratie en Amérique» – «О демократии в Америке». Однако традиционно заглавие книги переводили на русский язык как «Демократия в Америке» (в частности, последнее русскоязычное издание 1994 г.), реже «Американская демократия» (Л.Н. Ефимов), поэтому в диссертации автор использует принятое в русскоязычной традиции, но не совсем точное название – «Демократия в Америке».

³⁴ См.: Birnbaum P. Sociologie de Tocqueville. Paris, 1970. P. 44.

³⁵ Эйхталь Е. Алексис Токвиль и либеральная демократия. М., 2012. С. IX.

французских журналах появилось не менее двадцати трех рецензий на работу Токвиля. За исключением двух отзывов в ультраправой «*Gazette de France*» (от 3 и 13 января) трактату давалась очень высокая оценка. Наиболее известен отзыв доктринара Руайе-Коллара, который отметил, что во французской политической литературе со времен Монтескьё не было ничего подобного³⁶. Сегодня «Демократия в Америке» входит в круг обязательного чтения западных студентов, изучающих социальные науки, а ее автор признается классиком политологии и социологии. Представители этих дисциплин признают, что размышления Токвиля не утратили «тревожную актуальность»³⁷, а его работы по справедливости больше читаются образованной публикой, чем сочинения его современников, отцов-основателей социологии XIX в. Огюста Конта и Герберта Спенсера³⁸. Трактат переводился на русский язык трижды: в 1860 г. в Киеве был издан перевод А. Якубовича, который можно охарактеризовать как близкий к тексту и неудовлетворительный для академического использования; в 1897 г. в Москве книга была опубликована в точном и стилистически удачном переводе В.Н. Линда. Однако и второй перевод устарел, помимо прочего Линд, по словам С.А. Исаева, «переусердствовал, стараясь сделать Токвиля предельно понятным русскому читателю и для этого перевода “гуронский” (язык) как “чухонский”, “квартал” как “околоток” и т.д.»³⁹. В настоящей работе используется третий, новейший, перевод, выполненный в 1992 г. по полному собранию сочинений, воспроизводящему последнюю прижизненную публикацию трактата.

Работа «Старый порядок и революция» была написана позже «Воспоминаний», но оказалась известна публике в 1856 г. Это была «революция» в историографии Революции: Токвиль построил своё исследование Старого порядка не только на воспоминаниях и иных письменных источниках, но на архивных материалах. Выводы, к которым пришёл автор, не были по достоинству оценены современниками. Сразу после появления книги на языке оригинала было выпущено два перевода на английский язык, в 1857 г. – на немецкий. Работа неоднократно издавалась в дореволюционной России; последний по времени и самый удачный перевод авторства Л.Н. Ефимова был выпущен в 2008 г. в Санкт-Петербурге. Он воспроизводит публикацию трактата в полном собрании сочинений. Работа «Старый порядок и революция» принесла Токвилю репутацию великого историка и возвела его в ранг классиков исторической дисциплины.

«Воспоминания» Токвиля написаны в 1850–1851 гг., но изданы, по воле автора, только в 1893 г. представляют собой типичный источник личного происхождения, страницы которого

³⁶ См.: Исаев С. А. Алексис Токвиль и Америка его времени. СПб., 1993. С. 29.

³⁷ См.: Больц Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо. М., 2014. С. 25–47.

³⁸ См.: Stone J., Mennell S. Introduction // A. de Tocqueville. On Democracy, Revolution and Society. Chicago, 1978. P. 4.

³⁹ Исаев С. А. Указ. соч. С. 8.

пестрят не только откровенными характеристиками современников мемуариста, язвительными замечаниями, но и удивительными прорицаниями. «Воспоминания» дают массу деталей о жизни Токвиля, о его влечениях и антипатиях, его впечатлениях и взглядах. Живой стиль, в котором написана книга, контрастирует с выдержанным тоном «Демократии» и «Старого порядка». Эта особенность, наряду с раскованностью автора и доступностью изложения делают «Воспоминания» не только значимым источником по истории революции 1848 г., но и увлекательным чтением.

Вторую группу источников составляют статьи, конспекты и тексты обращений Токвиля к избирателям округа Валонь 1837 и 1839 гг. Эти источники важны для понимания многих политических и уточнения некоторых философских принципов Токвиля. В заметках на полях лекций Гизо раскрывается эволюция философских, исторических и политических взглядов Токвиля, а также очевидным становится скрытый диалог между двумя философами, повлиявший на ключевые положения двух основных трактатов Токвиля. В речах и обращениях к избирателям Токвиль задается философскими вопросами, определяет значимые для себя политические ценности, формулирует ключевые проблемы, намечает способы их решения.

В то же время для понимания взаимоотношений теоретических воззрений Токвиля и Гизо с либеральными и консервативными доктринами потребовалось обратиться к источникам по истории французского либерализма и консерватизма. Это трактаты ведущих идеологов либерализма конца XVIII – первой половины XIX вв.: А. Дестют де Траси, Б. Констан, Ж. де Сталь и трактаты и памфлеты классиков консервативной мысли во Франции: Ж. де Местра, Л. де Бональда, Ф.Р. Шатобриана. Большое значение имеют сочинения доктринеров – П.П. Руайе-Коллара, Ш. Ремюза и др. В работах всех этих авторов постепенно выкристаллизовывались либеральные и консервативные ценности, формировался понятийный аппарат, складывалась аргументация сторонников либерального консерватизма.

Решение поставленных исследовательских задач невозможно без обращения к работам французских (Р. Арон⁴⁰, А. Барду⁴¹, Ф. Бенетон⁴², П. Бирнбаум⁴³, Г. Брольи⁴⁴, Ж. Голстейн⁴⁵, А. Жарден⁴⁶, Л. Жирар⁴⁷, Л. Дельбе⁴⁸, К. Лефор⁴⁹, Ф. Мелонио⁵⁰, А. Мишель⁵¹, Ж. Нант⁵², М.

⁴⁰ Арон Р. Этапы развития социологической мысли М., 1993.

⁴¹ Bardoux A. M. Guizot. Paris, 1894; Bardoux A. M. La jeunesse de La Fayette, 1757-1792. Paris, 1892; Bardoux A. M. Le comte de Montlosier et le gallicanisme. Paris, 1881.

⁴² Beneton P. Le conservatism. Paris, 1988.

⁴³ Birnbaum P. Sociologie de Tocqueville. Paris, 1970.

⁴⁴ Broglie G. Guizot. Paris, 1990; Broglie G. Histoire politique de la Revue des deux mondes de 1829 à 1979. Paris, 1979.

⁴⁵ Goldstein J. The Post-Revolutionary Self: Politics and Psyche in France, 1750–1850. Cambridge, 2005; Goldstone J. The Comparative and Historical Study of Revolutions // Annual Review of Sociology. 1982. Vol. 8. P. 187–207.

⁴⁶ Jardin A. Alexis de Tocqueville (1805–1859). Paris, 1984; Jardin A. Histoire de libéralisme politique. Paris, 1985.

⁴⁷ Girard L. Les libéraux français. 1814–1875. Paris, 1985.

Прело⁵³, Ш. Путас⁵⁴, Р. Ремон⁵⁵, П. Розанваллон⁵⁶, А.-Ж. Тудеск⁵⁷, Р. Фоссар⁵⁸, Ф. Фюре⁵⁹, К. Шарль⁶⁰), английских (Е. Гарган⁶¹, Дж. Голторп⁶², Д. Джонсон⁶³, Дж. МакКлиен⁶⁴, Л. Макфарлан⁶⁵), американских (М. Кокс⁶⁶, А. Крейуту⁶⁷, Л. МакГирр⁶⁸, С. Меллон⁶⁹, Р. Нисбет⁷⁰, У. Риди⁷¹, К. Робин⁷², Р. Солто⁷³), испанских (Л. Диез дель Корраль⁷⁴), итальянских (Р. Поцци⁷⁵), немецких (Н. Больц⁷⁶, Л. фон Мизес⁷⁷), голландских (Ф. Анкерсмит⁷⁸), канадских (У. Кимлика⁷⁹, К. Макферсон⁸⁰) и российских (А.С. Алексеев⁸¹, М.А. Алпатов⁸², В.А. Бутенко⁸³,

⁴⁸ Delbez L. Les Grands courants de la pensée politique française depuis le XIXe siècle. Paris, 1970.

⁴⁹ Лефор К. Политические очерки (XIX–XX века). М., 2000.

⁵⁰ Mélonio F. Tocqueville et les Français. Paris, 1993.

⁵¹ Мишель А. Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времен революции. М., 2008.

⁵² Nantet J. Tocqueville. Paris, 1971.

⁵³ Prélôt M. Histoire des idées politiques. Paris, 1970.

⁵⁴ Pouthas Ch.-H. Guizot pendant la Restauration. Paris, 1923; Pouthas Ch.-H. La Jeunesse de Guizot. Paris, 1936; Pouthas Ch.-H. Le Jeunesse de François Guizot. Paris, 1937.

⁵⁵ Rémond R. La droite en France de la Première Restauration à la Ve République. Paris, 1963; Rémond R. Le XIX-e siècle. 1815–1914. Paris, 1974.

⁵⁶ Rosanvallon P. Le moment Guizot. Paris, 1985; Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М., 2007.

⁵⁷ Tudesq A.-J. La démocratie en France depuis 1815. Paris, 1971.

⁵⁸ Fossaert R. La théorie des classes chez Guizot et Thierry // La Pensée. 1955. № 1. P. 20–32.

⁵⁹ Furet F. L'importance de Tocqueville aujourd'hui // L'actualité de Tocqueville. Caen: Centre de publications de l'Université de Caen, 1991. P. 137–145.

⁶⁰ Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М., 2005.

⁶¹ Gargan E. T. De Tocqueville. L., 1965.

⁶² Goldthorpe J.H. Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. Oxford, 1980.

⁶³ Johnson D. Guizot: Aspects of French History, 1787–1874. London, 1963.

⁶⁴ McClelland J. S. A History of Western Political Thought. London, 1996.

⁶⁵ Macfarlan L. Modern Political Theory. London, 1970.

⁶⁶ Cox M. R. The Liberal Legitimists and the Party of Order under the Second French Republic // French Historical Studies. 1968. Vol. 5. P. 446–450.

⁶⁷ Craiutu A. Liberalism Under Siege...; Craiutu A. Between Scylla and Charybdis: the «Strange» Liberalism of the French Doctrinaires // History of the European Ideas. 1999. Vol. 4–5. P. 243–265; Craiutu A. Tocqueville and the Political Thought of the French Doctrinaires (Guizot, Royer-Collard, Rémusat) // History of Political Thought. 1999. Vol. XX. №3. P. 456–493.

⁶⁸ McGirr L. Suburban Warriors: The Origins of the New American Right. Princeton, N.J., 2001.

⁶⁹ Mellon S. The Political Uses of History: A Study of Historians in the French Restoration. Stanford, 1958.

⁷⁰ Nisbet R. Conservateurs et libertariens: des cousins difficiles [Электронный ресурс] // Contrepoints le nivellement par le haut. 2011. Режим доступа: <http://www.contrepoints.org/2011/04/22/22411-conservateurs-et-libertariens-des-cousins-difficiles>; Nisbet R. Conservatism: Dream and Reality. Minneapolis, 1986.

⁷¹ Reedy W. The historical imaginary of social science in post-Revolutionary France: Bonald, Saint-Simon, Comte // History of the Human Sciences. 1994. Vol. 7(1). P. 1–26.

⁷² Робин К. Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Бёрка до Сары Пэйлин. М., 2013.

⁷³ Soltau R. French Political Thought in the Nineteenth Century. New Haven, 1959.

⁷⁴ Diez del Corral L. El liberalismo doctrinario. Madrid, 1956; Diez del Corral L. Tocqueville et la pensée politique des Doctrinaires // Alexis de Tocqueville. Livre de Centenaire. Paris, 1960. P. 57–70.

⁷⁵ Pozzi R. Tocqueville e la storia (non scritta) della rivoluzione francese [Электронный ресурс] // Cromohs. 2002. №7. P. 1–19. Режим доступа: http://www.cromohs.unifi.it/7_2002/pozzi.html.

⁷⁶ Больц Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо. М., 2014.

⁷⁷ Мизес Л. Либерализм. Челябинск, 2014.

⁷⁸ Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация. М., 2012.

⁷⁹ Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М., 2010.

⁸⁰ Макферсон К. Б. Жизнь и времена либеральной демократии. М., 2011.

В.М. Далин⁸⁴, И.О. Дементьев⁸⁵, С.А. Исаев⁸⁶, Н.И. Кареев⁸⁷, М.М. Ковалевский⁸⁸, Г.И. Мусихин⁸⁹, Б.Г. Реизов⁹⁰, А.М. Руткевич⁹¹, А.М. Салмин⁹², Т.П. Таньшина⁹³, М.М. Федорова⁹⁴, Е.И. Федосова⁹⁵) исследователей, посвященным различным аспектам жизни и творчества Гизо и Токвиля, интеллектуальной культуре посленаполеоновской Франции, а также проблемам французского либерального консерватизма.

Необходимо отметить неодинаковую освоенность интеллектуального наследия Токвиля и Гизо. Если Токвиль – признанный философ, классик социологии, истории, политической науки, то значение теоретических построений Гизо в целом и его политической философии в частности осмыслено далеко не полностью. Несмотря на внушительное количество исследований, Гизо до сих пор не воспринимается специалистами в качестве оригинального политического мыслителя, недостаточно изучен его философский вклад в разработку теоретического обоснования системы орлеанизма, а также мало известна степень влияния философской концепции Гизо на политическую теорию и социологический метод Токвиля. Исследователи в массе своей не придали значения факту существования непосредственной связи между исторической концепцией, политической философией и государственной деятельностью Гизо. Внимательное чтение работ французского мыслителя позволяет понять, что он отнюдь не интеллектуал второго ряда и имеет право называться одним из отцов-основателей либерального государства во Франции. Как остроумно заметил А. Крейуту: «Если сравнить историю политической мысли с фондовым рынком, Гизо будет одной из наиболее недооцененных акций, в которую мудро инвестировать»⁹⁶.

⁸¹ Алексеев А. С. Возникновение конституций в монархических государствах континентальной Европы XIX ст. Ч. 1: Французская конституционная хартия 1814 г. М., 1914.

⁸² Алпатов М. А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М.–Л., 1949.

⁸³ Бутенко В. А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. Т. 1. 1814–1820. СПб., 1913.

⁸⁴ Далин В. М. Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981.

⁸⁵ Дементьев И. О. Политическая теория Алексиса де Токвиля и французский либерализм первой половины XIX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Калининград, 2004.

⁸⁶ Исаев С. А. Алексис Токвиль и Америка его времени : [о трактате «О демократии в Америке»]. СПб., 1993.

⁸⁷ Кареев Н. И. История Западной Европы в средние десятилетия XIX века // Кареев Н. И. История Западной Европы в Новое время : в 5 т. Пг., 1916. Т. 5.

⁸⁸ Ковалевский М. М. Токвиль в его воспоминаниях, письмах и разговорах // Вестник Европы, 1893. Т. 4. Кн. 7. С. 100–135.

⁸⁹ Мусихин Г. И. Очерки теории идеологий. М., 2013.

⁹⁰ Реизов Б. Г. Французская романтическая историография. 1815–1830. Л., 1956.

⁹¹ Руткевич А. М. Времена идеологов: Философия истории «консервативной революции» // Гуманитарные исследования. WP6. Высшая школа экономики, 2007. № 02.

⁹² Салмин А. М. Идеологическое наследие А. Токвиля и современная политическая традиция Запада. М., 1983.

⁹³ Таньшина Н. П. Франсуа Гизо: теория и практика французского умеренного либерализма. М., 2000.

⁹⁴ Федорова М. М. Классический французский либерализм первой четверти XIX века // Классический французский либерализм. М., 2000. – С. 5–22; Федорова М. М. Классическая политическая философия. М., 2001; Федорова М. М. Либерализм первой половины XIX в. // Европейская политическая мысль XIX века. М., 2008. С. 30–66.

⁹⁵ Федосова Е. И. Франсуа Гизо во главе МИД Франции (1840–1874) // Вопросы истории. 1993. №10. С. 136–144.

⁹⁶ Craiutu A. Liberalism under Siege... P. 41.

Философия Франсуа Гизо осталась практически неизвестной в англосаксонской традиции, да и в глазах французских исследователей провал государственного деятеля дискредитировал его как политического теоретика. Усугубила ситуацию «вторичность» эпохи Реставрации и Июльской монархии, «серого мимолетного межвременья». Однако именно в этот период возник и начал развиваться французский либерализм, проделавший путь от политической доктрины до философской концепции. В эти годы многие либеральные принципы впервые были опробованы на практике и стали неотъемлемой частью французской, а затем и европейской политической культуры. В результате парламентских дискуссий и государственных кризисов создавались политические и идейные коалиции; классические теории, существовавшие в умах и на страницах трактатов, начали стремительно меняться. Именно таким образом сложилась модель французского либерального консерватизма (или умеренного либерализма), известная историкам под названием орлеанизм⁹⁷. Наиболее последовательным и ярким выразителем этого течения был Гизо, теоретик и практик либерального консерватизма, стоявший у истоков этой философии и политической системы, ставший свидетелем забвения первой и краха второй.

Характерным исследовательским заблуждением, на наш взгляд, является попытка разделять деятельность Гизо как либерального теоретика периода Реставрации и Гизо как консервативного практика времен Июльской монархии⁹⁸. Также распространена сомнительная фрагментация интеллектуальной и политической биографии Гизо на практически независимые периоды, характеристики которых заставляют усомниться, об одном ли герое идет речь. Он может представлять как политизированный интеллигент, либеральный оппонент правительства, оппозиционный теоретик парламентаризма, реакционный министр, ортодоксальный протестантский философ⁹⁹. Эти клише покоятся на представлении о Гизо как об оппортунисте, единственной целью которого было завоевание и удержание власти любой ценой.

Иногда создается впечатление, что биографы Гизо вменяют ему специфический комплекс неполноценности. Для одних герой был лишь способным политиком, которому не следовало бы претендовать на звание «великого ученого»¹⁰⁰. Для других он был примером политика-неудачника, но они же говорили о нем, как о «серьезном историке», по ошибке покинувшем профессию¹⁰¹. В 1990 г. Г. Брольи вынужден был констатировать отсутствие

⁹⁷ Rémond R. La droite en France... P. 22.

⁹⁸ Tudesq A.-J. La démocratie en France...; Delbez L. Les grands courants de la pensée politiques...

⁹⁹ См., например: Bagge D. Les Idées politique en France sous la Restauration. Paris, 1952; Bardoux A. Guizot. Paris, 1894.

¹⁰⁰ См.: Broglie G. Guizot... P. 259.

¹⁰¹ См.: Pouthas Ch.-H. Guizot pendant la Restauration...

комплексной биографии Гизо¹⁰². Однако и сам Брольи, автор наиболее подробного жизнеописания великого историка, не рассматривал своего героя как политического теоретика.

Первые очерки о Гизо появились вскоре после Июльской революции. Как правило, они были частью общих работ, посвященных истории Реставрации. Сочинения были ангажированы хотя бы в силу того, что большинство историков либо принадлежали, либо симпатизировали проигравшей¹⁰³ или победившей¹⁰⁴ партии. Во время Второй республики и в начале Второй империи интерес к Гизо как к исторической фигуре отсутствовал. В лучшем случае он становился героем памфлета или оскорбительного четверостишия.

В 60-х и 70-х гг. XIX в. внимание к Реставрации и к Июльской монархии неожиданно усилилось под воздействием переменившихся политических условий. Определенную роль сыграли публикации многочисленных мемуаров¹⁰⁵. Тщательно подготовленные «Воспоминания как материалы для истории моего времени» Гизо были полностью изданы в восьми томах с 1858 по 1867 гг., т.е. при жизни автора, и изначально претендовали на то, чтобы стать достоянием самой широкой публики. Сразу после издания на французском языке, они были переведены на немецкий, английский и испанский¹⁰⁶. От мемуаров знаменитого историка, экс-профессора и экс-министра публика ожидала гораздо большего, чем от многих других подобных изданий: «Гизо был не простым зрителем событий, волновавших почти целый мир, он был в них самым близким и деятельным участником; долгая жизнь его прошла в самых тесных соприкосновениях с людьми, в судьбе которых интересна для нас каждая мельчайшая подробность»¹⁰⁷. Подогревало общественное любопытство и то обстоятельство, что воспоминания Гизо выходили, когда еще были живы многие из тех лиц, о которых говорит мемуарист. Он сам признает, что «поступает не так, как многие из [его] современников», поскольку публикует свои воспоминания при жизни и «готов нести ответственность за написанное» в них: «Это делаю я не от скуки бездействия, не для того, чтобы вновь вступить на поприще [политической] борьбы... Я много и жарко боролся в течение жизни. Годы уединения пролили свет на прошлое. С неба чистого и ясного переносу я теперь свой взор на горизонт,

¹⁰² Broglie G. Guizot... P. 10.

¹⁰³ Lubis E.-P. Histoire de la Restauration. Vol. I–IV. Paris, 1837–1847.

¹⁰⁴ Dulaure J.-A. Histoire de la Révolution française depuis 1814 jusqu'à 1830. Vol. I–VIII. Paris, 1835–1838; Vaulabelle A. Histoire des deux Restaurations jusqu'à l'avènement de Louis-Philippe (de janvier 1813 à octobre 1830). Vol. I–IV. Paris, 1844–1852.

¹⁰⁵ Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Vol. 1–8. Paris, 1858–1867; Beugnot J.C. Mémoires. Paris, 1866; Barrot O. Mémoires. Paris, 1875–1876; Талейран Ш. М. Записки князя Талейрана-Перигора. Т. I–IV. Пер. с фр. М., 1838–1841.

¹⁰⁶ См.: Гизо и его «Записки» // Отечественные записки. 1858. Т. 118. №5–6. С. 685.

¹⁰⁷ Там же. С. 686.

покрытый мрачными тучами; всматриваюсь пристально в свою душу и не нахожу в ней ни одного чувства, которое бы отравляло мои воспоминания. Отсутствие желчи позволяет быть откровенным... Желая говорить о своем времени и о своей собственной жизни, я думаю, что это лучше сделать на краю могилы, нежели из глубины ее... Если будут на меня жалобы, чего не избежать, то по крайней мере никто не скажет, что я не хотел слышать этих жалоб и уклонился от ответственности за свои поступки. Есть и другая причина. Большая часть мемуаров издается или слишком рано или слишком поздно. Являясь в свет слишком рано, они бывают или нескромны или неважны: в них говорится о том, о чем следовало бы еще молчать, или умалчивается о том, о чем бы следовало говорить. Выходя слишком поздно, мемуары часто лишаются своего значения и интереса: они не застают современников, которые могли бы воспользоваться открывающимися в них истинами и испытывать почти личное удовольствие от их рассказов...»¹⁰⁸ Однако первоначальный успех книг, связанный с громким именем автора и ожиданием пикантных подробностей из жизни его современников, сменился безразличием, и переизданий не последовало.

Гизо признал, что не считает свои мемуары, несмотря на их полное название, историей эпохи, «писать которую время еще не пришло». Это его собственная, интимная история, то, что он думал, чувствовал и желал, что думали, чувствовали и желали его единомышленники и политические союзники¹⁰⁹.

После издания первого тома читатели и критики поняли, что воспоминания Гизо будут не из тех, «в которых часто без всякого такта и умения рассказываются никому, кроме самого рассказчика, неизвестные подробности о кормилицах и нянюшках, братцах и сестрицах, о *золотых играх первых лет и первых лет уроках*¹¹⁰, о семейных дразгах и сердечных бурях, о красотах природы и тому подобных стереотипных предметах»¹¹¹. Гизо далек от позиции мемуариста-романтика и ориентируется не просто на просвещенную публику, а на интеллектуалов. Поэтому он начинает свои записи не с детства или студенческих лет, а с момента вступления на общественное поприще.

На страницах воспоминаний зафиксированы итоговые взгляды мемуариста. Автор надеялся с их помощью улучшить собственную репутацию в глазах будущих поколений, но излишнее усердие в данном вопросе привело к тому, что в историографии сложилось мнение о неадекватности источника. Из-за этого поспешного вывода воспоминания Гизо читали

¹⁰⁸ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 1–2.

¹⁰⁹ См.: Ibid. P. 3–4.

¹¹⁰ Строчка из В.А. Жуковского.

¹¹¹ Гизо и его «Записки» // Отечественные записки. 1858. Т. 118. №5–6. С. 686.

преимущественно его биографы, а историки и политические теоретики обходили этот источник стороной. Между тем мемуары как раз позволяют увидеть соотношение политической теории Гизо и его государственной практики.

Следствием публикации источников стало появление ряда монографий¹¹² и общих историй¹¹³, в которых авторы, помимо прочего, достаточно подробно останавливались на теоретической и практической деятельности Гизо. Однако главным недостатком этих работ была чрезвычайно узкая информационная база, ограничивающаяся парламентскими архивами и воспоминаниями современников. Авторы стремились лишь написать политическую историю определенного периода, не придавая серьезного значения развитию политических идей в целом. Подобный подход исключал саму возможность установить истоки мировоззрения Гизо или определить его идейных наследников. Преобладало описание государственной карьеры, в особенности последних ее лет. Это было связано и с тем, что сочинения не принадлежали перу профессиональных ученых, но были написаны партийными деятелями, которые смотрели на прошлое через призму своей идеологии. Отчасти поэтому, отчасти потому, что фигура Гизо не находилась в центре этих исследований, в историографии сложился его образ, начавший кочевать из работы в работу. Исключением можно считать краткий очерк Ж. Симона «Тьер, Гизо и Ремюза»¹¹⁴, опубликованный по материалам одноименного доклада, прочитанного автором на заседании Академии моральных и политических наук 10 ноября 1883 г. Симон объясняет философские основания полемики между Тьером и Гизо, а также связывает разрыв Ремюза и Гизо с переходом последнего на консервативные позиции.

К началу 1880-х гг. стало очевидным, что французская политическая жизнь при Третьей республике не требует практического опыта ни Реставрации, ни Июльской монархии и не пойдет по их пути¹¹⁵, что вызвало незамедлительное снижение внимания и к фигуре Гизо.

Научный интерес, пришедший на смену политическому в начале XX в., был кратковременным, но обогатил историко-философскую литературу рядом строгих академических работ общего характера¹¹⁶. Наиболее подробно взгляды Гизо рассматривались в

¹¹² Barant P. La vie politique de Royer-Collard, ses discours et ses écrits. Vol. I–II. Paris, 1861; Guizot F. Le duc de Broglie. Paris, 1870; Calmon A. Histoire parlementaire des finances de la Restauration. Vol. I–II. Paris, 1868–1870; Thureau-Dangin P. Le Parti liberal sous la Restauration. Paris, 1876; Duvergier de Hauranne P. Histoire du gouvernement parlementaire en France (1814–1848). Vol. I–X. Paris, 1857–1871.

¹¹³ Viel-Castel P. Histoire de la Restauration. Vol. I–XX. Paris, 1860–1878.

¹¹⁴ Simon P. Thiers, Guizot et Rémusat. Paris, 1885.

¹¹⁵ Планы новой монархической реставрации потерпели крах, а республика укрепила свои позиции, сделав излишним обращение к политическому опыту 1820-х – 1840-х гг.

¹¹⁶ Hussaye H. La première Restauration. Le retour de l'île d'Elbe. Les Cent-Jours. Paris, 1893; Barthélemy J. Introduction du régime parlementaire en France sous Louis XVIII et Charles X. Paris, 1904; Bonnefon J. Le Régime parlementaire sous la Restauration. Paris, 1905; Michon L. Le Gouvernement parlementaire sous la Restauration. Paris, 1905.

трудах специалистов в области либеральной мысли¹¹⁷. Именно эти исследования выходили за рамки политической карьеры доктринера, и помещали в предметное поле его политическую теорию, а также ее истоки. Однако историографические мифы предыдущего периода сыграли свою роль. Так Р. Нем-Демаре считал доктринеров, и в частности Гизо, оппортунистами и, анализируя их публичные выступления, предлагал объяснять высказанные ими политические взгляды исключительно теми обстоятельствами, в которых была произнесена та или иная речь¹¹⁸. Не стоит и говорить, что при таком «методе» исчезает всякое постоянство взглядов и разрушается любая теория.

К этому же периоду относится книга В.А. Бутенко «Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. 1814–1821» (1913). Она до сих пор, на наш взгляд, остается лучшим исследованием по этому предмету, выполненным на русском языке. Автор помещает взгляды Гизо и его единомышленников в объемный политический и идеологический контекст. В.А. Бутенко рассматривает обстоятельства возникновения партии доктринеров и ее место на идеологической карте первых лет Реставрации¹¹⁹. К сожалению, хронологические рамки и незавершенность исследования¹²⁰ ограничили предмет автора лишь генезисом «доктрины» Гизо, в книге подробно рассмотрен только один трактат мыслителя. Гизо также был интересен для Бутенко в связи с формированием российского либерального движения. Теория французского интеллектуала давала ключ к пониманию сочетания сильной центральной власти и независимого от нее представительного органа. Бутенко внимательно прослеживает эволюцию взглядов Гизо на проблему суверенитета, которая заключается в том, кому должна принадлежать решающая роль в государстве: королю или парламенту. Исследователь не называет оппортунизмом ситуативность позиции Гизо (в 1816 г. Гизо выступает за сильную исполнительную власть в лице короля и правительства, в 1820 г., с переходом в оппозицию, защищает парламентаризм, в 1840 г., став во главе кабинета министров, вновь радуется о полномочиях и правах исполнительной власти), но считает ее результатом интеллектуальной эволюции. Также исследователь анализирует две тенденции в развитии французского либерализма: умеренную, основы которой заложил Монтескьё, а в XIX в. развивал Гизо, и радикальную, восходящую к философии Руссо, нашедшей продолжение в работах Константа.

¹¹⁷ Nesmes-Desmarets R. Les doctrine politiques de Royer-Collard. Paris, 1908; Бутенко В.А. Указ. соч.

¹¹⁸ См.: Ibid. P. 26, 58–70.

¹¹⁹ Бутенко В. А. Указ. соч. С. 323–391.

¹²⁰ Второй том так и не вышел в свет.

Первым биографом Гизо стал А. Барду¹²¹, заложивший своей работой традицию сегментирования жизни и карьеры Гизо на несколько независимых этапов. Историк¹²² существовал как бы отдельно от политического оратора¹²³ и публициста¹²⁴, либеральный теоретик периода Реставрации никак не связан с консервативным министром времен Июльской монархии. Барду не замечает взаимообусловленности исторической и политической концепций Гизо, воспринимая последнюю как некоторую ситуативную совокупность взглядов, детерминированных конкретными политическими задачами, не представляющую научного интереса. Подобный подход не только мешает реконструкции теории Гизо, но априорно заявляет о вторичности политической концепции мыслителя, значение которой ограничивается попыткой ответить на некоторые актуальные политические вопросы эпохи Реставрации и Июльской монархии.

Автором первой интеллектуальной биографии Гизо стал Ш.-И. Путас¹²⁵. Он подробно анализирует формирование взглядов Гизо, изучает детство своего героя, выясняет значение семьи в его жизни. Путаса можно назвать автором первого научного комментария к исторической концепции лидера доктринеров, истоки которой биограф начинает искать не в известных сочинениях, а в ранних текстах Гизо. Эта «археология» позволяет установить очевидное влияние идей Гердера, а также немецкой философии¹²⁶. Однако Путас смотрит на историософию Гизо, помещая ее в контекст романтизма. Именно по этой причине биограф укоряет своего героя в излишней теоретизации и отказе от художественного воплощения прошлого¹²⁷. Еще не раз в историографии будет сказано о том, что Гизо, которого очень часто относят к романтикам, «не владел искусством художественного воплощения прошлого». Тем не менее, высоко оценив Гизо-историка, Путас пытается оправдать Гизо-политика известной фразой Сент-Бёва: «Не всякий хороший историк становится хорошим политиком». Путас не придает большого значения политической теории Гизо, считая, что она носила ситуативный характер и была связана с провальной политической карьерой последнего. Тринадцать лет спустя, в 1936 г., Путас издает книгу «Молодой Гизо»¹²⁸, которую можно отнести к жанру романа. Однако, несмотря на некоторые стилистические особенности, книга становится главным источником для биографических справок о первом этапе жизни будущего доктринера.

---

¹²¹ Bardoux A. Guizot...

¹²² Ibid. 115–165.

¹²³ Ibid. P. 165–193.

¹²⁴ Ibid. 193–212.

¹²⁵ Pouthas Ch.-H. Guizot pendant la Restauration...

¹²⁶ Ibid. P. 13–14.

¹²⁷ Ibid. P. 6.

¹²⁸ Pouthas Ch.-H. La Jeunesse de Guizot...

В советской социальной науке политическая теория Гизо не становилась предметом самостоятельного исследования, однако марксисты достаточно рано открыли Гизо в связи с темой классов. Ученые причисляли его к знаменитой плеяде историков периода Реставрации, которые достигли вершин «буржуазной науки» и смогли создать теорию борьбы классов, от которой вскоре отrekliсь¹²⁹. Традиционная заикленность марксистов на известном круге проблем не помешала М. Алпатову заметить существование непосредственной связи между исторической и политической концепциями, которую Гизо «установил совершенно сознательно и считал историю прямым продолжением политики»¹³⁰. По мнению Алпатова, существовало два Гизо: апологет Революции 1789 г. и убежденный противник любой другой революции; защитник третьего сословия и лютой враг пролетариата; политический вождь буржуазии, сводящей последние счеты с дворянством, и последовательный союзник дворянства; создатель теории классовой борьбы и полностью отвергший идею классовой борьбы реакционер¹³¹. Алпатов стремился показать эволюцию взглядов Гизо от либерализма к «реакционному консерватизму», а вместе с этим доказать «реальную природу» либеральной идеологии.

Младший современник М. Алпатова – Б. Реизов высоко оценил и исторические, и политические сочинения Гизо¹³². Академик последовательно парировал выпады невнимательных критиков французского философа и игнорировал клише, сложившееся в советской историографии¹³³. Реизов проникательно заметил, что исторические штудии были для Гизо не просто исследованием, но и практическим руководством к деятельности, основой его политической философии и практики. В центре внимания академика – понимание Гизо свободы и необходимости. Политическую деятельность Гизо Реизов рассматривал не как ситуативную и оппортунистическую, но как последовательное осуществление философско-исторических взглядов французского интеллектуала, которые эволюционировали от либерализма к консерватизму.

Благодаря марксизму французские интеллектуалы периода Реставрации были хорошо известны в России, прежде всего, как историки и авторы теории классовой борьбы. Это тот случай, когда изолированность советской социальной науки позволила не потерять из виду мыслителей, оказавшихся в англо-саксонской традиции за пределами канона.

¹²⁹ Fossaert R. La théorie des classes chez Guizot et Thierry // La Pensée. 1955. № 1. P. 20–32; Алпатов М. А. Указ. соч. С. 84–131; Далин В. М. Указ. соч. С. 17–42.

¹³⁰ Алпатов М. А. Указ. соч. С. 85.

¹³¹ См.: там же. С. 108–120.

¹³² См.: Реизов Б. Г. Указ. соч. С. 173–227.

¹³³ Определяющими для советской историографии были слова К. Маркса, который поместил Гизо в компании папы, царя и Меттерниха во главу союза реакционеров. (См.: Маркс К. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1955. С. 423).

В 1956 г. вышла новаторская работа испанского историка Л. Диеза дель Корраля «Либерализм доктринеров»¹³⁴, на страницах которой исследователь проанализировал главные особенности политической теории доктринеров, уделив особое внимание взглядам Гизо. В фокусе внимания оказалась проблема воздействия идей французских мыслителей на испанских философов XIX в.

Два года спустя в Стэнфорде была опубликована объемная историографическая работа С. Меллона «Политическое использование истории: исторические исследования во Франции эпохи Реставрации»¹³⁵. В посленаполеоновской Франции исследователь обнаруживает «золотой век» исторической науки, лучшие представители которой обретают огромное политическое влияние. Меллон на примере Гизо и Тьера показывает, как интеллектуальное лидерство конвертируется в политический успех. Однако автор обходит стороной политические теории упомянутых историков.

В 1963 г. вышла в свет первая англоязычная биография Гизо¹³⁶, написанная британским историком Д. Джонсоном. Автор, используя обширный документальный материал, в подробностях реконструировал «превосходную политическую карьеру» французского министра, но не оценил новизну его политической мысли. К слабым местам работы можно отнести и недостаточно критичное отношение исследователя к мемуарам его героя.

В 1972 г. профессор Чикагского университета С. Меллон заново переводит и публикует избранные исторические сочинения Гизо¹³⁷. Во вступительной статье к изданию Меллон рассматривает историческую концепцию доктринера в связи с «французской идеей цивилизации» и принципом перманентной социальной эволюции, во многом повторяя выводы работы Б. Реизова, переведенной к тому времени на французский язык и известной на Западе.

Проблема реинтеграции философского наследия Гизо во французское интеллектуальное пространство возникла в конце 1970-х гг., когда жизнь классических социальных наук представляла собой «некое топтание на месте»¹³⁸. Золотой век социальных наук (в первую очередь истории и антропологии) пришелся на 1960-е – первую половину 1970-х гг. Со второй половины 1970-х гг. главным для интеллектуалов становится вопрос об основаниях демократии, традиционные ответы на который перестали их удовлетворять. По признанию Пьера Розанваллона, «они знали наизусть Маркса, но по-настоящему не прочли Локка, Гоббса, Макиавелли...» и вынуждены были «назначить себе дополнительные занятия, чтобы нагнать

¹³⁴ Diez del Corral L. El liberalismo doctrinario. Madrid, 1956.

¹³⁵ Mellon S. The Political Uses of History: A Study of Historians in the French Restoration. Stanford, 1958.

¹³⁶ Johnson D. Guizot: Aspects of French History, 1787–1874. London, 1963.

¹³⁷ Guizot F. Historical Essays and Lectures. Edited by Stanley Mellon. Chicago, 1972.

¹³⁸ Розанваллон П. Утопический капитализм... С. 12.

программу»¹³⁹. Именно в это время для французских интеллектуалов общим становится интерес к работам Токвиля, Констан, Кондорсе.

Одной из главных характеристик интеллектуального пейзажа Франции конца 1970-х гг. был окончательный отход значительной части левых интеллектуалов от марксизма. Символической датой стал 1980 г. – год смерти Ж.П. Сартра. Мыслители пытались предложить новые формы и концептуальные инструменты для осмысления современности на основе заново открытого классического наследия национальной политической мысли нового времени. В этом ключе выходят работы Г. Бройльи «Политическая история...»¹⁴⁰, «Орлеанизм»¹⁴¹ и Л. Жирара «Французские либералы»¹⁴².

По приглашению Мишеля Фуко в 1979 г. Розанваллон выступает в Коллеж де Франс с обзорной лекцией о теоретическом наследии Гизо, во время которой докладчик обращает внимание на оригинальную историческую концепцию лидера доктринеров, а также упоминает малоизвестные политические трактаты последнего. Однако этого оказывается недостаточно для «второго рождения» Гизо в политической теории. Атмосфера публичного семинара Фуко делала подобные доклады не научным, а просветительским событием¹⁴³.

Ситуация в историографии начала заметно меняться лишь с появлением книги «Момент Гизо»¹⁴⁴, после выхода которой Розанваллона окрестили «первооткрывателем» теоретического наследия Гизо¹⁴⁵. Исследователь определил период Реставрации и Июльской монархии как «концептуальное время французского либерализма»¹⁴⁶ и органично поместил изыскания Гизо в контекст эпохи, показав их важность для современности. По мнению исследователя, изучение теоретического наследия лидера доктринеров прольет свет на развитие либеральной политической культуры посленаполеоновской Франции¹⁴⁷. Также Розанваллон разрушил миф «о двух Гизо» – либеральном теоретике и консервативном практике, доказав неразрывную связь доктринерской мысли с государственной политикой орлеанизма. Работа дала импульс для переоценки наследия Гизо в первую очередь французскими политическими мыслителями и

¹³⁹ Цит. по: Каплун В. Пьер Розанваллон: неустрашимость политического // Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М., 2007. С. 10.

¹⁴⁰ Broglie G. Histoire politique de la revue des Deux Mondes de 1829 a 1979...

¹⁴¹ Broglie G. L'Orleanism. Paris, 1981.

¹⁴² Girard L. Les liberaux français...

¹⁴³ См.: Каплун В. Пьер Розанваллон... С. 9.

¹⁴⁴ Rosanvallon P. Le moment Guizot...

¹⁴⁵ См., например: Craiutu A. Liberalism under Siege... P. 35, 39; Крашенинникова Ю. А. Публичность и парламентаризм в политической теории Ф. Гизо // Полис (Политические исследования). 2002. №3 (68). С. 163–174.

¹⁴⁶ Rosanvallon P. Le moment Guizot... P. 75.

¹⁴⁷ См.: Ibid. P. 29.

историками философии¹⁴⁸. Положительная рецензия Л. Джейкобса на книгу Розанваллона, вышедшая в «The Historical Journal»¹⁴⁹, открыла нового Гизо англоязычному академическому сообществу.

По случаю двухсотлетия со дня рождения Гизо (1987 г.) в Валь-Рише (поместье, купленное Гизо в 1836 г.) состоялась большая конференция, во время которой был создан фонд «Гизо – Валь-Рише». Во вступительном слове Ф. Фюре напрямую связал это событие с выходом книги Розанваллона и назвал Гизо «великим непризнанным французской истории»¹⁵⁰. Результатом научного мероприятия стал единственный в своем роде сборник «Гизо и политическая культура его времени»¹⁵¹, охвативший множество проблем, таких как отношение Гизо к философии Просвещения и Французской революции, его политическую теорию и практику, а также религиозные взгляды. Участники конференции неоднократно отмечали необходимость целостного подхода к фигуре Гизо, который был и историком, и политическим теоретиком, и выдающимся политиком. На конференции также затрагивалась тема преемственности взглядов Гизо и Токвиля¹⁵². До этого момента вопрос интеллектуальной близости двух этих мыслителей рассматривался несколько раз¹⁵³ и не был в полной мере осмыслен.

Вскоре после открытия архивов в Валь-Рише вышла в свет лучшая на сегодняшний день научная биография Гизо, созданная Г. Брольи¹⁵⁴. Говоря об актуальности предмета своего исследования, историк указывает на диспропорции между изученностью теоретического наследия и биографии мыслителя. Картины юности Гизо, важные для понимания истоков мировоззрения, а также подробности его публичной и частной жизни становятся известны благодаря этой книге.

С конца 1980-х гг. в отечественной науке и общественной сфере наблюдается рост интереса к проблемам западноевропейского либерализма XIX–XX вв.¹⁵⁵ Именно в это время российские исследователи начали воспринимать Гизо как одного из центральных персонажей в процессе формирования и развития французского либерализма первой половины XIX в.

¹⁴⁸ См.: Manent P. *Histoire intellectuelle du libéralisme*. Paris, 1987. P. 93–103.

¹⁴⁹ Jacobs L. “Le Moment Libéral”: The Distinctive Character of Restoration Liberalism // *The Historical Journal*. 1988. Vol. 31, № 2. P. 479–491.

¹⁵⁰ Jaume L. François Guizot et la culture politique de son temps // *Revue française de science politique*. 1991. №3. P. 407.

¹⁵¹ François Guizot et la culture politique de son temps. *Colloque de la Fondation Guizot*. Paris, 1990.

¹⁵² Jaume L. *Op. cit.* P. 407.

¹⁵³ См.: Diez del Corral L. Tocqueville et la pensée politique des Doctrinaires... P. 57–70; Бутенко В. А. Указ. соч. С. 328–391.

¹⁵⁴ Broglie G. *Guizot...*

¹⁵⁵ См.: Гаджиев К. С. *Либерализм и современность* // Новая и новейшая история. 1995. № 6.

Е. Федосова предлагает в условиях российских реалий обратить внимание на теорию представительного правления и концепцию «среднего класса» Гизо. Особенно интересной и не противоречивой кажется идея сочетания сильной исполнительной власти и независимой от нее законодательной¹⁵⁶. Гизо настаивал, что «трон – это не пустое место», но призывал сохранять сильный и независимый парламент. Федосова, вслед за П. Розанваллоном, считает, что позиция Гизо во многом была ситуативной, «оппортунистической»: «Если в 1816 году он выступал как сторонник сильной королевской власти и сильного правительства, после 1820 года [Гизо в парламентской оппозиции] – как защитник сильной власти парламента, то с 1840 г. Гизо [находился во главе министерства] настаивал на необходимости сильной исполнительной власти»¹⁵⁷. Федосова полагает, что либеральное движение во Франции дало политического деятеля и философа такого масштаба, которого требовала конкретная политическая ситуация. Именно позиция Гизо трансформировала либерализм 1820-х гг. в консерватизм 1840-х гг., заложив основы либерального консерватизма.

В современной российской социальной науке Гизо по-прежнему интересует специалистов в первую очередь как «либеральный историк» и государственный деятель¹⁵⁸, традиционно стоящий в одном ряду с О. Тьерри и Ф. Минье¹⁵⁹. Оценка роли и значения политической философии Гизо начала меняться во многом благодаря публикации на русском языке двух важных политических трактатов философа в сборнике «Классический французский либерализм». Вступительная статья М. Федоровой не только привлекает внимание к богатству политической мысли Гизо, но и содержит серьезный анализ французской либеральной традиции. Французский либерализм предстает как умеренное течение, выступающее за сильную власть и против экстремизма. Он представляет собой значительную идейную силу, сыгравшую роль в становлении западно-европейской политической философии. Французский либерализм связан со специфическим характером развития исторической реальности – в первую очередь с особенностями Революции, которая ввела разрыв в ткань понимания исторического и политического, поставив принципиальный вопрос о смысле демократического идеала. Поэтому основной темой французского либерализма выступает проблема соотношения демократии, воплощенной в идее народного суверенитета, и либерализма с его принципом

¹⁵⁶ См.: Федосова Е. И. Франсуа Гизо: историк и государственный деятель // Новая и новейшая история. 1997. № 2.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ См.: Там же. С. 57–68; Федосова Е. И. Франсуа Гизо во главе МИД Франции (1840–1874) // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 136–144.

¹⁵⁹ См., например: Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1. М., 2003. С. 355, 409, 416, 458, 466, 567.

свободы, проблема взаимоотношений между гражданским обществом и его политической властью¹⁶⁰.

Гизо интересен отечественным исследователям и как фигура классического интеллектуала, не отрешенного от реальности. Философ стремился выработать не только концептуальные средства для осмысления новой исторической ситуации, но и стратегии политического действия, т.е. он не просто разрабатывал теорию, но считал необходимым возможность ее перевода в практическое пространство. Речь шла о сокращении дистанции между интеллектуалом и политиком, о появлении политика-интеллектуала. Федорова считает, что именно по этой причине тексты Гизо не выдержаны в жанре политического трактата, характерного для политической теории XVIII в. Работы Гизо «носят чисто ситуативный характер, сочетают в себе политическую рефлексию и накопленный опыт государственного управления. В каждой из этих работ автор выступает и как теоретик, и как историк, и как человек, непосредственно вовлеченный в политическое действие»¹⁶¹. «Ситуативность» философии Гизо для Федоровой закономерна и понятна: мыслитель воспринимает политику не как искусство, но как технологию.

Подъем интереса к философии Гизо сделал возможным появление первой монографии, посвященной политической теории мыслителя. Это работа Н. Таньшиной «Франсуа Гизо: теория и практика французского умеренного либерализма»¹⁶², на страницах которой впервые в отечественной литературе предпринята попытка комплексного подхода к изучению социально-политических взглядов Гизо и их реализации на практике. Несмотря на малый тираж и плохое издание, книга на сегодняшний день представляет собой наиболее подробное из проведенных в России исследований политической философии Гизо. Таньшина дистанцируется от крайностей интерпретации политической философии своего героя. Гизо для нее не «реакционер-консерватор» и не «классической либерал», а сторонник умеренного либерализма, либерал-консерватор. В центре исследования – изучение идеологии орлеанизма как концепции «золотой середины», равноудаленной от крайностей республики и абсолютной монархии. Гизо же является неким проводником, связующей нитью, с помощью которой можно глубже понять политическую культуру и в целом историю Франции в годы Реставрации и Июльской монархии, которые явились важным этапом на пути становления и развития послереволюционной государственности и гражданского общества.

¹⁶⁰ См.: Федорова М. М. Классический французский либерализм первой четверти XIX века... С. 5–6.

¹⁶¹ См.: там же. С. 7.

¹⁶² Таньшина Н. П. Франсуа Гизо...

Признание воздействия социально-политических взглядов доктринеров на социологию и политическую теорию Токвиля, породило неожиданный интерес американских и британских специалистов к теоретическому наследию Гизо и его рецепции у Токвиля¹⁶³. В современной англоязычной историографии первенство в разработке этих вопросов принадлежит А. Крейуту¹⁶⁴. В своей главной книге «Либерализм под осадой: политическая мысль французских доктринеров» он признался, что пришел к доктринерам через Токвиля, задавшись вопросом: «Как молодой человек двадцати шести лет, каким был Токвиль, смог написать книгу, ставшую бессмертной?»¹⁶⁵ Этот первоначальный интерес заставлял многих искать источники и реконструировать интеллектуальную среду, в которой расцвел талант Токвиля. Именно таким способом исследователи выходили на группу малоизвестных в англосаксонской традиции политических теоретиков – доктринеров, которые находились в зените славы и влияния в 1814–1848 гг.

Несколько иная ситуация с изученностью творчества Токвиля. Мировая, особенно Западная, историография насыщена самыми разнообразными исследованиями творчества великого мыслителя. Не представляется никакой возможности претендовать на исчерпывающий очерк литературы про Токвиля. Преодолеть эту трудность помогают обобщающие работы, посвященные рецепции наследия Токвиля. Наиболее удачным исследованием подобного рода является монография Ф. Мелонио «Токвиль и французы» (1993)¹⁶⁶, автор которой показывает отношение к Токвилю во Франции с момента публикации «Демократии в Америке» до конца XX столетия. Авторство наиболее полного русскоязычного обзора работ токвилеведов принадлежит И.О. Дементьеву¹⁶⁷.

Опираясь на работы Мелонио, Дементьева и исследования других историков философии, можно обозначить пять периодов в восприятии интеллектуального наследия Токвиля на Западе:

Первый период (1835–1856) начался еще при жизни Токвиля и связан с выходом работы, принесшей молодому автору европейскую славу, «Демократия в Америке». Сочинение получило хвалебные отзывы П. Руайе-Коллара, назвавшего Токвиля преемником Монтескье, Ф.Р. Шатобриана и авторов десятков рецензий. Период завершился выходом «Старого порядка

¹⁶³ Varouxakis G. Guizot's Historical Works and J.S. Mill's Reception of Tocqueville // *History of Political Thought*. 1999. № 2. P. 26–30; Craiutu A. Tocqueville and the Political Thought of the French Doctrinaires...; Craiutu A. Liberalism under Siege... P. 93–100.

¹⁶⁴ См.: Craiutu A. Between Scylla and Charybdis: the «Strange» Liberalism of the French Doctrinaires // *History of the European Ideas*. 1999. Vol. 4–5. P. 243–265; Craiutu A. Liberalism under Siege...

¹⁶⁵ Craiutu A. Liberalism under Siege... P. 2.

¹⁶⁶ Mélonio F. Tocqueville et les Français. Paris, 1993.

¹⁶⁷ См.: Дементьев И. О. Политическая теория Алексиса де Токвиля... С. 16–31.

и революции». Реакция на эту работу была более сдержанной, и интерес к Токвилю среди его современников начал снижаться.

Второй период (1860–1870) связан с изданием первого собрания сочинений Токвиля в девяти томах (1860–1866), которое подготовил друг философа Г. де Бомон. Это мероприятие совпало со временем второго рождения либерализма во Франции, дебатов по вопросу об избирательной реформе в Англии, споров о либерализации и федерализации в Германии. Интеллектуальная обстановка способствовала росту интереса к фигуре и наследию Токвиля, однако это внимание носило не исследовательский, а публицистический и общественный характер. Тем не менее, корифеи гуманитарного знания давали Токвилю самые лестные характеристики, отмечали его исследовательскую добросовестность и реалистичность. В частности, М. Минье в 1866 г. заключил, что Токвиль «был без предрассудков, как и без утопий»¹⁶⁸.

Третий период (1870–1945) ознаменовал постепенное снижение интереса к Токвилю и падение влияния мыслителя на политическую теорию. Практически перестали выходить специальные исследования, посвященные его наследию, интеллектуалы-республиканцы считали его идеологически чуждым¹⁶⁹. Определенный всплеск внимания последовал после выхода в свет «Воспоминаний» (1893) Токвиля, однако они были восприняты прохладно, как текст, принадлежащий прошлому, эпилог к творчеству «устаревшего классика»¹⁷⁰. Актуальная политическая повестка не соотносилась с философскими проблемами, волновавшими Токвиля. Разрушительная Первая мировая война, Великая депрессия, тоталитарный вызов либеральным ценностям и основным идеологиям не способствовали фокусировке внимания на взглядах французского мыслителя прошлого века. Именно поэтому межвоенное время исследователи называют «забвением Токвиля»¹⁷¹.

Четвертый период (с 1945 по настоящее время) справедливо называют «Токвилевским ренессансом». Сразу после войны начал последовательно возрастать интерес к фигуре и творчеству Токвиля. Дрэшер видит причины этого процесса в поляризации мира и необходимости для Запада выдвинуть альтернативу К. Марксу как пророку социальных перемен на Востоке. Ф. Мелонио связывает перепрочтение Токвиля и переосмысление его

¹⁶⁸ Mignet M. Nouveaux éloges historiques. Paris, 1877. P. 102.

¹⁶⁹ Ibid. P. 219.

¹⁷⁰ Drescher S. Tocqueville // The New Encyclopaedia Britannica. Chicago, 1977. Vol. 18. P. 470.

¹⁷¹ Mélonio F. Op. cit. P. 102.

творчества непосредственно с охлаждением к мессианской идеологии «левых» — коммунизму¹⁷².

Характерной чертой «Токвилевского ренессанса» становится стремительное увеличение англоязычных, в первую очередь американских, исследований, в том числе, посвященных политической карьере¹⁷³, философии Токвиля¹⁷⁴ и его исследованиям Старого порядка¹⁷⁵. Без преувеличения можно сказать, что фигура французского мыслителя становится сверхпопулярной в США, где за последние пятьдесят лет были защищены сотни диссертаций, посвященных различным проблемам творческого и личного наследия Токвиля. Очевидно, что в фокусе их внимания главным образом была «Демократия в Америке».

Не менее популярным Токвиль был и на своей родине — во Франции, где с 1951 г. под руководством Ж.П. Майера издательством «Галлимар» предпринимается фундаментальное издание полного собрания сочинений Токвиля, в которое, помимо двух основных работ философа, включены его статьи, письма, тексты и конспекты речей, заметки и комментарии. В редакционную комиссию издания в разное время входят все крупные западные специалисты по Токвилю — Ф. Фюре, Л. Диез дель Корраль, А. Жарден, Ж.К. Ламберти, Дж. Пирсон, Ф. Мелонио и др. И.О. Дементьев замечает, что тщательное комментирование, привлечение массы архивных материалов характеризуют это издание, без использования которого невозможно адекватное понимание роли и места Токвиля как в политической истории Франции, так и в истории политической мысли Европы Нового времени¹⁷⁶.

Постепенное издание этого собрания сочинений вот уже пятьдесят лет стимулирует многочисленные работы, посвященные отдельным проблемам¹⁷⁷ и наследию Токвиля в целом. Среди них замечательная подробная биография французского мыслителя, авторства Андре Жардена «Алексис де Токвиль. 1805-1859» (1984)¹⁷⁸. Объемная книга основана как на опубликованных материалах, так и на архивных документах. Несмотря на сложный язык автора, данное сочинение остается непревзойденным в своем жанре и соперничать с Жарденом будет не просто. Именно поэтому многие последующие биографы сосредотачивались на углубленном изучении отдельных этапов жизни и творчества Токвиля, которые были важны в свете конкретных работ. Среди таких очерков примечательна работа Л. Зидентопа «Токвиль»¹⁷⁹

¹⁷² См.: Дементьев И. О. Политическая теория Алексиса де Токвиля... С. 18.

¹⁷³ См.: Lawlor M. Alexis de Tocqueville in the Chamber of Deputies. Washington, 1959.

¹⁷⁴ См.: Lively J. The social and political thought of Alexis de Tocqueville. Oxford, 1962.

¹⁷⁵ См.: Herr R. Tocqueville and the Old Regime. Princeton, 1962.

¹⁷⁶ См.: там же. С. 19.

¹⁷⁷ См.: Lamberti J.-C. La notion d'individualisme chez Tocqueville. Paris, 1970.

¹⁷⁸ Jardin A. Alexis de Tocqueville...

¹⁷⁹ Siedentop L. Tocqueville. Oxford, 1994.

– интеллектуальная биография французского мыслителя, разделенная на этапы, которые совпадают с выходом в свет основных сочинений Токвиля. Работа Зидентопа является блестящим примером интеллектуальной истории.

В пантеоне классиков социологии Токвилю помогли закрепиться труды влиятельного французского исследователя Пьера Бинбраума¹⁸⁰.

Очередное усиление внимания к Токвилю приходится на конец 1980-х – начало 1990-х гг., время, когда Токвиль победил Маркса, либерализм одержал победу над социализмом. Франсуа Фюре заметил, что состоялась не только политическая, но и методологическая победа¹⁸¹. Отныне марксистское объяснение революций выглядит несостоятельным, и предпринимаются попытки, не всегда оправданные, объяснить восточноевропейские демократические революции и современные процессы¹⁸² в рамках подхода Токвиля¹⁸³.

На этом фоне отечественные работы о жизни и творчестве Токвиля выглядят блеклой и вторичной. В литературе предлагается следующая периодизация российской историографии (периоды выделены И.О. Дементьевым):

Первый период (1835–1860) характеризуется интересом к Токвилю в среде русских интеллектуалов, знакомых с оригиналами его сочинений (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин, П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен и др.). В середине XIX в. Токвиль был одним из самых читаемых в России политических теоретиков. Удивительная популярность, связанная с традиционным вниманием к французской проблематике, позволила сформировать традицию изучения наследия Токвиля в России. Если на Западе более заинтересованный прием и последующий исследовательский интерес получила в первую очередь «Демократия в Америке», то в России, стране с непобежденным Старым порядком, больший резонанс вызвал «Старый порядок и революция»¹⁸⁴.

Второй период (1860–1917) синхронизирует российскую историко-философскую литературу с западными тенденциями и характеризуется угасанием интереса к Токвилю. В России это так же, как и в Европе, было связано с неприменимостью теории французского мыслителя к процессам социально-политического развития страны. Исключением является выдающаяся работа В.А. Бутенко «Либеральная партия во Франции». Важную роль Токвиля в историографии признавали В.И. Герье, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский, Н.М. Лукин, П.Г.

¹⁸⁰ Birnbaum P. *Sociologie de Tocqueville*. Paris, 1970.

¹⁸¹ Furet F. *L'importance de Tocqueville aujourd'hui...* P. 139–140.

¹⁸² Jacques D. *Tocqueville et la modernité*. Québec, 1995.

¹⁸³ Furet F. *L'importance de Tocqueville aujourd'hui...* P. 140–145; Hereth M. *Essai d'interprétation de la Révolution en République Démocratique Allemande // L'actualité de Tocqueville...* P. 95–100; Kelly G. A. *The human comedy: Constant, Tocqueville and French liberalism*. Cambridge, 1992.

¹⁸⁴ Исаев С. А. Указ. соч. С. 4.

Виноградов. Н.И. Кареев первый заговорил о Токвиле не как политическом теоретике, но как о великом историке¹⁸⁵.

Третий период (1918–1949) – постепенное падение интереса к фигуре и творчеству Токвиля. Это связано с утверждением социальной и политической системы, принципиально несогласующейся с главными идеями Токвиля и положениями его работ. Резкое забвение французского мыслителя было невозможно, потому что либеральная по своим взглядам профессура старой школы по-прежнему рассматривала Токвиля как историка-классика. Однако политико-философское наследие Токвиля, как явно противоречащее марксизму-ленинизму и историческому материализму, было маркировано как идеологически отсталое, и о французском мыслителе просто замолчали. Исключением стала лишь энциклопедическая статья А.К. Дживелегова, автор которой высоко оценил Токвиля и отметил, что многие выводы последнего подтверждаются новейшими исследователями¹⁸⁶.

Четвертый период (1949–1980) связан с появлением в советской научной литературе канонической оценки (идеологической рамки интерпретации) личности и творчества Токвиля, которую дал М.А. Алпатов в работе «Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века»¹⁸⁷. Исследователь анализирует три главных сочинения Токвиля, справедливо указывает на преемственность, которая существовала между Гизо и Токвилем, предлагает оригинальное видение этапов государственной карьеры и политической теории последнего. Для Алпатова представляет проблему то, как мог дворянин Токвиль стать влиятельным «буржуазным историком». Анализируя тексты французского мыслителя, советский ученый приходит к выводу, что Токвиль всегда был дворянским идеологом, который не был удовлетворен «буржуазным, узко классовым характером» Июльской монархии и видел свою задачу «в борьбе за политическое влияние дворянства», но в период обостренной классовой борьбы готов был пойти на союз с буржуазией¹⁸⁸. Отныне для советской социальной науки Токвиль на три десятилетия останется идеологом дворянства. Справедливости ради нужно указать на редкие исключения, которые чаще встречались в справочных изданиях, авторы которых могли отметить «тонкий социологический метод» Токвиля и даже говорить о «Демократии в Америке» как о первом социологическом исследовании американского общества¹⁸⁹.

¹⁸⁵ Кареев Н. И. История Западной Европы в средние десятилетия XIX века. Пг., 1916. С. 274, 287.

¹⁸⁶ Дживелегов А. К. Токвиль // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. М., 1937. Т. 41. Ч. VIII. С. 263–264.

¹⁸⁷ Алпатов М. А. Указ. соч. С. 131–170.

¹⁸⁸ См.: там же. С. 133.

¹⁸⁹ См.: Каленский В. Г. Токвиль // Политические учения: история и современность. М., 1979. С. 100.

Пятый период (1980–1991) связан с появлением работ, авторы которых отказались от существовавшего клише и подвергли критике главный вывод Алпатова. Первым крупным исследованием, обозначившим перемену отношения к Токвилю, стала книга В.М. Далина «Историки Франции XIX–XX веков»¹⁹⁰. Автор упрекает Алпатова в тенденциозности и односторонности, предлагая рассматривать интеллектуальные заслуги Токвиля без связи с его дворянским происхождением. Авторитет Далина позволил расколдовать Токвиля в советском интеллектуальном поле, и уже В.И. Терехов впервые в отечественной социальной науке возводит «Демократию в Америке» в ранг классических работ¹⁹¹. В этом же ключе написана книга А.М. Салмина «Идейное наследие А. Токвиля и современная политическая традиция Запада»¹⁹². Исследователь проводит блестящий анализ политической теории Токвиля в связи с историософией и приходит к выводу о сосуществовании у Токвиля глубокого историософского пессимизма и чисто политического оптимизма¹⁹³. Затем последовала диссертация Л.П. Веремчук, посвященная теоретическим проблемам историософии Токвиля и многие другие работы.

Шестой период (с 1991 по настоящее время) можно охарактеризовать как «токвилевский Ренессанс» в России. Уже в конце 1980-х гг. произошло второе рождение Токвиля в отечественном интеллектуальном пространстве. Об успехе этого процесса может свидетельствовать начало одной статьи в журнале «Полис» за 1993 г.: «“Опять о Токвиле”, – может с досадой или недоумением сказать читатель нашего журнала...»¹⁹⁴. Катализатором интереса в 1992 г. стало и издание большим тиражом «Демократии в Америке» в новом переводе. Книга оказалась злободневной и заинтересовала читающую публику, поэтому второе издание последовало уже через два года – в 1994 г. В 1997 г. Московский философский фонд издает «Старый порядок и революцию». Эти переиздания стали основой для широкого перепрочтения Токвиля в России и фундаментом исследовательской работы. Наиболее фундаментальными и значительными работами этого периода являются исследования С.А. Исаева «Алексис Токвиль и Америка его времени»¹⁹⁵ и И.О. Дементьева «Политическая теория Алексиса де Токвиля и французский либерализм первой половины XIX века»¹⁹⁶. Исаев реконструирует интеллектуальную биографию Токвиля, исследует историю создания

¹⁹⁰ Далин В. М. Историки Франции XIX–XX веков...

¹⁹¹ См.: Терехов В.И. Концепция исключительности партийно-политической системы США в работах А. Токвиля, Дж. Брайса и М. Острогорского // Вестник МГУ. Серия «История». 1981. №5. С. 30–31.

¹⁹² Салмин А. М. Указ. соч.

¹⁹³ См.: там же. С. 42; Birnbaum P. Op. cit. P. 43.

¹⁹⁴ Лапицкий М. Далекое – близкое. Заметки о Токвиле // Полис (Политические исследования). 1993. № 3. С. 120.

¹⁹⁵ Исаев С. А. Указ. соч.

¹⁹⁶ Дементьев И. О. Политическая теория Алексиса де Токвиля...

«Демократии в Америке», рассматривает систему понятий французского философа и основные проблемы трактата «Демократия в Америке». Дементьев проводит наиболее полный историографический и историко-философский обзор работ, посвященных биографии, политической теории Токвиля и французскому либерализму первой половины XIX в. Автор реконструирует истоки либеральной мысли во Франции, пишет политический портрет Токвиля, анализирует терминологию французского мыслителя, его религиозные и историософские взгляды, а также соотношение политической теории Токвиля и либеральной традиции.

Несмотря на внушительное количество работ, посвященных жизнеописаниям, общефилософским и политическим воззрениям Гизо и Токвиля, до сих пор не изучено систематически влияние политической теории Гизо на философию Токвиля. Великий историк Гизо практически не рассматривался как оригинальный философ и политический теоретик, поэтому, нам кажется, что работа по реинтеграции его наследия в философское поле еще предстоит. По-прежнему сохраняется неопределенность относительно воздействия интеллектуальной культуры периода Реставрации и Июльской монархии на формирование общефилософских и политических воззрений Гизо и Токвиля. Недооценено значение сетевой структуры коммуникации между интеллектуалами. Важно также уточнить язык политических теорий Гизо и Токвиля, поскольку многие исследователи полагали, что используемые этими мыслителями понятия вполне типичны, встречаются у десятков других авторов, вызывают богатые ассоциации и не требуют никаких разъяснений. Однако даже такие простые на первый взгляд термины, как «свобода», «деспотизм», «равенство», «революция» у Гизо и Токвиля имеют смысл далеко не очевидный для современных авторов и обладают набором коннотаций, присущих исключительно политическому дискурсу периода Реставрации и Июльской монархии. В философской и политологической литературе существует очевидная лакуна – философские истоки французского либерального консерватизма, идеологии, оформившейся в период Реставрации и Июльской монархии, оказавшей огромное влияние как на развитие либерального государства во Франции, так и на правую мысль конца XIX – начала XX в.

Настоящее исследование носит междисциплинарный характер, потому что интеллектуальное наследие Гизо и Токвиля принадлежит философии, истории, социологии, политологии. Междисциплинарность предмета создает определенную методологическую трудность и одновременно стимул для ее разрешения. В диссертации отсутствует единая теория, но в разделах используются методы ряда ведущих концепций, созданных социологами, философами и историками.

При реконструкции интеллектуального ландшафта посленаполеоновской Франции (раздел 1.2) используется комплекс методов сетевого анализа, представленных в теории

Рендалла Коллинза и концепции политических сетей. Подобный синтез представляется необходимым, поскольку позволяет продемонстрировать политические мотивы кооперации интеллектуалов. Во Франции эпохи Реставрации роль государства в культурном строительстве крайне велика, что обуславливает тесные отношения между интеллектуальными элитами и элитами других типов. Рассмотрение карьерных траекторий министров и депутатов в 1814–1830 гг. не оставляет сомнения в существовании устойчивого обмена между политической и интеллектуальной элитами, интенсивность которого позволяет говорить о существовании меритократии. Кристофер Шарль связывает это с пространственной и политической организацией государства: «Страны, в которых интеллектуалы играют центральную роль, чаще оказываются странами централизованными – Испания, Россия, Франция»¹⁹⁷.

Гипотеза сетевого подхода Коллинза состоит в предположении о непосредственном социальном влиянии сетевой структуры отношений между мыслителями на конструирование идей¹⁹⁸. Интеллектуалы рассматриваются им как разновидность изолированного сообщества, в котором постоянно сталкиваются одни и те же люди. Мыслители склонны реифицировать свои символы, как если бы они были конкретными объектами. Интеллектуальные сакральные объекты создаются в сообществах, которые распространены широко, но обращены вовнутрь, ориентированы на обмен скорее между собственными участниками, чем с аутсайдерами, и которые утверждают свое исключительное право посредством размышлений принимать решения о правильности и обоснованности своих идей. Интеллектуалы с гораздо большей рефлексивностью и самоанализом, чем обычные объединения, осознают свою групповую идентичность¹⁹⁹.

Метод Коллинза, во-первых, предполагает сбор большого количества исторических описаний некоторой области культурного производства, т.е. традиционное формирование источниковой и историографической базы. Во-вторых, подход подразумевает ранжирование интеллектуалов в соответствии с долей внимания, полученной ими у современников и в позднейших исторических источниках. В-третьих, метод подразумевает исследование личных связей между философами с целью определить отношения между учителем и учеником, коллегами, друзьями, противниками, врагами, особенно на ранних «формативных стадиях жизненных карьер». На основе информации о связях такого рода предлагается начертить сетевую схему, которая в случае успеха отражает структуру, распространяющуюся в нескольких направлениях: «вертикально» во времени – от одного поколения к другому,

¹⁹⁷ Шарль К. Указ. соч. С. 24.

¹⁹⁸ См.: Коллинз Р. Указ. соч. С. 32.

¹⁹⁹ См.: Там же. С. 72.

«горизонтально» – среди современников. В сетевые схемы включаются и интеллектуалы-отшельники, не имеющие связи с другими представителями сети. Коллинз рекомендует полагаться на исторический материал при решении вопроса о том, кто находится в области культурного производства и насколько близко от центра; поэтому в сравнительных целях возникает нужда в информации о тех, кто находится на периферии или в изоляции²⁰⁰.

При работе с историческим материалом сетевая схема строится на основе широкого круга источников информации. Коллинз предлагал представить отдельных людей, которые находятся в поле, где каждый заявляет о своей истине, вступает в спор. Момент, когда кто-то один начинает собирать вокруг себя сторонников, оказывается моментом создания сети. Фактором выбора в такой ситуации может стать наличие социального, политического, интеллектуального или культурного капитала. Упоминания в мемуарах позволяют установить центральные фигуры определенной группы, информация о членстве в одном объединении дает возможность локализовать сеть, а исторические сведения помогают реконструировать иерархию. Личная переписка позволяет установить подробности взаимоотношений между корреспондентами и свидетельствует о наличии постоянного контакта. Наконец, ссылки и упоминания являются показателем интеллектуального лидерства и успешности. Ссылки, обнаруженные в текстах, являются также указанием на культурный капитал, который был в них использован. Наиболее значительные интеллектуалы – это те, чьи работы чаще упоминаются. Их идеи являются «родителями» наибольшего числа «потомков».

Специфика исторических источников предопределяет возможную нестабильность сетевых схем, построенных методом Коллинза. Обнаружение новых данных может скорректировать отдельные фрагменты сетей или изменить всю картину. Однако подобная ситуация характерна для исторической науки в целом и не является ограничением исключительно сетевого подхода.

При реконструкции системы понятий в политических теориях Гизо и Токвиля используются принципы и методы *истории понятий*, разработанные Райнхардом Козеллеком. Слова имеют собственный смысл, который отсылает к определенным объектам. Между обществом и языком существует неразрывная связь: язык является непосредственным отражением как существующих реалий, так и происходящих в обществе перемен. *Понятия* же представляют собой единства, стоящие над словами и связывающие между собой слова и элементы реальности материальной или идеальной.

---

²⁰⁰ См.: Там же.

Во второй половине XVIII – первой половине XIX столетия французский язык вышел на путь интернационализации и стал средством коммуникации европейского масштаба. Универсальность его терминологии ощущалась прежде всего в области политической жизни. Просвещение и Французская революция создали подходящую интеллектуальную и социальную атмосферу для подобного успеха. В осознании многих современников *langue française* становится «политическим языком Европы»²⁰¹. Поэтому без изучения политической терминологии этого языка затруднительно понимание политико-философских концепций и дискуссий.

Политическая терминология всегда социально и исторически обусловлена²⁰². Многие понятия и их значения, попавшие в фокус пристального внимания французских интеллектуалов и государственных деятелей в указанный период, имеют особо важную роль, поскольку получили впоследствии универсальное распространение. Однако рассматривать политическую терминологию отдельных мыслителей, избегая широкого контекста, весьма сложно и малопродуктивно, хотя, как иронично заметил Р. Козеллек: «Стоит только начать рассматривать контексты, в которых можно было бы анализировать значение отдельных понятий, как им уже не будет конца»²⁰³. Тем не менее, для реконструкции исторического значения каждого понятия (или их системы) необходимо определить необходимое количество контекстов и их насыщенность.

Невозможно и бессмысленно писать историю конкретного понятия, поскольку, независимо от первоначального употребления, каждое из них обладает множеством темпоральных наслоений, смысл которых имеет силу на протяжении различных промежутков времени. Бесконечные попытки уточнить, «что об этом писал Аристотель», часто лишь отдают дань формальному подходу. Можно выделить три типа источников, которые история понятий использует для своих реконструкций. Во-первых, источники, характеризующиеся темпоральной неповторимостью (например, газеты, изначально рассчитанные на некий короткий промежуток времени). Во-вторых, словари и энциклопедии, содержащие нормативную и «долговечную» информацию. Они открывают собой постепенно развивающуюся серию, где каждый новый словарь копирует предыдущие издания и вносит небольшие, но важные изменения. В-третьих, выдающиеся тексты (философские трактаты, литературные сочинения, исторические

²⁰¹ Brunot F. Les débuts du français dans la diplomatie // *Revue de Paris*. 1913. Vol. 4. P. 718–719.

²⁰² См.: Скиннер К. *The State* // Понятие государства в четырех языках. СПб, 2002. С. 13.

²⁰³ Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // *История понятий, история дискурса, история менталитета*. М., 2010. С. 22.

исследования и т.д.), послания которых направлены на утверждение определенной истины²⁰⁴. Эти тексты становятся интеллектуальными маркерами эпохи и несут в себе важную информацию о понятиях своего времени. Специфика настоящего исследования предполагает работу именно с третьим типом источников, что несколько нарушает логику, предложенную Козеллеком, но оправдано в свете поставленных задач.

История идей позволяет реконструировать процесс создания, сохранения и изменения основных философских принципов либерального консерватизма Гизо и Токвиля. Основу метода составляет исследование единичных идей, которые вступают в новые сочетания друг с другом и меняют формы выражения, оставаясь относительно неизменными.

В работе также были использованы общенаучные методы: *структурно-функциональный*, *системный* и *личностно-психологический*.

Использование *структурно-функционального* метода позволяет изучить политическую историю Франции как некую целостность, обладающую сложной структурой, где каждый элемент системы выполняет определенные функции, удовлетворяющие потребности системы.

Изучение политической истории Франции на основе *системного* метода позволяет выделить различные группы внутри правящей элиты Франции и широких кругов оппозиции, проследить суть разногласий внутри либерально-консервативного (орлеанистского) блока, а также между либерал-консерваторами и их политическими оппонентами. Такой подход дает возможность выявить соотношение теоретического компонента и его практической составляющей в конкретных внешнеполитических акциях либералов-орлеанистов.

При рассмотрении биографии, истоков мировоззрения, политической карьеры Гизо и Токвиля используется *личностно-психологический* подход. Он делает возможным изучение личностных факторов, оказывающих влияние на деятельность Гизо и Токвиля и на взаимоотношения мыслителей с различными интеллектуальными и политическими кругами. Подход позволяет учесть психологические особенности, влиявшие на взгляды и деятельность Гизо и Токвиля.

Научная новизна диссертации определяется тем, что данная работа представляет собой опыт реконструкции философских истоков французского либерального консерватизма на материале политических теорий Франсуа Гизо и Алексиса Токвиля во взаимоотношении этих теорий с политической реальностью и интеллектуальной культурой Франции первой половины XIX в. Предпринимается попытка реконструкции интеллектуального ландшафта посленаполеоновской Франции с помощью методов сетевого анализа; определяются механизмы

---

²⁰⁴ См.: там же. С. 31–32.

обмена между политической и интеллектуальной элитами; выясняется значение политических теорий Гизо и Токвиля как систем философских воззрений, легших в основу французского либерального консерватизма; методами сетевого анализа подтверждается идейное влияние Гизо и общества доктринеров на политическую теорию Токвиля. Сформулированы основные компоненты доктрины французского либерального консерватизма.

Структура диссертации соответствует поставленной цели и отражает логику решения ключевых задач научного исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографического списка, который содержит 72 наименования источников и 206 исследований. В основу деления на главы положен проблемный принцип, при использовании которого неизбежны обращения к одним и тем же сюжетам в разных частях диссертации. Однако эти повторы позволяют рассмотреть предмет исследования с разных позиций и ракурсов.

Первая глава посвящена реконструкции исторического (§1) и интеллектуального (§2) контекста эпохи Реставрации и Июльской монархии. Вторая глава диссертации представляет собой политический портрет Гизо, характеристику генезиса его мировоззренческих установок в целом: раскрываются социально-психологические и историко-философские корни его мировоззрения, излагаются основные события биографии (§1), дается характеристика карьеры Гизо в качестве публичного политика (§2). Эта глава, меньшая по объему, имеет характер биографического очерка, дающего необходимый контекст для рассмотрения теории Гизо и является, таким образом, вспомогательным разделом исследования. Аналогичная роль у четвертой главы, в которой рассматриваются истоки мировоззрения (§1) и политическая карьера (§2) Токвиля. Третья глава реконструирует политическую теорию Гизо, сформированную на базе его мировоззренческих установок: анализируется система понятий (§1), излагаются во взаимосвязи с идеологией либерального консерватизма его историософские взгляды (§2), социальная (§3) и политическая философия (§4). Пятая глава содержит анализ системы понятий (§1), проблемы свободы и равенства (§2) и вопроса суверенитета (§3) в политической теории Токвиля. Подобная структура работы позволяет последовательно рассмотреть формирование и роль философских истоков французского либерального консерватизма на материале политических теорий Франсуа Гизо и Алексиса де Токвиля во взаимоотношении этих теорий с политической реальностью и интеллектуальной культурой Франции первой половины XIX в.

Глава 1. Интеллектуальная культура Франции первой половины XIX века

Реставрация Бурбонов и Июльская монархия не относятся к периодам, породившим великую историографию, сравнимую с историографией Французской революции и наполеоновских войн. Хотя эпоха Реставрации очень рано стала предметом изучения историков (Ш. Лакретель – автор первого труда, посвященного обзору основных событий 1814–1830 годов²⁰⁵; практически одновременно появилась многотомная история Ж.-Б. Капфига²⁰⁶ и т.д.), интерес этот носил политический, а не академический характер. В начале XX в. В. Бутенко наметил «три главных момента» изучения Реставрации²⁰⁷. Первая серия посвященных ей работ появилось вскоре после Июльской революции, под впечатлением только что пережитых событий и была политически ангажирована, хотя бы в силу того, что большинство историков либо принадлежали, либо симпатизировали проигравшей²⁰⁸ или победившей²⁰⁹ партии. Исследователи смотрели на политическую действительность минувшей эпохи с точки зрения идеологов – роялистов, легитимистов, либералов или демократов, но не беспристрастным взглядом ученых. Во время второй республики и в начале второй империи интерес ко времени возвращения Бурбонов остыл²¹⁰, поскольку «ни демократия, ни деспотизм не были временем благоприятным для оживления воспоминаний об эпохе белого знамени и политической свободы»²¹¹. В 1860-х и 1870-х гг. внимание к Реставрации и к Июльской монархии обострилось с неожиданной силой, заостряли его переменявшиеся политические условия и многие опубликованные мемуары²¹². Следствием стало появление ряда монографий²¹³ и общих

²⁰⁵ Lacretelle Ch. Histoire de France depuis la Restauration. Vol. I–IV. Paris, 1829–1835.

²⁰⁶ Capefigue J.-B. Histoire de la Restauration et des causes qui ont amené la chute de la branche aînée des Bourbons. Vol. I–X. Paris, 1831–1833.

²⁰⁷ См.: Бутенко В. А. Указ. соч. С. 1–7.

²⁰⁸ Lubis E.-P. Histoire de la Restauration. Vol. I–VI. Paris, 1837–1847.

²⁰⁹ Dulaure J.-A. Histoire de la Révolution française depuis 1814 jusqu'à 1830. Vol. I–VIII. Paris, 1835–1838; Vaulabelle A. Histoire des deux Restaurations jusqu'à l'avènement de Louis-Philippe (de janvier 1813 à octobre 1830). Vol. I–VIII. Paris, 1844–1852.

²¹⁰ Как на исключение можно указать на сочинение Ламартина, которое носит скорее художественный характер: Lamartine A. Histoire de la Restauration. Vol. I–VIII. Paris, 1851–1852.

²¹¹ Бутенко. Указ. соч. С. 3.

²¹² Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Vol. 1–8. Paris, 1858–1867; Beugnot J. C. Mémoires. Paris, 1866; Barrot O. Mémoires. Paris, 1875–1876; Талейран III. М. Записки...

²¹³ Philippe A. Royer-Collard, sa vie publique, sa vie privée, sa famille. Paris, 1857; Barant P. La vie politique de Royer-Collard, ses discours et ses écrits. Vol. I–II. Paris, 1861; Villemain A. F. Chateaubriand, sa vie, ses écrits, son influence littéraire et politique sur son temps. Paris, 1858; Marcellus M.-L. Chateaubriand et son temps. Paris, 1859; Sainte-Beuve P. Chateaubriand et son groupe littéraire sous l'Empire. Vol. I–II. Paris, 1860; Guizot F. Le duc de Broglie. Paris, 1870;

историй, в которых авторы, помимо прочего, хотели показать все преимущества парламентского строя в момент, когда во Франции господствовал личный режим Наполеона III. Это не замедлило сказаться на характере работ, которые подверглись пресловутому «влиянию момента», поскольку были написаны не исследователями-историками, а деятелями партий, интерпретирующих прошлое через призму своей идеологии²¹⁴. Однако к началу 1880-х гг. стало очевидным, что французская политическая жизнь при третьей республике не требует практического опыта Реставрации и Июльской монархии²¹⁵, что вызвало незамедлительное снижение внимания, которое сохранялось лишь к отдельным сюжетам и персонам²¹⁶. Научный интерес, пришедший на смену политическому в начале XX века, был кратковременным, но обогатил историографию рядом строгих академических работ²¹⁷. Во Франции этот период оказался связан с профессионализацией²¹⁸, дисциплинаризацией²¹⁹ и институционализацией²²⁰ исторической науки, следствием чего стала трансформация национальной историографии по отношению к новой и новейшей истории²²¹, изучение которых оказалось предметом деятельности профессиональных историков, а не писателей и политиков. Анализировались и

Bonnal E. *Manuel et son temps*. Paris, 1877; Nervo J. B. *Les Finances française sous la Restauration*. Vol. I–IV. Paris, 1865–1868; Calmon A. *Histoire parlementaire des finances de la Restauration*. Vol. I–II. Paris, 1868–1870; Thureau-Dangin P. *Le Parti liberal sous la Restauration*. Paris, 1876; Duvergier de Hauranne P. *Histoire du gouvernement parlementaire en France (1814–1848)*. Vol. I–X. Paris, 1857–1871 (во многом автор не ограничивается парламентской историей, а расширяет ее почти до рамок общей истории эпохи).

²¹⁴ Это объясняет и непрофессиональную работу с источниками, а также пренебрежение ссылками и исследовательской методологией.

²¹⁵ Планы новой монархической реставрации потерпели крах, а республика укрепила свои позиции, сделав излишним обращение к политическому опыту 1820-х – 1840-х годов.

²¹⁶ Mazade Ch. *Le comte de Serre*. Paris, 1879; Lacombe Ch. *Le comte de Serre*. Vol. I–II. Paris, 1881; Bardoux A. *Le comte de Montlosier et le gallicanisme*. Paris, 1881; Bardoux A. *La Jeunesse de La Fayette*. Paris, 1892; Lescure A. M. *Le comte Joseph de Maistre et sa famille*. Paris, 1893; Descotes F. *Joseph de Maistre pendant la Révolution*. Paris, 1895.

²¹⁷ Hussaye H. *La première Restauration. Le retour de l'île d'Elbe. Les Cent-Jours*. Paris, 1893; Daudet E. *Luis XVIII et le duc Decazes*. Paris, 1899; Hussaye H. *La seconde abdication. La terreur blanche*. Paris, 1905; Barthélemy J. *Introduction du régime parlementaire en France sous Louis XVIII et Charles X*. Paris, 1904; Bonnefon J. *Le Régime parlementaire sous la Restauration*. Paris, 1905; Bourget P., Salomon M. Bonald. Paris, 1905; Michon L. *Le Gouvernement parlementaire sous la Restauration*. Paris, 1905; Latreille C. *Joseph de Maistre et la papauté*. Paris, 1905; Des Granges Ch. M. *La Press Littéraire sous la Restauration*. Paris, 1907; Simon P. *L'Elaboration de la charte constitutionnelle de 1814*. Paris, 1906; Nesmes-Desmarets R. *Les doctrine politiques de Royer-Collard*. Paris, 1908; Cassagne A. *Vie politique de Chateaubriand*. Paris, 1911; Grémieux A. *La Censure en 1820 et 1821*. Paris, 1912.

²¹⁸ К историческим исследованиям, в том числе по новому времени, стали предъявляться научные требования, связанные с обоснованностью выводов материалами источников, культурой ссылок, библиографическим аппаратом и т.д.

²¹⁹ В том числе начали возводиться барьеры между историей и политической мыслью.

²²⁰ В 1888 г. возникло «Общество истории французской революции» (*Société de l'histoire de la Révolution française*); несколько позже были учреждены «Общество новой истории» (*Société d'histoire moderne*) и «Общество истории революции 1848» (*Société de l'histoire de la revolution de 1848*). Каждое общество выпускало свой научный журнал.

²²¹ Специалисты по новой истории начали использовать исследовательские методы и критические приемы своих коллег, занимавшихся историей античности и средних веков.

издавались архивные материалы²²², сборники документов²²³ и другие источники²²⁴. На протяжении XX в. проблемы истории эпохи Реставрации и Июльской монархии главным образом были предметом французской национальной историографии, но даже в ее поле отошли на второй план, в сравнении с академическими и политическими дискуссиями, порожденным Французской революцией и наполеоновской Империей.

В связи с этим в конце XX – начале XXI в. некоторые исследователи, главным образом англоязычные историки идей, стали отмечать определенную, а иногда и «закономерную», «дискриминацию» эпохи Бурбонов и Орлеанов со стороны представителей академического сообщества²²⁵. В частности, на фоне насыщенной событиями, яркой французской истории отрезок 1814–1848 гг. часто воспринимается исследователями как некая лакуна, о чем говорит ироничное замечание современного английского историка А. Крейуту, наложившего архитектуру загробного мира «Божественной комедии» Данте на историографию: «Если многие поколения исследователей низвели Вторую империю до чистилища истории, то Реставрация Бурбонов (наряду с Июльской монархией) всегда располагалась в Аду»²²⁶. Подобному утверждению немало способствовали сами деятели того времени. Например, Шарль Морис Талейран в 1840 г. в своих дневниках записал: «Сколько ничтожных людей возвысилось в то время! Реставрация и революция 1830 г. не произвели ни одного гения, ни одного прекрасного характера... Адвокатство и меркантильность были сущностью, а золото – целью эпохи... Это была несчастная эпоха; те, кто вступили в нее с некоторой славой, скоро исчезли в ее сумерках»²²⁷. Алексис де Токвиль сравнивал Июльскую монархию с лабиринтом «мелких происшествий, мелких идей, мелких страстей, себялюбивых целей и противоречивых проектов»²²⁸. Тем не менее, события Реставрации и Июльской монархии не являются «обочиной» или «канавой» истории²²⁹, куда в середине XX в. поместил их советский академик Е. Тарле. Указанный период представляет собой важный и цельный этап государственно-правовой эволюции Франции, смысл которого заключается в попытке примирить некоторые

²²² Archives Parlementaires. Vol. XII – LXII. Paris, 1868–1886.

²²³ Romberg M. Louis XVIII et les Cent-Joures à Gand. Recueil de documents inédits. Paris, 1898–1902.

²²⁴ Vitrolles E.-F. Mémoires et relation politiques. Vol. I–II. Paris, 1884; Correspondance du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne. Paris, 1881; Талейран III. М. Мемуары. М., 1959 (Paris, 1891–1892); Rémusat Ch. Correspondance. Paris, 1884–1886; Mémoires et correspondance de comte de Villèle. Paris, 1887–1890; Barante P. Souvenirs et correspondance. Paris, 1890–1901; Mémoires du chancelier Pasquier. Vol. I–III. Paris, 1893–1895.

²²⁵ Goldstein J. The Post-Revolutionary Self: Politics and Psyche in France, 1750–1850. Cambridge, 2005; Reedy W. The historical imaginary of social science in post-Revolutionary France: Bonald, Saint-Simon, Comte. History of the Human Sciences. Vol. 7. 1994. № 1. P. 1–26; Craiutu A. Liberalism under Siege...

²²⁶ Craiutu A. Liberalism under Siege... P. 5

²²⁷ Талейран III. М. Записки... Т. IV. С. 122–123.

²²⁸ Tocqueville A. Souvenirs. Paris, 1893. P. 4.

²²⁹ См.: Тарле Е. В. Наполеон. Сочинения. Т. VII. М., 1959. С. 344–353.

традиции Старого порядка, в первую очередь монархию, с наиболее умеренными требованиями 1789 года. За тридцать с небольшим лет деспотическое правление, положившее конец Революции, сменилось конституционной монархией, в свою очередь уступившей место монархии выборной. Процессы эти сопровождались глубокой философской рефлексией, в рамках которой получили развитие политические идеи широкого спектра: от ультраправых до крайне левых.

В литературе сформировалось пренебрежительное отношение к политической мысли данного периода, «тупость» которой противопоставлялась блеску Просвещения, а многие ее представители просто преданы забвению, поскольку практически никто из французских интеллектуалов этого времени не стал частью классического канона²³⁰. Истоки такого подхода берут начало в работе французского историка идей и правоведа Анри Мишеля «Идея государства»²³¹, где он утверждает, что Реставрация не принесла ничего важного и оригинального на уровне политических идей, а доктринеры хороши лишь «позированием, возвышенным тоном и сентенционным языком», который может «вводить нас в обман»²³². Книга Роджера Солто «Французская политическая мысль в XIX веке»²³³ ретранслировала этот взгляд в современную англоязычную историографию, в результате чего он стал господствующим. Солто исходит из гипотезы о том, что незавершенность Революции сузила сферу политической мысли во Франции и произвела половинчатые и противоречивые теории свободы, правосудия и государственных институтов: «Наследство Революции стало для политического прогресса тормозом и пагубно сузило пространство политической мысли»²³⁴. Подобные оценки отчасти связаны с неуспехом политических деятелей эпохи, о чем красноречиво свидетельствуют падение режима Реставрации и крах Июльской монархии, а, следовательно, и тех теоретиков, которые им служили, и из которых формировалась политическая элита.

---

²³⁰ Подробнее о механизмах «возведения в классики» см.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Классическое наследие. М., 2010. С. 38–64; Полетаев А. В. Классика в общественных науках. Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М., 2009. С. 11–50.

²³¹ Мишель А. Идея государства...

²³² Там же. С. 259.

²³³ Soltau R. Op. cit.

²³⁴ Ibid. P. 29.

1.1. Социальная реальность Реставрации и Июльской монархии

Со времен создателей концепции модернизации в социологии (Б. Мур, Р. Бендикс, С. Липсет, И. Валлерстайн, Ш. Айзенштадт, М. Манн и др.)²³⁵, и отчасти в философии (Л. Штраус)²³⁶, невнимание к историческому материалу и социальным контекстам приобрело характер тревожного и устойчивого явления. Однако пренебрегая данным пластом информации, мы рискуем упустить реальные мотивы и цели интеллектуалов – тех же философов и социологов, – а задаем их сочинениям наши вопросы, с позиций современных проблем и принципов. Результатом а-исторического подхода могут стать только рафинированные концепции «чистого знания», типологии и классификации, которые оторваны от реальности и малопригодны даже для реконструкции интеллектуального ландшафта, поскольку создают схематичное представление о нем.

Принято считать, что дисциплинарный разлад между историей и философией имеет глубокие корни. В данном случае важно, что философия стремится апеллировать к неизменным универсальным принципам, а история показывает, что многие принципы изменчивы и носят сенсibiliзирующий характер. В связи с этим, влиятельный политический мыслитель, Лео Штраус говорил об истории и историзме как причине смерти политической теории и политического мышления: «Не может быть естественного права, если нет неизменных принципов справедливости, но история показывает нам, что все принципы справедливости изменчивы»²³⁷. Штраус, как неокантианец, ищет неизменные истины политики и морали, исключая историю из этого процесса. Но в то же время он признает, что «естественное право не будет известно повсюду: нельзя же ожидать от дикарей сколько-нибудь истинного знания естественного права», а «в разные времена и в разных странах имеют место разные представления о справедливости».²³⁸

Франклин Анкерсмит, критикуя Штрауса, подчеркивает, что история для Гегеля, Маркса, Конта, Спенсера, Вебера перестает быть всего лишь контекстом, но «делается сутью политической мысли»²³⁹. Однако против формального признания заслуг классиков в деле

²³⁵ См.: Савельева И. М. Историческая социология и социальная история в XXI веке: мосты и переправы // «Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. М., 2012. С. 121.

²³⁶ См.: Штраус Л. Естественное право и история. М., 2007.

²³⁷ Штраус Л. Указ. соч. С. 15.

²³⁸ Там же. С. 15–16.

²³⁹ Анкерсмит Ф. Политическая репрезентация... С. 24–25.

работы с историческим материалом выступает Клод Лефор. Он не сомневается в том, что осмысление политики в наше время требует чувствительности к историческому, но это не отменяет, а «делает более необходимым отказ от гегелевской или марксистской фикции истории»²⁴⁰, которая объявляется «существенной» и «значимой» лишь в силу авторитета классиков. Эта проблема выводит нас к ответу на важный вопрос, который, наверняка, мучает многих исследователей, работающих с малоизвестными персонами: зачем нужно читать теоретиков «второго ряда», работы которых не признаны классическими и выходят за пределы канона? Ответ может состоять из нескольких пунктов. Во-первых, такое знакомство позволит отказаться от формальных (ленивых) выводов, в которых, словно по инерции, классикам несправедливо приписываются заслуги, на получение коих они и не собирались претендовать. Во-вторых, чтение авторов «второго ряда» содержит серьезный когнитивный потенциал, способный, если не расширить канон и обнаружить новые научные горизонты, то обогатить и уточнить наши знания о конкретных проблемах, а также удивлять. Таким образом, нужно набраться смелости видеть за деревьями лес.

Политические идеи формируются при определенных обстоятельствах и несут на себе печать общественных потребностей их вызвавших. Именно поэтому нельзя отрывать политическую мысль от условий и среды, в которой они зародились и получили свое развитие. Каждое завоевание политической мысли является не только следствием внутренних изменений, связанных с развитием политического разума, но и результатом зарождения новых исторических условий²⁴¹. И.К. Пантин справедливо замечает, что на каждом крупном переломе европейской истории политические направления как бы заново вынуждены утверждать свою идентичность и каждое данное состояние идеологии может быть объяснено лишь исторически, как момент идейного движения, вбирающего в структуру идеологии экономические и общественно-политические сдвиги²⁴².

Имея опыт малоизвестной политической философии эпохи Реставрации, трудно считать истины истории и политической теории несовместимыми, потому что либеральная и консервативная мысль того времени стремилась усвоить уроки истории Французской революции, в связи с чем была обнаружена нехватка средств для истолкования прошлого и начало меняться проблемное поле политической теории. Немаловажно и то обстоятельство, что история, особенно во Франции, с XIX в. начала оказывать значительное влияние на политическую мысль, многие известные историки занимали высшие государственные

²⁴⁰ См.: Лефор К. Указ. соч. С. 10.

²⁴¹ Пантин И. К. Введение // Европейская политическая мысль XIX века. М., 2008. С. 4.

²⁴² См.: там же. С. 7.

должности²⁴³, а политическая философия приняла во внимание, как никогда, историческое измерение своих проблем. Интеллектуалы посленаполеоновской Франции в отличие от просветителей не были «фантастами», они мыслили в рамках установившейся в стране системы отношений гражданина и власти – конституционной монархии, а также искали ответы на самые важные политические вопросы, отталкиваясь от исторического измерения. Эти люди примирили философский априоризм и присущее историческому подходу уважение к неустранимой сложности фактов, избежав конфликта несовместимости вневременных ценностей и исторических измерений.

О важности реконструкции исторического контекста говорит сам предмет нашей работы. История идей, по мнению многих современных исследователей консерватизма, не является наиболее подходящим или даже достаточным инструментом, способным пролить свет на политическую философию правого толка²⁴⁴. Дело в том, что консерватизм связан с практикой генетически, что придает теории почти физическую осязаемость исторических изменений. Достаточно обратиться к истокам консервативной мысли, берущим свое начало в критике исторических перемен, связанных с Французской революцией. Кори Робин справедливо заметил, что предметом гордости консерваторов со времен Бёрка было представление о непосредственном, зависящем от обстоятельств характере их типа мышления. В отличие от своих противников слева, консерваторы не имеют готовых теорий и планов вплоть до конкретных событий, они «читают ситуации и обстоятельства, а не книжные тома»²⁴⁵. Таким образом, консервативное мышление не просто чрезвычайно восприимчиво к трансформациям исторического контекста, а напрямую зависит от них.

Исследование в области политической философии особенно требует релевантных сведений относительно политического контекста интеллектуального производства, поскольку невозможно изучать историю политических доктрин в отрыве от истории политических институтов. Это доказывает и индивидуальный исследовательский опыт некоторых философов²⁴⁶, правоведов²⁴⁷, социологов²⁴⁸. В частности, Газтано Моска в своих лекциях утверждал: «Мы не сможем хорошо осознать ту или иную доктрину, игнорируя тот тип политической организации, которому она соответствует с целью либо его защиты, либо его

---

²⁴³ См.: Савельева И. М. Таланты и посредники: граница между академической и публичной наукой // *Общественные науки и современность*. 2014 (в печати).

²⁴⁴ См.: Робин К. Указ. соч. С. 54–56.

²⁴⁵ См.: Там же. С. 56.

²⁴⁶ См.: Моска Г. *История политических доктрин*. М., 2012.

²⁴⁷ См.: Sautel G. *Histoire des institutions publiques depuis la Révolution française*. Paris, 1978.

²⁴⁸ К. Маркс, М. Вебер и другие классики социологии.

свержения»²⁴⁹. Другими словами, без точного знания политической организации данной эпохи и данного народа едва ли достижимо точное знание тех доктрин, которые у этой общности сформировались.

Политическое действие требует не только адекватной оценки своего контекста: нередко, пусть и не всегда, оно преследует в качестве цели реализацию некоторых политических идеалов и идей, оторванных от исторической реальности в целом. Говоря о проблеме применения политического идеала к ситуации, в которой действует политик, Франклин Анкерсмит задается вопросом: «Как сопоставить свободную от контекста и весьма определенную цель с данной сложной социальной реальностью?»²⁵⁰ Голландский историк считал это равносильным требованию подобрать «правильные слова» после прослушивания «Высокой мессы» Баха²⁵¹, т.е. для решения подобной проблемы нет правил применимых во всех обстоятельствах.

Сегодня принято говорить о появлении значительного зазора между пространством идей и сферой политической практики²⁵². Однако если даже согласиться с этой позицией применительно к актуальной повестке, то двумя столетиями ранее положение было диаметрально противоположным: политические мыслители всегда отталкивались от реальных и актуальных ситуаций, целей участников процесса, а традиционная связь между доктринами, политическими институтами и социальной реальностью была особенно тесной. Проблемное поле французских философов первой половины XIX в. формировалось, на основе осмысления новой исторической действительности, созданной революцией, а результатом их деятельности становилась не только выработка концепций и теорий, но и реализация их на практике. Сами сочинения мыслителей обладают ситуационным характером, сочетая в себе историософскую рефлексию, опыт государственной деятельности и претензию воздействовать на изменение политической системы. Дистанция между учеными и политиками часто была незначительной, а на уровне их социальных сетей представляется возможным обнаружить совпадение этих ролей у одного человека.

Не стоит забывать о дисциплинарном родстве истории и политической философии, важность которого отмечает Ф. Анкерсмит, подчеркивая, что «самые убедительные исторические сочинения вдохновлены и проникнуты наилучшими политическими идеалами и

---

²⁴⁹ Моска Г. Указ. соч. С. 12.

²⁵⁰ Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация... С. 10.

²⁵¹ Там же.

²⁵² Craiutu A. Liberalism under Siege... P. 13.

ценностями»²⁵³. А. Руткевич в свою очередь напоминает, что «любая разработанная идеология предполагает некую историческую модель, объединяющую прошлое, настоящее и будущее»²⁵⁴.

Легальное политическое пространство посленаполеоновской Франции состояло из ядра и периферии и было ограничено формально – нормативно-правовыми актами и неформально – политической ситуацией в целом. Ядро легального политического пространства формируется из позиций в органах законодательной и исполнительной власти, а периферия – из политических объединений, не находящихся во власти, но признаваемых властью. Степень вхождения той или иной «партии»²⁵⁵ в это пространство определяет методы ее борьбы и дух всего пространства. Социальные сети политиков отличает высокая динамика, поскольку их формирование зависит как от волеизъявления избирателей, так и от исторических обстоятельств, поэтому мы попытаемся проследить общую динамику трансформации позиций в данной сети, являющейся «действующим лицом на исторической сцене»²⁵⁶.

Общая ориентация политического пространства в исследуемый период задавалась комплексом общепризнанных политических идей: равенство всех перед законом, неприкосновенность личности, свобода печати, вероисповедания, участие граждан в законодательстве, независимость суда и т.д. Эти начала, ставшие результатом сложнейших исторических процессов, активная фаза которых пришлась на период 1789–1799 гг., не могли принципиально оспариваться ни одной политической силой, не желавшей занимать маргинальные позиции, поскольку «с 1789 г. начала учредительного собрания были в умах всех и служили основой всем учреждениям. Наполеон временно заслонил эти идеи блеском своего царствования и военными успехами. После его падения образовались те государственно-правовые принципы, из которых сложилось политическое мировоззрение французского общества в канун Реставрации»²⁵⁷. Подобные требования подпитывались и симпатиями, которыми пользовался во Франции английский политический строй: «Питавшие ненависть к Наполеону и желавшие конституции имели перед глазами готовый образец в государственном строе Англии и той единственной конституции, которая противостояла разрушительному действию времени и испытаниям последних эпох и которой приписывали процветание Англии»²⁵⁸.

²⁵³ Анкермисит Ф. Р. Политическая репрезентация... С. 11.

²⁵⁴ Руткевич А. М. Времена идеологов... С. 3.

²⁵⁵ В случае с периодом Реставрации речь идет не столько об организациях, обладающих уставом и программой, но и о неформальных объединениях, клубах, движениях.

²⁵⁶ См.: Коллинз Р. Указ. соч. С. 34.

²⁵⁷ Beugnot J. C. Mémoires... P. 485.

²⁵⁸ Vitrolles E.-F. Mémoires et relation politiques. Vol. 1. Paris, 1884. P. 238.

В первые годы Реставрации во Франции не было политических партий в традиционном смысле этого слова. Это приводило к путанице, при которой публицисты относили роялистов-конституционалистов к ультрароялистам и т.п., с этой же сложностью позже столкнулись исследователи²⁵⁹. Нам кажется, что идентифицировать позиции политических деятелей проще, если разделить эпоху Реставрации на два этапа. Во-первых, канун восстановления монархии и период выработки конституционной хартии, которая установила рамки легального политического пространства. Во-вторых, правление Людовика XVIII и Карла X. На первом этапе политические силы предлагается дифференцировать по отношению к конституционной Хартии 1814 (1815) г. и механизмам ее принятия, на втором – ключевой проблемой становится расширяющийся зазор между принципами, декларируемыми в конституции, и политической практикой систем Людовика XVIII и Карла X.

Функционирование политической системы Реставрации и Июльской монархии тесно связано с ключевым нормативно-правовым актом эпохи, его структурой и содержанием, которые отразили дух времени. Отношение к нему со стороны государственной власти, политических партий, клубов и общества в целом позволяет маркировать границы легального политического пространства. Такое положение вещей объясняет исключительную важность подробного анализа обстоятельств – во многом символических – принятия конституционной Хартии 1814 г.

Подробные записи относительно первого этапа этих событий – выработки сенатской конституции – оставил в своих воспоминаниях Этьен Дени Паскье, отметивший необычайную поспешность, с которой сенат составил проект конституции. Третьего апреля состоялось первое совещание для его обсуждения у Талейрана, а шестого апреля текст конституции был принят сенатом и опубликован. Столь скорый результат интересен уже потому, что 3 апреля Леберн, которому было поручено составление проекта, явился на совещание с первой конституцией Франции 1791 г., мотивируя свое предложение тем, что едва ли возможен лучший образец подобного акта²⁶⁰. Однако конституция 1791 г. была неприемлема для сенаторов уже потому, что она, согласно первой главе отдела V, предусматривала лишь Национальное законодательное собрание²⁶¹, «учреждение постоянное и состоящее только из одной палаты»²⁶².

---

²⁵⁹ Например, представители советской историографии были склонны отождествлять ультрароялистов и умеренных монархистов, что становилось причиной грубого искажения подлинного рельефа политического ландшафта. Это приводило к курьезным ситуациям, в которых ультрароялисты, занимая до 90% мест в палате депутатов, не могли противодействовать принятию антидворянских законов. См.: История Франции. Под ред. А. З. Манфреда. Т. 2. М., 1973. С. 170–216.

²⁶⁰ Pasquier E.-D. Histoire de mon temps. Mémoires du chancelier Pasquier. Vol. II. Paris, 1893. P. 316.

²⁶¹ Beugnot J. C. Mémoires. Vol. II. Paris, 1868. P. 170.

Большая же часть участников совещания, сенаторы, были заинтересованы в том, чтобы сохранить свою институцию как учреждение и обезопасить в будущем материальное положение ее настоящих членов. Эти настроения почувствовал Талейран, заявивший: «Мы имеем сенат, без которого обойтись не можем. Уже одно это влечет за собой совершенно другую конфигурацию в соотношении властей...»²⁶³ Герцог Беневентский воспользовался случаем, чтобы вызвать в сенате настроение, благоприятное реставрации старой династии. Он дал характеристику старшего Бурбона, рисуящую его с самой выгодной стороны и напомнил членам собрания о его либеральном образе мыслей, обнаруженном на собрании нотаблей, завершив речь словами: «Вы должны понимать, что конституция, над которой вам предстоит работать, будет представлена на суд человека выдающихся талантов и способностей»²⁶⁴. Итак, очевидно, что к 4 апреля никакого проекта конституции еще не было, а между тем уже 5 апреля сенату был представлен готовый проект, изготовленный ночью.

Впоследствии многие правоведы замечали, что способ происхождения сенатской конституции весьма негативно отразился на ее содержании. Недоговоренность и неполнота ее объясняются поспешностью составления. В частности, индивидуальные права граждан формулируются крайне поспешно и даже не перечисляются исчерпывающим образом. Например, совершенно не упоминается право личной неприкосновенности²⁶⁵. Другой важный изъян в выработке Хартии заключается в одностороннем составе ее редакторов: первое совещание, выработавшее основные начала конституции, включало по преимуществу сенаторов, а комиссия, окончательно определившая ее содержание, состояла исключительно из членов верхней палаты. Этим и объясняется то исключительное место, которое в проекте отводится Сенату, и то особенное и «прямо недопустимое в акте общегосударственного значения внимание», которое уделяется материальным интересам сенаторов²⁶⁶. Тем не менее, сенатская хартия, несмотря на отказ разработчиков использовать текст первой французской конституции, стала поворотом к принципам 1791 года, которые она воспроизвела в смягченной форме.

Отношение к этому проекту позволяет дифференцировать расстановку политических сил в канун Реставрации. Талейран в записках отметил, что только «снаружи Франция казалась разделенной на ультрароялистов и либералов»²⁶⁷. Такое упрощенное деление впоследствии

---

²⁶² Законодательные акты Франции. СПб., 1905. С. 35.

²⁶³ Beugnot J. C. Mémoires. Vol. II... P. 317.

²⁶⁴ Ibid. P. 318.

²⁶⁵ См.: Бутенко В. А. Указ. соч. С. 107.

²⁶⁶ См.: Алексеев А. С. Возникновение конституций в монархических государствах Европы XIX столетия... С. 12.

²⁶⁷ Талейран Ш. М. Записки... С. 19.

использовали исследователи, формально подходившие к проблеме политического контекста²⁶⁸. В действительности, политическое пространство оказалось сегментированным на множество групп и течений. И если идея, объединявшая монархистов, всегда была персонифицирована (лицом монарха или претендента на престол), то не монархические партии группировались по принципу принадлежности к чистой идее (будь то республика или сохранение статус-кво). Только приверженцев Бурбонов можно разделить на три категории, охватившие идеологический спектр от ультраправых до умеренных либералов.

Появление консервативной идеологии большинство исследователей сегодня связывает с феодально-аристократической реакцией на Французскую революцию и с выходом работы Э. Бёрка «Размышления о революции во Франции» (1790): «Изобретенный как ответ на давление низших классов консерватизм совершенно не обладает спокойствием или самообладанием, которыми сопровождается длительное наследование власти. Напрасно искать в каноне правых непоколебимую веру в Великую цепь бытия»²⁶⁹. Утверждения Э. Бёрка о «вековых традициях» или размышления Ж. де Местра о «божественном провидении» не могут скрыть реальных причин, сделавших их возможными, а именно революционное движение и либеральную идеологию. По замечанию К. Робина, консерватизм – это история осажденной власти и власти охраняемой, это активистская доктрина для активистских времен, которая развивается, растет, усложняется в ответ на движения или атаку снизу и идет на спад, затухает с исчезновением опасности²⁷⁰. Таким образом, согласно точке зрения критиков правой мысли, консерватизм возник как реакция на Французскую революцию, с чем не спорят и многие исторически подкованные консерваторы²⁷¹. Сам термин ведет происхождение от названия популярной газеты Ф. де Шатобриана «Консерватор», которая выходила в 1818–1820 гг.²⁷²

К основоположникам консервативной идеологии, помимо Э. Бёрка и Ф. де Шатобриана, относят Ж. де Местра, Ф. Ламенне и Л. Де Бональда. Они исходили из принципов существования всеобщего морально-религиозного порядка, несовершенства человеческой природы, прирожденного неравенства людей, ограниченности возможностей человеческого разума, необходимости иерархии. В широком смысле консерватизм отдает предпочтение устоявшимся общественным интересам и трактуется как система идей, используемых для

²⁶⁸ См.: Craiutu A. Liberalism under Siege... P. 19–22; Sautel G. Histoire des institutions publiques depuis la Révolution française...; Reedy W. The historical imaginary of social science...

²⁶⁹ Робин К. Указ. соч. С. 68.

²⁷⁰ См.: там же. С. 69.

²⁷¹ Nisbet R. Conservateurs et libertariens: des cousins difficiles // Contrepoints. Publié le 22/04/2011. // (URL: <http://www.contrepoints.org/>) (режим доступа: 20.05.2013); Nisbet R. Conservatism: Dream and Reality. Minneapolis, 1986; Viereck P. Conservatism: From John Adams to Churchill. Princeton, 1956. P. 10–15.

²⁷² См.: Beneton P. Op. cit. P. 5.

стабилизации любой общественной структуры²⁷³. Несмотря на видимость общности взглядов, консервативное движение во Франции было противоречивым и разобщенным. Легитимисты и орлеанисты называли себя консерваторами, но противоречия между ними не ограничивались выбором законной династии, а затрагивали широкий круг социальных и политических проблем. Более того, легитимисты Бональд и Шатобриан занимали принципиально разные позиции по многим вопросам, а орлеанист Токвиль в конце 1840-х гг. жестко критиковал орлеанистское правительство Гизо²⁷⁴.

Консерватизм, исходя из исторического опыта и историографической рефлексии, имеет признаки сенсibiliзирующего понятия, т.е. в каждом историческом контексте требуется, если не прояснение, то уточнение его смысла. Например, исследователи американских консерваторов редко рассматривают движение в связи с европейскими течениями, что значительно омолаживает истоки течения. Англичане в первую очередь интересуются идеями, восходящими к Бёрку, воплощенными Дизраэли, и неразрывно связанными с европейским историческим контекстом. Французская традиция ориентируется на Шатобриана и Местра, что объясняет ориентацию политического консерватизма первой половины XIX в. на реставрацию (с середины XIX в. консерваторы начинают стремиться к сохранению статус-кво).

Консерватизм не сводится к «реакции» на Просвещение и Революцию, как утверждают левые критики этой идеологии. Однако консерваторы рефлексиируют по поводу освободительного движения, и их реакция неизбежно носит черты того движения, против которого она направлена. Настоящая специфика нашла выражение в либерально-консервативном синтезе эпохи Реставрации, когда консерваторы в ходе дискуссии с либералами неизменно заимствовали их риторические приемы, парламентские методы и даже политические концепты. Аналогичное освоение идей оппонентов происходило и в либеральном лагере.

Таким образом, консерватизм нельзя рассматривать исключительно как теорию или совокупность взглядов интеллектуалов, маркировавших себя соответствующим образом. Необходимо согласиться с Т. Элиотом в том, что консерватизм можно лучше всего понять через внимательный анализ его образа действий на протяжении истории и посредством изучения того, что было сказано от его имени самыми выдающимися философами²⁷⁵, т.е. правых нужно рассматривать как единое целое теории и практики. Важно понимать, что консерватизм не может существовать сам по себе, в условиях абсолютной монархии или при

²⁷³ См.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом... Т. 2. С. 324.

²⁷⁴ См.: Руткевич А. М. Что такое консерватизм?.. С. 21.

²⁷⁵ Eliot T. S. The Literature of Politics. In To Criticize the Critic and Other Writings. Lincoln, 1965. P. 139.

деспотизме. Он существует при парламентском режиме как одна из партий, часть политического спектра.

Ультрароялисты, получившие значительную, но далеко не доминирующую долю в легальном политическом пространстве (даже в составе Бесподобной палаты старая знать имела 35% голосов против 45% представителей буржуазии), заняли ультраправые, консервативные позиции. Они требовали возвращения старой династии без всяких условий, использовали провиденциалистскую аргументацию и основывались на философии традиционализма, т.е. утверждали божественное происхождение монархической власти, выступали апологетами Старого порядка²⁷⁶. Однако они считали образцом идеального правления не абсолютизм Людовика XIV, который они осуждали как деспотический, но предшествовавшие формы монархии, предполагающие свободы провинций с их парламентами²⁷⁷. Интеллектуальными лидерами течения были Жозеф де Местр и Луи де Бональд²⁷⁸. Главные ценности традиционалистов – почтение к социальной и политической иерархии, которая, по их мнению, является отражением божественной, порядку, церкви, армии; их преклонение вызывает только власть достойных (по личным качествам и праву рождения). Государь наделяется сакральными чертами и становится богом на земле. Политики, такие как Полиньяк, утверждали в 1814 г., что «Провидение восстановит престол Бурбонов», а их соратники «воздвигнут все, что было низвергнуто», «воссоздадут все, что разрушено»²⁷⁹. Талейран называл их «безрассудными», а они хвалились тем, что являются роялистами больше, чем сам король²⁸⁰. Они надеялись, что вместе с восстановлением старой династии произойдет восстановление Старого порядка и сочли себя жестоко обманутыми известием о сенатской конституции. Позицию свою ультраправые транслировали полулегальным методом – в виде появившихся в большом количестве брошюр, которые (не только роялистские) прекрасно показывали в каком отношении находилась хартия к политическим стремлениям французского общества в 1814 году²⁸¹. Самые характерные из них приводит в своей работе российский правовед А. Алексеев. Например, брошюра под заголовком «Крик разума и опыта» («Le cri de la Raison et de l'expérience»): «Нечего нам сочинять новой конституции. Опыт последних 25 лет доказывает, что эти конституции, на самые различные лады и вкусы сочиненные, навлекают на страну одни

²⁷⁶ См.: Rémond R. Le XIX-e siècle... P. 19.

²⁷⁷ См.: Руткевич А. М. Что такое консерватизм?... С. 47.

²⁷⁸ Подробнее об интеллектуальной сети традиционалистов смотрите в разделе 1.2.

²⁷⁹ Цит. по: Талейран Ш. М. Записки... С. 22.

²⁸⁰ См.: Там же. С. 14.

²⁸¹ См.: Rémond R. Le XIX-e siècle... P. 19.

только бедствия. У нас есть конституция, сложившаяся в веках монархия...»²⁸² Борьбой ультрароялистов против введения во Франции конституционного строя руководил, по свидетельству тогдашнего префекта полиции Паскье, вернувшийся в Париж брат короля граф д'Артуа, который стремился расширить представительство своей партии в легальном пространстве полулегальными методами, в частности, агитацией против установления представительного строя. Паскье вспоминал, что в своих донесениях указывал на ту опасность, которой грозит такая агитация: «Я в устной беседе дополнял и комментировал мои письменные сообщения. Меня принимали, слушали и делали вид, что со мной соглашаются. Даже некоторые из предлагаемых мною мер принимались к исполнению. Однако тайное руководство оставалось в силе, что сказывалось во все возрастающей смелости роялистской партии»²⁸³. Талейран не дипломатично, а категорично считал, что среди ультрароялистов «по странному случаю не было ни одного человека, могущего стать выше обстоятельств»²⁸⁴.

Другие сторонники Бурбонов, умеренные роялисты или роялисты-конституционалисты, не стояли на непримиримой точке зрения, признавая пользу конституции и не отрицая необходимость участия общества в ее разработке: «Уверенные в необходимости забыть старую конституцию, они желали, чтобы король привязался к новой и чистосердечно следовал ей»²⁸⁵. Однако они не могли смириться с тем, что монарх, обладающий самостоятельным и естественным правом на престол, будет призван в силу сенатской хартии. Один из их представителей, Бергас, стал автором брошюры «Размышления о конституционном акте» («*Réflexions sur l'act constitutionnelle*»): «По какому праву взял на себя Сенат миссию составить для Франции конституцию? Сенат обязан своим существованием императорской конституции, которая была только что разрушена. Он этим самым перестал существовать как учреждение и представляет собой простую ассоциацию людей без всякого политического авторитета и без всяких прав»²⁸⁶. То есть умеренные роялисты были сторонниками октроированной конституции²⁸⁷, которая должна исходить от сил, занявших господствующую в стране позицию

²⁸² Цит. по: Алексеев А. С. Указ. соч. С. 14.

²⁸³ Pasquier E.-D. Histoire de mon temps... Vol. II. P. 376–377.

²⁸⁴ Талейран Ш. М. Записки... Часть 4. С. 15.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Цит. по: Алексеев А. С. Указ. соч. С. 14.

²⁸⁷ Октроированной называется конституция, дарованная монархом, в силу его законодательной власти без предварительного обсуждения в учредительном собрании и без народного голосования. Фактически конституции октроируются под давлением необходимости, и в этом отношении они не отличаются от конституций, выработанных народным собранием и только принятых монархом; но юридически они покоятся на ином основании. Впрочем, между теми и другими обыкновенно бывает и серьезное фактическое различие, а именно, О. конституции оставляют за монархической властью гораздо более широкие права и гораздо более суживают

после падения Наполеона, а именно от короля и от народа. Они считали, что подобный акт способен примирить идею конституционной монархии, с одной стороны, и традиционное воззрение на короля как на обладателя всей полноты государственной власти, с другой. Провиденциалистские аргументы у них сочетались с легитимистскими. Например, Шатобриан писал в своей знаменитой брошюре «Наполеон и Бурбоны», с одной стороны, о воле «перста Божьего», который «покарал узурпатора», вынудив его «скитаться в поисках убежища»²⁸⁸, с другой – под флером провиденциализма приводил легитимистские аргументы: «Одно монархическое правление прилично нашему отечеству», а «сердце сына Святого Людовика есть неистощимый сосуд милосердия»²⁸⁹. Легитимистские аргументы традиционно апеллируют к «золотому веку» или к прошлому в целом: «Гуго Капет даровал французам Париж, наследие отца своего, многие сокровища и чрезвычайно обширные поместья. Франция столь малая в царствование первых Капетов, обогатилась и распространилась под его потомками»²⁹⁰.

Самостоятельную силу на правом фланге представляли различные католические общества, появившиеся в годы Реставрации на волне реакции против антирелигиозной прессы. Эти светские объединения занимались не только религиозной, но и политической пропагандой. Наиболее влиятельным и многочисленным было Общество за пропаганду веры, насчитывавшее к Июльской революции свыше тридцати тысяч сторонников²⁹¹.

Участники событий склонны выделять еще одну группу сторонников Бурбонов, которую Талейран с присущим ему остроумием окрестил «комедиантами пятнадцатилетия». По его словам это «лицемеры, лгуны, взяточники, одним словом люди всех цветов, хамелеоны, привыкшие служить всем властям, готовые произнести любую клятву. Они служили всем: республике, якобинцам, Робеспьеру, директории, Бонапарту. Первые явились некогда в передней консулов и первые перешли от Наполеона после ста дней в передние Тюильри»²⁹². Настоящая группа, порвав с прошлым, присоединилась к ультрароялистам, которых удивляла силой своей любви и преданности королю. В этом свете интересно, что самого Талейрана многие современники, а за ними и исследователи относили именно к этой категории политических деятелей.

компетенцию народного представительства, чем конституции, выработанные народными собраниями. / Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890–1907.

²⁸⁸ См.: Шатобриан Ф.-Р. Бонапарт и Бурбоны. СПб., 1814. С. 2.

²⁸⁹ См.: там же. С. 4.

²⁹⁰ Там же. С. 80.

²⁹¹ Bertier de Sauvigny G. La Restauration. Paris, 1974. P. 315.

²⁹² Талейран Ш. М. Записки... Часть 4. С. 16.

Оформление политической доктрины либерализма, в отличие от его институционализации, проходило в течение длительного времени. Либерализму суждено было стать важнейшей западной идеологией XIX в.²⁹³ Его история насчитывает около четырех столетий, а истоки уходят в учение об общественном договоре, естественном состоянии человека, о природных правах, подытоженных в политической философии Дж. Локка с одной стороны, и этике и философии права И. Канта – с другой. Если становление либерализма датируют XVII в., то сам термин появился не ранее 1821 г.²⁹⁴ Либерализм представляет собой квинтэссенцию самых возвышенных ценностей европейской культуры и социальной мысли Запада: «От античной культуры либерализм заимствовал веру в рациональность человека; от христианства – понятие долга совести (право и обязанности совести); от Возрождения – оптимизм по поводу перспектив существования человека в этом мире; от Просвещения – принцип эгалитаризма; от романтизма – отношение к жизни как к постоянному поиску и непрерывному улучшению»²⁹⁵.

Центральное понятие либерализма, вокруг которого создаются все философские построения, – *свобода*²⁹⁶. Термин зародился в Античности как онтологическая категория, он проник в политическое пространство вместе с понятием *полис* (πόλις), т.е. свободное народное государство. В Греции свобода (ἐλευθερία) относилась к полису и связывалась с тем, насколько демократичным (или демократическим) он был²⁹⁷. Исходя из этого концепция свободного гражданина была основана на примате его политической идентичности²⁹⁸. Однако существовало и понятие²⁹⁹ личной (или индивидуальной) свободы, которая имела две стороны: негативную – отсутствие зависимости, и позитивную – личные права. Наличие или отсутствие последних зависело от политического устройства полиса. Некоторые фрагменты «Государства» Платона свидетельствуют о существовании «по-настоящему свободных» или «благородных» людей³⁰⁰, положение которых может характеризоваться комплексом признаков свободной личности: «Свободнорожденному человеку ни одну науку не следует изучать рабски»³⁰¹,

²⁹³ См.: Rémond R. Le XIX-e siècle... P. 24.

²⁹⁴ Flamant M. Histoire du libéralisme. Paris, 1988. P. 3; См.: Rémond R. Le XIX-e siècle... P. 21.

²⁹⁵ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом... Т. 2. С. 322.

²⁹⁶ См.: Rémond R. Le XIX-e siècle... P. 23.

²⁹⁷ См.: Raaflaub K. A. Politisches Denken und Krise der Polis. Athen im Verfassungskonflikt des späten 5 // Historische Zeitschrift. 1992. Bd. 255. H. 1. P. 5–57.

²⁹⁸ См.: Raaflaub K. A. Democracy, Oligarchy, and the Concept of the "Free Citizen" in Late Fifth-Century Athens // Political Theory. 1983. Vol. 11. №. 4. P. 529.

²⁹⁹ О сложности настоящей категории может свидетельствовать наличие двух интерпретаций: демократической и олигархической. См. подробнее: Raaflaub K. A. Op. cit. P. 529.

³⁰⁰ См.: Raaflaub K. A. Op. cit. P. 531

³⁰¹ Платон. Государство. Платон. Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 3. М., 1971. С. 237.

«человеку надо быть свободным и больше смерти страшиться рабства».³⁰² Большую роль играет «типичный для свободного человека» образ жизни, свободное образование, занятие свободными и благородными профессиями³⁰³. Человек лично свободный не воспринимается как «тело», хотя и тела делились на свободные, занимающиеся «лишь охраной свободы государства»³⁰⁴, и несвободные, занимавшиеся земледелием³⁰⁵: «того, что несвойственно свободному человеку и что вообще постыдно, они [воины] и делать не должны»³⁰⁶. В эллинистическое время телом именуют уже не граждан, а рабов или тех, кто попал в договорную зависимость. Несвободный же человек посвящает себя занятиям, которые делают невозможным достижение «благородного состояния» и ведения политической жизни³⁰⁷.

Средневековье стало временем подавления индивидуальной свободы, временем господства сословных и корпоративных отношений, феодальной иерархии. Именно поэтому позднее Средневековье и Возрождение также ассоциируются с процессом индивидуализации (появление личной свободы) и ростом интереса к личности. Движение в этом направлении продолжилось в период Реформации, интеллектуальный климат которой некоторые исследователи относят к идеологическим предпосылкам либерализма³⁰⁸. Реформация во Франции пришлась на XVI в. и ознаменовала распространение идеи о ценности свободы как атрибуте божественности человека. Движение охватило малую часть французского общества, главным образом представителей интеллектуальных профессий и горожан, крестьяне сохранили равнодушие³⁰⁹.

Либерализм представляет собой сложное явление, не лишенное внутренних противоречий, которые затрудняют возможность его общего определения. Поэтому понятие «либерализм» всегда конкретизируется и локализуется во времени и пространстве. Есть либерализм, связанный с английской традицией; демократический либерализм, восходящий к работам Ж.-Ж. Руссо; консервативный либерализм французских доктринеров; есть экономический и политический либерализм и т.д.

У Монтескье становится очевидной линия водораздела между демократической и либеральной идеологией. Просветитель подчеркивает ошибочность демократического понимания свободы, приравнивающего её к народовластию. Он определяет свободу как

³⁰² Там же. С. 69.

³⁰³ Raaflaub K. A. Op. cit. P. 529

³⁰⁴ Платон. Указ. соч. С. 80.

³⁰⁵ Raaflaub K. A. Op. cit. P. 531

³⁰⁶ Платон. Указ. соч. С. 80.

³⁰⁷ Raaflaub K. A. Op. cit. P. 531

³⁰⁸ См.: Дементьев И. О. Политическая теория Алексиса де Токвиля... С. 46–47.

³⁰⁹ См.: Эпоха Реформации. Европа. Минск, 2002. С. 124–140.

«спокойствие духа, происходящее от уверенности в своей безопасности»³¹⁰. Защита прав личности, на которые не может посягать государство, ограничение государственной власти, отрицание принципа неограниченности государственного суверенитета становятся основными догматами либерализма.

Либерализм отказывается от непосредственной демократии, поскольку массы, по причине своей невежественности, не умеют ценить принцип свободы. Весь народ не может и не должен заниматься законодательной деятельностью, а «участвует в правлении для того только, чтобы избрать своих депутатов, к чему он весьма способен»³¹¹. «Важная выгода депутатов состоит в том, что они могут рассуждать о делах. Народ к этому совершенно не способен, и это есть один из величайших недостатков демократии»³¹². Избирательный ценз должен отсеять тех, кто «находится в столь низком состоянии, что считается не имеющим собственной воли»³¹³.

Обеспечить главную цель либерализма – свободу человеческой личности – возможно с помощью разделения государственной власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. С помощью системы сдержек и противовесов даются гарантии против возможного злоупотребления и произвола: «Когда одно лицо или одно правительственное сословие завладеет и властью законодательной и властью исполнительной, тогда нет свободы; ибо можно опасаться, что государь или сенат станет издавать насильственные законы и приводить их в исполнение насильственным образом. Нет, равномерно, свободы и в то время, когда судебная власть не отделена от власти законодательной и от власти исполнительной (...) Все подвергнется гибели, когда одно лицо или одно сословие из знатных людей, или из дворян, или из народа (курсив мой – С.М.), получит в свои руки все три власти...»³¹⁴

Либерализм Монтескье не отрицает монархию, но встраивает её в модель разделения властей. Просветитель считает, что исполнительная власть должна находиться в руках монарха, потому что «это часть правления, требующая скорого и временного действия, гораздо лучше выполняется одним, нежели многими»³¹⁵. Более того, особа монарха должна быть священна и неприкосновенна, чтобы «законодательное сословие не сделалось самовластным». В свою очередь, «дела, зависящие от законодательной власти, часто гораздо лучше выполняются многими, нежели одним»³¹⁶.

³¹⁰ Монтескье Ш. Л. Дух законов. Т. 1. СПб., 1839. С. 270.

³¹¹ Там же. С. 277.

³¹² Там же. С. 276.

³¹³ Там же. С. 277.

³¹⁴ Там же. С. 271.

³¹⁵ Там же. С. 280.

³¹⁶ Там же.

Согласно либеральной доктрине, свобода зависит от сохранности каждой из ветвей власти. И если «законодательное сословие» посмело судить монарха, «свободы уже существовать не может», а государство превратится в несвободную республику³¹⁷.

В канун революции 1789 г. либеральные идеи распространились даже в придворных кругах, а министры Тюрго и Неккер открыто позиционировали себя сторонниками этой идеологии. Либеральные принципы разделяли просвещенные дворяне, в особенности протестанты и жители столицы.

Однако классический либерализм не имел широкого круга сторонников ни во время Французской революции, ни в период наполеоновской империи, поскольку в основе этой идеологии была защита бессловного гражданского общества, установленного Революцией. В этом смысле либерализм можно назвать охранительной идеологией 1789 года, которая достигла своей цели и отказывалась от дальнейшего социального творчества, не создавая себе никаких новых идеалов в этом направлении. Эта умеренность во время революции оставила либералов в тени более энергичных демократов, чей социальный идеал был еще не достигнут. Учение Монтескье оказало куда меньшее влияние на политических деятелей Революции, чем работы Руссо или Мабли, авторы которых воспевали непосредственное народовластие. Главенству индивидуальной свободы они предпочитали социальное равенство и народное верховенство. Свергнув самодержавную власть абсолютного монарха, они сконструировали самодержавную власть народа-суверена, который не способен ошибаться и злоупотреблять властью.

Либералов эпохи Французской революции принято делить на три течения. Первое стремилось к чистому либерализму в духе Монтескье (шестая глава девятой книги «О духе законов» стала фактически их политической программой), не доверяло демократическим принципам и видело идеал в английской конституции³¹⁸. Его представители (Мунье, Малуэ, Малле дю Пан, Неккер, Клермон-Тоннерр, Бергас, Лалли-Толлендаль, Вирье и др.) опасались как королевского деспотизма, так и народовластия. Они выступали за постепенное социальное реформирование и отвергали революционные методы. Поскольку любые проявления «прямой демократии» толкали их в консервативный лагерь, в рядах либеральной партии эпохи Реставрации не найти ни одного из представителей этой группы³¹⁹. Однако идея либеральной монархии, приверженность английской конституции, цензовое понимание свободы делают эту группу прямой политической предшественницей доктринеров.

---

³¹⁷ См.: там же. С. 282–283.

³¹⁸ Наиболее заметными членами группы были Мунье, Малуэ, Малле дю Пан, Неккер, Клермон-Тоннерр, Бергас, Лалли-Толлендаль, Вирье.

³¹⁹ Необходимо принять во внимание, что многие из них не уцелели в годы Революции.

Второе, «либерально-демократическое», течение предприняло попытку синтеза учений Монтескьё и Руссо, соединив стремление к индивидуальной свободе с идеей народовластия, а принцип разделения властей с суверенитетом нации. Так называемые «патриоты» (Сийес, Лафайет, Ле Шапелье, Ларошфуко, Туре, Тарже, Грегуар, Бальи, Ланжюине, Барнав, Дюпор, Ламет, Талейран (!) и др.) и «фельяны»³²⁰ (Рамон, Воблан, Жирарден и др.) воплотили свою политическую программу в конституции 1791 г. Не доверяя королевской власти, они ограничили ее полномочия и лишили самостоятельной политической роли: «Король (...) приносит присягу на верность нации и закону», «если король не принесет присяги (...), то он признается отрекшимся от королевской власти»³²¹; «ни один приказ короля не подлежит исполнению, если он (...) не скреплен министром»³²² и т.д. Гарантиям прав личности они предпочли народный суверенитет, который «принадлежит нации», «един, неделим, неотчуждаем и неотъемлем; ни одна часть народа, никакое лицо не может присвоить себе его осуществление»³²³. Общественные интересы были поставлены под защиту многочисленных вновь созданных выборных властей³²⁴. Для торжества свободы они видели опасность только с одной стороны, со стороны королевской власти, и принимали поэтому все возможные меры для ее ограничения, создавали республиканскую конституцию при внешне монархической форме³²⁵. В отличие от либералов, – сторонников Монтескьё, либеральные демократы отвергли принцип избирательного ценза: «Всем гражданам открыт доступ к местам и должностям без каких-либо иных отличий, кроме проистекающих из их добродетелей и способностей»³²⁶. В годы термидорианского конвента они собирались в салоне госпожи Сталь, которая сумела сблизить их с некоторыми роялистами (Дюпоном де Немуром, аббатом Морелле, Лакретелем и др.). Конституционалисты 1791 г. стали предшественниками, а вернее родоначальниками, партии «независимых», которых В. Бутенко назвал «либералами в узком смысле слова»³²⁷. Представители этой группы (Лафайет, Ларошфуко, Ланжюине, Ламет, Жирарден), устойчивые к проявлениям «прямой демократии», вновь появляются в политическом пространстве эпохи Реставрации с политической программой первых лет революции, следы которой можно найти даже в Хартии 1814 г.

³²⁰ Партия конституционных монархистов Учредительного собрания.

³²¹ Конституция 3 сентября 1791 г. Документы истории Великой французской революции. Т. 1. М., 1990. С. 122.

³²² Там же. С. 126.

³²³ Там же. С. 116.

³²⁴ См. Смотрите отдел I первой главы третьего раздела конституции 1791 г.

³²⁵ См.: Бутенко В. А. Указ. соч. С. 59.

³²⁶ Конституция 3 сентября 1791 г. Документы истории Великой французской революции. Т. 1. М., 1990. С. 114.

³²⁷ Там же.

Третье либеральное течение в политическом пространстве представляли жирондисты (Верньо, Гюаде, Жансонне, Гранжнева, Дюко, Бриссо, Ролан, Кондорсе, Фоше, Инар и др.), а в интеллектуальном – «идеологи» (последние представители философии XVIII века – Кабанис, Дестюд де Траси, Вольне, Дону, Гара, Женгене и др.). Физическое уничтожение большей части политического крыла этой партии осенью 1793 г.³²⁸ не позволило ей воссоздаться в эпоху Реставрации. Идеологи, центром собраний которых в годы термидорианского Конвента стал салон вдовы Гельвеция, не претендовали на политическое влияние и не предпринимали попыток преобразовать свое сообщество в партию. К ним примкнул и Б. Констан.

Победа якобинцев, установление диктатуры, жестокость революционного террора ужаснули и обескровили либеральное движение, которое продолжило свое существование в период Империи лишь в форме частной жизни и немногочисленных салонов. В период Империи «гарантом» нового уклада был Наполеон, который в массовом сознании воплощал принципы и результаты Революции, а в некотором смысле и сам был среди этих результатов: «Пока Наполеон был на престоле, новым порядкам не могло грозить опасности. Он консолидировал дело революции, и при нем французский крестьянин мог не бояться восстановления феодальных привилегий, а владелец национальных имуществ мог не дрожать за свою новую собственность, так как само существование империи было неразрывно связано с переворотом, произведенным революцией»³²⁹. Идея же реставрации предполагала перспективу восстановления Старого порядка, что активизировало приверженцев либеральных идей и актуализировало роль либералов как защитников принципов 1789 г.

Второе рождение либерализма во Франции связано с эпохой Реставрации Бурбонов (1814–1830) и Июльской монархией (1830–1848), когда он обрел партийную форму, стал значительной политической и интеллектуальной силой, объединившей крупнейших интеллектуалов и получившей поддержку избирателей³³⁰. К наиболее значительным представителям этой идеологии в посленаполеоновской Франции относятся Мари Жозеф де Лафайет (1757–1834), Жермена де Сталь (1766–1817), Бенжамен Констан (1767–1830). Некоторые исследователи выделяют отдельную группу «консервативных либералов», в которую входят Франсуа Рене де Шатобриан (1768–1848) и Астольф де Кюстин (1790–1831); либеральных католиков – Фелисите де Ламеннэ (1782–1854) и Анри-Доминик Лакордер (1802–1861)³³¹. Несмотря на принадлежность к разным поколениям и социальным группам, несхожую

³²⁸ Все основные ее представители, кроме Инара, были казнены осенью 1793 года после «Процесса жирондистов».

³²⁹ Бутенко В. А. Указ. соч. С. 53.

³³⁰ См.: Jardin A. Histoire du libéralisme politique... P. 211.

³³¹ См.: Дементьев И. О. Политическая теория Алексиса де Токвиля... С. 4.

судьбу и амбиции, порой противоположные взгляды и убеждения, всех этих людей объединяют принадлежность к либеральному движению и причастность к выработке философии французского либерализма³³².

Социальная база либерального движения состояла из ядра и периферии. Ядро включало в себя немногочисленную группу интеллектуалов, увлеченных философскими дискуссиями и политическими спорами. Несмотря на ярко выраженный интеллектуализм движения, либеральные ценности были понятны и поддерживались широкими массами французов. В период Реставрации либералы получили поддержку от всех тех, кто отстаивал достижения революции и не желал восстановления Старого порядка. Частым явлением были массовые либеральные демонстрации, героями которых становились популярные политики и интеллектуалы, такие как Лафайет и Констан³³³. Результаты выборов в Палату свидетельствовали, что в годы Реставрации поддержка либерального движения среди населения неуклонно расширялась.

Либералы занимали значительное место в легальном политическом пространстве в канун и в первые годы Реставрации, а при Июльской монархии одержали решительную победу и вступили в борьбу с демократами во имя порядка. Они стали основной силой, которая противодействовала ультрароялистам и выступала против роялистов-конституционалистов. Либералы примирились с перспективой призвания Бурбонов, как с политической необходимостью, обусловленной военным поражением, и приветствовали в сенатской конституции закон, который оберегал Францию от возвращения Старого порядка вместе со старой династией и обеспечивал ей главные приобретения революции. Они видели в хартии акт, сформулировавший те требования, которые французское общество предъявило старой династии, и принятие которых Людовиком XVIII было необходимым условием его восстановления на престоле предков³³⁴. В 1814 г. между многочисленными публицистами, принадлежащими к течению умеренных либералов, обратил на себя внимание Дюрбак, автор ряда брошюр, получивших широкое распространение и сочувственно принятых. Он парировал выпады противников справа: «Сторонники старой монархии, требовавшие возвращения Бурбонов без всяких условий и предлагавшие «отдаться в отеческие руки короля» изменили свою тактику. Поняв всю безнадежность своих начинаний, они примирились с необходимостью даровать французскому народу хартию, но требуют, чтобы эта хартия не исходила от народа

³³² См.: Bénichou P. Le temps des prophètes. Paris, 1977. P. 17.

³³³ См.: Дементьев И. О. Политическая теория Алексиса де Токвиля... С. 64–65.

³³⁴ См.: Rémond R. Le XIX-e siècle... P. 21–22.

или его представителей, а была результатом добровольной уступки монарха»³³⁵. Очевидно, если монарх имеет право односторонним актом даровать конституцию, то такой же механизм может быть задействован для ее отмены. Именно поэтому либералы настаивали, что только конституция, свободно призывающая Бурбонов на престол, может обладать достаточным авторитетом, чтобы гарантировать сильную и безопасную власть.

Ведущая идея либералов первой половины XIX в. – преобразование общества на началах разума и морали, с установлением основ легитимности рационально организованного мира. Причем разум для них куда больше, чем присущее всему человечеству свойство, отличающее людей от животных. М.М. Федорова говорит о разуме как программе моральной дисциплины, своеобразной политической педагогике, открывающейся субъекту: «...это программа специфической организации сообщества, имеющая своей целью установление согласия между людьми, это особый “договор”, заключаемый между человеком и миром»³³⁶.

Внутри этого движения оформилось сразу несколько партий, представлявших различные «крылья» либеральной идеологии. Наиболее правой из либеральных партий были либеральные консерваторы *доктринеры* – Проспер Барант, Жак Беньё, Шарль Ремюза, Виктор Кузен и др. Лидеры объединения – Пьер-Поль Ройе-Коллар, Франсуа Гизо и герцог Виктор де Брольи. По одной версии название объединения появилось в результате шуточного обвинения, брошенного в адрес первого его лидера Руайе-Коллара, выступавшего с речью о «доктринах, принципах и теориях»³³⁷, по другой, «доктринеры» – это самоназвание, что подтверждается мемуарами Гизо. Последний полагал, что «доктрины, от имени которых уничтожили старое общество должны смениться доктринами, которые позволят создать новую Францию»³³⁸. Доктринеры не представляли собой политическую партию, а были небольшой, но влиятельной группой, члены которой, по словам современника, могли разместиться на одном диване.

Соседство высоких идеалов свободы, равенства и народного суверенитета с революционным террором и превращением принципа гражданской свободы в диктатуру, заставило доктринеров задуматься над вопросом о пределах свободы, о степени контроля государства над гражданской свободой, о форме правления, которая бы обеспечила свободу, порядок сверху и согласие между всеми слоями общества³³⁹. В поисках гармонии между свободой и порядком возникло движение либерального консерватизма. Убежденные, что идея конституционной монархии способна соотнести идеалы 1789 г. с королевской властью и стать

³³⁵ Цит. по: Алексеев А. С. Указ. соч. С. 17.

³³⁶ Федорова М.М. Либерализм первой половины XIX века... С. 53.

³³⁷ Craiutu A. Liberalism under Siege... P. 26.

³³⁸ Guizot F. Mémoires... Vol. 8. P. 158.

³³⁹ См.: Уварова М. Коронованная демократия. Франция и реформы Наполеона III в 1860-е гг. М., 2014 С. 14.

тем государственно-правовым фундаментом, который необходим обществу³⁴⁰, доктринеры старались примирить свободу с порядком, конституционный образ правления с сильным правительством. Ройе-Коллар выступал за господствующую исполнительную власть, и предлагал различать английский и французский парламентаризм, утверждая, что на континенте весь объем государственной власти должен находиться в руках короля, а установление министерства, ответственного перед большинством палаты, равносильно падению монархии. Гизо был сдержаннее своего старшего товарища, но также ставил власть короля выше власти палаты. Для доктринеров Хартия стала сакральным документом. Они считали, что результатом развития Франции должна быть устойчивая система «легитимной монархии», способная дать «порядок со свободой». Залог ее – Хартия 1814 г., «единая для всех», способная примирить разнообразные элементы французского общества (роялистов, бонапартистов, конституционалистов)³⁴¹. Отношение властей к Хартии непосредственно формировало отношение доктринеров к властям и их присутствие в правительственном или оппозиционном лагере³⁴². В политике доктринеры представляли умеренную реакцию против революции, в общефилософских воззрениях стояли на почве спиритуализма, в противоположность сенсуализму XVIII столетия.

Самостоятельной политической силой были так называемые *независимые*, близкие к либеральной демократии в духе Руссо. Однако в их беспартийных рядах были как убежденные легитимисты – Бройль, Перье, так и орлеанисты – Лаффит, Манюэль, Лафайет. Некоторые представители этой группы – Констан, Сталь – абсолютно безразлично относились к выбору персоналий и партий, а ратовали лишь за сохранение конституционных учреждений и неприкосновенность принципа разделения властей. Они выступали за гражданские права, свободу личности, расширение корпуса избирателей, не подцензурную печать и против клерикализма и феодальной реакции.

Доктринеров и независимых объединяла приверженность к политической свободе, стремление сохранить завоевания революции, рациональное восприятие текущей ситуации и страх перед новыми революционными потрясениями. Таким образом, французский либерализм оказался разделен на два идейно близких течения: либеральный консерватизм (умеренный либерализм) доктринеров и либеральная демократия независимых.

За пределы легального политического пространства были вытеснены республиканцы, представлявшие «самую слабую партию», которая в 1814 г. только «пробудилась от

³⁴⁰ Craiutu A. Liberalism under Siege... P. 27.

³⁴¹ Guizot F. Trois generations. 1789 – 1814 – 1848. Paris, 1863. P. 92.

³⁴² Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 290-295.

насильственного сна, в который повергнул ее Наполеон»³⁴³. Однако при общем торжестве реакции во французском обществе эта партия оставалась на маргинальных позициях, уступив роль защитников бессословного гражданского строя и нового социального порядка либералам³⁴⁴. В их рядах находилось много бывших членов Учредительного и Законодательного собрания, Конвента, советов, которые не разучились еще верить в возможность республиканского демократического правления. Однако их причастность, иногда только идеологическая, к казни Людовика XVI, исключала возможность нахождения в одном легальном пространстве с представителями дома Бурбонов в период Реставрации.

Таким образом, политическая жизнь периода Реставрации была далека от состояния застоя. Это красноречиво подтверждает многотомный парламентский архив Франции, содержащий стенограммы оживленных дебатов практически по всем вопросам. Принятые законы говорят о господстве партии умеренных либералов вплоть до 1824 г. и о стремлении этой силы сохранить статус-кво, а вместе с ним и свое преобладание в легальном пространстве. Например, избирательный закон (1817 г.) соответствовал интересам торговой и промышленной буржуазии и ограничивал политическое влияние землевладельцев – традиционных сторонников ультрароялистов. Закон по реорганизации армии (1818 г.) исходил из республиканских принципов (предусматривал правила повышения, основанные на старшинстве и выслуге, лишал монарха права на выбор служащих), которые существенно облегчали восстановление вооруженных сил в новых условиях, но вызывали оппозицию ультрароялистов, считавших армию оплотом аристократии. Закон о печати (1819 г.) ослабил предыдущие ограничения прессы и дал ей правовые гарантии.

Возвращение Бурбонов во Францию не знаменовало собой восстановление Старого порядка и возрождения его государственно-правовых оснований. Династия была обязана восстановлением не своему, основанному на древности владения, праву на престол, которое большинство нации за ними не признавало (хотя бы уже потому, что не помнило их); не своему личному престижу, которым они не пользовались уже лет сто (со смерти «короля-солнца»); не материальному могуществу, которым они не располагали, а исключительно политическим соображениям и стечению обстоятельств. Все официальные акты, которые служат формальным основанием Реставрации и проводят черту между империей Наполеона и монархией Бурбонов, начиная с декрета о низвержении Наполеона и кончая Сент-Уанской декларацией, не содержат в себе ни малейших намеков на возрождение принципов Старого порядка. В частности, декрет Сената от 3 апреля, отстранивший от власти династию Бонапарта, устанавливает принцип, по

³⁴³ Талейран Ш. М. Записки... Часть 4. С. 17.

³⁴⁴ См.: Бутенко В. А. Указ. соч. С. 53.

которому монархия возможна лишь в рамках конституции или общественного договора³⁴⁵. Второй параграф сенатской хартии гласит, что французский народ свободно призывает на престол Луи-Станислас-Ксавье, брата последнего короля³⁴⁶. На одном из совещаний Талейран с сенаторами решили, что король, до принесения присяги, является частным лицом³⁴⁷.

Неоднозначное отношение Людовика XVIII к сенатской конституции демонстрирует его собственные политические предпочтения и силы, на которые он намерен опираться в тот или иной период. В историографии широко распространено мнение относительно личных качеств и способностей графа Прованского, которого уличали в отсутствии политических убеждений и «своей воли» в вопросах государственного управления. Обвинения эти базируются как на исторических фактах, так и на воспоминаниях современников. В контексте настоящего исследования представляют некоторый интерес лишь политические склонности Людовика XVIII и траектория их изменений. Впервые он обнаружил свои убеждения в 1788 г. в виде либеральных настроений, что выразилось в совместном с народной партией голосовании³⁴⁸. Когда революция разворачивается роковым для Бурбонов образом, политические взгляды графа Прованского входят в другое русло, и он заявляет в коронационной³⁴⁹ декларации 1795 г. о намерении восстановить старую французскую монархию во всей чистоте и незыблемости³⁵⁰. Однако, когда социальные и политические достижения Французской революции были закреплены целым рядом законов и учреждений, а Старый порядок стал немыслим, Людовик XVIII выражает готовность, в случае возвращения на престол, признать результаты революции. Эту позицию он закрепляет в декларации 4 декабря 1804 г., опубликованной в Митаве, и подтверждает через десять лет в Гартвелльском манифесте от 1 января 1814 г. Наконец, как только союзники высказались за возвращение старой династии при условии принятия ей конституции, Людовик выпускает Сент-Уанскую декларацию, в которой уже возвещает главные основы конституционного порядка.

Если первый этап выработки Хартии был связан с деятельностью Сената, то ее доработка была делом ближайших сотрудников призванного короля³⁵¹. Разумеется, конституция не могла стать личным творческим актом монарха-законодателя, по ряду причин. Во-первых, ее прототип был разработан сенатом. Во-вторых, слишком многие политические

³⁴⁵ Collection complète des lois, décrets, ordonnances, règlements et avis du Conseil-d'Etat. Vol. XIX. Paris, 1827. P. 4.

³⁴⁶ Ibid. P. 7.

³⁴⁷ Vitrolles E.-F. Mémoires et relation politiques. Vol. 2. Paris, 1884. P. 1–21.

³⁴⁸ Pasquier E.-D. Histoire de mon temps... Vol. II. P. 318.

³⁴⁹ Граф Прованский был провозглашен королем в 1795 г., после смерти сына Людовика XVI.

³⁵⁰ Duvergier H. Histoire du Gouvernement parlementaire en France. Vol. 2. Paris. 1870. P. 124.

³⁵¹ Beugnot J. C. Mémoires. Vol. II. Paris, 1868. P. 169–171.

силы и факторы оказывали различное по направленности воздействие на любого, причастного к выработке непосредственных формулировок и текста. Наконец, способности Людовика не позволяли ему стать автором подобного документа, поскольку он не имел своих воззрений на желательный для Франции государственный строй, а примкнул, как это делал неоднократно, к господствовавшему в стране настроению и к той политической программе, которую поддерживали союзные державы. Однако его образ мысли имел и определенную специфику. В частности, король был убежден, что факт дарования конституции не означает отказа от принципа самородности его власти, т.е. он не перестает быть монархом «божьей милостью». Проспер Барант свидетельствовал в воспоминаниях, что к «чувствам и верованиям» короля принадлежала, прежде всего, «уверенность в божественном происхождении монархической власти и ее независимость от народной воли», но это верование не мешало ему признавать необходимость подчиняться требованиям «конституционного порядка»³⁵².

Заключительная работа над конституционной Хартией началась сразу по прибытии короля в Париж 3 мая 1814 г. и имела несколько этапов, особенности которых позволяют понять политический ландшафт всей эпохи. Воздействовать на выработку текста могли только силы, причастные на данный момент к легальному политическому пространству, т.е. умеренные роялисты и умеренные либералы.

Первый этап отмечен составлением «проекта Монтескью», в разработке которого принимали участие комиссары³⁵³ Людовика XVIII – умеренные роялисты – канцлер Дамбре, граф Ферран и собственно аббат Монтескью³⁵⁴. По замечанию многих правоведов, эти деятели были людьми, которые «ни по своему прошлому, ни по своим убеждениям, ни по своей подготовке не были приспособлены к тому делу, которое было на них возложено»³⁵⁵. Только вернувшись из эмиграции, они являлись носителями политических ценностей Старого порядка, не понимали новых реалий и отрицательно относились к самой идее конституционного строя, установлению которого они должны были содействовать³⁵⁶. Однако, приняв идею конституции и «пойдя по следам английского государственного строя, который восхвалял Монтескье, перед которым преклонялся Вольтер и который безуспешно рекомендовали учредительному собранию Мунье и Малуэ», роялисты, по словам Витроля, «во избежание большего зла» стремились наложить на акт «ярко выраженную печать догматов древней монархии»³⁵⁷. Один

³⁵² Barante P. Souvenirs. 1782–1866. Paris, 1893. Vol. II. P. 242.

³⁵³ Странное для сотрудников короля наименование, но именно его использует Беньо.

³⁵⁴ Beugnot A. Mémoires... Vol. II. P. 169–170.

³⁵⁵ Алексеев А. С. Указ. соч... С. 42.

³⁵⁶ Pasquier E.-D. Histoire de mon temps... Vol. II. P. 416.

³⁵⁷ Vitrolles E.-F. Mémoires... Vol. II. P. 239.

из разработчиков, Ферран писал впоследствии: «Мы сочли себя обязанными сделать наш опасный труд, если не возможно лучшим, то, по крайней мере, наименее плохим, сообразуясь с указаниями, данными нам королем»³⁵⁸.

Стремясь сохранить догмат о священности монархии, редакторы вычеркнули из сенатской конституции «декоративную», по мнению правоведов, статью 2, говорившую о призыве народом на престол графа Прованского и заменили ее постановлением, признававшим «законным монархом» – Людовика XVIII, после которого «престол переходит к остальным членам династии Бурбонов по неизменному старому порядку». Также в сенатский вариант конституции были внесены дополнения и правки, усилившие позиции короля по отношению к парламенту и позиции католической церкви по отношению к другим религиям³⁵⁹. Беньо остроумно назвал эту работу над проектом «делиберализацией»³⁶⁰.

Второй период совпадает с деятельностью парламентской комиссии под председательством Дамбре, состоявшей в большинстве своем из политических единомышленников либеральных взглядов, которые господствовали в легальном политическом пространстве законодательной власти и не скрывали своей солидарности с основными началами сенатской конституции. В результате шестидневной работы (22–27 мая) монархическая тенденция была смягчена, изъята новая редакция статьи 2 и выработан окончательный текст Хартии. Когда правительственные комиссары-роялисты Дамбре, Монтескью и Ферран возражали, вопрос ставился на голосование, и они неизменно оказывались в меньшинстве. Король же дал им распоряжение не создавать конфликтных ситуаций и согласовывать занимаемую позицию с началами, провозглашенными в Сент-Уанской декларации. Позже Ферран сокрушался, что они вынуждены были уступать силе обстоятельств и принаравливаясь к общему духу работы комиссии³⁶¹.

Таким образом, на момент написания итогового текста конституционной Хартии 1814 г., принципы старой монархии не нашли себе места ни в одном официальном документе: ни в речи графа Д'Артуа от 14 марта, ни в прокламации союзников от 31 марта, ни в сенатской конституции, ни в Сент-Уанской декларации 3 мая, ни в итоговом тексте самой Хартии. Из последнего были вычеркнуты даже пункты, провозглашавшие принцип легитимизма, а их место заняли определения, закрепившие неотъемлемые, независимые и неотчуждаемые права нации. Это было связано с незначительностью присутствия эмигрантов-ультрароялистов в

³⁵⁸ Ferrand F. *Mémoires du compt de Ferrand*. Paris, 1844. P. 73.

³⁵⁹ Beugnot A. *Mémoires...* Vol. II. P. 174–176.

³⁶⁰ Ibid. P. 170.

³⁶¹ Ferrand F. *Mémoires...* P. 74.

легальном политическом пространстве, функционирование которого во многом регулировали союзники. Однако ситуация стала меняться в момент, когда союзные монархи и министры начали покидать Париж. Достоверно известно, что на уступчивость роялистов, в том числе при выработке текста Хартии, имело несомненное влияние присутствие в Париже императора Александра I. В его сознании и в умах других союзных государей господствовала уверенность, что Франция может быть «замирена» лишь при условии принятия либеральной конституции³⁶². Именно с этим связано затянувшееся присутствие царя в Париже и поспешность, с которой вырабатывался основной нормативно-правовой акт³⁶³.

Союзники покинули Париж в канун заседания палат с участием короля, на котором планировалось зачитать и принять конституцию. Это решение было одобрено, чтобы создать видимость независимого происхождения акта. Однако текст его был по существу согласован с русским царем и не мог изменяться. Роялисты, освободившиеся от присмотра и получившие больше независимости и самостоятельности, внесли предложение о наименовании выработанного нормативно-правового акта не конституцией, а ордонансом, т.е. королевским указом или односторонним актом монарха³⁶⁴. После дискуссии было решено сохранить компромиссное наименование, которое было по инициативе Талейрана присвоено сенатской конституции³⁶⁵.

Конституционная Хартия нуждалась в предисловии, составить которое должен был король, передоверивший эту обязанность Фонтэну. Расширил и усилил преамбулу идеолог умеренных роялистов Беньо, расценивший текст предшественника как «недостаточно отразивший принципы и основания монархии»³⁶⁶. Именно в его дополнениях нашла отражение легитимистская доктрина октроированного акта – идеологическое ядро монархистов-конституционалистов. Права Людовика XVIII на престол связывались с традицией, идущей от Людовика XI, Генриха II, Карла IX и Людовика XIV. Согласно преамбуле, король не принимает, а «добровольным и свободным осуществлением своей власти» «дарует, уступает и жалует своим подданным, как за себя, так и за наследников, конституционную Хартию»³⁶⁷. Говоря иными словами, монарх, октроирует конституцию, делая ее «жалованной»³⁶⁸, чего и

³⁶² Pasquier E.-D. Histoire de mon temps... Vol. II. P. 414.

³⁶³ Vitrolles E.-F. Mémoires... Vol. 2. P. 273.

³⁶⁴ Beugnot A. Mémoires... Vol. II. P. 141–169.

³⁶⁵ Pasquier E.-D. Histoire de mon temps... Vol. II. P. 319.

³⁶⁶ Beugnot A. Mémoires... Vol. II. P. 180.

³⁶⁷ Charte constitutionnelle de l'an 1814. Paris, 1814. P. 2.

³⁶⁸ Необходимо отметить, что в данном случае речь так же не идет о непосредственной воле Людовика XVIII, который не только не принимал участия в составлении преамбулы, но, по свидетельству Беньо, сославшись на

желали представители умеренных роялистов. Однако это была исключительно формальная декоративная процедура, поскольку по существу и по содержанию документ являлся государственным актом, в котором нашли выражение общественные требования, заявленные от имени народа представителями законодательной власти.

Хартия и ее преамбула в сущности своей и по происхождению не являются двумя частями органичного целого, хотя современный английский историк А. Крейуту увидел в этом сочетании символ мирного договора³⁶⁹. Текст конституции, несмотря на всю спешку, был выработан путем многоэтапного процесса, первым звеном которого стал сенатский проект, а заключительной вехой – работа парламентской комиссии. В ее составлении принимали участие представители различных политических сил: от членов Конвента Гарата и Грегуара до сотрудников короля Дамбре и Феррана. Однако решающее воздействие на дух документа имела партия умеренных либералов, господствовавшая в легальном политическом пространстве в первые месяцы Реставрации. Преамбула же была написана двумя приближенными короля, причем сам монарх текст ее впервые прочел только на торжественном заседании. Появление преамбулы стало возможно вследствие постепенного роста присутствия умеренных роялистов в органах исполнительной власти. Тем не менее, соотношение основного текста и предисловия демонстрирует соотношение сил либералов и роялистов.

На Людовика XVIII и его ближайших сотрудников была возложена непростая задача примирения двух диаметрально противоположных стремлений, присутствовавших в политической системе. С одной стороны, приверженцы Старого порядка связывали с реставрацией надежду на восстановление традиционной монархии в духе Людовика XIV, с другой стороны, новые социальные группы требовали закрепить блага, отвоеванные революцией, и узаконить начала либерального конституционного строя.

Осознанно или неосознанно был создан эффект внешнего примирения, путем одновременного издания 4 июня 1814 г. двух актов, весьма различных по своему содержанию. Первым и наиболее важным был текст Хартии, который закрепил основы представительного строя и удовлетворил сторонников новой Франции. Второй, декоративный, текст преамбулы оправдывал хартию с точки зрения принципа легитимизма. Некоторые исследователи считают подобную структуру конституции символическим «мирным договором, завершившим долгую гражданскую войну», а ее идеи расценивают как «преемственные к 1789 г., но отвергнувшие

недостаток времени, отказался даже ознакомиться с подготовленным для него текстом. (Beugnot A. Mémoires... Vol. II. P. 160–169).

³⁶⁹ Craiutu A. Liberalism under Siege... P. 19.

теории, которые вдохновляли террор 1793–1794 гг.»³⁷⁰. Однако ожесточенная парламентская и общественная полемика, происходившая на протяжении всей Реставрации говорит о противоположной роли этого эклектичного нормативно-правового акта.

Ключевые вопросы общественно-политической жизни эпохи Реставрации, так или иначе, были связаны с принципами, которые закрепила Хартия³⁷¹. Весь период стал временем борьбы между Революцией и Старым порядком, которая проходила в рамках легального политического пространства и за его пределами: «Парламентские формы были новы, а люди еще новее»³⁷², — вспоминал Шарль Ремюза. Несмотря на неразрешенность многих старых вопросов, касающихся природы революции и ее наследства, появился и новый набор политических задач и проблем, которые занимали умы философов и практиков. Важнейшей задачей было создание системы представительного правления, которая сочетала бы свободу с порядком.

Доктрина «монархического принципа» или «октроированной конституции» не играла в царствование Людовика XVIII большой роли. Во многом это уже связано с деятельностью короля, который не имел отношения к формулировкам преамбулы, но принял роль арбитра в годы правления³⁷³. В частности, на протяжении всего периода Реставрации, одним из основных был спор о природе королевской власти в XIX веке. Ультрароялисты считали, что власть монарха самодержавна, поскольку исходит от Бога, роялисты добавляли, что она плод легитимной наследственной монархии, начала которой выше принципа народного суверенитета. Находясь в легальном политическом пространстве и признавая конституцию, роялисты стремились вписать в новую систему самодержавного короля, утверждая, что власть делится на два элемента: государственное верховенство и отдельные полномочия. Первый из этих элементов образует суверенную власть и принадлежит королю. Второй образует собою отдельные полномочия, которые принадлежат законодательной, исполнительной и судебной власти. Они считали, что король сохранил за собой верховную власть, что подтверждается текстом преамбулы. «Я как депутат Франции, торжественно заявляет Марселюс, в речи от 11 января 1822 г., говорю, что во Франции не существует авторитета, который не вытекал бы из высшего легитимного авторитета, — авторитета короля, что сама хартия существует только в силу этого авторитета, что, следовательно, и наши полномочия, которые вытекают

---

³⁷⁰ Ibid.

³⁷¹ См. подробнее: Lucas-Dubreton J. The Restoration and the July Monarchy. New York. 1929. P. 1–15.

³⁷² Rémusat C. Mémoires de ma vie. Paris, 1958. P. 236.

³⁷³ Sautel G. Op. cit. P. 377.

непосредственно из хартии, в действительности имеют своим источником авторитет короля, ибо он нам ее пожаловал, он нам ее октроировал»³⁷⁴.

Если для роялистов государство отождествлялось с государем, и верховная власть была личным достоянием монарха, то для либералов государство представляло собою общественное благо, а государственная власть являлась выражением общественного самоопределения. Они противопоставляли началу самодержавия монарха принцип общественного самоопределения народа. Руайе-Коллар писал в связи с этим: «Народы суверенны в том смысле, что ими не владеют как землями, они принадлежат самим себе, они в силу естественного права черпают в самих себе средства для охранения своего существования, для обеспечения своего благосостояния. Народ суверенен, далее, в том смысле, что общественное признание есть единственное прочное основание всякого правительства, которое существует только через народ и для народа»³⁷⁵. В конституционной Франции, по учению либералов, нет абсолютной власти и нет органа, который обладал бы неограниченными полномочиями; все власти покоятся на хартии, которая является последним основанием их авторитета, и все они обладают лишь той степенью власти, которая отмежевана им хартией. И в этом отношении нет никакого различия между монархом и парламентом. Его власть, как и власть обеих палат, основана на законе и ограничена законом.

Правительство Людовика XVIII, со времен кабинета Эли Деказа ведущее «политику коромысла» (колебания между партиями), не присоединилось ни к тому, ни к другому лагерю, а избрало средний путь. Данный курс, с одной стороны, признавал догмат октроированного порядка, выставленный роялистами, а с другой – хотел обеспечить либералам неприкосновенность основных принципов конституционного режима. Эту умеренную точку зрения отстаивали министры Паскье, де Серр, Деказ и Корьбиер при защите ими законов о выборах 1817 и 1820 гг. и закона 1824 г. Последний говорил 24 января 1822 г.: «Авторитет монарха не может стоять над хартией. Король октроировал ее своим народам, она есть благо, принадлежащее тем, которые ее получили, поэтому король не может обладать авторитетом, стоящим выше хартии, поскольку тогда его авторитет мог бы взять ее обратно, и тогда бы хартия была ничем не обеспеченным даром»³⁷⁶. Правительственные заявления 1816–1824 гг. преследуют цель сохранить баланс сил внутри легального политического пространства.

Косвенные источники свидетельствуют об определенной роли монарха в регулировании соотношения политических сил. Не имея возможности прямо воздействовать на

³⁷⁴ Цит. по: Алексеев А. С. Указ. соч. С. 86.

³⁷⁵ Royer-Collard P.-P. La vie politique de M. Royer-Collard... Vol. 1. P. 146–160.

³⁷⁶ Цит. по: Алексеев А. С. Указ. соч... С. 107.

ультрароялистов, которые были «большими монархистами, чем сам король», Людовик и его правительство внедрили технологию ограничения их влияния без дополнительного ограничения их присутствия в политическом пространстве. Это стало возможно, вследствие введения практики отправки самых одиозных фигур, влияние которых нельзя ограничить иным способом, в качестве дипломатических представителей в другие страны.

Людовик XVIII выступил как последовательный противник ультрароялистов, которые в период его царствования лишь незначительно отошли от маргинальных позиций. Очевидно, что он понимал невозможность и не желал реставрации Старого порядка, считая, что самодержавная королевская власть может сочетаться с ограничением этой власти в виде органов представительного правления. Многие современники и позднейшие исследователи склонны были замечать, что роль конституционного монарха вполне соответствовала наклонностям и характеру Людовика, который, не имея способностей и желания единолично принимать решения, не заявлял на это претензий³⁷⁷. Задачу короля он видел в том, чтобы «при разногласиях произносить решительное слово»³⁷⁸. Лидер умеренных роялистов, разделивших ядро легального политического пространства с либералами, Беньо замечал: «Мы должны благодарить Бога, вылепившего нашего короля из тончайшей конституционной муки» (*de nous avoir pétri un roi d'une pâte compose de la plus fine fleur de la farine constitutionnelle*). О либеральной направленности короля и об его искренности при принятии текста Хартии могут свидетельствовать слова Феррана, которого трудно заподозрить в желании преувеличить конституционные намерения монарха: «В один из вечеров король сказал нам [Дамбре, Монтескью и Феррану] никогда не предлагать ему ничего, что могло бы противоречить Хартии; он показал, что всегда хранит ее на своем столе и советовал нам постоянно носить с собой ее экземпляр»³⁷⁹. В этом свете теряет убедительность характеристика, данная Людовику XVIII Симоном, который стремился показать стремление короля и его ближайших советников ограничить права законодательных органов в пользу монарха³⁸⁰.

Роль и место Июльской монархии во Франции оценивается неоднозначно, как ее современниками, так и историками³⁸¹. Однако бесспорным является факт появления в эти годы целого ряда независимых политических партий и движений, а также разработка классических политических идеологий.

³⁷⁷ Vitrolles E.-F. *Mémoires...* Vol. 2. P. 277.

³⁷⁸ Ibid.

³⁷⁹ Ferrand F. *Mémoires...* P. 83–84.

³⁸⁰ Simon P. *Op. cit.* P. 48–60.

³⁸¹ Подробнее об Июльской монархии смотрите в разделе 2.2. «Политическая карьера Гизо».

Нетрудно найти примеры кардинального изменения траектории курса государственной политики в результате смены монархов даже в рамках одной династии. Однако эти факты, как правило, связаны с борьбой придворных группировок и кланов, которые априори являются частью легального политического пространства. Карл X, не ведая того, возглавлял не придворный клан, а политическую партию. Сложность ситуации усугублялась тем, что король и его сторонники получили господство не в результате выборов, основного инструмента обретения власти в условиях фактического существования многопартийной системы, а на основании старинной монархической формулы «*le Roi est mort, vive le Roi!*». Таким образом, традиционный механизм престолонаследия не соответствовал обновленной политической ситуации, и бывший граф д'Артуа, не «вылепленный из тончайшей конституционной муки», как его брат, не смог понять этого.

Особенности правления Карла X обусловлены не исключительной одиозностью и «твердолобостью» монарха, а его принадлежностью к партии ультрароялистов и последовательной приверженностью ее установкам. После возвращения династии Бурбонов, основной задачей ультрароялистов была реставрация Старого порядка. Первые шаги в этом направлении были предприняты с момента коронации Карла X в Реймском соборе 29 мая 1825 г. Церемония была обставлена духе абсолютной монархии, а тон задавали архиепископы и кардиналы. Единственное изменение, внесенное в этот средневековый ритуал, состояло в том, что клятва истреблять еретиков была опущена, а в формулу присяги была включена клятва верности Хартии. Эта вставка совершенно удовлетворила роялистов-конституционалистов и успокоила либералов, газеты которых восприняли её как «доказательство священного союза между властью и свободой»³⁸².

Первым мероприятием нового короля стал закон «О святотатстве» (1825), карававший мерами вплоть до смертной казни за осквернение святых даров в публичном месте. Он закреплял особое положение католицизма как государственной религии и ставил под сомнение светский характер правосудия. Несмотря на то, что этот закон ни разу не был применен и остался только на бумаге, он сильно подорвал авторитет легитимной монархии в глазах той части французского общества, которая была воспитана на идеях Просвещения.

Удовлетворив духовные чаяния «правых», король посредством министерства Виллеля и при поддержке роялистов внес на рассмотрение палат закон «О миллиарде для эмигрантов» (1825), предусматривавший компенсацию за отнятые во времена Революции и Империи земли. Закон «О майорате» (1826) преследовал цель создать благоприятные условия для возрождения

---

³⁸² Garnier I. Le sacre de Charles X et l'opinion publique en 1825. Paris, 1927. P. 108–109.

вотчин и одновременно воспрепятствовать их дроблению, этот закон подрывал наполеоновский кодекс в разделе о равенстве в наследовании. Закон «О печати» (1826) наносил удар по независимой прессе, поскольку требовал от изданий получать предварительное разрешение на публикацию материалов в МВД, а также вводил высокие гербовые сборы³⁸³. Обсуждая эти законы в палате либералы и ультрароялисты, начинавшие опасаться за судьбу короны в связи с реакционным курсом правительства, выступили единым фронтом, и правительство отозвало анти-журналистский закон.

Взрыв оппозиционных настроений по отношению к правительству проявился на выборах в ноябре 1827 г. Вопреки уверенности Виллеля, досрочно распустившего палату депутатов, в надежде, что новый избирательный закон вкупе с административным давлением принесет успех ультрароялистам, правые понесли серьезные потери. Успеху либералов во многом способствовала антиправительственная пропаганда общества «Помогай себе сам – и небо тебе поможет», организованного младшим поколением доктринеров Т. Жоффруа, Ш. Ремюза и Ш.-О. Сент-Бевом, которые объединились вокруг Гизо.

Поворот доктринеров к общественному мнению временно сблизил их с левым крылом либералов – независимыми, всегда уделявшими большое внимание распространению своей доктрины в общественных кругах. Главной причиной успеха либералов в 1827 г. стала широкая поддержка буржуазии, представители которой осмыслили опасности, исходящие от курса Карла X. Значительным символическим жестом стал роспуск национальной гвардии, символизировавшей силу третьего сословия. С 1827 г. наблюдается стремительное охлаждение к легитимной монархии и роялистским партиям³⁸⁴.

Одновременно начался рост популярности умеренно либеральной партии доктринеров, стоявших за укрепление монархии на основе принципов Хартии 1814 г. Ограничение либеральной программы конституционными рамками этого документа сообщило ей консервативные черты.

На выборах 1827 г. Виллель не получил парламентского большинства и отказался возглавлять кабинет министров. Однако умеренный кабинет Мартиньяка не смог поднять авторитет Бурбонов и оказался под шквалом критики, как со стороны палаты, так и со стороны короля. В августе 1829 г. Карл X отказывается от практики парламентского правления и назначает министром князя Полиньяка. Этот демарш вызвал негодование всех политических сил, за исключением ультрароялистов. Конфликт между ультраправым министерством и умеренно либеральной палатой парализовал органы государственной власти, и Карл X

³⁸³ См.: Сорель А. Время реакции и конституционные монархии. М., 1938. С. 199.

³⁸⁴ См.: там же. С. 200.

распускает палату. Однако новые выборы, несмотря на избирательный ценз, лишь расширили либеральное представительство. Правительство оказалось в изоляции, а в обществе стали распространяться антидинастические лозунги (кампанию возглавили либеральные историки А. Тьер, Ф. Минье и журналист А. Каррел)³⁸⁵.

Карл X принимает решение исправить ситуацию абсолютистскими методами и 25 июля 1830 г. издает четыре ордонанса, призванные коренным образом изменить существующие властные институты. Ордонансы отменяли свободу печати, объявляли о роспуске только что избранной палаты, вводили новый избирательный закон и устанавливали дату очередных выборов на сентябрь 1830 г. Известия об ордонансах спровоцировали массовые выступления в Париже под руководством тайных республиканских обществ.

Будучи противниками насильственного решения политических вопросов, либералы не приняли участия в столкновениях, но возглавили антидинастическое движение. Отставка Полиньяка не удовлетворила улицы, муниципальная комиссия преобразовала себя во временное правительство, а Тьер подготовил воцарение герцога Орлеанского – Луи Филиппа. Монархия во Франции была сохранена, но наследственная власть навсегда исчезла.

Июльская революция уничтожила надежды ультрароялистов и подорвала позиции легитимизма. Полиньяка и Мартиньяка, бывших противников внутри правой партии, подвергли судебному преследованию, в результате которого Полиньяк был осужден на пожизненное заключение. Партия ультрароялистов сошла с политической сцены, уступив свое место на краю правого фланга более умеренным легитимистам, которые требовали не восстановления Старого порядка, а третьей реставрации Бурбонов.

Вне легального политического пространства сохранилось течение правых экстремистов – карлизм (*carlisme*). Его сторонники выступали не просто за реставрацию старой династии, но за возвращение на престол Карла X. Карлизм стал почти теологией, уделом фанатиков и был обречен на изоляцию даже в среде правых³⁸⁶. Численность ультрароялистов, в том числе карлистов, сокращалась год от года, по мере того, как возраст и смерть выводили из политики самых верных сторонников этой партии. Даже отрешенный от престола Карл X более чем прохладно относился к делегациям своих поклонников, совершавших к нему паломничество³⁸⁷. Карлисты обладали значительной поддержкой на юге Франции: например, представительные органы и исполнительная власть департамента Гар (административный центр – Ним) были на две трети прокарлистскими. Рене Ремон отмечает, что такое положение нужно отнести не к

³⁸⁵ См.: там же. С. 201.

³⁸⁶ См.: Rémond R. *La droite en France...* P. 61.

³⁸⁷ См.: Ibid. P. 67.

заслугам партии, а к влиянию церкви: «Карта прокарлистских районов совпадала с картой влиятельных епархий»³⁸⁸. Партия карлистов никогда не подвергала опасности режим Июльской монархии и естественным образом прекратила свое существование в 1836 г., когда 6 ноября скончался Карл X. Наиболее молодое крыло сторонников этого движения примкнуло к легитимистам.

Если во времена Реставрации легитимистами были все сторонники возвращения старой династии, а сам принцип легитимизма во многом определял рамки легального политического пространства, то в годы Июльской монархии приверженцы Бурбонов создали партию, главной целью которой стала третья реставрация. Их история после 1830 г. была историей оппозиции, уверенной в своей правоте, но бессильной в реальной политической борьбе.

Летом 1830 г. легитимисты теряли посты и единомышленников с революционной стремительностью: не дожидаясь кадровой революции, сопровождающей любую смену режима, сторонники этой партии поддались эмоциям и начали массово уходить в отставку. 52 ультраправых депутата покинули палату и лишили партию парламентского представительства³⁸⁹. Была подорвана и без того узкая социальная опора движения: наиболее преданные Бурбонам, наиболее скомпрометированные или отчаявшиеся покинули Францию вместе с принцами старой династии; другие ушли во внутреннюю эмиграцию в провинцию. Единственной системной акцией, на которую они оказались способны, была «брачная блокада» орлеанского дома, которая не могла повредить режиму³⁹⁰. Легитимисты оказались эмигрантами внутри своей страны и внутри своего времени.

Ультрароялисты думали, что изолируют режим, но они изолировали себя от реальной политической жизни и общественного процесса. Большую часть их сторонников соединяют с парижскими событиями только правые «Gazette de France» и «Quotidienne». Эмиграция существовала герметично маленьким двором при Карле X, а после смерти монарха в ноябре 1836 г. престол занял его старший сын герцог Ангулемский. Он взял имя Людовика XIX, но в Париже, где эмигрантов уже не воспринимали всерьез, на это событие отреагировали только с насмешками: «В первые годы Июльской монархии партия легитимистов создавала впечатление стремительно состарившегося господина, который впал в старческое слабоумие»³⁹¹.

Стареющее движение легитимистов сильно проигрывало в привлекательности на фоне молодых по своей истории и составу партий сен-симонистов, республиканцев и либеральных

---

³⁸⁸ Ibid.

³⁸⁹ См.: Ibid. P. 63.

³⁹⁰ См.: Ibid. P. 64.

³⁹¹ См.: Ibid. P. 68.

католиков. Легитимистская журналистика после 1830 г. уже никогда не поднималась до уровня газеты Шатобриана «Консерватор». «Gazette de France» и «Quotidienne» оказались изданиями второго ряда. Однако в провинции ситуация была иной: у каждого крупного города было свое легитимистское издание. В Нормандии, Бретани, Анжу, Лангедоке, Оверни были популярны газеты правой ориентации: «В общей сложности, это около сорока газет, которые получали поддержку местных аристократов и священников»³⁹².

Легитимисты в 1842 г., омоловив свой состав, попадают в палату депутатов. Фактически они отказались от реставрации Бурбонов и были готовы примирить бога и свободу. Они обращаются к методам парламентской борьбы 1815 г., когда ультраправая партия имела большой успех. Легитимисты стали крайне правой частью палаты, но вместе с тем приобрели определенную умеренность. В пике режиму они выступают против избирательного ценза, делают «Gazette de France» органом «демократического роялизма», интересуются рабочим вопросом и стремятся завоевать симпатии пролетариата (!)³⁹³. Партия принимает в свой состав представителей всех общественных слоев и становится в известной степени популистской. Легитимисты идут на тактические союзы даже с республиканцами, чтобы не допустить на ту или иную выборную должность кандидатов-орлеанистов. Известны случаи, когда легитимисты выплачивали штрафы, наложенные на республиканцев³⁹⁴.

Эмигранты не разделяют методов своих бывших соратников и не понимают перспектив союза между монархией и новым обществом, поэтому к 1848 г. происходит раскол легитимистов на приверженцев Людовика XIX и сторонников демократического роялизма. Этот раскол прошел и по печатным органам: «Gazette de France» и «Quotidienne» стали принадлежать разным лагерям³⁹⁵.

Философия легитимистов была обращена в прошлое, и попытки создать новую политическую силу на старом фундаменте не увенчались успехом. Однако роялизм доказал свое постоянство: верный законному правителю, он выживает после самых тяжелых потрясений.

Партия правого центра времен Июльской монархии получила название орлеанистской (от династии Орлеанов, к которой принадлежал Луи-Филипп). Идеологией орлеанизма стал либеральный консерватизм, а социальной опорой – средний класс (буржуазия в широком смысле слова). Ядро орлеанистской партии возникло из общества доктринеров.

---

³⁹² Ibid. P. 71.

³⁹³ См.: Ibid. P. 72.

³⁹⁴ См.: Ibid. P. 73.

³⁹⁵ См.: Ibid.

Орлеанисты стремились локализовать последствия революции 1830 г., закрепить ее результаты и не допустить ее продолжения, что делало их консерваторами, которых к власти привела революция. Формально они были монархистами, но стремились к тому, чтобы установившийся режим был парламентским, а не королевским. Именно поэтому в их отношении к Луи-Филиппу не было ничего общего с почти религиозным почтением, которое окружало монархов Старого порядка и отчасти Реставрации: «Король больше не является королем в глазах даже наиболее верных орлеанистов»³⁹⁶. В политической системе орлеанизма монарх является определенным символом, но имеет значение меньшее, чем сам бюрократический режим, а наследование министерств и ведомств становится едва ли не важнее наследования престола. Подобная модель немыслима для легитимистов, отождествлявших короля с государством. Существование орлеанизма и легитимизма в одном политическом поле не означало существования двух монархических партий. Между этими силами произошел даже символический раскол: если Карл X коронуется в Реймсе, то Луи-Филипп дает торжественную присягу перед нацией в парламенте: «Между коронацией в Реймсе и клятвой в Бурбонском дворце прошли пять лет, которые разделили два мироустройства и отделили движение легитимистов от партии орлеанистов»³⁹⁷.

Орлеанизм – это светская парламентская монархия. В отличие от роялистов, у орлеанистов нет лаконичной политической теории. Их идеология – либеральный консерватизм – создавалась в борьбе и синтезе противоречивых идей и ценностей, в равном удалении от праворадикальных и леворадикальных принципов. В результате этого орлеанизм стал своеобразной перегородкой между экстремистами, подвергшими его атаке с обоих флангов. Оппоненты насмешливо прозвали орлеанистов «самой серединой» («*juste milieu*»). Рене Ремон считает, что нужно обладать мужеством, чтобы во Франции, раздираемой внутренними противоречиями, придерживаться срединной политики³⁹⁸. Это была политика примирения французов, стремившаяся с помощью Хартии соединить монархию и наибольшее количество общественных групп. Именно в ее интересах правительство орлеанистов отказалось от внешнеполитической экспансии и рискованных авантур. Токвиль иронично заметил, что правительство орлеанистов «ввело такую систему управления, которая была с виду похожа на промышленное заведение частного лица...»³⁹⁹.

---

³⁹⁶ Ibid. P. 77.

³⁹⁷ Ibid. P. 80.

³⁹⁸ См.: Ibid. P. 81.

³⁹⁹ Токвиль А. Воспоминания... С. 11.

Орлеанисты стремились создать пространство компромисса, которое на фоне средневековых утопий ультрароялистов и кровожадных проектов революционеров выглядело консервативной попыткой сохранить либеральные ценности. О желании урегулировать внутривнутриполитические разногласия свидетельствуют символические акции режима, такие как возвращение праха Наполеона, восстановление Версальского дворца. Всеми действиями правительство стремилось показать, что революция окончена и наступило время компромисса и примирения. Однако следствием консервации стала коррупция, развращавшая элиту и волновавшая оппозицию, а также стремление к имитации политического процесса в рамках парламентской деятельности. Политика мира подготовила почву культу наполеоновской эпопеи и росту популярности бонапартизма в городских кругах.

Социальная опора орлеанизма, буржуазия, была готова к примирению с дворянством, но не могла отказаться от экономических преимуществ, полученных в годы Июльской монархии. Отмена же наследственного престола не только нанесла еще один мощный удар по легитимистам, но и была с негодованием встречена аристократией⁴⁰⁰. Однако отдельные факты свидетельствуют о том, что орлеанисты охотно шли на союз с дворянством Империи, и примером тому может служить положение Сульта, Жирара, Себастиани, Маре, а также аристократии мантии (Моле, Паскье, Бройли). Представители рабочего движения вплоть до революции 1848 г. не воспринимались как равноправные участники политического процесса. Тем не менее, орлеанизм ознаменовал окончательный реванш нового буржуазного общества над обществом иерархическим, которое стремилась сохранить Реставрация.

Во времена орлеанизма реализуется меритократия – интеллектуалы идут во власть. Несмотря на значительные возможности, интеллектуалы в годы Реставрации никогда не занимали большинства правительственных должностей. При Июльской монархии в правительство попадают и руководят его политикой такие крупные фигуры как Гизо, Вильмен, Тьер, Кузен. Режим Луи-Филиппа расточает почести в адрес академиков и открывает для них возможность стать пэрами Франции (этой возможностью воспользовались Вильмен, Кузен и Сильвестр де Саси). Взамен Институт Франции принимает в свой состав значимых представителей режима⁴⁰¹. Образуется устойчивый обмен между интеллектуальной и политической элитой: Гизо, Тьер, Моле, Паскье, Дюпен, Ремюза, Сальванди имеют огромное политическое, академическое и интеллектуальное влияние.

⁴⁰⁰ См.: Rémond R. La droite en France... P. 84.

⁴⁰¹ См.: Ibid. P. 87–88.

Тибодэ сказал: «Орлеанизм не является партией, это состояние духа»⁴⁰². Идеологией режима становится либеральный консерватизм доктринеров с ярко выраженными антиклерикальными (антикатолическими) чертами, что связано с позицией протестантской верхушки орлеанистов. Однако правящая элита не желала быть в плохих отношениях с церковью, поскольку опасалась появления очередного врага. Антиклерикализм орлеанистов носит идейный, а не практический характер. Политические власти хотят дистанцироваться от церкви, как транслятора альтернативной идеологии, но не желают быть в плохих отношениях с духовенством. Такие эпизоды, как нападение Тьера на орден иезуитов носят частный характер. Орлеанисты – это рационалисты, но их рационализм находится в противоположности с материализмом; это духовный рационализм⁴⁰³.

Девиз орлеанизма: «Порядок и свобода». Порядок против анархии, демагогии и тирании; свобода для развития экономической активности, которой государство не должно препятствовать⁴⁰⁴. Орлеанизм оберегает парламентские свободы и считает их залогом порядка в государстве, где политические свободы распространяются только на легальное политическое пространство. В отличие от демократии либеральный консерватизм выступает против всеобщего равенства и за сохранение превосходства политической и интеллектуальной элиты. Если либеральные демократы ориентируются на США, то либерал-консерваторы на Англию, учреждения которой «внушают им живое восхищение, которое усиливается благодаря протестантизму»⁴⁰⁵. Орлеанизм либерален в вопросе децентрализации управления при парламентском контроле и консервативен в защите положения правящих элит и существующего режима⁴⁰⁶. Поиск компромисса между порядком и свободой, стабильностью и эволюцией определяет лицо политики либерального консерватизма. Конституционная Хартия 1814 г. и ее более либеральная редакция 1830 г. представлялись либеральным консерваторам как идеальное лекарство от деспотизма и анархии. Политический либерализм и социальная консервация – вот два столпа орлеанизма.

---

⁴⁰² Цит. по: Ibid. P. 89.

⁴⁰³ См.: Ibid. P. 91.

⁴⁰⁴ См.: Таньшина Н. П. Франсуа Гизо... С. 72.

⁴⁰⁵ Rémond R. La droite en France... P. 93.

⁴⁰⁶ См.: Ibid. P. 94.

1.2. Интеллектуалы и идеологии посленаполеоновской Франции

Классический период политической философии (до 1800 г.⁴⁰⁷), репрезентация которого предложена в многочисленных учебниках политической теории, включает в себя общеизвестный и общепринятый перечень выдающихся философов: от великих теоретиков Античности – Платона, Аристотеля, Цицерона, до «золотого века политической философии» и Макиавелли, Бодена, Гоббса, Спинозы, Локка, Монтескье, Юма, Бентама, Канта. Однако от этого единодушия не остается и следа, когда речь заходит о перечне важнейших мыслителей постклассического периода, канон которого не сформирован. Исключение составляют немногочисленные и очевидные имена, такие как Гегель и Маркс. Анкерсмит замечает, что историки, занятые «изложением превратностей политической теории XIX – XX веков, следуют каждый своим путем»⁴⁰⁸. Например, Токвиль не рассматривается в популярнейшем учебнике Джорджа Сабина⁴⁰⁹, однако он, как ни кто другой, близок к попаданию в канон, поскольку абсолютное большинство историков политической мысли видят в нем главного аналитика демократии⁴¹⁰.

М.М. Федорова замечает, что первый крупный раскол в поле политической философии связан с Французской революцией, когда каждый мыслитель высказался за или против ее принципов. Основными альтернативами на тот момент стали либерализм, благосклонно относившийся к идеям Революции и консервативный романтизм, тесно связанный со Старым порядком. Революция также высветила оба полюса руссоистской доктрины: радикальный индивидуализм и коллективизм, что в свою очередь раскололо либеральную мысль на «классический либерализм» и либеральную демократию, в недрах которой произошло формирование социалистической и коммунистической мысли⁴¹¹.

Немаловажную роль в неклассической политической философии играет национальная принадлежность автора (и политического теоретика, и историка политической философии). Так Анкерсмит считает, что Ульрих Штайнфорт обходит молчанием утилитаристов – Бентама,

⁴⁰⁷ См.: Анкерсмит Ф. Указ. соч. С. 23; Федорова М. М. Классическая политическая философия... С. 215–218.

⁴⁰⁸ Там же. С. 24.

⁴⁰⁹ Sabine G. H. A History of Political Theory. London, 1968.

⁴¹⁰ См.: Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М., 2010; Prélôt M. Histoire des idées politiques. Paris, 1970; Arnhart L. Political Questions. New York, 1987; Macfarlan L. Modern Political Theory. Oxford, 1970; Rafael D. D. Problem of Political Philosophy. London, 1976; McClelland J. S. A History of Western Political Thought. London, 1996.

⁴¹¹ См.: Федорова М. М. Классическая политическая философия... С. 217–218.

Джеймса и Милля – лишь потому, что они показались ему «чересчур английскими», однако у немецкого автора есть глава о Вебере, имя которого далеко не всегда попадает в десятку самых популярных политических теоретиков в англосаксонских учебниках. Аналогичная ситуация существует относительно целого ряда французских политических мыслителей первой половины XIX века, чьи имена слабо известны в англосаксонской традиции, а идеи либо искажены, либо их авторство определяется неверно. Исключение представляет Токвиль, автор «Демократии в Америке», знаменитый «историк и философ, либерал и консерватор», удивлявший и продолжающий удивлять многих современностью своих идей и прогнозов относительно самоуправления, индивидуализма, равенства, свободы и траектории развития политических систем. О масштабах таланта Токвиля свидетельствует его фактическое включение в корпус классиков сразу нескольких дисциплин, что нетрудно заметить даже по ритуальным сносам авторов «Annual Review of Political Science»⁴¹², «Annual Review of Anthropology»⁴¹³, «Annual Review of Sociology»⁴¹⁴, «Annual Review of Law and Social Science»⁴¹⁵, «Annual Review of Psychology»⁴¹⁶ в статьях на самые различные темы из области социологии, антропологии, истории, права, психологии политической науки и т.д. Попытка ответить на вопрос об истоках его гения неизбежно вскрывает источники и интеллектуальную сеть, в которую он был включен, извлекая из небытия длинный список забытых имен политических теоретиков, находившихся в зените славы и влияния в период 1815–1848 гг. Таким образом, построение эгоцентрической интеллектуальной сети с «канонической» фигурой в центре, позволит, во-первых, реконструировать интеллектуальный ландшафт, а, во-вторых, определить истоки идей, оказавших воздействие на формирование канона (образовавших центральную фигуру).

---

⁴¹² Kateb G. Democratic Individualism and its Critics // Annual Review of Political Science. Vol. 6. 2003. P. 275–305; Goodin R. E. Folie Républicain // Annual Review of Political Science. Vol. 6. 2003. P. 55–76; Levi M., Stoker L. Political Trust and Trustworthiness // Annual Review of Political Science. Vol. 3. 2000. P. 475–507; Stears M. The Liberal Tradition and the Politics of Exclusion // Annual Review of Political Science. Vol. 10. 2007. P. 85–101.

⁴¹³ Smith R. T. Anthropology and the Concept of Social Class // Annual Review of Anthropology. Vol. 13. 1984. P. 467–494.

⁴¹⁴ Piliavin J. A., Charng H-W. Altruism: A Review of Recent Theory and Research // Annual Review of Sociology. 1990. Vol. 16. P. 27–65; Archer M., Blau J. R. Class Formation in Nineteenth-Century America: The Case of the Middle Class // Annual Review of Sociology. Vol. 19. 1993. P. 17–41; Spillman L., Strand M. Interest-Oriented Action // Annual Review of Sociology. Vol. 39. 2013. P. 5–20; Glazer G. My Life in Sociology // Annual Review of Sociology Vol. 38. 2012. P. 1–16; Goldstone J. A. The Comparative and Historical Study of Revolutions // Annual Review of Sociology. Vol. 8. 1982. P. 187–207; Meyer J. W. World Society, Institutional Theories, and the Actor // Annual Review of Sociology. Vol. 36. 2010. P. 1–20.

⁴¹⁵ Douzinas C. History Trials: Can Law Decide History? // Annual Review of Law and Social Science. Vol. 8. 2012. P. 273–289.

⁴¹⁶ Graber D. Mediated Politics and Citizenship in the Twenty-First Century // Annual Review of Psychology. Vol. 55. 2004. P. 545–571.

Цель данного раздела в определении значения самоорганизационных характеристик развития интеллектуального сообщества через сетевой анализ кооперации мыслителей посленаполеоновской Франции в виде групп и клубов, формировавшихся в первую очередь не по научно-дисциплинарному, а по *политическому* принципу. Такой взгляд на предметное поле позволит переосмыслить место Гизо и Токвиля в ряду мыслителей посленаполеоновской Франции.

Интеллектуальное и политическое пространство эпохи Реставрации вдвойне репрезентативно в силу вовлеченности интеллектуалов в политическую практику, их участия в создании политических партий и выработке идеологических доктрин. Таким образом, важным аспектом исследования становится анализ политической конъюнктуры, во многом определяющей важнейшие дискуссии в интеллектуальной среде. Осмысление деятельности мыслителей через призму сетевого подхода позволит не только создать новую панораму интеллектуального сообщества, включая фигуры второго ряда, но и расширит наши знания о кооперации и коммуникации в интеллектуальной среде, а также поможет установить связь между политическими процессами, политической рефлексией и выработкой идеологии.

Гипотеза и методы сетевого подхода Коллинза описаны во введении к настоящей работе.

Интеллектуалы посленаполеоновской Франции – это особая социальная группа производителей отвлеченных идей, актуализированных историческим и политическим контекстом. Т.е. их размышления о свободе, справедливости, собственности, законе имеют непреходящее общетеоретическое значение и в этом смысле являются частью «la vie sérieuse» в терминологии Э. Дюркгейма. Однако детали и постановка проблем обусловлены социальной реальностью эпохи Реставрации, в истории которой можно найти связку между классическим и постклассическим периодами политической философии.

В начале 1814 г. Бурбоны имели немного шансов на возвращение трона, и в момент вступления войск союзников в Париж вопрос о лице, способном заместить французский престол, был открыт. Разрешение его 31 марта, благополучное для старой династии, было во многом результатом активных действий и логичных политико-философских воззрений легитимистов. Они стали первой группой, объединившей политиков и интеллектуалов, которые сочетали выработку текущей политической стратегии с философской рефлексией вокруг проблем власти и общества. Коммуникация в их лагере осуществлялась через одного человека – Ш.М. Талейрана, который был лидером и медиатором всего объединения. Интеллектуалы и политики, придерживавшиеся легитимистских взглядов, но враждебные Талейрану, не попадали в пространство внимания. Например, Э.-Ф. Витроль призывал к реставрации

Бурбонов как к акту естественного права⁴¹⁷, что было в *pendant* задумке Талейрана, но плохо скрываемая личная неприязнь великого дипломата⁴¹⁸ помешала Витролю влиться в лагерь легитимистов. Отсутствие личной неприязни, но презрение Талейрана к умственным способностям Ф. Монтеスキю и Дамбре вкупе с их независимым поведением определило маргинальное положение последних. Шатобриан, несмотря на свои интеллектуальные способности и независимость, так и не смог стать лидером легитимистов. Талейран также упоминает о нем как о «недруге»⁴¹⁹. Однако положения его брошюры «О Бонапарте и Бурбонах» во многом предвосхитили аргументы Талейрана. Например, еще до Реставрации Шатобриан писал: «Одни Бурбоны приличествуют ныне плачевному нашему состоянию, они одни могут излечить раны наши. Умеренность, отеческие их чувствования, и собственные их бедствия приличны истощенному королевству, утомившемуся от различных потрясений и несчастий. Все будет законно с ними, все будет незаконно без них. Одно их присутствие воскресит порядок, который от них должен воспринять свое начало»⁴²⁰. Однако проведенный нами сетевой анализ свидетельствует о том, что интеллектуальный капитал Шатобриана в период политических трансформаций оказался менее ценным, чем политический капитал Талейрана

---

⁴¹⁷ Vitrolles E.-F. Mémoires... Vol. 1. P. 238.

⁴¹⁸ Талейран оставил в своих записках следующую характеристику Витроля: «Но истинным камнем преткновения был для меня барон Витроль, член тайного роялистского комитета. Провансалец по рождению, он соединял в себе весь огонь этого климата с роялизмом, доведенным до высшей степени. Он ненавидел всех французов, служивших “похитителю”, ненавидел временное правление...» (Талейран-Перигор Ш. М. Записки... Ч. 3. С. 166).

⁴¹⁹ «Вышедшая в это время брошюра «Бонапарт и Бурбоны», напечатанная с удивительной скоростью, произвела несказанное впечатление и нанесла сильный удар империи. Я знал, что автор ее надеялся быть в числе пяти, но я не выбрал его. Шатобриан не простил мне моей забывчивости, и сделался с этого времени моим неприятелем...» (Талейран. Записки.... С. 168).

⁴²⁰ Шатобриан Ф. Р. Бонапарт и Бурбоны... С. 86.

Констан, однако внимание других участников этого круга на них не сосредоточено. В контексте легитимистских идей имя Констана упоминают Талейран и Шатобриан. Однако Талейран подвергает резкой критике кандидатуру Бернадота на престол (идея Констана), и автор оказывается в изоляции. Примечательны конфликтные отношения Талейрана с официальными представителями Бурбонов (Витролем, Монтескью и Дамбре), чьи интересы определялись принципом легитимизма. Противостояние Талейрану выводило его оппонентов на периферийные позиции.

Эффективность созданного Талейраном объединения подтверждается и рядом мероприятий. Во-первых, после отречения Наполеона он наскоро собрал часть сенаторов из круга легитимистов (П. Рисе, Ж. Латур-Мобур, Ж. Пасторе и др.), в преданности которых не сомневался, и заставил их вотировать низвержение династии Бонапарта и призвание Бурбонов. Во-вторых, перед переговорами он имел аудиенцию у царя, прусского короля и представителя Австрии, где сообщил ряд доводов в пользу своего плана. Дипломат объяснил им, что все комбинации, которые до сих пор предлагались (регентство Марии Луизы, кандидатуры Бернадотта, Евгения Богарне, герцога Орлеанского), могли быть проведены лишь при помощи очень сложных политических мероприятий, между тем, как призвание законного наследника престола осуществимо прямым и открытым путем: «Бернадот и регентство – интрига, только Бурбоны – принцип». По словам Талейрана, основная потребность Европы заключалась в отказе от оправдания узурпации и в восстановлении начал законности: «Эти начала не являются только средством охранения королевской власти и личности монарха, как думают поверхностные люди и как хотели бы внушить всем зачинщики революций; они составляют необходимую основу покоя и счастья народов, единственную гарантию их силы и долговечности»⁴²². Талейран подчеркивает, что легитимность королевской власти представляет «защитный оплот для народов», почему она и «должна быть священна». Он говорит о легитимности власти вообще, независимо от формы правления, а не только о легитимности монархии или, тем более, французской монархии: «При легитимной власти, будет ли она монархической или республиканской, наследственной или выборной, аристократической или демократической, самое ее существование, форма и способ действия укреплены и освещены долгой чередой лет»⁴²³. Вероятно, что эти доводы оказали воздействие на союзников, поскольку к окончанию переговоров представители Австрии и Пруссии не выдвигали бесспорных аргументов против восстановления Бурбонов. Император Александр уступил доводам Талейрана и силе обстоятельств только тогда, когда последний уверил его, что можно

⁴²² Талейран Ш.-М. Мемуары... С. 295.

⁴²³ Там же.

организовать внешний эффект независимого возвращения Бурбонов⁴²⁴, словно призванных нацией, последние же гарантируют Франции введение конституционного строя. Результатом этих переговоров явилась прокламация союзников от 31 марта, обращенная к населению Парижа. Она содержала категорический отказ от любых переговоров с Наполеоном и его представителями и гарантировала соблюдение конституции, которую французский народ себе пожелает. Для составления документа созывались сенаторы, из их числа формировалось временное правление, соединившее в себе законодательную и исполнительную власть.

Победа Талейрана над «политиками» была подкреплена его успехом в среде интеллектуалов (даже враждебных ему). Например, недружественный Талейрану Констан легко примирился с неудачей «своего» кандидата Бернадота и приветствовал возвращение на престол «бесподобной династии». В письме к Талейрану от 3 апреля 1814 г. он благодарил его за свержение тирании, провозглашение свободы и называл дипломата «спасителем французов»⁴²⁵. Госпожа де Сталь, которой падение Наполеона позволило вернуться во Францию, относилась к Бурбонам без малейших иллюзий, но предпочитала старую монархию узурпации и поддерживала легитимистов. Лагерь будущих доктринеров также поддерживал концепцию великого дипломата. Для Гизо Реставрация дорога еще как правительство, обеспечивавшее мир и свободу⁴²⁶. В то же время для Руайе-Коллара, попавшего в гравитационное поле Талейрана в 1814 г., на первом плане даже не мир и свобода, а легитимизм и борьба с проявлением революционного духа.

Являясь поначалу аргументом в защиту династических и территориальных интересов Франции, легитимизм стал влиятельной политической теорией, признающей историческое право династий на определение основных принципов государственного устройства. Талейран, объединивший легитимистов вокруг себя, признается автором идеи и исходных принципов⁴²⁷, несмотря на интеллектуальное первенство Шатобриана.

Функционирование политической системы реставрированной монархии тесно связано с конституционной Хартией, ключевым нормативно-правовым актом эпохи. Участники многих интеллектуальных дискуссий самого различного толка считали важным определить свою

⁴²⁴ В мемуарах роялистов возвращение Бурбонов выглядит как происходящее независимо от ввода войск союзников. См.: Beugnot A. *Mémoires...* Vol. II. P. 113.

⁴²⁵ Цит. по: Бутенко В. А. Указ. соч. С. 95.

⁴²⁶ Guizot F. *Mémoires...* Vol. I. P. 31, 147, 311.

⁴²⁷ См.: Cox M. R. The Liberal Legitimists and the Party of Order under the Second French Republic // *French Historical Studies*. 1968. V. 5. P. 446–450; Kale S. D. French legitimists and the politics of abstention, 1830–1870 // *French Historical Studies*. 1997. Vol. 20. P. 665–701; Williams R. L. From Malesherbes to Tocqueville: The Legacy of Liberalism // *Journal of the Historical Society*. 2006. Vol. 6. P. 443–463; Rulof B. Wine, friends and royalist popular politics: legitimist associations in mid-nineteenth-century France // *French History*. 2009. Vol. 23. P. 360–382.

позицию по отношению к этому документу. Для работы над проектом назначили комиссию из семи сенаторов – Ш. Абриала, Ф. Вимара, Ш. Гарета, А. Грегуара, Э. Корне, П. Ланжюне и Ж. Фабра. Это представители так называемой либеральной группы Сената. Интересно, что между ними были республиканцы Грегуар и Гарет, но они занимали периферийное положение и обладали наименьшим количеством контактов в этой сети. Первый, будучи членом Конвента, прислал свое письменное согласие на казнь Людовика XVI. Второй исполнял функции министра юстиции и в качестве такового зачитал в Тампле смертный приговор королю. Проект, получивший по инициативе Талейрана название «Конституционная Хартия», был принят Сенатом единогласно. Символичной стала и подпись под ним аббата Сиейса. Сетевой анализ показывает связь этих сенаторов с партиями фельянов и жирондистов, а также контакт с либеральными интеллектуалами своего времени. Однако именно сетевая связь с предшественниками сделала возможной столь быструю выработку Хартии, включившей в себя многие положения конституции 1791 г.

Теоретической основой работы этих сенаторов была идея синтеза учений Монтескьё и Руссо, т.е. объединение принципа индивидуальной свободы с идеей народовластия, принципа разделения властей с суверенитетом нации. Их предшественниками выступали так называемые «патриоты» (Э.-Ж. Сийес, Ж. Лафайет, И.Р. Ле Шапелье, Ф. Ларошфуко, А. Туре, Ш. Тарже, А. Грегуар, Ж. Балли, П. Ланжюне, А. Барнав, А. Дюпор, А. Ламет и др.) и фельяны⁴²⁸ (Ф. Рамон, В.-М. Воблан, А. Жирарден и др.), которые воплотили свою политическую программу в конституции 1791 г. Не доверяя королевской власти, они ограничили ее полномочия и лишили самостоятельной политической роли: «Король (...) приносит присягу на верность нации и закону», «если король не принесет присяги (...), то он признается отрекшимся от королевской власти»⁴²⁹; «ни один приказ короля не подлежит исполнению, если он (...) не скреплен министром»⁴³⁰ и т.д. Гарантиям прав личности они предпочли народный суверенитет, который «принадлежит нации», «един, неделим, неотчуждаем и неотъемлем; ни одна часть народа, никакое лицо не может присвоить себе его осуществление»⁴³¹. Общественные интересы были поставлены под защиту многочисленных вновь созданных выборных властей⁴³². «Для торжества свободы они видели опасность только с одной стороны, со стороны королевской власти, и принимали поэтому все возможные меры для ее ограничения, создавали

⁴²⁸ Партия конституционных монархистов Учредительного собрания.

⁴²⁹ Конституция 3 сентября 1791 г. // Документы истории Великой французской революции, т. 1, М., 1990. С. 122.

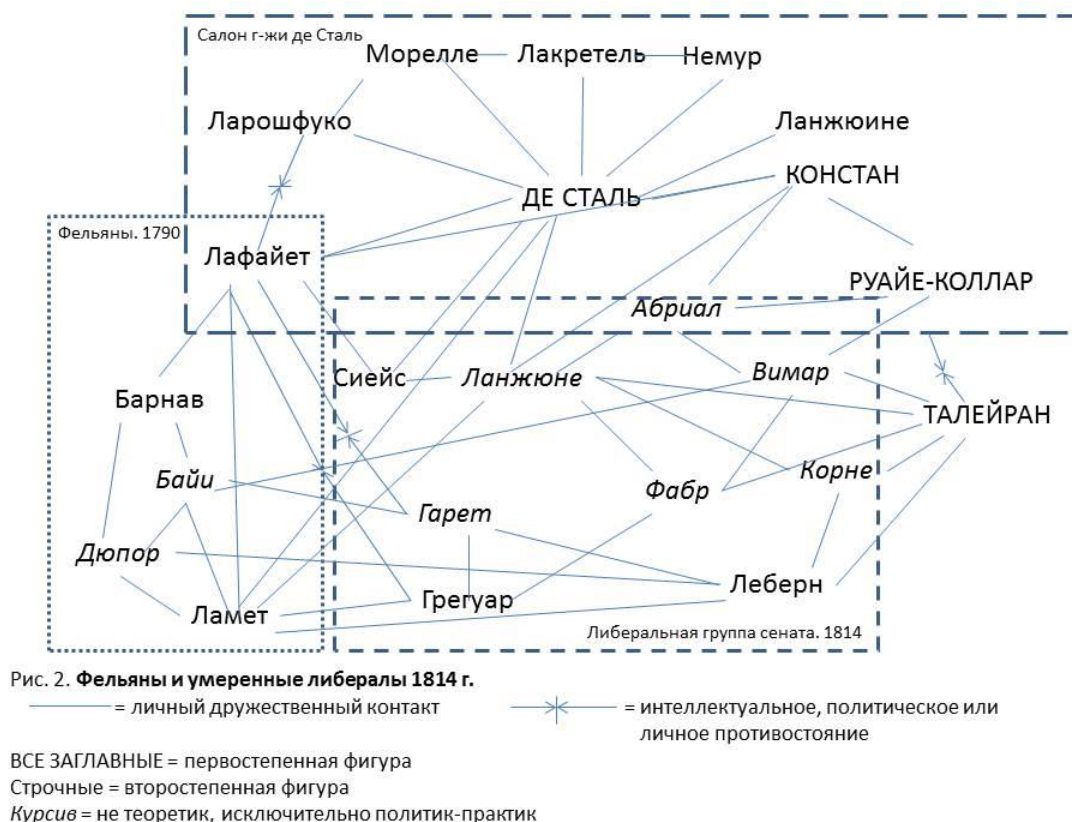
⁴³⁰ Там же. С. 126.

⁴³¹ Там же. С. 116.

⁴³² Смотрите отдел I первой главы третьего раздела конституции 1791 г.

республиканскую конституцию при внешне монархической форме»⁴³³. В годы господства термидорианцев «патриоты» собирались в салоне госпожи Сталь, которая сумела сблизить их с некоторыми роялистами (П. Дюпоном де Немуром, аббатом А. Морелле, Ш. Лакретелем и др.) и стала тем самым центром интеллектуальной сети и медиатором между различными политическими силами. Конституционалисты 1791 г. стали предшественниками, а вернее родоначальниками, партии «независимых», которых В.А. Бутенко назвал «либералами в узком смысле слова»⁴³⁴. Сетевой анализ показывает, как представители этой группы (Лафайет, Ларошфуко, Ланжюине, Ламет, Жирарден) вновь появляются в политическом пространстве эпохи Реставрации с программой первых лет революции, следы которой можно найти в Хартии 1814 г.

Как видно из рисунка 2⁴³⁵, существовала тесная личная связь между членами партии фельянов (1789–1790), либеральными сенаторами периода Реставрации и посетителями салона мадам де Сталь⁴³⁶. Организационным лидером и медиатором выступает хозяйка салона, она же,

⁴³³ Бутенко В. А. Указ. соч. С. 59.

⁴³⁴ Там же. С. 59.

⁴³⁵ Схема построена на основе следующих источников: Philippe A. Op. cit.; Barant P. La vie politique de Royer-Collard...; Calmon A. Histoire parlementaire des finances de la Restauration...; Thureau-Dangin P. Le Parti liberal...; Rémusat J. P. Correspondance...; Mémoires et correspondance de comte de Villèle. Paris, 1887–1890.

⁴³⁶ Thureau-Dangin P. Op. cit. P. 34–40.

наряду с Констаном, и в меньшей степени Руайе-Колларом, признается интеллектуальным лидером⁴³⁷. Связующим звеном между фельянами и салоном Сталь является Лафайет, который обладает в этом контексте двойной идентичностью. Реконструкция интеллектуальной сети позволяет установить существование преемственной связи между партией фельянов (1791) и либеральной группой сената (1814). Причем связь эта не была неким идейным наследованием, а возникла в результате контакта «лицом к лицу».

Впоследствии правоведы замечали, что способ происхождения сенатской конституции весьма негативно отразился на ее содержании, сетовали на недоговоренность и неполноту документа, связывая эти проблемы с поспешностью составления. В частности, индивидуальные права граждан формулируются крайне поверхностно и даже не перечисляются исчерпывающим образом. Например, совершенно не упоминается право на личную неприкосновенность⁴³⁸. Однако сетевая схема, в которую были включены составители конституции, дает ответ на вопрос об истоках руководящих принципов и отсылает к людям, идеям и контексту, объясняющим отмеченные правоведами недостатки. Хартия, несмотря на отказ разработчиков использовать текст первой французской конституции, стала поворотом к принципам 1791 г., которые она воспроизвела в смягченной форме. Текстологический анализ двух нормативно-правовых актов в данном случае скажет нам меньше, чем реконструкция сети их авторов.

Отношение к Хартии позволяет маркировать не только политическое, но и интеллектуальное пространство посленаполеоновской Франции. Талейран в записках отметил, что лишь внешне «Франция казалась разделенной на ультрароялистов и либералов»⁴³⁹. В действительности политическое пространство оказалось раздробленным на множество групп и течений. И если идея, объединявшая монархистов, всегда была персонифицирована личностью монарха или претендента на престол, то немонархические партии группировались по принципу принадлежности к «чистой идее», будь то республика или сохранение статус-кво.

Интеллектуальными лидерами традиционалистов стали политические мыслители, чье влияние выходило за пределы страны и лишь до определенной степени могло быть связано с политическими партиями и группами, это Жозеф де Местр, Луи де Бональд и Рене де Шатобриан. Их активность убедила некоторых исследователей в том, что эпоха Реставрации проходила под знаком разработки и обоснования правоконсервативной идеологии, становления ее основных принципов в ответ на вызов просветительских и революционных идей⁴⁴⁰.

⁴³⁷ Barant P. La vie politique de Royer-Collard... P. 71.

⁴³⁸ См.: Бутенко В. А. Указ. соч. С. 107; Алексеев А. С. Указ. соч. С. 12.

⁴³⁹ Талейран Ш.-М. Записки... С. 19.

⁴⁴⁰ См.: Французский консерватизм XIX–XX вв. (критика зарубежной историографии). М., 1989. С. 9.

Подобное клише стало возможным вследствие редкой общности идей, которую отмечали сами традиционалисты. В частности, Местр писал Бональду: «Часто, читая Вас, я не могу удержаться от смеха, ибо обнаруживаю в Ваших сочинениях те же самые мысли и даже те же самые слова, которые содержатся в моих рукописях». Бональд, инициатор переписки, разделял эти чувства: «Господин граф, хотя нам и не дано узреть друг друга материальными очами, нам дано узнать, а главное, понять друг друга самым сокровенным и исчерпывающим образом, и обстоятельство это, давно уже мною замеченное, преисполняет меня гордости и доставляет великое удовлетворение моему писательскому честолюбию, ибо сходство наше означает для меня не что иное, как неоспоримое доказательство истинности моих мыслей»⁴⁴¹. Трудно найти более подходящий пример, иллюстрирующий слова Коллинза о том, что в непосредственных личных контактах повышается «интенсивность эмоций», а внимание концентрируется на вполне определенных общих проблемах⁴⁴². Взгляды Местра и Бональда после 1812 г. приобретают все более характерные черты взаимовлияния. По поводу будущего они испытывали сходные опасения, которые укрепились в первые годы Реставрации.

Источником недоверия выступала Хартия, по поводу которой Местр писал: «Вы никогда не говорили мне, господин виконт, верите ли Вы в Хартию; что до меня, я верю в нее ничуть не больше, чем в гиппогрифа или рыбу-прилипалу. Мало того, что ей не суждено долгой жизни, — ей не суждено жизни вообще, ибо нынешнее ее существование жизнью не является. Господь Бог не имел никакого касательства к ее принятию (...) над ней с самого начала тяготеет проклятие»⁴⁴³. Ответ Бональда был пропитан не меньшим скептицизмом и говорил о солидарности виконта: «Вы спрашиваете, что я думаю о Хартии... Мое мнение насчет этого безрассудства, сударь, пожалуй, не слишком отличается от Вашего: Хартия есть порождение безумия и тьмы», «это ящик Пандоры, на дне которого нет и проблеска надежды»⁴⁴⁴.

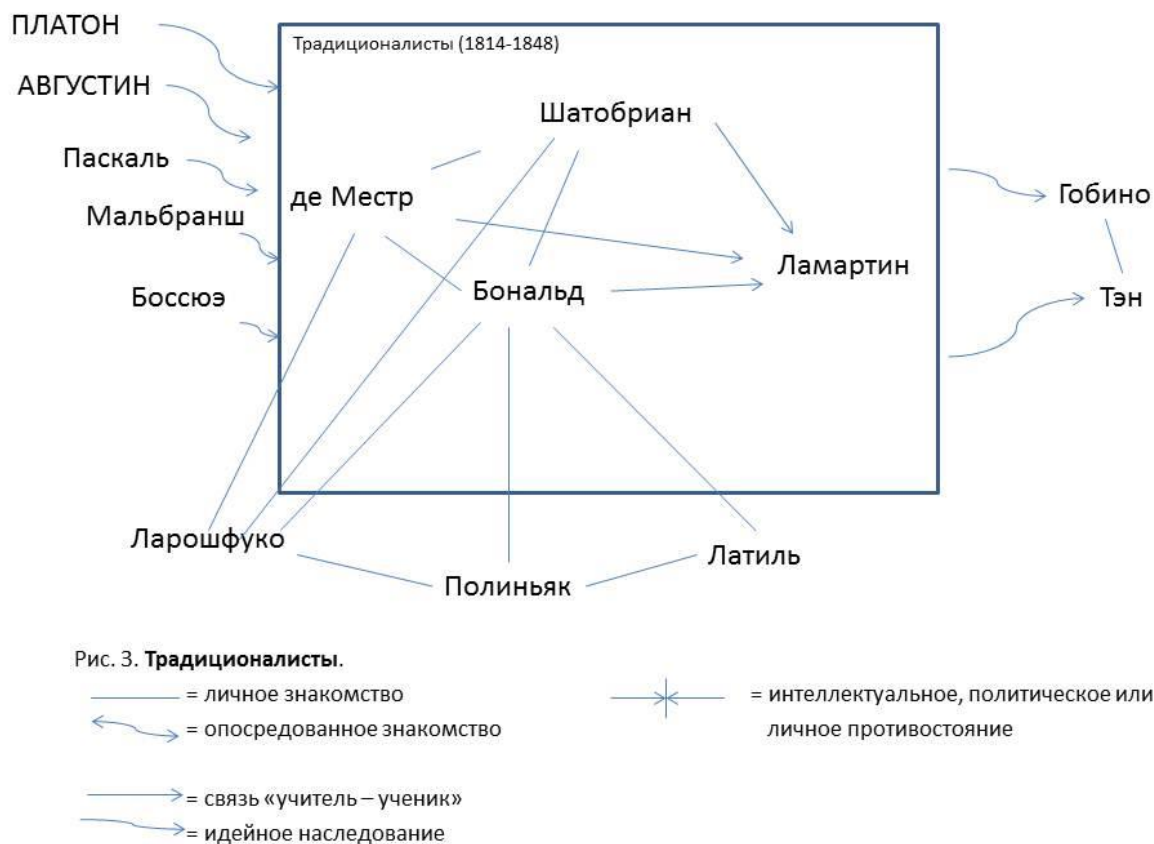
---

⁴⁴¹ Цит. по: Глод П. Жозеф де Местр и Луи де Бональд. Контрреволюционные мыслители: сходства и различия // Актуальность Жозефа де Местра. М., 2012. С. 31.

⁴⁴² См.: Коллинз Р. Указ. соч. С. 34.

⁴⁴³ Цит. по: Глод П. Указ. соч. С. 32.

⁴⁴⁴ Цит. по: там же.

Как видно из рисунка 3⁴⁴⁵, сеть традиционалистов, идеологов ультрароялизма, представляет собой пространство тесного интеллектуального контакта, имеющее минимальное число центральных акторов. Благодаря этому идеология французских правых в эпоху Реставрации носила консолидированный характер и не была раздираема противоречиями на фоне институциональной раздробленности политических групп ультрароялистов.

Сетевые связи Бональда свидетельствуют, что он был политиком-практиком и испытывал влияние своего политического окружения (Ж. Полиньяка, Ф. де Ларошфуко, Латиль). Избранный в «бесподобную» палату в 1815 г., он приложил немало усилий в деле восстановления «освященного веками» порядка. Бональд последовательно поддерживал все усилия ультраправых по возвращению земель эмигрантов и восстановлению привилегий церкви и дворян, выступал во главе ультра за законодательство, стоящее на страже принципов

⁴⁴⁵ Схема построена на основе следующих источников: Maistre J. Lettres d'un royaliste savoisien à ses compatriots // Maistre J. Oeuvres complètes. Vol. 3. Lyon, 1884; Местр Ж. де Петербургские письма. СПб., 1995; Местр Ж. Рассуждения о Франции. М., 1997; Актуальность Жозефа де Местра. М., 2012; Lescure F. Le comte Joseph de Maistre et sa famille. Paris, 1893; Descotes F. Joseph de Maistre pendant la Révolution. Paris, 1895; Capefigue J.-B. Histoire de la Restauration et des causes qui ont amené la chute de la branche aînée des Bourbons. Vol. I–X. Paris, 1831–1833; Calmon A. Op. cit.; Thureau-Dangin. Op. cit.; Duvergier de Hauranne P. Histoire du gouvernement parlementaire en France (1814–1848). Vol. I–X. Paris, 1857–1871; Бутенко В.А. Указ. соч.; Французский консерватизм XIX–XX вв. (критика зарубежной историографии). М., 1989.

традиционного общественного порядка. В палате депутатов, где правые вынуждены были реагировать на критику и аргументы своих оппонентов, Бональд нередко обращал внимание на разрушительный характер процесса индустриализации. Таким образом, очевидно воздействие политической практики и исторического контекста на философские воззрения виконта.

В отличие от легитимистов, Местр и Бональд признавали недостаточность реставрации династии и призывали к восстановлению Старого порядка и «удушению» революции: «Людовик XVIII возвратился отнюдь не на трон своих предков. Он всего лишь воссел на трон Бонапарте, и это уже великое счастье для человечества, хотя мы еще весьма далеки от успокоения. Революция сначала была демократической, потом олигархической, потом тиранической; сегодня она роялистская, но она продолжается. Искусство государя состоит в том, чтобы властвовать над нею и мягко задушить ее в объятиях. Открытое противостояние и брань лишь возродят ее и погубят нас...»⁴⁴⁶

Традиционализм можно считать непосредственным следствием революции и первым полноценным течением внутри консервативной идеологии. Традиционализм стал единственной в своем роде попыткой преобразования в теорию основ Старого порядка. Известен призыв Местра к «верным подданным всех классов и провинций»: «Вы должны уметь быть роялистами. Когда-то это был инстинкт, сегодня – наука»⁴⁴⁷. Революционному обществу, возникшему в результате народного восстания и на основе просветительских идей, традиционалисты противопоставляют образ исторически сложившегося общества, которое сформировалось по замыслу «первичного геометра»⁴⁴⁸.

Совместно с Местром и Бональдом Шатобриан способствовал превращению консерватизма в относительно последовательную систему взглядов, основанных на идеализированном образе «христианской цивилизации». После смерти Местра, газета «Conservateur» объявила Бональда учеником великого графа. Виконт признавал оказанную ему честь, но замечал, что не был ни учеником, ни учителем Местра⁴⁴⁹.

Пресса посленаполеоновской Франции развивалась так же стремительно, как политические организации, и часто выступала своеобразным рупором последних⁴⁵⁰. Факт сотрудничества в том или ином издании позволяет не только установить принадлежность к правым или левым, но и определить позицию интеллектуала внутри партии или группы.

⁴⁴⁶ Местр Ж. Петербургские письма... С. 254–255.

⁴⁴⁷ Maistre J. Lettres d'un royaliste savoisien à ses compatriotes // Maistre J. de. Oeuvres complètes. Vol. 3. Lyon, 1884. P. 155–156.

⁴⁴⁸ См.: Местр Ж. Рассуждения о Франции... С. 11–13.

⁴⁴⁹ См.: Глод П. Указ. соч. С. 33.

⁴⁵⁰ См.: Grémieux. La Censure en 1820 et 1821. Paris, 1912.

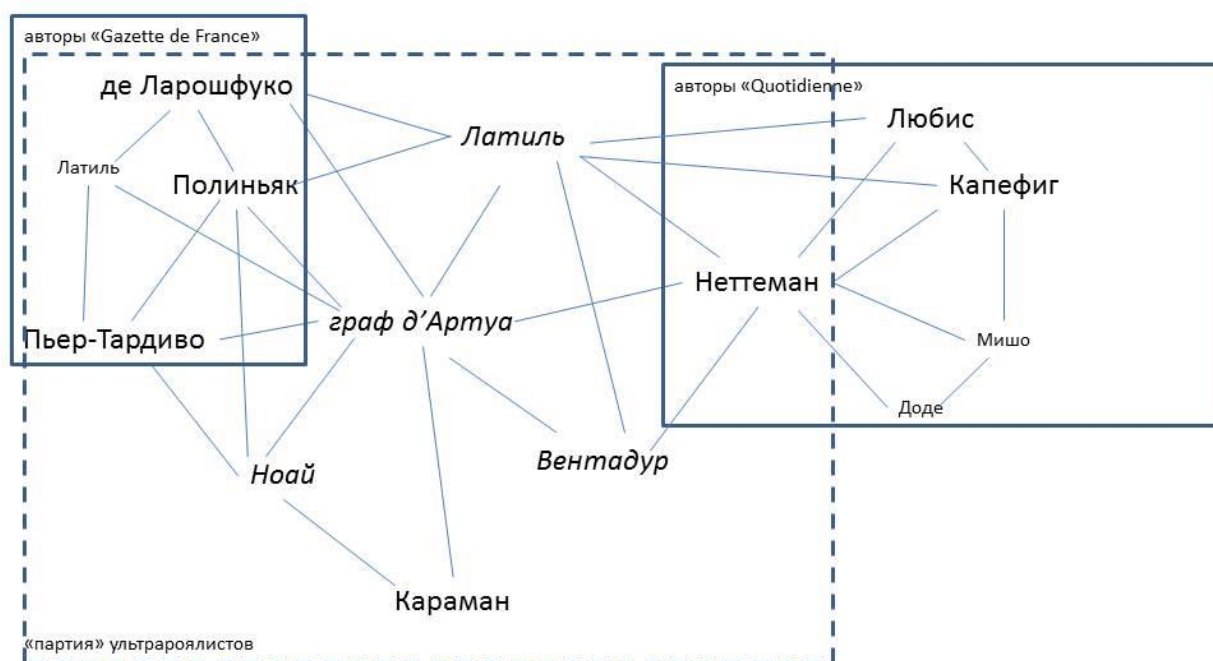

Рис. 4. Авторы «Quotidienne», «Gazette de France» и «партия» ультрароялистов

— = личный дружественный контакт

Мишо = фигура третьего ряда

Курсив = не теоретик, исключительно политик-практик

На схеме 4⁴⁵¹ изображена связь между лидерами партии ультрароялистов и сотрудниками правых изданий «Gazette de France» и «Quotidienne», что еще раз демонстрирует взаимопроникновение между интеллектуальными и политическими элитами в целом, и связь правых политиков и правых интеллектуалов в частности. Роялистское издание «Quotidienne» объединяло ультраправых, которые стремились придать своим заметкам и статьям научный характер. Одним из его деятельных сотрудников был Ж. Любис, публиковавший заметки о дипломатических проблемах, переработанные после падения Реставрации в четырехтомную книгу по ее истории. Однако сотрудничество в ультраправой газете крайне негативно сказалось на тексте его работы, которую В.А. Бутенко сравнил с «резким реакционным памфлетом»⁴⁵². Ж.-Б. Капефиг, близкий друг и соратник Любиса, имел схожую профессиональную траекторию: от статей для «Quotidienne» до многотомной «Истории Реставрации»⁴⁵³, написанной с позиций крайнего роялизма. Одновременно с ними в издании начал свою литературную деятельность А.-Ф. Неттеман, однако благодаря своему литературному таланту он вскоре занял в рядах

⁴⁵¹ Схема построена на основе следующих источников: Rémond R. La Droite en France...; Capefigue. Op. cit.; Calmon. Op. cit.; Thureau-Dangin. Op. cit.; Duvergier de Hauranne. Op. cit.; Бутенко В. А. Указ. соч.; Французский консерватизм XIX–XX вв...

⁴⁵² Бутенко В. А. Указ. соч. С. 8.

⁴⁵³ Capefigue. Op. cit.

партии гораздо более заметное положение⁴⁵⁴. Именно ко времени работы в «Quotidienne» относится его очерк истории литературы в эпоху Реставрации⁴⁵⁵, многие фрагменты которого нашли развитие в восьмитомной «Истории Реставрации»⁴⁵⁶.

Политическая ангажированность интеллектуалов посленаполеоновской Франции дает о себе знать и в литературоведческих работах. Например, тот же А. Нетеман в литературе времен Реставрации видит три главных течения: католическо-монархическую школу (в политике – роялисты), школу философии XVIII века (либералы) и школу рационалистически-монархического спиритуализма (доктринеры). Эрнест Доде, убежденный роялист, сюжеты и персонажей для своих ранних романов выбирал главным образом из эпохи Реставрации, герои и антигерои которой были для него очевидны. Свои симпатии он не переменил и в более зрелом возрасте, когда работал над многочисленными историческими трудами⁴⁵⁷. Впрочем, предложить оригинальные выводы ему не удалось, а результаты очерка «Истории Реставрации» во многом повторяют и закрепляют выводы его идейного наставника Нетемана, который стал путеводной звездой для различных правых интеллектуалов, предпринимавших попытку написания истории Реставрации с соответствующих позиций⁴⁵⁸.

«Gazette de France» стала местом публикации королевских указов и трибуной крайне правых политиков, критиковавших политику Э. Деказа, адрес 221⁴⁵⁹ и т.д. На её страницах публиковались такие активные сотрудники графа д'Артуа, как Ж. Полиньяк, Ж. Латиль, Ж. Тардиво, Ф. де Ларошфуко и др.

Журнал «Globe» объединял интеллектуалов либеральных взглядов, в частности выступал в качестве трибуны для членов кружка доктринеров и группы Виктора Кузена. Участие двух лидеров Академии моральных и политических наук в выходе политизированного печатного органа может отчасти свидетельствовать о духе Академии в целом. В издании печатал свои первые работы молодой Дювержье де Горанн, примкнувший после Июльской революции к группе А. Тьера, а при Второй республике к лагерю консерваторов⁴⁶⁰. П. Вермерен считает, что авторы «Globe» создали новую парижскую философию и возглавили интеллектуальное

⁴⁵⁴ Бутенко В.А. Указ. соч. С. 22.

⁴⁵⁵ Nettement A. Histoire de la littérature française sous la Restauration. Vol. I–II. Paris, 1853.

⁴⁵⁶ Nettement A. Histoire de la Restauration, t. I–VIII, Paris, 1860–1872.

⁴⁵⁷ Daudet E. Le Ministère de M. de Martignac. Paris, 1875; Daudet E. Le Procès des ministres. Paris, 1877; Daudet E. La Terreur blanche. Paris, 1878; Daudet E. Histoire de la Restauration. Paris, 1882.

⁴⁵⁸ Dareste A. Histoire de la Restauration. Vol. I–II. Paris, 1879.

⁴⁵⁹ Подписанное 221 французским депутатом 18 марта 1830 года ответное письмо на тронную речь Карла X на открытии сессии парламента. Это политическое заявление выражало протест против недоверия, выраженного королём, и опасение за вольности французского народа при ультрароялистском министерстве Полиньяка.

⁴⁶⁰ См.: Бутенко В. А. Указ. соч. С. 15.

движение в период Реставрации⁴⁶¹. Автор анонимного письма, появившегося в «London Magazine» 18 декабря 1824 г. называл «Globe» трибуной «спиритуалистической партии» поклонников Платона, Прокла, Канта, Шеллинга и «хулиателями философии, которую Кондильяк основал на опыте»⁴⁶². «Globe» характеризовалась критиками как газета «кузенистская» (*le journal des cousinistes*), т.е. находящаяся на философских позициях В. Кузена и его учеников, которые «защищали спиритуализм и умеренное кантианство» против идеологов (П. Ж. Кабанис, К. Вольней, П. Ларомигьер, Д. Ж. Гара, П.-Л. Генгене, П. Ларомигьер, Ж. М. Дежерандо, М. Ф. Мен де Биран и А. Дестют де Траси).

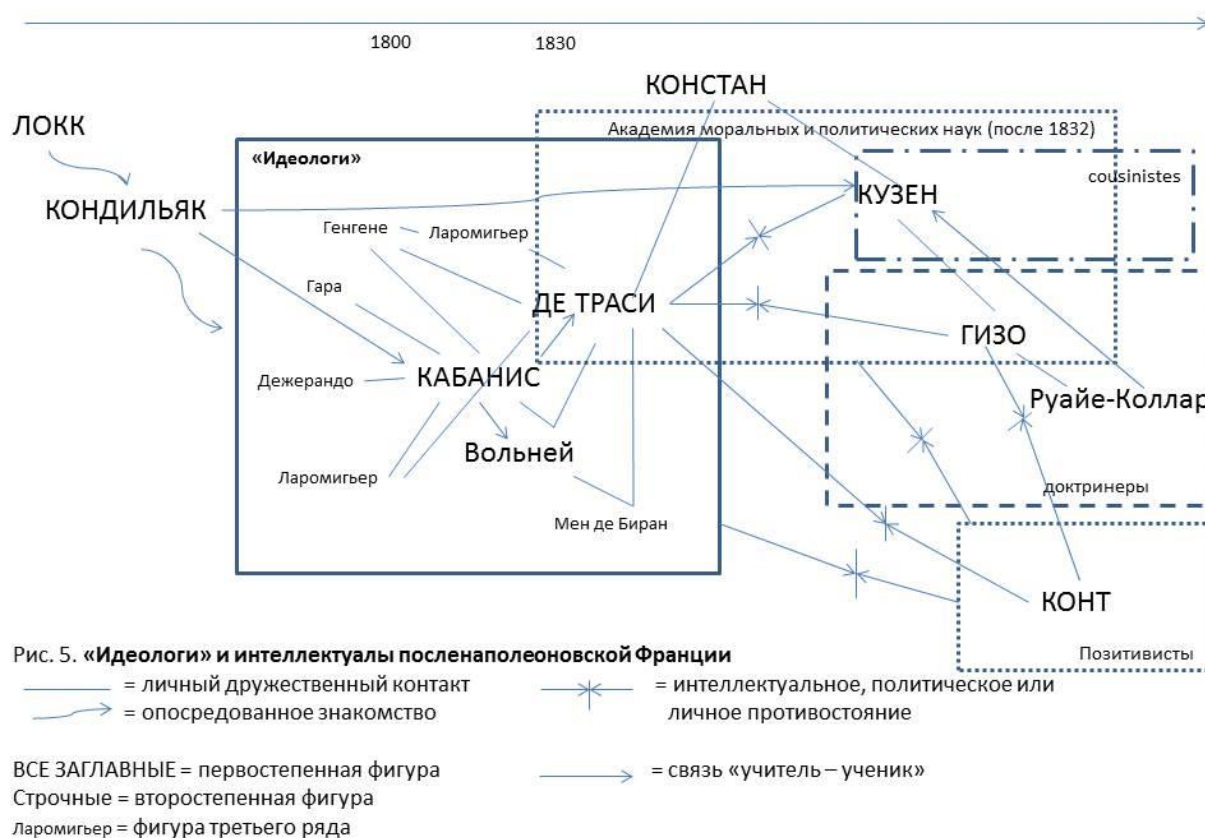

Схема 5⁴⁶³ показывает изолированность группы «идеологов» во главе с А. Д. де Траси в период Реставрации. Такое положение привело не только к падению интереса к представителям течения, но и к забвению ряда важнейших положений их концепции.

Кузен, философски близкий к идеологам, но на уровне институциональных и личных отношений порвавший с ними, развивал свое учение в русле сенсуализма XVIII в. и испытывал

⁴⁶¹ Vermeren P. Les têtes rondes du Globe et la nouvelle philosophie de Paris // *Romantisme*. 1995. № 88. P. 23–34.

⁴⁶² Цит. по: Ibid. P. 23.

⁴⁶³ Схема построена на основе следующих источников: Дестют де Траси А. Основы идеологии. М., 2013; Дестют де Траси А. Элементы идеологии // *Вопросы философии*. 2013. №8; Capefigue. Op. cit.; Calmon. Op. cit.; Thureau-Dangin. Op. cit.; Duvergier de Hauranne. Op. cit.

очевидное влияние идей Локка и Кондильяка. Непосредственным импульсом для его штудий явилось также событие социально-политическое – Французская революция, разрушившая корпоративные структуры старой Франции и освободившая личность. Вопрос: «На что способен человек вне корпорации?» дал старт психологической науке во Франции и широкой известности Кузена. Он, со своими многочисленными и хорошо организованными учениками («cousinianists»), считал, что новое, «свободное» общество сформировало «послереволюционный», «индивидуализированный» тип личности, свободной от корпораций. Подход кузенистов во многом концептуализировал объективное существование буржуазного класса и демонстрировал общественное превосходство этого слоя, в чем сказывалось воздействие социальных идей доктринеров и, в первую очередь, Руайе-Коллара и Гизо.

Во многом сетевые проблемы идеологов – отсутствие учеников после 1814 г. и вытеснение группы Траси на периферию интеллектуального пространства – в период Реставрации, предопределили успех К. Маркса, который своей работой «Об идеологии» (1848 г.) изменил судьбу понятия, дав рождение новой, политической, традиции его толкования⁴⁶⁴. Отождествление идеологии с метафизикой вело к заключению, что идеи Траси лишены оригинальности и незначительны с философской точки зрения, представляя собой продолжение (изживание) соответствующих традиций Просвещения⁴⁶⁵ и, что еще хуже, Революции. Цель идеологии как философского направления состояла в обеспечении разумности человеческого устройства через образование, что делало группу Траси прямой наследницей Просвещения. Как неоплатоники подвели итог античной философии, так идеологи предложили синтез наиболее сильных идей XVIII века: методической – Э. Кондильяка и предметных – авторов «Энциклопедии». Сам Траси считал основоположником идеологии именно Кондильяка, гносеологические построения которого были созданы под воздействием идей Локка⁴⁶⁶. О пиетете, который Траси испытывал перед великим просветителем, можно судить по строкам «Элементов идеологии»: «Прежде чем идти дальше, хорошо бы вам составить представление о наиболее авторитетных мнениях: для этого достаточно будет изучить мнение Кондильяка, поскольку оно является общим основанием для всех остальных, представляющих собой лишь варианты последнего»⁴⁶⁷.

⁴⁶⁴ См.: Иванова А. С. Начала «идеологии»: Антуан Дестют де Траси и его наука об идеях // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 146.

⁴⁶⁵ См.: там же. С. 147.

⁴⁶⁶ Теорию познания Кондильяка и де Траси связывает эмпиризм и сенсуализм. Обе они включили в себя три основных постулата, выработанных Локком: образование является процессом; познания начинаются с *tabula rasa*; источником познания может быть только ощущение.

⁴⁶⁷ Дестют де Траси А. Элементы идеологии // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 150.

Политический и идейный разрыв между идеологами и центральными фигурами интеллектуального пространства посленаполеоновской Франции не закрепился разрывом институциональным. Кабанис и многие другие были избраны академиками в Институт Франции в год закрытия Академии моральных и политических наук (1803), возрождение которой (1832) стало важной вехой в эволюции социальных и гуманитарных дисциплин, а также своеобразным итогом интеллектуальной жизни эпохи Реставрации. Траси, проживший до 1836 г., вновь стал членом Академии моральных и политических наук в 1832 г. Однако его формальное членство не меняло духа и задач институции, обозначенных Гизо: «Моральные и политические науки должны укрепить то, что раньше потрясали»⁴⁶⁸.

Самым «чистым» примером интеллектуальной сети посленаполеоновской Франции может служить общество доктринеров, возникшее в 1814 г. Центральными акторами сети доктринеров были Руайе-Коллар и Гизо.

Доктринеры поддержали принцип легитимизма как политическую комбинацию, однако подвергли резкой критике аргументы Талейрана и его сторонников. Доводы последних они сравнивали с идолопоклонством, используя при этом популярную традиционалистскую риторику Ж. де Местра. Доктринеры находили сходство между тем, как человек первобытный творил себе богов, и тем, как человек новый творил себе господ, пытаясь найти место на земле не только для божества, но и для суверенитета: «Он пожелал, чтобы им управляла власть, которая бы имела незыблемое и прочное право на его послушание. И в закреплении своего послушания – безграничного и необратимого – он преуспел не меньше, чем в закреплении своей веры»⁴⁶⁹. Признав органическое стремление людей к поиску суверена, доктринеры стремились доказать, что этим сувереном, единственно легитимным по природе своей и навечно, является разум, истина, справедливость⁴⁷⁰.

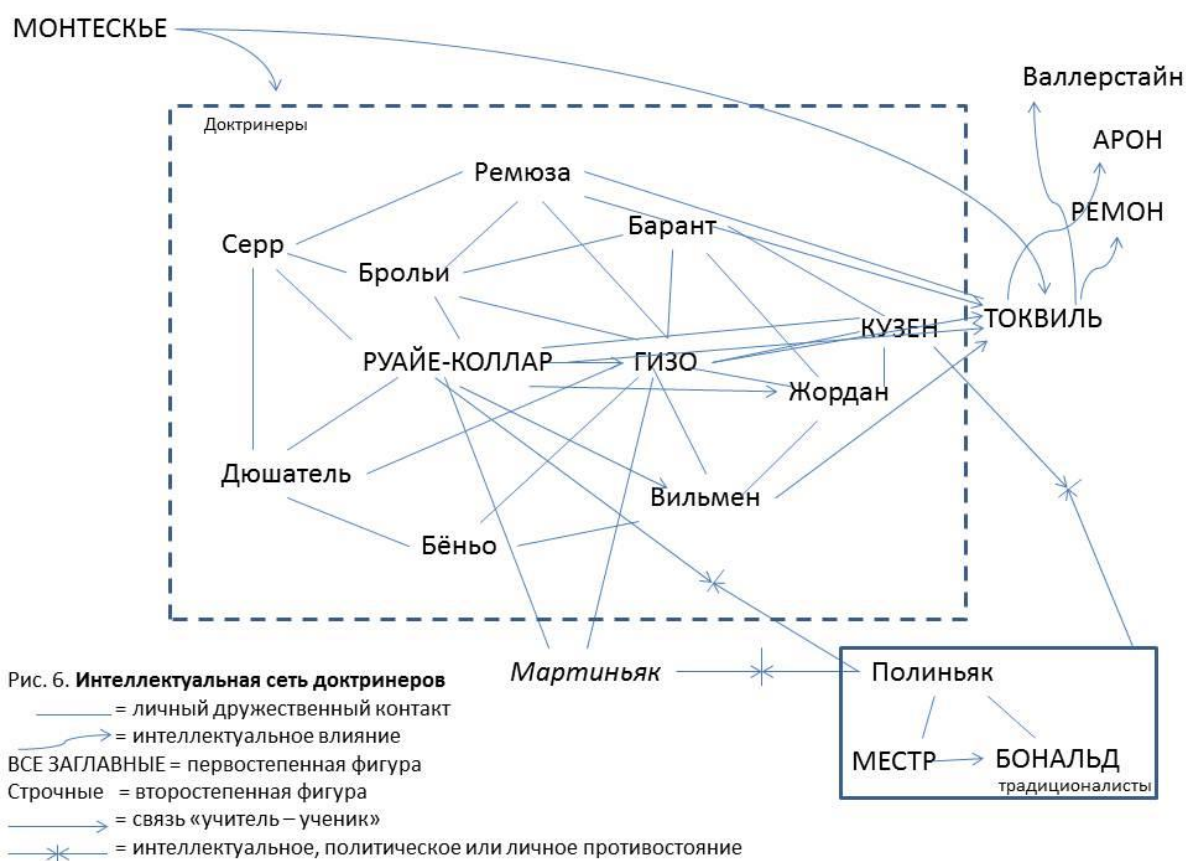
Исследователи признают, что важной задачей этого объединения было сокращение дистанции между ученым и политиком, выработка не только новых концептуальных средств и методов для осмысления реалий постреволюционного общества, но и определение новых перспектив политического действия и разработка стратегии политической борьбы⁴⁷¹.

⁴⁶⁸ Guizot F. Ordonnance du Roi qui rétablit dans le sein de l'Institut royal de France l'ancienne Classe des sciences morales et politiques // Académie des sciences morales et politiques. Notices biographiques et bibliographiques. Paris, 1981. P. 17–18.

⁴⁶⁹ Гизо Ф. Политическая философия о суверенитете... С. 507.

⁴⁷⁰ Там же. С. 509.

⁴⁷¹ См.: Федорова М. М. Либерализм первой половины XIX в. // Европейская политическая мысль XIX века. М., 2008. С. 47.

Как видно из рисунка 6⁴⁷², сетевая консолидированность доктринеров и политические запросы времени позволили интеллектуалам завершить работу над концепцией либерализма, истоки которой уходят в работы Локка и Монтескье. Особенность либерализма доктринеров заключалась в том, что они порицали демократические идеи Руссо и опыт революции. Однако уже у Монтескье становится очевидной линия водораздела между демократической и либеральной идеологией. Просветитель подчеркивает ошибочность демократического понимания свободы, приравнивающего её к народовластию. Он определяет свободу как «спокойствие духа, происходящее от уверенности в своей безопасности»⁴⁷³. Защита прав личности, на которые не может посягать государство, ограничение государственной власти, отрицание принципа неограниченности государственного суверенитета становятся основными догматами либерализма.

⁴⁷² Схема построена на основе следующих источников: Guizot F. Mémoires... 8 vol.; Guizot F. Du gouvernement représentatif et de l'état actuel de la France. Paris, 1816; Guizot F. Essais sur l'histoire de France. Paris, 1823; Guizot F. Cours d'histoire moderne. Histoire générale de la civilisation en Europe depuis la chute de l'Empire romain jusqu'à la Révolution française. Histoire de la civilisation en France depuis la chute de l'Empire romain. 6 vol. Paris, 1829–1832; Rémusat. Op. cit.; Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1994; Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1996; Токвиль А. Воспоминания. М., 1894; Craiutu A. Liberalism under Siege...; Reedy W. Op. cit. P. 1–26; Philippe. Op. cit.; Barant. Op. cit.; Calmon. Op. cit.; Thureau-Dangin. Op. cit.; Duvergier de Hauranne. Op. cit.

⁴⁷³ Монтескье Ш. Л. Дух законов... С. 270.

Либерализм доктринеров так же, как либерализм Монтескьё, отказывается от непосредственной демократии, поскольку массы, по причине своей невежественности, не умеют ценить принцип свободы. Весь народ не может и не должен заниматься законодательной деятельностью, а «участвует в правлении для того только, чтобы избрать своих депутатов, к чему он весьма способен». «Важная выгода депутатов состоит в том, что они могут рассуждать о делах. Народ к этому совершенно не способен, и это есть один из величайших недостатков демократии». Избирательный ценз должен отсеять тех, кто «находится в столь низком состоянии, что считается не имеющим собственной воли»⁴⁷⁴.

Последователями Монтескьё и идейными предшественниками доктринеров в период Французской революции были умеренные монархисты. Идеалом нормативно-правового акта они считали английскую конституцию, а шестая глава девятой книги «О духе законов» стала фактически их политической программой. Э. Мунье, П.-В. Малуэ, Ж. Малле дю Пан, Ж. Неккер, Л. Клермон-Тоннерр, Ж. Бергас, А. Лалли-Толлендаль, П. Вирьё и др. опасались как королевского деспотизма, так и народовластия. Они выступали за постепенное социальное реформирование и отвергали революционные методы. Поскольку любые проявления «прямой демократии» толкали их в консервативный лагерь, в рядах либеральной партии эпохи Реставрации не найти ни одного из представителей этой группы⁴⁷⁵.

Сетевой подход свидетельствует о включенности Токвиля в интеллектуальную сеть доктринеров, что подтверждает факт преемственности. В частности, идея вызревания элементов нового общества в недрах Старого порядка широко связывается с работой Токвиля «Старый порядок и революция». Однако Гизо в аналогичной перспективе рассматривает всю историю Франции⁴⁷⁶. Историческая концепция Токвиля состоит в том, что на смену вековой власти аристократии повсюду неизбежно приходит народовластие («Демократия в Америке»). Гизо пишет: «Преобладающей силой французской и европейской цивилизации в XVII веке было правительство и аристократия, а в XVIII веке – общество»⁴⁷⁷. Токвиль считает, что всеобщее избирательное право и связанный с этим диктат широких масс «постепенно приводят к уничтожению свобод, усилению роли государства, политическому индифферентизму и стремлению граждан к опеке». За десять лет до этого Гизо требовал избирательного ценза, чтобы оградить государство и общество от диктатуры толпы. К слову, уже у Монтескьё становится очевидной линия водораздела между демократической и либеральной идеологией.

⁴⁷⁴ Там же. С. 276–277.

⁴⁷⁵ Необходимо принять во внимание, что многие из них не уцелели в годы Революции.

⁴⁷⁶ Guizot F. Histoire générale de la civilisation en Europe depuis la chute de l'Empire romain jusqu'à la Révolution française. Paris, 1829.

⁴⁷⁷ Ibid. P. 83.

Изучение французского либерализма невозможно без понимания Токвиля⁴⁷⁸, а понимание Токвиля невозможно без уяснения его интеллектуальной сети в виде общества доктринеров. Однако политические потрясения, повлекшие за собой падение Июльской монархии, крайне негативно сказались на рецепции интеллектуального наследия доктринеров, которых политизированные французские интеллектуалы воспринимали после 1848 г. как мракобесов и реакционеров. Они потеряли свой политический капитал, что повлекло и утрату интеллектуального влияния. Работы Токвиля стали узким горлышком, через которое многие идеи его «учителей» попали в современный дискурс, однако без явной связи с подлинными авторами.

Традиционная дифференциация социальных мыслителей посленаполеоновской Франции на романтиков, позитивистов и «политиков»⁴⁷⁹ теряет свою убедительность через призму сетевого подхода и выглядит огрубленной и не имеющей серьезного познавательного значения. Во многих философских работах и исторических сочинениях можно с легкостью обнаружить присутствие самых различных интеллектуальных тенденций, существование же сколько-нибудь «чистых» случаев не меняет общей картины⁴⁸⁰. В предложенном анализе мы видим репрезентативные фрагменты устойчивой структуры тесных личных связей между группами интеллектуалов посленаполеоновской Франции и механизмы их самоорганизации, детерминированной в первую очередь политическим выбором. Конкретные примеры конкуренции между разными формами капитала, гарантирующими допуск в центр сети, свидетельствуют о том, что более старые формы капитала (социальный, экономический, политический) имеют очевидное превосходство над новыми формами (культурный, интеллектуальный), и потеря политического или социального капитала может привести к утрате интеллектуального. В отличие от своих предшественников, которые заняли позицию критически настроенных и пассивных зрителей, интеллектуалы посленаполеоновской Франции поверили в возможность «счастливого брака» между политикой и философией и стремились развивать идеологии, отталкиваясь от актуального политического контекста. В связи с чем сетевой подход показывает (и доказывает) тесную связь, доходящую до взаимопроникновения, между политическими и интеллектуальными элитами. Правящие круги периода Реставрации были вдохновлены меритократическим идеалом, что открыло для интеллектуалов доступ к законодательной, а затем и исполнительной власти. В указанный период формируется

⁴⁷⁸ См.: Дементьев И. О. Политическая теория Алексиса де Токвиля... С. 5.

⁴⁷⁹ Имеются ввиду представители «политической историографии».

⁴⁸⁰ См.: Савельева И. М., Полетаев А. В. История и интуиция: наследие романтиков // «Гуманитарные исследования» (ИГИТИ ГУ–ВШЭ). 2003. Вып. 6. М., 2003. С. 3–4.

модерный принцип интеллектуальной власти, которая основана на знании. Интеллектуалы посленаполеоновской Франции в отличие от просветителей переосмыслили проблему соотношения знания и власти, теории и политического действия, что сформировало особое интеллектуальное поле, в котором политическая мысль не оборачивалась утопией, но и не превращалась в исключительно технологию или прагматику.

Глава 2. Истоки политической философии Гизо

2.1. Истоки мировоззрения Гизо

Философия Гизо – плод трагичной семейной истории, блестящей государственной карьеры и исторической работы, принесшей европейскую славу. Обращение к биографии мыслителя позволяет выяснить обстоятельства и события, которые содействовали (или могли содействовать) формированию его политико-философских взглядов и убеждений. Задача настоящего раздела заключается в том, чтобы реконструировать интертекстуальные связи биографических и политических сюжетов с историософией и политической теорией Гизо.

Франсуа Пьер Гийом Гизо родился 4 октября 1787 г. в протестантской семье на юге Франции в городе Ниме (провинция Лангедок). Однако друзья, а впоследствии и биографы отмечали, что у Гизо был характер «человека севера», парижская культура и английские манеры⁴⁸¹. Родители будущего философа были тайно обвенчаны кальвинистским священником в 1786 г., и появление ребенка на свет не было официально зарегистрировано⁴⁸². Их род сохранял непокорность католицизму со времен эдикта Фонтенбло (1685)⁴⁸³ и вплоть до Версальского эдикта (1787), гарантировавшего гугенотам свободу вероисповедания и гражданские права. После того как преследования протестантов прекращаются, родители Гизо отходят от прежнего религиозного фанатизма и занимают «философские» позиции. Воспоминания о притеснениях протестантов сделали Гизо убежденным сторонником

---

⁴⁸¹ См.: Broglie G. Op. cit. P. 13.

⁴⁸² Bardoux A. Op. cit. P. 5–6.

⁴⁸³ Эдикт Фонтенбло – эдикт Людовика XIV от 18 октября 1685 года об отмене принятого в 1598 году Генрихом IV Нантского эдикта, гарантировавшего гугенотам свободу вероисповедания.

религиозной терпимости, светского образования и противником всяких попыток проникновения католической церкви в разные сферы жизни общества.

Семья Гизо жила в самом центре старинного города, неподалеку от ратуши, предпочитая в быту скромность и протестантскую умеренность. Детство Франсуа было отмечено восторженным присоединением его родителей к новым идеям и реформам. Отец будущего философа Андре Гизо был молодым «благовоспитанным адвокатом»⁴⁸⁴ с безупречной репутацией, блестящими перспективами⁴⁸⁵ и талантом оратора. Много лет спустя, когда Гизо уже был влиятельным политиком, мать напоминала ему: «Ты наследовал талант своего отца»⁴⁸⁶. Андре Гизо принял и поддержал первые мероприятия революции и примкнул к клубу якобинцев, а затем к партии жирондистов. Начиная с 1792 г. он последовательно выступает против политики насилия и централизации, а также критикует экстремизм робеспьеристов. Во время «дела жирондистов» на Андре Гизо был написан донос, автор которого обвинял адвоката в «федерализме и умеренности»⁴⁸⁷. После безуспешных попыток найти убежище отец Гизо был схвачен. Из тюрьмы он передал записку, которая была адресована старшему сыну: «Когда мы снова будем вместе, я научу тебя писать»⁴⁸⁸. Оба его малолетних сына – четырех и шести лет – присутствовали с матерью на заседании суда в момент оглашения приговора, согласно которому Андре Гизо был гильотинирован 8 апреля 1794 г.⁴⁸⁹

Гизо никогда не вспоминал публично об этих днях, однако сам факт казни родителя экстремистским правительством оказал несомненное влияние на отношение будущего мыслителя к крайним идеологиям. Биографы склонны считать, что это событие нанесло Гизо психологическую травму и «заронило в душу первые семена той ненависти и того презрения к человечеству, которые, скрываясь под внешне холодными и бесстрастными манерами министра-консерватора, при каждом удобном случае невольно проявлялись наружу»⁴⁹⁰. Не случайно его немногочисленные друзья имели схожую судьбу – были сиротами по вине гильотины. К слову, безоговорочно поддержанный Гизо «король французов» Луи-Филипп также потерял своего отца Филиппа Эгалите в годы якобинской диктатуры. Можно с определенной уверенностью предположить, что консерватизм философа возник под влиянием кровавых сцен Французской революции. Сент-Бёв утверждал, что Гизо всю жизнь помнил

---

⁴⁸⁴ Bardoux A. Op. cit. P. 6.

⁴⁸⁵ Broglie G. Op. cit. P. 14.

⁴⁸⁶ Ibid. P. 15.

⁴⁸⁷ Ibid. P. 15–16.

⁴⁸⁸ Ibid. P. 16.

⁴⁸⁹ Bardoux A. Op. cit. P. 7.

⁴⁹⁰ Гизо и его «Записки» // Отечественные записки. 1858. Т. 118. №5–6. С. 695.

страшные дни террора⁴⁹¹. В будущем Гизо часто сталкивался с необходимостью выбора между свободой и порядком, воспоминания о революции помогали ему сделать этот выбор.

18 фрюктидора (4 сентября) 1797 г. в Ниме начались волнения. Консервативная протестантская буржуазия, к которой принадлежала семья Гизо, стремилась к порядку, а республиканцы, которых поддерживала парижская власть, вновь начали преследовать нелояльных и «подозрительных». Мадам Гизо захотела избавить своих сыновей от опасностей, связанных с новым конфликтом, который вызывал у нее ужас. Второй родиной немских протестантов была Женева, 26 апреля 1798 г. вошедшая в состав Французской республики, поэтому туда можно было уехать не эмигрируя.

В конце августа 1799 г. семья переехала в Женеву, где открывались возможности для получения хорошего образования. Следующие пять лет стали важным этапом в развитии Франсуа. «Женева – моя интеллектуальная колыбель», – напишет Гизо своему ученику шестьдесят лет спустя⁴⁹². Также он отметит: «В Женеве я получил очень либеральное образование, но в строгих порядках и набожных верованиях, развивших во мне не удивление к заслугам и влиянию философии восемнадцатого столетия, а враждебное к ней чувство»⁴⁹³. Сначала будущий философ обучается в гимназии, основанной Кальвином, где осваивает классические языки и греческую литературу. С юных лет Гизо изучал пять языков (латынь, греческий, итальянский, английский и немецкий), каждый из которых пригодится ему в зрелые годы.

В 1801 г. Франсуа поступает в Женевскую академию, где учит риторику, арифметику, геометрию, т.е. получает среднее образование. Методика обучения была либеральной и оставляла за учениками право выбора тем для углубленных занятий, также существовала возможность создавать литературные общества⁴⁹⁴. В 1803 г. Гизо переводится с филологического отделения и начинает слушать курс философии. Вспоминая об этом, он признается: «Только тогда я начал жить»⁴⁹⁵. Юноша получает удовольствие от интеллектуальной деятельности, увлеченность которой отвлекала от повседневного однообразия и скудости быта. Он долгие годы хранит педантичные конспекты, свидетельствующие о жадности, с которой он получал знания. Курс включал в себя занятия геометрией, химией, физикой, однако основными предметами были философия и мораль.

---

⁴⁹¹ Bardoux A. Op. cit. P. 7.

⁴⁹² См.: Broglie G. Op. cit. P. 18.

⁴⁹³ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 8.

⁴⁹⁴ См.: Witte H. Op. cit. P. 11.

⁴⁹⁵ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 8.

Сильнее всего на Гизо влияют два преподавателя: П. Прево и Ш. Пешье. Профессор философии П. Прево – эрудит, член многих иностранных академий, яркий сторонник «идеологии», уходящей корнями в просветительское движение, последователь Канта, Кондильяка и Траси. Он читает лекции по «рациональной философии» (логике). Путас, а за ним и Брольи считают, что в этом образовании можно искать «первый трепет доктринерской мысли»⁴⁹⁶ Гизо, с чем категорически не согласен Реизов, считавший, что «доктрина» и все ее учение противопоставлены идеологии⁴⁹⁷.

Строгий пастор Пешье преподает Франсуа мораль и физику. Именно на этих занятиях приобретают свой размах способности Гизо к абстрактному теоретическому мышлению и обобщениям⁴⁹⁸, которые в полной мере проявятся на страницах «Истории цивилизации в Европе». Пешье, последовательный критик философии Просвещения и ее главного социального итога – Французской революции, стремился привить эти убеждения своим ученикам, о чем последние неоднократно вспоминали⁴⁹⁹. Именно в это время в манерах Гизо появляются высокомерие, аристократизм, а в суждениях – безразличное отношение к прямой демократии и «праву улицы».

Особым источником политических воззрений Гизо является английский опыт. Во времена континентальной блокады Женева была единственным городом империи, который поддерживал тесные отношения с Англией. Английская литература попадала в наполеоновское государство через швейцарский город. Благодаря этому Гизо овладел английским языком, освоил многие тексты островных философов, приобрел привычку систематически читать лондонские периодические издания и узнавать про современные события с точки зрения английского взгляда.

В эти же годы мадам Гизо продолжала следовать воспитательной концепции Руссо⁵⁰⁰, которая была изложена в «Эмиле». В раннем детстве (до двух лет) – физическое воспитание, от двух до двенадцати лет – воспитание чувств, от двенадцати до пятнадцати – умственное, а от пятнадцати до восемнадцати лет происходит нравственное воспитание⁵⁰¹. Она считала, что ребенок каждый день должен заниматься физической работой. Гизо выучился столярному и токарному искусству, мог своими руками изготавливать мебель. Он был физически сильным

⁴⁹⁶ Phouthas Ch.-H. *La Jeunesse de Guizot...* P. 100; Broglie G. *Op. cit.* P. 20.

⁴⁹⁷ См.: Реизов Б. Г. Указ. соч. С. 173.

⁴⁹⁸ Broglie G. *Op. cit.* P. 20.

⁴⁹⁹ См., например: Guizot F. *Mémoires...* Vol. 1. P. 8.

⁵⁰⁰ Bardoux A. *Op. cit.* P. 8.

⁵⁰¹ См.: Руссо Ж.-Ж. *Эмил*. Любое издание.

юношей и прекрасным наездником, а также отличался высокой работоспособностью⁵⁰². Вместе с тем он ведет однообразную жизнь, лишенную многих радостей его возраста. Примечательно, что в своих мемуарах Гизо опустил все детали, касающиеся собственного детства.

С юных лет круг чтения Гизо был потрясающе широк: от трактатов греческих философов и отцов церкви до работ просветителей. Из последних он чаще упоминает Монтескье⁵⁰³, которого вместе с А.Р. Тюрго и Ж.Л. д'Аламбером называет «благородными либералами»⁵⁰⁴. В будущем, обсуждая поправки в законопроект «О разделении производства при расследовании преступлений гражданских и военных лиц» (1837), он ссылается на Монтескье как на авторитет («comme dit Montesquieu»)⁵⁰⁵, что крайне нехарактерно для Гизо-политика. Вольтер, Руссо и Дидро – представители «неверующей партии»⁵⁰⁶ («parti incrédule») – иногда становятся объектом критики⁵⁰⁷, но чаще являются для Гизо лишь персонажами прошлого, которыми он мало интересуется⁵⁰⁸. С юных лет и на всю жизнь любимыми для Гизо становятся сочинения Фукидида, Саллюстия, Цезаря, Тацита и Макиавелли⁵⁰⁹. Благодаря годам, проведенным в Женеве, Гизо овладел немецким языком, сыгравшим большую роль в его дальнейшем развитии. После того, как Франсуа достиг восемнадцати лет, а именно в этом возрасте заканчиваются образовательные циклы методики «Эмиля», мать отпускает его в Париж для получения юридического образования.

Таким образом, не совсем точны биографы, полагавшие, что мировоззрение Гизо выработано им самостоятельно, «без каких-либо семейных влияний»⁵¹⁰. Мадам Гизо оказала большое воздействие на формирование характера и привычек старшего сына. Умение быстро принимать решения, энергичность и последовательность, доходящая до упрямства, передались Франсуа так же, как аскетизм и умеренность матери⁵¹¹. О тесной эмоциональной связи между матерью и сыном говорят скупые мемуарные заметки, в которых Гизо признается, что порой он устает от политического спектакля и готов отдать многое ради нескольких недель, проведенных с матерью⁵¹². Она присутствует даже при дипломатических переговорах, которые проходили в

⁵⁰² Bardoux A. Op. cit. P. 9.

⁵⁰³ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 396; Ibid. Vol. 2. P. 403–405.

⁵⁰⁴ Ibid. Vol. 2. P. 398.

⁵⁰⁵ Ibid. Vol. 4. P. 441.

⁵⁰⁶ Ibid. Vol. 1. P. 274.

⁵⁰⁷ Ibid. P. 378.

⁵⁰⁸ Ibid. Vol. 2. P. 405.

⁵⁰⁹ Ibid. Vol. 1. P. 3.

⁵¹⁰ См.: Pouthas Ch.-H. Le Jeunesse de François Guizot. Paris, 1937. P. 19; Реизов Б.Г. Указ. соч. С. 173.

⁵¹¹ См.: Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 11.

⁵¹² См.: Ibid. P. 25.

парижском особняке Гизо в его бытность министром иностранных дел⁵¹³. Все свидетельствует о большой значимости для него традиционных семейных ценностей. Впоследствии самые грозные и непримиримые оппоненты Гизо никогда не могли уличить его в коррупции и нравственной нечистоплотности. Даже в полемическом пылу они скорее готовы были предположить связь всесильного министра с дьяволом, чем обвинить его в хищениях, воровстве или неразумной роскоши. Близость Гизо с матерью обнаружится и в 1848 г., когда они вместе покинут охваченную революцией Францию. Гизо тяжело переживал смерть матери и сам факт ее захоронения не на французской земле, а в Лондоне на кладбище Кенсал грин.

В июне 1805 г. Гизо получает диплом об окончании философского отделения Женевской академии. В это время он находится под сильнейшим влиянием матери, которая мечтает о том, чтобы сын продолжил дело отца и стал адвокатом. Однако в Женеве не было юридического факультета, и семья вернулась в Рим.

В начале сентября 1805 г. Гизо приезжает в Париж и записывается в школу права⁵¹⁴, где в полной мере раскрываются его ораторские способности. Каждое воскресенье организовывались коллоквиумы, на которых студенты вели тяжбу с адвокатами. Франсуа преуспел в прениях и обратил на себя внимание наставников. Однако он разочаровался в избранной профессии и понял, что хочет большего, чем работа юристом. В августе 1806 г. он сдал экзамены и покинул школу.

Гизо методично и упорно занимается самообразованием, совершенствует знание классических и современных языков. Его отношение к Парижу меняется с 1807 г., именно с этой даты он впоследствии начнет свои воспоминания. В 1806 г. Гизо – завсегдатай салона мадам де Ласкур – присоединяется к франкмасонству и вскоре попадает в важнейшие интеллектуальные круги своего времени, завязав знакомство с Ж. де Сталь (1807). Автор «Гения христианства» стал для Гизо интеллектуальным кумиром, однако дух этого философского трактата можно обнаружить только в поздних сочинениях самого Гизо⁵¹⁵. Конфессиональная принадлежность не сыграла сколько-нибудь значительной роли и не отразилась ни в одном из политических текстов мыслителя за пределами формальных риторических ссылок на «волю Провидения» и «глас Божий».

Если знакомство с Шатобрианом состоялось лишь заочно, то с Ж. де Сталь Гизо вступил в переписку, которая привела к скорой встрече. 28 августа 1807 г. патриарх французского

⁵¹³ Ibid. Vol. 4. P. 120–121.

⁵¹⁴ См.: Broglie G. Op. cit. P. 22–23.

⁵¹⁵ См.: Guizot F. Méditations sur l'essence de la religion chrétienne. Paris, 1864; Guizot F. Méditations sur l'état actuel de la religion chrétienne. Paris, 1866; Guizot F. Méditations sur la religion chrétienne dans ses rapports avec l'état actuel des sociétés et des esprits. Paris, 1868.

политического либерализма мадам де Сталь приняла малоизвестного журналиста, который еще не был автором ни одного серьезного сочинения. Во время ужина гость сидел по правую руку от хозяйки, которая сделала ему предложение присоединиться к своей «партии»: «Я уверена, что вы хорошо сыграете в трагедии; оставайтесь с нами и займите место в “Андромахе”»⁵¹⁶. Гизо был польщен предложением, но вежливо отказался⁵¹⁷. Впоследствии он часто вспоминал о единственной встрече с «великой женщиной».

Гизо в 18 лет стал учителем в доме бывшего швейцарского министра, а в 1805 г. швейцарского представителя в Париже Ф.-А. Стапфера⁵¹⁸. Отец учеников был для Гизо не просто работодателем, но в известной степени другом и наставником («guide intellectual»). В политике Стапфер был последовательным сторонником умеренного либерализма, но не демократии, он выступал против всеобщего избирательного права, прибегая к аргументу Монтескьё, согласно которому массы невежественны и не могут ценить свободу личности⁵¹⁹. Избирательный ценз должен отсеять тех, кто «находится в столь низком состоянии, что считается не имеющим собственной воли»⁵²⁰.

Посол позволял гувернеру без ограничений пользоваться своей богатой библиотекой, используя которую Гизо готовил свои первые статьи. В этих публикациях часто встречаются слова благодарности, адресованные покровителю и наставнику. Например, во вводной статье к переводу «Истории упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона Гизо писал: «Если в моем труде найдут какие-нибудь достоинства, мне придется пожалеть только о том, что я не буду в состоянии с точностью определить, какой именно долей этих достоинств я обязан господину Стапферу»⁵²¹.

По поводу значения фигуры посла в собственной жизни Гизо замечал: «Я также позволю себе упомянуть о том, как много я обязан советам человека, столько же просвещенного, сколько опытного в тех исследованиях, которыми мне предстояло заняться. Без знаний, которые я черпал в библиотеке Стапфера, я очень часто затруднялся бы отыскать сочинения, в которых я мог найти достоверные сведения, и многие из этих сочинений, без сомнения, остались бы для меня вовсе неизвестными»⁵²². Таким образом, швейцарский посол обогащал Гизо в одно и то же время и своими советами, и своими книгами.

⁵¹⁶ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 12.

⁵¹⁷ Ibid.

⁵¹⁸ Bardoux A. Op. cit. P. 13.

⁵¹⁹ См.: Монтескьё Ш. Указ. соч. С. 276–277.

⁵²⁰ Там же. С. 277.

⁵²¹ Гизо Ф. Предисловие // Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Т. 1. СПб., 2006. С. 29.

⁵²² Там же.

Страстный кантианец Стапфер помог Гизо усовершенствовать немецкий язык, а также познакомил будущего философа с учением И. Канта и философским движением в современной ему Германии. Чтение и анализ «Критики чистого разума» делает Гизо кантианцем⁵²³. В это же время по инициативе Стапфера юный мыслитель вступает в переписку с Ш. де Виллером, который с 1793 по 1799 г. жил в Берлине и прекрасно знал немецкую философию, а после возвращения стал пропагандистом Канта во Франции⁵²⁴.

В своих воспоминаниях Гизо признавался, что сразу после приезда в Париж немецкая философия и литература стали предметом его любимых штудий: «Я читал Канта и Клопштока, Гердера и Шиллера гораздо больше, чем Кондильяка и Вольтера»⁵²⁵. Немецкие философы в его понимании несли «дух истинной свободы» и учили уважать права других. «Я больше узнал от них, чем из всей практической деятельности того времени»⁵²⁶, – признавался Гизо. Он отмечал также, что во французских интеллектуальных кругах его «немецкий энтузиазм» выглядел странно: «Некоторые принимали его со снисходительной улыбкой, но в основном это было просто безразличие»⁵²⁷. В зрелые годы Гизо обращался к Канту и немецкой мысли значительно реже.

В 1807 г. у Стапфера Гизо познакомился с Ж.Б. Сюаром, который взял юного интеллектуала под свою протекцию. Сюар, прославленный литератор, член Французской академии (1772), издатель роялистских «Политических новостей» («Nouvelles politiques») при директории, а при Наполеоне – секретарь академии и главный редактор «Публициста» («Publiciste»), скептически относился к немецкой философии и кантианству Гизо. Несмотря на разницу в возрасте (в 1808 г. Сюару было 76 лет), между академиком и юным журналистом сложились дружеские отношения. Они много беседовали о философии, литературе, искусстве, современной политике, а иногда разговаривали «без цели и необходимости, ради удовольствия интеллектуального общения»⁵²⁸. Впоследствии Гизо вспоминал, что в словах Сюара он чувствовал «искренность и бескорыстие духа» собеседника⁵²⁹. Академик, как и Стапфер, стоял на «философских» и либеральных позициях, а также был последовательным сторонником конституционной монархии и избирательного ценза (в свое время Сюар был близким другом и единомышленником Кондорсе, идеи которого многократно всплывали в беседах с Гизо).

---

⁵²³ Broglie G. Op. cit. P. 29.

⁵²⁴ См.: Ibid.

⁵²⁵ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 8.

⁵²⁶ Ibid.

⁵²⁷ Ibid.

⁵²⁸ Guizot F. Mémoires... Vol. 2. P. 409.

⁵²⁹ Ibid.

Благодаря Сюару Гизо получил «уроки подлинно французского разума»⁵³⁰, что уравнило немецкое влияние Стапфера. Также в салоне редактора встретились будущие доктринеры, и началась полувекровая дружба Шарля де Ремюза, Франсуа Гизо и Проспера де Баранта.

В возрасте двадцати лет Гизо считался поэтом. Вкусы времени принесли популярность напыщенным одам, элегиям и трагедиям. Претензии Гизо как поэта были распалены первым, анонимным, контактом с Шатобрианом. Юный Франсуа передал властителю дум письмо с поэмой. Шатобриан послал благосклонный ответ с тем же курьером: «Я прочитал поэму неизвестного с удовольствием...»⁵³¹ Благодаря довольно слабой с литературной точки зрения элегии на смерть Генриха IV (лидера гугенотов в конце религиозных войн во Франции, основателя династии Бурбонов), 29 декабря 1807 г. Гизо был избран членом академии департамента Гара⁵³². Однако в будущем он предпочитал никогда не вспоминать об этом литературном опыте, в том числе на страницах мемуаров.

Первым опубликованным текстом Гизо стал «Обзор философии и литературы за 1807 год», напечатанный в «Публицисте» («Le Publiciste») Сюара⁵³³. Именно плодотворное сотрудничество с этим журналом принесло Гизо признание парижских литературных кругов. Позже были статьи для исторического сборника Ж. Мишо «Biographie Universelle». Затем вышла книга – лучший на момент издания «Новый словарь синонимов французского языка»⁵³⁴. Гизо переводит с немецкого языка очерк Г. Рефуса «Испания в 1808 году», пишет обзор «О состоянии изящных искусств во Франции и о Салоне 1810 года»⁵³⁵, компилирует «Биографии поэтов века Людовика XIV» (1813). Это был дебют долгой и удивительной интеллектуальной карьеры, которая закончилась семьдесят лет спустя. Ж. Симон впоследствии скажет: «Гизо жил и работал в течение века»⁵³⁶.

Сложно переоценить значение площадки, предоставленной Сюаром на страницах «Публициста», для того признания, которое получил молодой Гизо. Немаловажным оказался и исключительно выгодный контракт: издатель платил литератору 200 франков в месяц за восемь статей. «Сюар, возглавлявший журнал, любезно потакал моим желаниям (...) Он позволил мне сделать карьеру»⁵³⁷, – вспоминал Гизо впоследствии. И не только карьеру. У Сюара же Гизо встретил Полину де Мелан, блестящего литератора с европейской репутацией, автора

⁵³⁰ Broglie G. Op. cit. P. 29.

⁵³¹ Ibid. P. 25.

⁵³² Ibid. P. 30.

⁵³³ Guizot F. Op. cit. 1858. Vol. 1. P. 9–11.

⁵³⁴ Guizot F. Nouveau Dictionnaire...

⁵³⁵ Guizot F. De l'état des Beaux-Arts en France...

⁵³⁶ Simon J. Thiers, Guizot et Rémusat. Paris, 1885. P. 221.

⁵³⁷ Ibid. P. 9–10.

многочисленных работ по истории образования, женщину на четырнадцать лет старше его. Она принадлежала к либеральной аристократии Старого порядка, многое потеряла во время революции и вынуждена была зарабатывать на жизнь литературной деятельностью, в частности, сотрудничеством в «Публицисте».

Знакомство Гизо с П. де Мелан переросло в удивительно плодотворный творческий союз: с 1807 до 1810 г. они опубликовали двести сорок восемь статей, посвященных главным образом обзору иностранной литературы. Уже в этой литературной критике Гизо проявился как независимый автор, который не ограничивается комментариями к отдельным выдержкам из сочинений, а практически всегда стремится создать определенную концепцию и встроить проблему в широкий контекст.

Скрепя сердце Сюар позволял Гизо быть порой «слишком немецким», а иногда «слишком христианским», что в целом противоречило духу «Публициста»⁵³⁸. Именно поэтому редактор, заказывая рецензию на новый роман Шатобриана «Мученики» (1809), просит автора писать, руководствуясь вкусом, а не верой⁵³⁹. Книга была холодно встречена в парижских интеллектуальных кругах, потому что учение Вольтера и его последователей имело большое влияние среди либералов. Мнение Гизо было совершенно иным, он страстно удивился Шатобриану, его чувствам и языку: «Эта чудная смесь религиозных чувств и романтических тенденций, поэзии и моральной полемики подействовали на меня так сильно... Видя жестокие нападения, посыпавшиеся на них, я решился защищать их...»⁵⁴⁰ После публикации отзыва, литературные способности Гизо привлекают благосклонное внимание Шатобриана, который был польщен молодостью талантливого критика⁵⁴¹. О своем одобрительном отношении Шатобриан сообщил в письме от 12 мая 1809 г., которое начиналось словами: «Позвольте выразить мое удовольствие...»⁵⁴² Даже много лет спустя, Гизо был благодарен Шатобриану за доброжелательное отношение к той рецензии⁵⁴³.

Между Гизо и Шатобрианом завязалась дружеская переписка, которой не суждено было стать продолжительной. Политические интересы, оказавшиеся сильнее всякой признательности и взаимной расположенности, легли непреодолимой бездной между двумя корреспондентами.

Своими статьями Гизо завоевал уважение таких разных интеллектуалов, как Лакретель, Галуа, Камиль Жордан, Ш. де Виллер, М. де Монморанси, а также стал широко известен как в

---

⁵³⁸ Broglie G. Op. cit. P. 30.

⁵³⁹ Ibid.

⁵⁴⁰ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 9.

⁵⁴¹ Ibid. P. 9.

⁵⁴² Ibid. P. 377.

⁵⁴³ Ibid. P. 8–12.

Париже, так в Германии и Швейцарии. Он становится желанным автором во многих изданиях, таких как «Европейский литературный архив» («Archives littéraires de l'Europe»), «Меркурий» («Le Mercure»), Стапфер делает Гизо корреспондентом «Мишлен фюр ди вельткрудэ» («Miscellen für die Neueste Weltkunde»), издаваемого в Швейцарии.

Несмотря на успехи в журналистике, Гизо не чувствует себя на месте. Для этой профессии он слишком отвлечен от реальности и любит абстракции. К тому же он не очень уважает свою читательскую аудиторию и хочет чего-то большего. Именно Полина де Мелан первая определяет его настоящее предназначение: «Вы говорите всегда лучше о вещах, чем о книгах... Ваш талант, мне кажется, принадлежит истории»⁵⁴⁴.

В 1810 г. «Публицист», как и «Газета Франции», стремительно теряет свой объем, превращаясь в «носовой платок», и переходит под контроль правительства, а в конце года прекращает свое существование. С 1811 по 1813 г. Гизо с П. де Мелан совместно издают «Вестник образования»⁵⁴⁵ («Annales de l'éducation»), в котором печатают статьи по истории и методике воспитания детей⁵⁴⁶. Каждый номер состоял из трех больших статей, рассказа, рецензии и библиографии новейших изданий, связанных с проблемами образования. Дух времени и зоркость министра полиции А.Ж. Савари заставили исключить из журнала даже не очевидные намеки на политику. Формат издания во многом был продиктован строжайшей цензурой, запрещавшей обсуждение многих проблем.

В 1812 г. Гизо женится на Полине де Мелан, которая приняла протестантизм. Вместе они проживут до 1827 г., года смерти супруги⁵⁴⁷. Интеллектуальное сообщество, в которое Гизо попал благодаря жене, оказало значительное воздействие на формирование его мировоззрения. Большая часть друзей мадам Гизо были выходцами из салонов Старого порядка и являлись сторонниками конституционной монархии. Супруга познакомила Гизо с Буфлером, Констаном, Гаратом, Дюпоном де Немуром и др.⁵⁴⁸ Он был очарован их большой известностью и интеллектуальным влиянием, но вступил с ними в диалог на равных. Гизо собрал также еще живые воспоминания о философии Просвещения. В это же время он отходит от Стапфера, общества германистов и концентрируется на французской мысли и французской политике.

Гизо любил вспоминать, что оказался в «очаровательной компании» людей, которые прошли великие испытания и сейчас делились своими воспоминаниями. Это были интеллектуалы Старого порядка, обладавшие вкусом к жизни, их имел в виду Талейран,

⁵⁴⁴ Broglie G. Op. cit. P. 31.

⁵⁴⁵ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 14.

⁵⁴⁶ Всего вышло шесть томов Вестника.

⁵⁴⁷ Guizot F. Mémoires... Vol. 3. P. 52.

⁵⁴⁸ Broglie G. Op. cit. P. 34–35.

заметивший: «Кто не жил до 1789 г., тот не знает, что такое жизнь в удовольствие»⁵⁴⁹. Подводя итог своей жизни в 1807–1812 гг., Гизо писал о своем окружении в этот период: «Не то, чтобы я в то время был очень обеспокоен политикой или тем, что свобода мне не доступна. Я жил в оппозиционном обществе, но оппозиция [эта] мало походила на ту, развитие которой мы видели на протяжении последующих тридцати лет. Это были обломки философского мира и либеральной аристократии XVIII в., последние представители тех салонов, в которых думали и говорили обо всем свободно, все подвергали критике, все обещали и на все надеялись, но не по причине высокомерия и честолюбия, а из-за живости ума. Разочарования и бедствия революции не подтолкнули оставшихся в живых представителей этого замечательного поколения ни отречься от своих убеждений, ни отказаться от своих желаний; они остались искренними либералами, но без претензий, [в отличие] от многих людей, которые пострадали и не преуспели в своих проектах и государственных [амбициях]. Они желали свободу мысли и слова, но не добивались власти; они ненавидели и порицали деспотизм, но ничего не делали, чтобы укротить или свергнуть его. Это была оппозиция осведомленных и независимых зрителей, которые не имели никакого шанса или желания вступить в действие не в качестве зрителей, но в качестве актеров»⁵⁵⁰. Тем не менее в кругу этих людей Гизо научился «более, чем от кого-либо, быть справедливым к другим и уважать чужую свободу, что составляет признак и отличие по-настоящему либерального человека»⁵⁵¹.

В 1812 г. в Сорбонне Гизо подружился с известным профессором философии П.П. Руайе-Колларом, философско-исторические взгляды которого заинтересовали молодого преподавателя еще в период Империи. Впоследствии Гизо лаконично напишет о людях, оказавших на него самое значительное влияние. Среди них он назовет мать, Полину де Мелан и Руайе-Коллара⁵⁵². Политические взгляды последнего были близки Гизо, а их непоколебимость пленяла. Руайе-Коллар был строгим янсенистом, сторонником конституционной монархии и последовательным противником любых революционных проявлений и экстремизма. Он яростно атаковал вольтерьянство и идеологов⁵⁵³, убежденный, что эти течения нанесли Франции огромный вред и должны принадлежать исключительно прошлому. Догматизм и логика сочетались у Руайе-Коллара с романтическим воображением и литературным стилем научных текстов. В своих лекциях он объединял факты в абстрактные категории и доктрины, утверждая, что теоретичность – важное свойство науки.

⁵⁴⁹ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 6.

⁵⁵⁰ Ibid. P. 5–6.

⁵⁵¹ Ibid. P. 8.

⁵⁵² Ibid. P. 42.

⁵⁵³ См.: Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 20.

Руайе-Коллар взял молодого Гизо под опеку, и годы спустя, когда их пути разойдутся, Гизо не изменит свое теплое отношение к наставнику: «Он сделал намного больше, чем пара услуг на благо моей карьеры. Он способствовал моему внутреннему и личному развитию, а также открыл для меня перспективы [философского исследования]»⁵⁵⁴. Руайе-Коллар ввел Гизо в философские круги и познакомил его с А. Ампером, Э. Галуа, В. Кузеном

Необходимо учитывать тот факт, что мировоззрение Гизо, отраженное в его политических трактатах, определялось в первую очередь реалиями посленаполеоновской Франции в целом. И в этом смысле он принадлежал к мыслителям, преобразовывавшим государственно-правовые теории и понятия под влиянием политических событий. Как отмечал К. Шмитт, «новые злободневные вопросы могут вызывать к жизни новый социологический интерес и реакцию против “формального” метода рассмотрения государственно-правовых проблем»⁵⁵⁵. Однако в процессе своего становления как политического мыслителя Гизо испытал значительное влияние философии Просвещения, в первую очередь работ Монтескьё, и идеологии фельянов (предшественников доктринеров). Умолчание Гизо об источниках, используемых им в основных политических сочинениях, не было странным явлением для того времени. Заимствуя методы, стилистику или идеи, мыслитель, как и многие его современники, не только не делает ссылок, но даже не упоминает авторов, что затрудняет реконструкцию идейных влияний.

Истоки мировоззрения Гизо можно охарактеризовать следующим образом. Принадлежа к протестантской семье, испытывавшей трудности во времена религиозных притеснений, он был последовательным приверженцем религиозной терпимости. Потеряв отца в годы революционного террора, Гизо отрицательно относился к политическому экстремизму, революционным потрясениям разного рода и слабому государству, которое способно допустить народные волнения. Благодаря матери он получил прекрасное воспитание, привившее ему аскетизм, религиозность и способность к упорному труду. В Женеве Гизо обрел фундаментальное образование и научился «суровой методе находить строгие связи между отдельными фактами». Швейцарские годы открыли для Гизо английскую философскую традицию и вкус к английскости в целом. Немецкую мысль, оказавшую большое влияние на исторический метод, Гизо воспринял через Стапфера и его окружение, а во французские интеллектуальные круги своего времени он оказался вхож благодаря Сюару и П. де Мелан. В их салонах он познакомился с последователями философии Просвещения и либеральными политиками времен Французской революции.

---

⁵⁵⁴ Ibid.

⁵⁵⁵ Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 30.

С одной стороны, круг чтения и общения, либеральный характер женевского образования сформировали критически мыслящего интеллектуала, с другой – Гизо с детских лет размышлял над опытом Французской революции и укрепился в уверенности, что все ее злоупотребления стали следствием слабости предшествовавших якобинцам правительств. Казнь отца сделала его противником социального радикализма и «народной демократии». Во взглядах Гизо равным образом присутствовали либеральные и консервативные ценности: недоверие к слабому государству и религиозная терпимость, отрицание революционного пути развития и почтение к философии просветителей, отрицание народной демократии и ненависть к авторитарному диктату. Истоки мировоззрения Гизо лежат в области философии Просвещения, политической мысли первых лет Революции и либерально-консервативной реакции на Революцию и Империю. Главные авторы его библиотеки – Кант и Монтескьё – определяют контуры его политической философии.

2.2. Политическая карьера Гизо

Либеральный консерватизм – не философское учение, а идеология, сформировавшаяся в первой трети XIX в., практически одновременно с консерватизмом, либерализмом и социализмом. Его представители – идеологи, в отличие от кабинетных ученых, созерцающих прошлое и настоящее ради познания, вовлечены в политическую борьбу⁵⁵⁶. Франсуа Гизо был теоретизирующим практиком и существует неоспоримая связь между его государственной деятельностью и политической теорией, именно поэтому рассмотрение государственной карьеры философа весьма значимо при реконструкции его политической концепции.

Молодой преуспевающий журналист, попавший в блестящие интеллектуальные круги своего времени, имел все основания для претензий на политическую карьеру. Однако имперские реалии оставляли для политической деятельности лишь небольшое поле.

Любой французский политик или политический теоретик первой половины XIX столетия неизбежно обращался к фигуре Наполеона. Признавая «без меры и без удержу» гений Бонапарта, его многочисленные таланты, экстраординарную энергию и «глубокий

---

⁵⁵⁶ См.: Руткевич А. М. Времена идеологов... С. 3.

административный инстинкт»⁵⁵⁷, Гизо критиковал деспотизм императорской власти, рыхлость общественной структуры огромного государства, интеллектуальный упадок элит, отсутствие свободы. Мыслитель обратился к фигуре императора после собственной отставки, когда «научился быть справедливым по отношению к Наполеону». Гизо вспоминал, что с молодости ему были чужды имперские идеи, и он не мог одобрять агрессивную внешнюю политику. Антипатия к анархии, стремление к созданию единой нации оправдывали в глазах молодого интеллектуала многие действия императора, однако последний «был революционером, несмотря на то что постоянно боролся с революцией», поскольку не желал знать никаких политических и нравственных границ⁵⁵⁸. Гизо был уверен, что Наполеон прекрасно понимал природу человека, насущные потребности общества и ловко пользовался несовершенством человеческой натуры. Удовлетворяя потребности своей воли, Наполеон «с неистовой гордостью презирал и оскорблял» личность: «Кто бы мог подумать, что человек, подписавший Конкордат и вновь открывший церкви во Франции, арестует папу римского и заточит его в Фонтенбло? Оскорблять одинаково философов и христиан, разум и веру – это уж слишком!»⁵⁵⁹. Гизо писал, что в Империи было «слишком много высокомерия, право презиралось слишком открыто, свободы было слишком мало, а смут слишком много»⁵⁶⁰.

Гизо считает, что «Наполеон был нужен в свое время, потому что именно он сумел так быстро и блестяще разделаться с анархией и заменить ее порядком»⁵⁶¹. Однако император «был самым бесполезным человеком относительно будущего», потому что на смену анархическому экстремизму пришел экстремизм деспота, который конструировал в своем воспаленном сознании химеры, толкавшие его не только к полному обладанию Францией, но и Европой. Гизо признавался, что в годы Империи он был поражен тем высокомерием, с которым государство прибегало к грубой силе, а также презрением к закону и отсутствием свободы⁵⁶².

Первый опыт государственной службы Гизо получил в 1811 г., когда оказался секретарем Министерства иностранных дел. Империя находилась в зените своего могущества, и мало кто сомневался в прочности наполеоновской системы. Молодой интеллектуал быстро

---

⁵⁵⁷ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 20.

⁵⁵⁸ См.: Ibid. P. 4.

⁵⁵⁹ Ibid.

⁵⁶⁰ См.: Ibid. P. 4–5.

⁵⁶¹ Ibid. P. 5.

⁵⁶² См.: Ibid. P. 5.

понял, что удушливая атмосфера поздненаполеоновского МИДа не только исключает карьерный рост, но и наполняет жизнь бессмысленной во всех отношениях деятельностью⁵⁶³.

Возможности для настоящей политической карьеры появились лишь после падения Бонапарта. Весной 1814 г. империя начала рушиться, правительственные учреждения бежали из столицы в провинцию, в Париже начались волнения, и близилась анархия. Понимая, к чему ведут текущие события, Гизо попросил у ректора Сорбонны отпуск и 24 марта уехал в Ним на пасхальные каникулы. 30 марта войска союзников вошли в Париж, а через неделю Наполеон отрекся от власти⁵⁶⁴. До Нима долетает лишь эхо главных событий: Талейран возглавляет временное правительство, граф Прованский и граф д'Артуа возвращаются во Францию⁵⁶⁵.

Гизо ничем не был обязан Бурбонам, он и сам признавал, что никакие личные побуждения не влекли его к Реставрации: «Я из числа тех, которых поднял порыв 1789 г., и которые не согласятся спуститься вниз, но если я не связан со Старым порядком никаким интересом, то и никогда не питал к старой Франции никакого горького чувства. Буржуа и протестант, я глубоко предан свободе совести, равенству перед законом и всем завоеваниям нашего общественного порядка»⁵⁶⁶. Однако он не хотел быть в оппозиции ради оппозиции, поскольку был уверен, что Реставрация не сможет перечеркнуть завоевания Революции, но может принести с собой два блага, «недостаток которых особенно сильно ощущался в продолжение последних двадцати пяти лет – мир и свободу»⁵⁶⁷. «Я не считаю нужным смотреть на Бурбонов, на французское дворянство и на католическое духовенство, как на врагов. Теперь только одни безумцы кричат: “Долой дворян! Долой священников!”»⁵⁶⁸, – писал Гизо.

В апреле 1814 г. Гизо получает письмо от Руайе-Коллара: временное правительство нуждается в новых людях, просвещенных консультантах, способных вывести страну из кризиса. Также друг сообщает Гизо, что рекомендовал его министру внутренних дел, аббату Ф.-К. Монтескью, который желает поручить молодому историку функции генерального секретаря своего ведомства. Гизо принимает предложение, но чувствует себя подготовленным не только к государственной службе, но и к политической деятельности. Вместе с тем он не собирается отказываться от литературных опытов, преподавания и исторических исследований ради туманных карьерных перспектив. В мае Гизо возвращается в Париж, представляет записку «О

⁵⁶³ После ухода Талейрана МИД Франции превратился в бюрократическую службу по оформлению решений императора. Все важные внешнеполитические контакты Наполеон поддерживал лично.

⁵⁶⁴ См.: Guizot F. *Mémoires...* Vol. 1. P. 24–26.

⁵⁶⁵ См.: Broglie G. *Op. cit.* P. 44–45.

⁵⁶⁶ Guizot F. *Mémoires...* Vol. 1. P. 27.

⁵⁶⁷ *Ibid.* P. 28.

⁵⁶⁸ *Ibid.*

состоянии умов во Франции»⁵⁶⁹ и занимает должность секретаря МВД. В это время он принял участие в подготовке обращения короля «О внутреннем состоянии Франции» к палатам, в разработке закона «О свободе книгопечатания» и в реформе образования.

При подготовке проекта закона «О свободе книгопечатания» впервые дало о себе знать либерально-консервативное понимание свободы у Гизо. Этот закон, по сути ограничивший свободу книгопечатания, произвел сильное впечатление на французскую публику. Гизо же считал, что проект «разумен и искренен, поскольку он имел целью освятить законным образом свободу книгопечатания и в то же время наложить на нее некоторые небольшие и временные ограничения, необходимые в начале свободного правления после сильной революции и долгого деспотизма»⁵⁷⁰.

Правительство Талейрана не было единым механизмом. Жесткое соперничество установилось между премьер-министром и главами ведомств Витролем, Беньо и Монтескью. Последний окружил себя не опытными политиками, а интеллектуалами, многие из которых даже не имели выраженных политических предпочтений. Бройльи полагает, что в это время Гизо симпатизировал Реставрации не больше, чем Империи: «Если он никогда не поддерживал императорский режим, то оснований для поддержки Бурбонов у него было еще меньше»⁵⁷¹.

При рассмотрении первых лет политической жизни Гизо нужно особенно осторожно относиться к его мемуарам. Не желая показывать собственную растерянность в 1814 г., в воспоминаниях Гизо пишет о себе как об убежденном стороннике реставрированной монархии, страстном легитимисте, всегда любившем «политику справедливости». Потеряв веру в политическую законность в годы наполеоновского деспотизма, он обрел ее в первые минуты Реставрации, которая стала для него «единственным серьезным решением»⁵⁷². Тут же Гизо признается, что «никогда не чувствовал обиды по отношению к Старому порядку»⁵⁷³, но он зол на Наполеона, «бессмысленные амбиции которого привели иностранные войска на французскую землю»⁵⁷⁴.

Гизо активно использует легитимистские аргументы в пользу Реставрации, в частности, утверждая, что Бурбоны принесут Франции мир внутренний и внешний: «Война не была для Бурбонов ни необходимостью, ни страстью, они могли править без ежедневной демонстрации

⁵⁶⁹ Записка не была издана отдельно, но позже стала частью первой лекции «Истории цивилизации в Европе» (1829).

⁵⁷⁰ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 408–409.

⁵⁷¹ Broglie G. Op. cit. P. 47.

⁵⁷² См.: Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 29.

⁵⁷³ Ibid. P. 27.

⁵⁷⁴ Ibid. P. 29.

силы, без угнетения суверенных народов. С ними иностранные правительства могли поверить в искренний и долгосрочный мир»⁵⁷⁵. Не только всему миру, но и Франции могли быть даны гарантии политической и социальной свободы, «обеспечение прав личности» и «нравственного достоинства нации»⁵⁷⁶.

В начале 1815 г. Гизо поспешно готовил реформу высших учебных заведений, которая отменяла императорский университет, создавала семнадцать автономных университетов и открывала их двери для духовенства. Одновременно с этим ухудшались позиции Монтескью, который все больше чувствовал себя изолированным. Помимо прочего, его упрекали в присутствии в МВД протестантского либерального советника⁵⁷⁷.

Ведомственные споры прекратились в начале марта, когда Наполеон высадился в бухте Жуан. Гизо пытался организовать сопротивление административных учреждений. 7, 13, 14 и 16 марта он разослал циркуляры префектам, в которых от имени МВД приказывал обеспечивать спокойствие и порядок в поселениях, а также сопротивляться Бонапарту и не признавать восстановление Империи⁵⁷⁸. Эти действия не имели результата. В ночь с 19 на 20 марта Людовик XVIII покинул Тюильри, а правительство было распущено. Таким образом, первый политический опыт Гизо закончился провалом.

Умеренность вернувшегося императора расколола либеральную оппозицию, многие представители которой поддержали новый курс Бонапарта. Гизо и его единомышленники – Руайе-Коллар, Барант – были отправлены в отставку. Лишенные возможности участвовать в политике, они сохранили к ней интерес и начали встречаться узким кругом для обсуждения разнообразных текущих проблем. Так зародилось общество доктринеров, с которым неразрывно связано имя Гизо. В первое время объединение даже отдаленно не напоминало самостоятельное политическое течение, а было компанией людей, ушедших во внутреннюю эмиграцию. Доктринеры решили, что их политические планы могут быть реализованы только с династией Бурбонов. Внешние обстоятельства, свидетельствовавшие о скором вторжении союзных держав во Францию, подсказывали интеллектуалам, что правление Наполеона не продлится долго.

Главной целью в период Ста дней доктринеры считали подготовку ко второй Реставрации, которая не должна повторить ошибок первой. Они боялись, что изгнанный король вернется из Гента рассерженным и будет прислушиваться к экстремистам из окружения графа

---

⁵⁷⁵ Ibid. P. 31.

⁵⁷⁶ Ibid. P. 32.

⁵⁷⁷ См.: Broglie G. Op. cit. P. 51.

⁵⁷⁸ См.: Ibid. P. 51.

д'Артуа. В конце мая было решено отправить в Гент Гизо со специальным поручением: противодействовать влиянию ультраправых на короля, добиваться отставки Блакаса и заверить монарха в поддержке умеренно-либеральных сил⁵⁷⁹. Впоследствии факт этой поездки будет постоянным козырем политических противников, которые упрекали Гизо в предательстве государственных интересов. Он пробыл в Генте до окончания Ста дней, способствовал отставке Блакаса и добился аудиенции у короля, в ходе которой передал важную записку, подготовленную доктринерами.

В историографии традиционно говорится о поездке Гизо в Гент как о большом провале с краткосрочным и долгосрочным эффектом⁵⁸⁰. Однако именно во время этой эмиграции Гизо получил опыт политического противоборства, расширил круг своих связей и стал восприниматься как один из лидеров умеренных либералов.

После Ста дней Паскье приглашает Гизо вернуться на должность секретаря министерства внутренних дел. Однако возражения Талейрана, который помнил молодого историка как советника своего политического противника Монтескью, позволяют Гизо 14 июля 1815 г. занять лишь позицию генерального секретаря министерства юстиции. Вскоре секретарем этого же министерства оказывается Барант. Доверие и дружба между обоими генеральными секретарями увеличились благодаря ежедневному сотрудничеству.

Талейран инициирует выборы в палату, которые проходят 22 августа 1815 г. и заканчиваются триумфом ультраправых, считавших источником всех зол Революцию и вынашивавших реваншистские планы не только в отношении политики, но и в отношении собственности. В парламент попадают и доктринеры, партия которых образовалась спонтанно, не обладала конкретной программой и внятными целями, за исключением поддержки Реставрации и борьбы с правыми экстремистами⁵⁸¹. Публично о необходимости «правительственной *доктрины*» для «легитимной власти» впервые заявил Руайе-Коллар с университетской кафедры 19 августа 1815 г.⁵⁸² Он возглавил меньшинство бесподобной (по реакционности) палаты⁵⁸³, объединившееся для борьбы с выпадами ультрароялистов. Это противостояние оказалось бесплодным. Однако небольшой кружок лиц, входивших в состав этого меньшинства, продолжил собираться в течение парламентской сессии 1815–1816 гг. Его участники вырабатывали общую позицию по основным вопросам повестки, а также сообща

⁵⁷⁹ См.: Ibid. P. 52–53.

⁵⁸⁰ См., например: Таньшина Н. П. Франсуа Гизо... С. 38–39.

⁵⁸¹ См.: Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 114–115.

⁵⁸² Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 142.

⁵⁸³ 7 октября 1815 г. после проведенных выборов открылась сессия вновь избранной палаты, в которой 350 мест из 402 принадлежало так называемым ультрароялистам (крайне правым).

готовили свои выступления в палате депутатов. Помимо Руайе-Коллара в состав кружка входили Серр, Беньо, Барант, Бекке, Бурдо⁵⁸⁴.

Пятого сентября 1816 г. король был вынужден распустить бесподобную палату и созвать новую, в которой преобладали сторонники кабинета А.-Э. Ришельё, последовательно боровшегося с правым экстремизмом. В это время из кружка Руайе-Коллара выбыли Бекке и Бурдо, но присоединились Камиль Жордан и Гизо. Последний утверждал, что правительство должно иметь политическую доктрину, а также социальную и нравственную философию. В это время доктринеры составляли в палате часть министерского центра, а идеологически находились на позициях либерализма Б. Констана и Ж. де Сталь.

Осенью 1817 г. складывается сильная группа центристов (ядром были доктринеры), оформившаяся вместе с организацией «правой» (в январе) и «левой» (в августе того же года) групп. Две крайние партии, по мнению Гизо, ориентировались исключительно на прошлое. Левые отвергали настоящее во имя революции, а правые – во имя Старого порядка. Только центристы увидели уникальность текущего момента и, основываясь на конституционной хартии, создали сбалансированную доктрину или «философию реставрации»⁵⁸⁵. Гизо, как и доктринеры в целом, был последовательным противником любого политического экстремизма. Он смотрел на существование политических партий глазами Руайе-Коллара, мировоззрение которого сложилось еще в первые годы революции, когда в партиях видели источник разлада, смуты и экстремизма – революционного или реакционного⁵⁸⁶.

Вступление Гизо в первое в жизни политическое объединение не изменило его взглядов и мировоззрения, а наоборот явилось их следствием. Мыслитель стал доктринером не в силу случайных обстоятельств, как Бекке и Бурдо, которые оказались в гравитационном поле Руайе-Коллара, а совершил осознанный выбор. Принять решение помогла дружба с Руайе-Колларом, завязавшаяся еще в годы Империи⁵⁸⁷.

Во время сессии 1817–1818 гг. произошло обособление группы доктринеров. Они получили это наименование от журнала «*Nain jaune réfugié*» еще в начале 1816 г.⁵⁸⁸ Название стало самоназванием, когда Гизо заявил, что в основе любого правления должны находиться руководящие доктрины⁵⁸⁹. Название партии не было случайным, а удачно отражало действительность и характер политических выступлений участников этого объединения. У них

⁵⁸⁴ Pasquier E.-D. Histoire de mon temps. Mémoires du chancelier Pasquier. Vol. IV. Paris, 1893. P. 15.

⁵⁸⁵ См.: Реизов Б. Г. Указ. соч. С. 178.

⁵⁸⁶ См.: Barant P. La vie politique de Royer-Collard... Vol. I. P. 351.

⁵⁸⁷ См.: Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 158.

⁵⁸⁸ См.: Duvergier de Hauranne P. Histoire du gouvernement parlementaire... Vol. 3. P. 534.

⁵⁸⁹ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 158–159.

не было неизменной доктрины, однако традиционная привычка Руайе-Коллара и Гизо разбирать каждый вопрос парламентской повестки с отвлеченно-философских позиций, помещать его в рамки теоретической модели и высказывать свои суждения догматически-авторитетным тоном сделала название «доктринеры» чрезвычайно уместным.

В 1818 г. членами группы стали герцог Бройльи и Ш. Ремюза. В наиболее блестящий период своей деятельности (1817–1820) участники объединения доктринеров были связаны не только единством своих взглядов, но и личной дружбой. Именно последнее обстоятельство делало круг закрытым даже для идеологически близких к нему интеллектуалов и таких политиков, как Вильмен, барон Луи или депутаты левого центра Сент-Олэр, Терно, Курвуазье, Ганиль и др.

До 1820 г. лидером доктринеров был Руайе-Коллар, блестящий оратор, профессор философии в Сорбонне. Беньо славился литературным талантом и ценился за административный опыт (он был бывшим министром). Бройль был знатоком законодательства, в особенности английского права. Барант сочетал в себе таланты государственного человека и литератора. Гизо уже в первые годы своего «доктринерства» имел репутацию серьезного ученого, популярного профессора и энергичного администратора. Не так заметны из-за своей молодости были Ш. Ремюза и О. Сталь.

Доктринеров объединяло умеренно-отрицательное отношение к Французской революции. Если старшие представители кружка (Руайе-Коллар, Жордан, Беньо, Серр) сами подвергались преследованиям за умеренность в годы террора, то младшие (Гизо, Бройльи) потеряли своих отцов на гильотине. Личные воспоминания облегчали их борьбу с революционной идеологией и философией Просвещения.

В качестве философской задачи доктринеров (и своей собственной) Гизо видел примирение Старого порядка и главных завоеваний революции: «Доктрины, от имени которых уничтожали старое общество, должны смениться доктринами, которые позволят создать новую Францию»⁵⁹⁰. По мнению Гизо, доктринеров отличала «смесь философского благородства и политической умеренности, разумное уважение к правам и свершившимся фактам, антиреволюционный дух, использование новых [либеральных] и консервативных доктрин, отказ от ретроградства»⁵⁹¹. Идеи доктринеров были одинаково пригодны и для того, чтобы возродить, и для того, чтобы завершить революцию. Благодаря этому двойственному положению партия Гизо находила точки соприкосновения как с либералами, так и с роялистами: «Правые принимали их [доктринеров] за искренних роялистов, левые, даже во

⁵⁹⁰ Ibid. P. 158.

⁵⁹¹ Ibid. P. 159.

времена ожесточенной борьбы, очень хорошо знали, что они не были защитниками ни Старого порядка, ни абсолютизма»⁵⁹².

Убежденные, что идея конституционной монархии способна соотнести идеалы 1789 г. с королевской властью и стать тем государственно-правовым фундаментом, который необходим обществу, они старались примирить свободу с порядком, конституционный образ правления с сильным правительством⁵⁹³. Пребывая под влиянием идей Монтескьё, доктринеры были поклонниками английской политической системы, разделения властей и избирательного ценза. Гизо не скрывал своего англофильства и писал: «В Англии демократические и аристократические классы боролись за власть, но благодаря удаче и мудрости, они достигли согласия и объединились для общего дела, и Англия достигла гармонии прав, внутреннего мира и порядка, [сочетающегося] со свободой»⁵⁹⁴.

Между тем случайность изменила политику Людовика XVIII, судьбу доктринеров и философию Гизо: 13 февраля 1820 г. при выходе из оперного театра был смертельно ранен рабочим второй сын графа д'Артуа герцог Беррийский⁵⁹⁵. Правительство Деказа пало вместе с Гизо и другими доктринерами. В атмосфере ожесточенной правой реакции историк возвращается к преподаванию в Сорбонне, однако разгоревшийся государственный кризис выталкивает мыслителя в поле политической философии. Гизо издает большой политико-философский трактат «О правительстве Франции после Реставрации и о теперешнем министерстве», на страницах которого вступает в открытый конфликт с политикой правых. Это сочинение, наряду с резкими комментариями в адрес ультраправого министерства Виллеля привели к тому, что в 1824 г. Гизо был лишен своей кафедры и права преподавания, которое ему вернут лишь в 1828 г. во времена либерального министерства Мартиньяка.

К активной политической жизни Гизо возвращается в январе 1830 г.: он избран депутатом от департамента Лизье и Понт-Эвек, в котором приобретает свое знаменитое поместье Валь-Рише. Возвращение известного историка в политику приветствуется парижскими интеллектуалами самых различных взглядов. Поздравительные адреса отправляют Шатобриан, Лафайет, Бройль, Дюпон, Ремюза⁵⁹⁶ и др. Гизо присоединился к своим старым знакомым доктринерам-центристам, которые стали на тот момент сильной политической партией либерально-консервативной ориентации.

---

⁵⁹² Ibid.

⁵⁹³ Craiutu A. Liberalism under Siege... P. 27.

⁵⁹⁴ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 111.

⁵⁹⁵ Ibid. Vol. 1. P. 222–223.

⁵⁹⁶ См.: Simon J. Op. cit. P. 256.

В своем первом выступлении в новой палате Гизо призывал Карла X обратить внимание на сложную внутреннюю обстановку, сложившуюся в стране в последние месяцы. Он подвергает сокрушительной критике роялистское министерство Полиньяка, обвинив его в бездействии и коррупции. Гизо критиковал министров как с консервативных, так и с либеральных позиций. Он утверждал, что сильное правительство является залогом мощного государства, но сегодня как никогда «власть показывает себя немощной», «спасовавшей перед трудностями, сомневающейся в самой себе, в своих средствах, в своем будущем»⁵⁹⁷. Это была критика консерватора. В то же время, оратор замечает, что государство, не способное навести порядок во всем обществе, посягает на свободу личности. Властная машина, бессильная перед крупными социальными и экономическими проблемами, стремится доказать свое могущество один на один с человеком⁵⁹⁸. Это были слова убежденного либерала.

Первой политической акцией Гизо во время Июльской революции была подготовка проекта протеста депутатов, с которым политик выступил в собрании 29 июля. Документ квалифицировал сложившуюся ситуацию как реакцию на ордонансы, депутаты не признавали роспуск собрания, но выражали свою преданность королю. Острые критики было направлено против министерства Полиньяка, а про народные волнения не говорилось ни слова. Правые сочли текст слишком резким, либералы предлагали пойти дальше и создать временное правительство по образцу 1814 г., центристы поддержали Гизо.

Гизо выступил против предложений Ремюза и Тьера, предлагавших взять руководство революцией в свои руки. Ему была ближе легитимистская позиция Руайе-Коллара, который считал наследственную монархию символом традиции и величия Франции. Гизо не устал повторять, что депутаты, представляющие законодательную власть, не должны принимать участия в народном бунте, усиливающем безвластие. Если члены палаты выйдут на улицы, они потеряют свою легитимность и скомпрометируют саму идею законодательного корпуса⁵⁹⁹. Аргументы доктринера убедили большинство палаты, которая заняла умеренные позиции.

Апатия Руайе-Коллара и активность Гизо сделала последнего признанным лидером доктринеров и всех центристов. Он не хотел создавать коалиции с демократическими лидерами и вести переговоры с баррикадами. Гизо знал, что активная фаза революции сменится кабинетными консультациями, в ходе которых будет создана новая политическая система.

Ожесточенные столкновения в столице и волнения в департаментах заставили задуматься о возможном начале гражданской войны. Лидер доктринеров ставит перед своими

⁵⁹⁷ Guizot F. L'Histoire parlementaire de la France. Vol. 1. Paris, 1863. P. 18.

⁵⁹⁸ См.: Ibid. P. 18–19.

⁵⁹⁹ См.: Ibid. P. 111.

единомышленниками задачу: не допустить анархии. Под его руководством формируется муниципальный совет, который берет в свои руки управление городом. Энергичные действия совета привели к тому, что новый орган начал восприниматься в качестве временного правительства, пришедшего на смену ненавистному кабинету Полиньяка. Совет принял функции исполнительной власти, была подтверждена и легитимность палаты депутатов.

Сохранение дееспособной власти во время революции 1830 г. стало крупнейшей политической заслугой Гизо. Однако оставался неясным статус короля. Карл X утратил легитимность в глазах народа, но, по убеждению доктринеров, улица не обладает суверенитетом. С одной стороны, Гизо не мог простить королю жестокости по отношению к восставшим, с другой – не сомневался в законности власти Карла X⁶⁰⁰. Выход из ситуации предложил Тьер, автор прокламации в пользу герцога Орлеанского. После многосторонних консультаций с участием депутатов, Луи-Филиппа и эмиссаров Карла X, король 1 августа сам назначил своего двоюродного брата генерал-лейтенантом Франции и одобрил собрание палат 3 августа.

Несмотря на активное участие в июльских событиях, Гизо неоднозначно относился к революции. Он полагал, что политический режим, рожденный революцией, не может быть легитимным. Главной задачей он считал недопущение развития революции, которое не удалось остановить в 1789–1793 гг. Стремительное преодоление революционного духа и восстановление во Франции «свободы и порядка» было заслугой Гизо. Анализируя произошедшие события, политик пришел к выводу, что главными виновниками случившегося были Карл X и его окружение, которые нарушили политическую гармонию и изменили принципам Хартии⁶⁰¹.

С Июльской революции начался расцвет карьеры Гизо. Судьба орлеанизма была неразрывно переплетена с удачами и просчетами политического курса правительства, которое фактически возглавлял Гизо. Он еще не имел связей с Пале-Рояль⁶⁰² и лично с Луи-Филиппом, но сохранил контакты с кругом дворянских либералов (Бройль, Перье, Себастьяни), установил связи с лидерами левых сил (Лафайет, Лафит, Дюпон) и был, благодаря своим лекциям, на пике популярности среди студентов, сыгравших важную роль в уличном противостоянии⁶⁰³.

Гизо никогда не использовал свою популярность в студенческой среде для достижения политических целей. Более того, он болезненно относился к любым проявлениям прямой

---

⁶⁰⁰ См.: Ibid. P. 113.

⁶⁰¹ См.: Guizot F. Trois generations... P. 168.

⁶⁰² Двор герцога Орлеанского.

⁶⁰³ См.: Broglie G. Op. cit. P. 117.

демократии. Тягостные впечатления сохранились у политика от первых визитов во дворец герцога Орлеанского, заполненный толпами людей, которые «чувствовали себя хозяевами положения»⁶⁰⁴.

Гизо подготовил обращение Луи Филиппа к палате депутатов, которую «король французов» зачитал 3 августа 1830 г. Это первое сотрудничество переросло в восемнадцатилетний политический союз, который не будет знать предательств. При формировании нового кабинета Гизо получил важнейший портфель министра внутренних дел. Однако разногласия с Лафитом, главой кабинета, привели к демонстративной отставке Гизо и доктринеров. После тактических поражений в аппаратной борьбе Гизо возвращался в палату депутатов, но никогда не отдалялся от власти.

В 1832 г. в кабинете Сульта он занял пост министра народного просвещения⁶⁰⁵ и получил возможность использовать свои знания, приобретенные во время работы над «Вестником образования». 28 июня 1833 г. Гизо представил проект важнейшего закона о всеобщем начальном образовании, в результате реализации которого Франция покрылась сетью начальных школ. Пятнадцать лет спустя, в год падения Гизо, количество школ достигло 23 тысяч, а доля грамотного населения превысила пятьдесят процентов. Вторым мероприятием министра просвещения было воссоздание Академии моральных и политических наук.

Гизо видел задачу своего ведомства в «распространении государственного образования» в целях заботы о душах будущих поколений. Политик считал ошибочным взгляд, согласно которому деятельность министерства образования не имеет ничего общего с материальными интересами государства. Он был убежден, что просвещение людей является необходимым условием как личного, так и общественного процветания, а также гарантирует порядок и свободу. Только государство обладает достаточными ресурсами для систематической заботы о просвещении своих граждан, поэтому правительству необходимо создать реальную возможность для широкого распространения доступного образования⁶⁰⁶.

Это была самая либеральная реформа Гизо. Он начал ее подготовку с изучения международного опыта и вскоре понял, что образцом может служить только английская модель⁶⁰⁷. При подготовке проекта министр стремился децентрализовать начальное образование и добиться открытия школ во всех уголках Франции, а не только в крупных

---

⁶⁰⁴ Idid. P. 118.

⁶⁰⁵ См.: Guizot F. Mémoires... Vol. 3. P. 2.

⁶⁰⁶ См.: Ibid. P. 10–13.

⁶⁰⁷ См.: Ibid. P. 18.

городах. Для Гизо не имело значения, будут эти заведения государственными или частными, главное – увеличить количество образованных французов.

Признавая роль религии в духовном воспитании общества, Гизо выступил за секуляризацию образования. Отныне церковные школы должны существовать отдельно от светских, а духовенство не может влиять на программу гражданского образования. Право выбора школы остается за родителями ребенка, а не за приходским священником. Это позволяет воплотить в жизнь гарантированное конституцией право на свободу совести и вероисповедания⁶⁰⁸.

Любовь Гизо к порядку отразилась на заключительном этапе подготовки проекта. Политик пришел к выводу, что правительство должно контролировать и унифицировать содержание и качество образования, как в частных, так и в государственных школах. Для этой цели создавались независимые административно-надзорные органы, обладавшие правом инспектирования школ. Таким образом, правительство давало право выбора между частной и государственной школой, но контролировало качество образования и следило, чтобы преподавание не выходило за дозволенные рамки.

Заключительным пунктом реформы стал вопрос о доступности создаваемой системы. Гизо считал, что начальное образование должно быть бесплатным во всех государственных школах. По его мнению, это позволило бы реализовать давнюю задумку, восходящую к конституции 1791 г. В жарких парламентских дебатах министр отчеканил: «Государство обязано обеспечить начальное образование для всех семей, в том числе для тех, кто не в состоянии за него платить; только так государство возместит в нравственной сфере то, что не смогло дать народу в материальной сфере. Это справедливый принцип, и это цель моего законопроекта»⁶⁰⁹.

После длительных консультаций и парламентских дебатов, в ходе которых министр народного просвещения выступил с десятком речей, все положения его реформы были приняты. Гизо создал во Франции целостную систему всеобщего начального образования (в том числе женского), благодаря которой количество грамотных французов за четверть века утроилось. Реформа Гизо дала возможность детям из бедных семей получить ранее недоступные для них знания и открыла им различные перспективы.

Увлеченный работой в министерстве народного просвещения, Гизо отказывался замечать процессы, происходившие за пределами легального политического пространства. Он, несомненно, осведомлен о возникновении тайных республиканских обществ, которые ставили в

---

⁶⁰⁸ См.: Ibid. P. 22.

⁶⁰⁹ Ibid. P. 63–64.

качестве своей цели свержение Июльской монархии, но умалчивает об этом. Восстания в Париже 1832 г. и 1834 г., а также серия покушений на жизнь короля в 1835–1836 гг. выглядят в глазах лидера доктринеров случайными событиями, не имеющими внутренней логики.

Особая трудность Июльской монархии заключалась в том, что она была вынуждена бороться не только с республиканцами, но и с легитимистами, а также с бонапартистами⁶¹⁰. Если республиканцы действовали главным образом в Париже, то легитимисты под руководством герцогини Беррийской в 1832 г. подняли восстание в Вандее. Центром бонапартистских волнений оказался Страсбург, где обосновался Луи-Наполеон.

Гизо оставался на посту министра до апреля 1837 г., а в 1839 г. в коалиции с А. Тьером и О. Барро выступил против кабинета Л.-М. Моле. Последний был другом Гизо и имел с ним схожую биографию: от потери отца в годы террора до блестящей карьеры в эпоху орлеанизма. Борьба против Моле была похожа и на шахматную партию, и на ожесточенное политическое сражение. Гизо и его союзники ставили в вину премьер-министру уступчивость перед королем и трусость по отношению к иностранным державам. Луи-Филипп знал об исключительной преданности Моле, который имел в глазах короля то неоценимое преимущество, что готов был слепо проводить линию монарха, поскольку был убежденным сторонником влияния короля на государственные дела. Однако такое положение вещей угрожало балансу между законодательной и исполнительной властью, а в политических кругах разгоралась дискуссия вокруг идеи преобладания палаты и идеи преобладания короля.

После многоходовой комбинации с тайными консультациями, организованными Гизо, а также парламентской артподготовки, кабинет министров Моле пал. Решающим сражением был доклад парламентской комиссии, подготовленный Гизо, Тьером и Дювержье де Горанном, который предостерегал короля от нарушения установившегося баланса властей. Победа коалиции привела к окончательному оформлению орлеанистского парламентаризма, при котором значительным весом обладает палата депутатов. Именно этому органу принадлежала законодательная власть, право вводить налоги, он же мог осуществлять контроль над деятельностью правительства. Вследствие этих событий обнаружилось тончайшее искусство политической борьбы, которым в совершенстве овладел Гизо, одолевший своего короля, не разгневав его. Для доктринера была важна не скорость, но результат и минимальные издержки.

Падение Моле усилило соперничество внутри коалиции, лидеры которой начали борьбу за власть. В этой схватке Гизо единственный раз в своей жизни не проявил традиционной выдержки и открыто заявил о своих претензиях. Он рассчитывал получить портфель министра

---

⁶¹⁰ См.: Сорель А. Указ. соч. С. 248.

иностранных дел, поскольку был самым последовательным критиком внешнеполитического курса Моле. Однако Тьер и Барро выступили против, после чего Гизо предпринял безуспешную попытку возглавить МВД. Его оппоненты готовы были предложить пост министра просвещения. Но лидер доктринеров чувствовал свое политическое могущество и не хотел возвращаться на позицию, которую занимал в 1837 г. В палате он возглавлял «правый центр» или орлеанистское большинство, которое насчитывало 253 депутата. «Левый центр» Тьера был представлен всего лишь 43 парламентариями, а «левая династическая» Барро занимала 104 места⁶¹¹.

Затяжные переговоры, длившиеся более двух месяцев, могли перерасти в новый политический кризис. Предвидя эту опасность, консультации прервал король. Главой кабинета стал наполеоновский маршал Султ, никто из лидеров коалиции министерского портфеля не получил. Луи-Филипп не собирался устранять из политики партийных лидеров, но он понял, что было бы правильно не допустить в кабинет министров рассорившихся Гизо, Тьера и Барро.

В феврале 1840 г. Гизо был назначен французским послом в Англии. Это была отнюдь не ссылка, а одно из самых престижных назначений по линии МИДа. В свое время этот пост занимали Шатобриан и Талейран. Тот факт, что эту должность занимали виднейшие французские политики тех лет, свидетельствует об особой заинтересованности Франции в установлении партнерских отношений с Великобританией⁶¹².

Гизо был прекрасно известен в Британии как крупный специалист по английской истории, также располагало к себе и его протестантское вероисповедание. Посол прекрасно знал английский язык, английское общество, английскую историю и считался первым французским англофилом, чего он и сам не скрывал⁶¹³.

Это был первый дипломатический опыт Гизо. Посол вел себя в лучших традициях французского МИДа, выработанных в эпоху Талейрана. Он действовал твердо и дисциплинированно, лично составлял официальные депеши. Любопытен тот факт, что Гизо нашел общий язык с вигами, находившимися у власти уже более десяти лет. Они воспринимали французского посланника как либерала и единомышленника. В то же время посол был популярен у тори, как сторонник охранительной политики. Своими историческими сочинениями и эссе он завоевал любовь английской читающей публики и публицистов.

---

⁶¹¹ См.: там же. С. 249.

⁶¹² См.: Таньшина Н. П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М., 2005. С. 94.

⁶¹³ См.: Guizot F. Mémoires... Vol. 5. P. 1.

Положение Гизо усложнилось, когда из Парижа пришли известия об отставке Сульта, к которой привел конфликт с палатой депутатов. 1 марта 1840 г. кабинет возглавил Тьер, занявший также пост министра иностранных дел. Это был удар по престижу Гизо, посол оказался подчиненным своего давнего политического оппонента, также это ослабляло «правый центр» во французском парламенте⁶¹⁴. В эти дни Гизо заметил: «Если Тьер пришел к власти, опираясь на левый центр и при поддержке левой [династической Барро], то я должен оставить Лондон и вернуться на свое место в Париж, для защиты нашей политики, которая оказалась под угрозой»⁶¹⁵. Несмотря на первый порыв и серьезные разногласия с главой правительства, Гизо решил остаться на своем посту, получив гарантии президента Совета, который заверил посла, что «новое министерство сохранит статус-кво по основным внутри- и внешнеполитическим вопросам»⁶¹⁶, но если оно будет склоняться к левому центру, за Гизо останется право подать в отставку и вступить в политическое противостояние⁶¹⁷. Соответствующие гарантии негласно подтвердил и Тьер, который не хотел выводить противостояние с Гизо в острую фазу. Последний соглашается остаться в Лондоне и пишет об этом 4 марта Дюшателю: «Мой дорогой друг... Взвесив все обстоятельства, я думаю, что должен остаться. Я считаю, что это будет в интересах нашего дела, нашей партии и моих собственных»⁶¹⁸. Международные интересы Франции оказались для Гизо важнее внутриполитических амбиций.

Однако с марта стремительно возрастает количество отправляемых Гизо писем. Политик консультирует своих союзников относительно опасностей, исходящих от правительства Тьера. Программа последнего может привести к роспуску палаты депутатов и проведению избирательной реформы для расширения слоя граждан, имеющих возможность принимать участие в выборах. Во внешней политике Гизо говорил о перспективе войны по восточному вопросу. Однако корреспонденция не дает усомниться в том, какая из двух проблем больше беспокоила дипломата. Он пишет своему союзнику Ш. Ремюза необычно резкое, практически паническое письмо, в котором требует не допустить «никакой избирательной реформы, никакого роспуска палаты» и соблюдать охранительную политику⁶¹⁹.

В это же время Тьера в меньшей степени заботила избирательная реформа, но обострялась ситуация вокруг восточного кризиса, связанного с конфликтом между Османской империей и египетским пашой, который боролся за независимость и вел агрессивные

---

⁶¹⁴ См.: Ibid. P. 15–16.

⁶¹⁵ Ibid. P. 17.

⁶¹⁶ См.: Таньшина Н. П. Политическая борьба... С. 95.

⁶¹⁷ См.: там же.

⁶¹⁸ Guizot F. Mémoires... Vol. 5. P. 17.

⁶¹⁹ См.: Ibid. P. 18.

приграничные войны. Франция поддержала Египет, поскольку стремилась укрепить свои позиции в этом регионе. Страны Священного союза, напротив, выступили за сохранение границ Турции, закрепив свою позицию Лондонским трактатом. Действия России, Англии, Пруссии и Австрии были восприняты в Париже как пощечина, и реваншисты стали править бал. Тьер занял воинственную позицию и укрепил этим свою популярность. Военное ведомство начало мобилизацию солдат, находящихся в запасе, а глава кабинета обратился к королю с просьбой начать мобилизацию и предоставить кредит на вооружение 500 тыс. солдат. Луи-Филипп решительно не хотел войны и отклонил запрос правительства, после чего Тьер подал в отставку.

21 октября король пишет Гизо с просьбой вернуться во Францию и возглавить министерство иностранных дел в правительстве семидесятилетнего Сульта. Это предложение стало триумфом лидера доктринеров. Приняв МИД, он неформально стал главой всего кабинета. Многие считали, что правительство не устоит больше года. Однако в таком виде оно просуществовало до 1847 г., когда Гизо (29 сентября) официально возглавил последний кабинет министров Луи-Филиппа, назначив Сульта главным маршалом Франции.

Внешнеполитическая концепция Гизо опиралась на его историко-философскую теорию. Он стремился к миру в Европе, потому что считал европейское сообщество единой цивилизацией⁶²⁰. Никакое французское правительство не будет действовать на благо государства, если допустит противоборство с европейскими державами. Своей внешнеполитической стратегией во главе МИДа и кабинета министров Гизо считал дипломатическое урегулирование любых спорных вопросов, уклонение от конфронтации, создание максимально широких союзов. Политик призывал «избавиться от давней французской страсти» бесконечных завоеваний и отказаться от реваншизма: «Амбициозная военная политика ведет лишь к страданиям нации» и изолирует государство от Европы⁶²¹. Безрассудство на международной арене более всего противоречит реальным интересам Франции и прогрессу Европы. Умение договариваться станет важнейшим в будущем, поскольку Европа объединяет народы и государства, которые не просто являются соседями, но представляют собой нечто целое, «объединенное нравственными и материальными связями», общей культурой, историей, религией, схожестью обычаев и многим другим: «Европейцы знают, понимают друг друга, шутят над соседями и подражают им»⁶²². По мнению Гизо, современный мир был выстрадан в многообразных битвах и лишениях, но потрясения должны

⁶²⁰ См.: Гизо Ф. История цивилизации в Европе... С. 175.

⁶²¹ Guizot F. Mémoires... Vol. 4. P. 3–4.

⁶²² Ibid. P. 4.

уйти в прошлое, поскольку природа европейцев требует быть вместе. Рано или поздно это движение приведет к формированию общеевропейского государственного права и тесного политического союза⁶²³.

Гизо выработал внешнеполитические принципы, которыми должно руководствоваться правительство. Во-первых, мир является естественным состоянием народов, и правительства должны заботиться о его поддержании. Во-вторых, государства обладают внутривластной независимостью и свободны в установлении тех форм правления, которые отвечают интересам их народов. В-третьих, правительства не должны разжигать международную вражду. В-четвертых, ни одно государство не имеет права вмешиваться во внутреннюю политику другого государства⁶²⁴.

Принцип невмешательства был враждебно встречен в странах Священного союза, представители которых полагали, что Франция просто слаба. Отчасти это было так, Гизо и сам признавался, что в первую очередь его волнует невмешательство в дела государств, которые образуют пояс вокруг Франции (Бельгия, Швейцария, Пьемонт, Испания)⁶²⁵. Однако столетие спустя принцип невмешательства станет фундаментальной основой международного права.

Внешнеполитический курс Гизо был самым сдержанным и осторожным за всю историю Франции. Дипломат отказался от широкомасштабных внешнеполитических акций и проектов, он считал, что нецелесообразно тратить ограниченные ресурсы на рискованные авантюры. Гизо напоминал депутатам, что Европа не будет мириться с навязыванием принципов Французской революции, как не мирилась с экспансией Людовика XIV и Наполеона⁶²⁶, а «Франция должна сделать выбор между (...) принципом невмешательства и новыми идеями подчинить Европу...» Это выбор, по мнению Гизо, между мирной дипломатией и революционным неистовством⁶²⁷.

Гизо предпочитал надежные сценарии и предсказуемые ходы. Внутри страны стало складываться мнение, что он трус и ведет Францию к потере статуса первоклассной державы. Главной проблемой министра становилась стремительная утрата понимания его действий со стороны французского общества, которое желало не решения мелких задач, а крупных внешнеполитических успехов, память о которых была так сильна. Уходило поколение, сохранившее воспоминания о грандиозном крахе наполеоновских планов, а молодые республиканцы и бонапартисты грезил о возвращении Франции в концерт великих держав и все жестче критиковали умеренность правительства. Недовольство внешней политикой привело

---

⁶²³ См.: Ibid.

⁶²⁴ См.: Ibid. P. 5.

⁶²⁵ См.: Ibid. Vol. 2. P. 259.

⁶²⁶ См.: Guizot F. L'Histoire parlementaire... Vol. 1. P. 191.

⁶²⁷ Ibid. P. 195.

к отставке Гизо с поста главы МИДа в 1847 г. Однако Луи-Филипп не захотел расстаться со своим министром, предложив последнему сформировать собственный кабинет.

Политический курс Гизо заключался в сохранении внутреннего порядка и внешнего мира во имя экономического развития страны и накопления богатств. Социальная консервация (министр блокировал любые серьезные реформы, касающиеся общественной структуры) и уступчивая внешняя политика соответствовали экономическим потребностям Франции, но не находили понимания у большей части населения. Общественное мнение о кабинете медленно ухудшалось, и нарастала критика со стороны оппозиции: «К 1847 г. Гизо был человеком, который, в глазах либералов один противостоял всяким попыткам реформ. Для консерваторов (...) он был штурманом корабля, не сумевшим определить наилучший для Франции курс и, следовательно, был один ответственен за кораблекрушение. В среде общественного мнения он становился мишенью для атак и насмешек; он становился главным героем песен, статей и карикатур, которые представляют его в неблагоприятном и сугубо смешном свете»⁶²⁸.

В 1846–1848 гг. Гизо отклонил все предложенные ему законопроекты, что спровоцировало раскол парламентского большинства. Консервативная социальная политика Гизо привела к тяжелому кризису: «Правительство не сумело, а скорее не захотело приспособиться к переменам в обществе, произошедшим во второй четверти XIX века»⁶²⁹. В итоге социально-политическая база Июльской монархии, в особенности ее элита, т.е. круг лиц, участвовавших в непосредственном управлении государством, оказалась чрезмерно узкой. Токвиль указывал в качестве отличительной черты эпохи недостаток настоящей политической деятельности: «Такая деятельность не могла возникнуть и, если бы возникла, не могла бы продолжаться в той легальной сфере, рамки которой были указаны конституцией; старинная аристократия была побеждена, а народ был устранен от участия в делах управления. Так как все вопросы разрешались лицами одного сословия в его интересах и в его духе, то нельзя было найти такого поля брани, на котором могли бы вступать между собой в борьбу большие политические партии. Вследствие этой странной однородности интересов и, стало быть, воззрений, господствовавших в той сфере, которую Гизо называл легальной, парламентские прения были лишены всякой оригинальности, всяких практических целей и потому всякого непритворного воодушевления. Я провел десять лет моей жизни в обществе очень умных людей, которые постоянно волновались, не будучи в состоянии разгорячиться, и которые напрягали все силы своего прозорливого ума на отыскание важных спорных вопросов, но не

⁶²⁸ Таньшина Н. П. Франсуа Гизо... С. 55.

⁶²⁹ Сорель А. Указ. соч. С. 249.

находили их»⁶³⁰. Страна в социально-политическом плане оказалась разделенной на две неравные части – верхнюю, где одновременная была сосредоточена вся политическая деятельность нации и царила нерешительность, бессилие, неподвижность, скука и на нижнюю, где политическая деятельность начинала обнаруживаться в лихорадочных припадках⁶³¹. Активность сил, вытесненных за пределы легального политического пространства, была направлена на революционный перелом статус-кво.

В это время Токвиль призывал к переменам в законодательстве, утверждая, что они не только очень полезны, но даже необходимы. В парламентском выступлении 27 января 1848 г. он говорил о запросе на избирательную и парламентскую реформу, а также призывал изменить дух управления⁶³², однако реакция правительства Гизо была противоположной призывам Токвиля.

Для предотвращения массовых выступлений был принят закон, запрещающий публичные собрания. Обход нашел О. Барро, который предложил собираться за обеденным столом. Так родилось оппозиционное движение банкетов, к которому примкнули не только Тьер, Дювержье де Горанн, но и бывшие союзники Гизо, в частности, Ремюза. Гизо считал это движение искусственным, а примкнувших к нему представителей среднего класса он называл «глубоко заблуждающимися»⁶³³. Летом 1848 г. Токвиль, объясняя причины, по которым он игнорировал банкеты, сказал: «Я не желал устройства банкетов, потому что не желал революции, и позволяю себе утверждать, что почти все, участвовавшие в этих банкетах отказались бы от них, если бы предвидели подобно мне, их последствия»⁶³⁴.

Банкетная оппозиция 22 февраля 1848 г. публично обвинила правительство в бездарной внутренней и внешней политике. На этот выпад Гизо отреагировал с присущим ему хладнокровием, заметив, что последние восемь лет во Франции царит свобода слова и печати, которыми можно было воспользоваться для дискуссий по любым политическим вопросам, вместо того, чтобы на ровном месте кричать об измене, контрреволюции, тирании⁶³⁵.

Министр внутренних дел обещает Гизо навести на улицах столицы порядок. Однако уже на следующий день сразу несколько полков национальной гвардии переходят на сторону протестующих. 23 февраля 1848 г. в условиях массовых волнений в столице Луи-Филипп

⁶³⁰ Токвиль А. Воспоминания... С. 14.

⁶³¹ См.: там же. С. 15.

⁶³² См. подробнее: там же. С. 18–20.

⁶³³ См.: Guizot F. Mémoires... Vol. 8. P. 533–534.

⁶³⁴ Токвиль А. Воспоминания... С. 103.

⁶³⁵ См.: Ibid. P. 571.

отправляет премьер-министра в отставку⁶³⁶, о которой Гизо лично сообщает в палате депутатов. Описание этой сцены сохранилось в воспоминаниях Токвиля: «...было три часа, когда Гизо показался при входе в залу. Он вошел в нее более твердой поступью и с более гордой осанкой, чем обыкновенно; он молча прошел до трибуны и, всходя на нее, почти закинул голову назад из опасения, чтобы она не оказалась опущенной вниз; он в нескольких словах объявил, что король поручил Молэ составление нового министерства»⁶³⁷.

Тем временем толпа собирается у палаты депутатов и скандирует «Долой Гизо!» Бывший министр испуган и без всяких приготовлений бежит с семьей в Англию. После окончания революции он принимает решение вернуться во Францию и, более того, выдвигает свою кандидатуру на выборах в Законодательное собрание 1849 г., однако терпит поражение и навсегда покидает политику. Впоследствии он говорил не о своем свержении, а о своей отставке: «Меня уволили 23 февраля, а 24 февраля свергли монархию»⁶³⁸. Произшедшая революция не вписывалась в политическую теорию Гизо и стала для него событием совершенно неожиданным, которое следует приписывать только случайности⁶³⁹.

Гизо сделал блестящую карьеру от секретаря министерства внутренних дел до фактического главы государства, способного парализовать волю других членов кабинета и даже самого Луи-Филиппа. В последние годы пребывания у власти Гизо обладал решающим влиянием на принятие всех решений и контролировал расстановку сил внутри политических элит. Однако он пренебрег общественным настроением и не признавал «внесистемную» оппозицию улиц. Идеология умеренного либерализма, на пике популярности которой доктринеры пришли к власти, приобрела олигархические черты, политическая элита срослась с буржуазией и погрязла во взяточничестве. Гизо лично не был замешан в коррупционных скандалах, но люди из его окружения регулярно оказывались в их эпицентре. Вспоминая о революции 1848 г., Гизо не признал своих ошибок.

---

⁶³⁶ См.: Ibid. P. 594–595.

⁶³⁷ Токвиль А. Воспоминания... С. 36.

⁶³⁸ Broglie G. Op. cit. P. 363.

⁶³⁹ См.: Токвиль А. Воспоминания... С. 69.

Глава 3. Философия либерального консерватизма Франсуа Гизо

3.1. Система понятий в философии Гизо

Любые теории, в том числе политические системы Ф. Гизо и А. де Токвиля, строятся на базовых понятиях, интерпретация значений которых позволит исследовать не только отражение и фиксацию социальных явлений в терминологии интересующих нас авторов, но поможет лучше понять смысл их теорий. Базовые понятия, по словам Козеллека, «есть неперенная и неотделимая часть политического и социального лексикона»⁶⁴⁰. Они сочетают опыт и ожидание таким образом, что становятся обязательными для любой формы выражения наиболее важных аспектов данного времени. Базовые понятия исключительно сложно организованы, – они всегда спорны⁶⁴¹. Задачей настоящего раздела является интерпретация смысла базовых понятий теории Ф. Гизо. К этим понятиям относится *свобода, порядок, цивилизация, средний класс, провидение, суверенитет, деспотизм, анархия*. Большая часть этих терминов является общепринятой для политического языка интеллектуалов посленаполеоновской Франции. Это облегчает задачу сопоставления теории Гизо и взглядов современных ему политических мыслителей.

Во второй половине XVIII – первой половине XIX столетия французский язык вышел на путь интернационализации и стал средством коммуникации европейского масштаба. Универсальность его терминологии ощущалась, прежде всего, в области политической жизни. Просвещение и Французская революция создали подходящую интеллектуальную и социальную атмосферу для подобного успеха. В осознании многих современников *langue française* становится «политическим языком Европы»⁶⁴². Поэтому без изучения политической терминологии этого языка затруднительно понимание политико-философских концепций и дискуссий.

Политическая терминология всегда социально и исторически обусловлена⁶⁴³. Многие понятия и их значения, попавшие в фокус пристального внимания французских интеллектуалов и государственных деятелей в указанный период, имеют особо важную роль, поскольку

⁶⁴⁰ Цит. по: Бёдекер Х. Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета. М., 2010. С. 44.

⁶⁴¹ Там же.

⁶⁴² Brunot F. Les débuts du français dans la diplomatie // Revue de Paris. 1913. Vol. 4. P. 718–719.

⁶⁴³ См.: Скиннер К. The State // Понятие государства в четырех языках. СПб, 2002. С. 13.

получили теперь универсальное распространение. Однако рассматривать политическую терминологию отдельных мыслителей, избегая широкого контекста, весьма сложно и малопродуктивно, хотя, как иронично заметил Р. Козеллек: «Стоит только начать рассматривать контексты, в которых можно было бы анализировать значение отдельных понятий, как им уже не будет конца»⁶⁴⁴. Тем не менее, для реконструкции исторического значения каждого понятия (или их системы) необходимо определить необходимое количество контекстов и их насыщенность.

Попытка автономно реконструировать систему понятий исторической и политической теории Гизо практически неизбежно приведет к серьезным ошибкам, не только потому, что термины уточнялись автором по мере создания всех его многочисленных сочинений, но и по причине того, что Гизо конструировал некоторые концепты по принципу тезис, антитезис и синтез.

Свобода – центральное понятие французской либеральной традиции. Либеральные консерваторы, коим был и Гизо, разделяли либеральные ценности, но осторожно использовали соответствующие методы, особенно в реальной политике. Для них *свобода* имела несколько смыслов и коннотаций. С одной стороны она синонимична анархии и демократии, с другой – она может оправдывать многие злоупотребления, совершенные от ее имени. Последняя – «подлинная свобода» (*la vraie liberté*), понятие характерное исключительно для либерального консерватизма, представители которого хотели дистанцироваться от «глашатаев мнимой свободы», отождествивших настоящую ценность с народовластием. Подлинная свобода – это гарантия прав и равенство возможностей⁶⁴⁵.

Понятие *свобода* имеет у Гизо два противоположных значения, синтезируемых в его историософской концепции. Первое значение связано с социальным (актуальным) подходом к проблеме, второе – с нравственно-индивидуальным, а историософия говорит о синтезе общественного и личностного «фактора цивилизации».

В социальной реальности *свобода* всегда сопряжена с собственностью. Человек без собственности не может быть равноправным членом социального организма⁶⁴⁶. Этот принцип, по мнению Гизо, возник в период франкского завоевания Галлии, когда свободные люди, лишённые земель, начинали терять не только политическую, но и личную свободу. В «Опыте по истории Франции» у Гизо в качестве *собственности* выступает земля, (не)обладание которой определяет социальное положение индивида или целого общественного слоя, а форма

⁶⁴⁴ Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах... С. 22.

⁶⁴⁵ См.: Chateaubriand F. R. Correspondance générale. Vol. 2. Paris, 1982. P. 200.

⁶⁴⁶ См.: Guizot F. Histoire des origines du gouvernement représentatif... Vol. 1. P. 134–135.

собственности может многое сказать о политической организации государства⁶⁴⁷. В реальной политике свобода – «общая мысль, общая цель всех партий, участвующих в движении, как бы велико ни было их взаимное различие»⁶⁴⁸.

Гизо считает, что человек нравственно (внутренне) свободен от общества. Последнее способно оказывать лишь внешнее влияние, но не может изменить духовным мир индивида. Некое нравственное ядро позволяет человеку всегда оставаться самостоятельным и стремиться к идеалам, не соответствующим окружающему его политическому и социальному строю. Личная свобода включает в себя свободу от притеснений со стороны государства, свободу экономической деятельности, свободу слова, печати, собраний⁶⁴⁹.

Свобода в историософии Гизо является способностью понимать законы исторического развития (или «волю Провидения»). Свобода расширяется с ростом знания, а человек – это «разумный и свободный исполнитель чужого дела»⁶⁵⁰. В своих исторических сочинениях Гизо не раз подчеркивает сенсibiliзирующий характер многих понятий, которые требуют уточнения значения применительно к каждой исторической эпохе: «Время внесло в смысл каждого слова множество идей, пробуждающихся вместе с самим произнесением этого слова; но одни из них образовались раньше, другие позже, и потому они не все могут быть отнесены к известному времени. Слова «рабство» и «свобода», например, возбуждают теперь в нашем уме идеи гораздо более полные и точные, нежели соответствующие им факты VIII, IX или X века. Если бы мы стали утверждать, что города в VIII веке находились в состоянии свободы, то мы зашли бы слишком далеко; так как со словом «свобода» мы соединяем только такое значение, под которое вовсе не подходят факты VIII века. Мы не менее ошиблись, если бы сказали, что города находились в состоянии рабства; под этим словом подразумевается в данную минуту нечто совершенно непохожее на муниципальные явления того времени»⁶⁵¹. Свобода – основополагающая идея либерализма – не мыслится Гизо в отрыве от *порядка*, а порядок невозможен без сильной центральной власти. Для создания фундамента свободы необходимо конституционное правление, гарантирующее права граждан⁶⁵². Цель всякого правления заключается в безопасности настоящего, которая подготавливает и гарантирует безопасность будущего⁶⁵³. Порядок, обязательное условие свободы, заключается в умеренности – это мирная

⁶⁴⁷ См.: Guizot F. Essais sur l'histoire de France... P. 87–92.

⁶⁴⁸ Гизо Ф. История цивилизации в Европе... С. 292.

⁶⁴⁹ См.: Guizot F. Essais sur l'histoire de France... P. 92.

⁶⁵⁰ Гизо Ф. История цивилизации в Европе... С. 247.

⁶⁵¹ Там же. С. 165.

⁶⁵² См.: Guizot F. Op. cit. 1821. P. 7.

⁶⁵³ См.: Ibid. P. VI.

политика на международной арене и борьба с экстремизмом внутри страны. Гизо писал: «Под словом “*порядок*” я понимаю тот истинный и прочный порядок, который необходим для каждого великого общества, если оно само хочет быть прочным и благоденствующим»⁶⁵⁴. Таким пониманием порядка Гизо руководствовался и в своей политической практике.

Цивилизация – центральная категория историософии Гизо. Цивилизация – это прогресс в широком смысле слова, развитие; настоящий термин неизбежно связан с представлением о народе, который движется вперед, — и движется для того, чтобы переменить не только место, но и состояние, — о народе, жизнь которого все более и более расширяется и улучшается. Идея прогресса, развития является основной идеей цивилизации⁶⁵⁵. Прогресс (в узком смысле) – это «усовершенствование гражданской жизни», «развитие общества в собственном смысле этого слова, развитие людских отношений»⁶⁵⁶.

Цивилизация невозможна без двух компонентов: усовершенствование общества и развитие личности⁶⁵⁷. Это связанные процессы, поскольку по мере самосовершенствования, человек стремится улучшить окружающих. Цель, к которой движется человечество – создание справедливого и нравственного общества, объединенного цивилизацией. По мнению Гизо, все важные исторические факты, содействовавшие развитию цивилизации, имели влияние на одну из упомянутых сфер человеческой деятельности. Цивилизация для Гизо представляет собой нечто реальное: «Цивилизация есть факт, подобный всякому другому, факт, который наравне со всяким другим может сделаться предметом изучения, описания, рассказа»⁶⁵⁸. Примером действительного существования этого организма является европейская цивилизация.

Понятие *Провидение* тесно связано с концепцией цивилизации. Оно скрывает за собой сумму закономерностей исторического процесса, которая определяется экономическими и политическими причинами, а также конечным торжеством цивилизации. Гизо не дает определения этому концепту, но контексты обращения к нему не позволяют сомневаться: «...Проведение ведет к благоустройству жизни людей...», «Провидение совершенствует быт и нравы человека...», «Пути провидения не ограничены тесными пределами; оно не имеет надобности извлекать сегодня же вывод из постановленного вчера принципа; оно извлечет его по прошествии веков, в свое время; медленность (с нашей точки зрения) несколько не уменьшает верности его рассуждений»⁶⁵⁹.

⁶⁵⁴ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 186.

⁶⁵⁵ См.: Гизо Ф. История цивилизации в Европе... С. 24.

⁶⁵⁶ Там же.

⁶⁵⁷ Там же. С. 29.

⁶⁵⁸ Гизо Ф. История цивилизации в Европе... С. 18.

⁶⁵⁹ Там же. С. 30.

Средний класс – важнейший концепт социальной философии Гизо. Это обширный социально ответственный блок, возникший в результате социального развития, занимающий в общественной иерархии пространство между аристократией и беднейшей частью населения⁶⁶⁰. Ядром среднего класса является буржуазия, доступ в него открыт всем собственникам, имеющим потенциальную возможность (пассивно или активно) участвовать в легитимной политической жизни. Основной целью среднего класса и залогом его благополучия является поддержание стабильности государственной системы и порядка⁶⁶¹. Если англо-саксонский «middle class» немногочисленный и выступает двигателем, локомотивом развития (буржуазия в традиционном понимании), то французский «les classes moyennes» (он же «bourgeois», «bourgeoisie», «les couche moyenne»), включивший в себя помимо буржуазии, широкий слой собственников, служащих, чиновников и преподавателей, является опорой политической системы и государства. В определении его преобладает политический аспект, экономическая же составляющая находится на втором плане. Отчасти это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, теоретиками французского «среднего класса» выступили люди, активно вовлеченные в политическую практику. Во-вторых, политические процессы во Франции конца XVIII – нач. XIX вв. в общественном восприятии явно доминировали над экономическими.

Суверенитет, или высшая произвольная власть правителя – ключевая категория политической философии посленаполеоновской Франции. Разработка этой проблемы – одно из наиболее популярных и плодотворных направлений во французской политической философии XIX столетия. Ее привлекательность для исследователей соответствовала степени ее актуальности в послереволюционных условиях. Суверенитет у Гизо – это абстрактная категория, лишенная реальной субъектности. Если у Б. Констана суверенитетом обладает народ, у Ж. де Местра – монарх, то Гизо заявляет: «Поскольку ни одна власть в этом мире не является и не может быть тем, чем она должна быть, никто не имеет права называть себя сувереном»⁶⁶². Ведь признать какой-либо реальный субъект сувереном означало бы признать его абсолютную власть и непогрешимость, т.е. реифицировать символы. Однако никакая абсолютная власть не может быть легитимной, поскольку потенциально она не исключает произвол, следовательно, на земле вовсе не существует ни суверенитета, ни суверена⁶⁶³. Ни народ (и отдельные его представители), ни монарх не могут претендовать на высшую произвольную власть правителя и существовать вне нормально действующего правопорядка.

⁶⁶⁰ См.: Guizot F. Mémoires... Vol. 6. P. 347.

⁶⁶¹ См.: Guizot F. De la démocratie en France. Paris, 1849. P. 95.

⁶⁶² Гизо Ф. Политическая философия о суверенитете... С. 517.

⁶⁶³ См.: Там же.

Таким образом, суверенитет – это разум, истина, справедливость, или, «выражаясь языком, более подобающим философии, это незыблемое Бытие, основными законами которого являются разум, истина, справедливость»⁶⁶⁴.

Сегодня понятие суверенитет трансформировалось в юридический термин, который используют главным образом специалисты из отрасли международного права при рассуждениях о том, что является подлинным носителем суверенитета – международное сообщество как целое или отдельные государства.

Деспотизм и анархия – понятия, которые Гизо использует, как правило, в тандеме. Для философа это «гнусные и пагубные факты, лежащие тяжким бременем на народах»⁶⁶⁵, равнозначные проявления политического экстремизма, результатом которого неизменно будет угнетение свобод, общественное волнение и унижение личности. Экстремистское правление может существовать, основываясь лишь на обмане: «Деспотизм теократический, деспотизм монархический не раз пользовались терпимостью, почти любовью подчиненного им народонаселения. Феодалный деспотизм всегда был предметом отвращения и ненависти, он тяготел над судьбой людей, но никогда не властвовал над их душой»⁶⁶⁶. Антонимом к деспотизму и анархии является понятие *порядок*, или золотая середина, равноудаленная от крайностей.

Деспотизм – это власть одного лица над другим, «господство личной, капризной воли одного человека», это «единственная тирания, с которой – к чести своей – никогда не примирится человек». Всякий раз, когда в своем повелителе подданный видит только человека, а в гнетущей его воле – волю исключительно человеческую, столь же личную, как и его собственная, «он возмущается духом и лишь с затаенною злобою переносит иго». Гизо считает, что именно таков был настоящий, отличительный характер феодальной власти и «таков внутренний источник отвращения, которое она постоянно внушала народу»⁶⁶⁷.

В целом круг понятий философии Гизо принадлежит политической терминологии первой половины XIX в., времени напряженных размышлений о свободе, деспотизме, анархии, суверенитете. Среди основных понятий Гизо нет таких, которые бы совершенно не встречались у других авторов (исключение представляют концепты средний класс и цивилизация, впервые введенные в философский оборот в этом значении). Каждое из этих слов вызывает определенные коннотации, и при первом взгляде кажется, что они не требуют дополнительных

---

⁶⁶⁴ Там же. С. 509.

⁶⁶⁵ Гизо Ф. История цивилизации в Европе... С. 20.

⁶⁶⁶ Там же. С. 97.

⁶⁶⁷ См.: там же.

разъяснений. Однако мыслитель интерпретирует их, прибегая к либеральным и консервативным идеологемам дополняет и уточняет смыслы понятий в соответствие не только с потребностями времени, но и следуя логике собственной философской теории.

3.2. Историософия Гизо

Историософия может существовать вне каких бы то ни было идеологий и философских систем и быть абсолютно аполитичной, однако любая разработанная политическая теория предполагает некую историческую модель, объединяющую прошлое, настоящее и будущее. Философия истории, начиная с первой трети XIX в., напрямую связана с политическими идеологиями – консерватизмом, либерализмом и социализмом: «В отличие от кабинетных ученых, созерцающих прошлое и настоящее ради познания, идеологи вовлечены в политическую борьбу. Они неизбежно увязывают споры о прошлом с решением проблем сегодняшнего дня и с проектами будущего»⁶⁶⁸. Таким образом, политическая идеология включает в себя компонент знания о прошлом, или историософию. В работах по социологии знания (К. Манхейм, К. Гирц, П. Бергер, Т. Лукман, И. Савельева, А. Полетаев) идеология признается самостоятельной формой знания⁶⁶⁹. Однако в контексте нашего исследования в интересах анализа предлагается рассматривать идеологию-знание о прошлом как фрагмент политической идеологии.

Гизо был политическим мыслителем и для понимания специфики его теории необходимо рассмотреть ее историософские основания. Дифференциация философии истории и политической теории не только приведет к серьезным ошибкам при реконструкции системы взглядов Гизо, но может сформировать представление об идеологии либерального консерватизма как о некой совокупности ситуативных взглядов, связанных лишь с актуальной политической практикой. Историософия, как наиболее продуманная и завершенная часть теоретического наследия Гизо, является идейным основанием всей философской системы мыслителя и неотъемлемой частью философии либерального консерватизма.

⁶⁶⁸ Руткевич А. М. Времена идеологов... С. 3.

⁶⁶⁹ См.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история... Т. 2. С. 310–311.

Первые наброски своих исторических взглядов и философского метода Гизо делает в предисловии к переводу книги английского историка Э. Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи»⁶⁷⁰ (1807–1812). В самом начале своего введения Гизо критикует «традиционные» подходы «писателей» к истории Римской империи. Упомянув фамилии признанных историков своего времени – Тельмона, Лебо, Амейлона, Пажи, Эггеля, – молодой переводчик досадует, что перечисленные авторы, как и многие другие историки, часто оказываются «погребенными под теми развалинами, внутрь которых старались проникнуть». Это происходит вследствие того, что они «добровольно сузили цель и сферу своих исследований», а «свойства их ума без их ведома не позволяли им переступить известные границы»⁶⁷¹. Историки до сих пор при установлении фактов «пренебрегали взаимной связью идей; они раскопали и осветили развалины, но не восстановили здания, поэтому читатель не находит в их произведениях той широты взгляда», которая помогла бы «обозревать огромные пространства и длинный ряд столетий и которая дает нам возможность рассмотреть среди мрака прошлых времен то, как совершался *прогресс* человечества...»⁶⁷² Молодой Гизо считает, что историкам предшествующих эпох и его времени не доставало «широты взгляда, которая составляет философию истории и без которой история была бы не более как собранием разрозненных фактов, не дающих никаких результатов и не имеющих никакой внутренней связи»⁶⁷³.

Примечания переводчика, пронизывающие сочинение Гиббона, свидетельствуют о большой начитанности и трудолюбии Гизо. Главным образом молодого критика интересует история христианства и его институтов, с которыми он связывает появление новой Европы. Именно в этом разделе он пишет самые подробные комментарии и полемические заметки: «...излагая историю упадка империи, он [Гиббон] видел в христианстве лишь такое учреждение, которое заменило вечернями, босоногими монахами и разными процессиями великолепные церемонии в честь Юпитера и торжественные въезды триумфаторов в Капитолий»⁶⁷⁴. Гизо считает подход Гиббона устаревшим и винит историка не только в непонимании роли христианства и нехватке воображения, но и в отсутствии философского метода, который объединяет факты в систему и тем самым дает жизнь общему целому. Таким

⁶⁷⁰ Gibbon É. Histoire de la décadence et de la chute de l'Empire romain. 13 Vol. Paris, 1812 (Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Т. 1. СПб., 2006).

⁶⁷¹ Гизо Ф. Предисловие // Гиббон Э. Указ. соч. С. 23.

⁶⁷² Там же. С. 24.

⁶⁷³ Там же.

⁶⁷⁴ Там же. С. 39.

образом, Гизо критикует Гиббона не за отрицательное отношение к христианству, а за непонимание исторического процесса, который создал новую Европу.

Благодаря работе переводчиком и редактором, Гизо получил благосклонное внимание историков. После смерти Ш. Левеска, возглавлявшего единственную кафедру истории *faculté des lettres* Сорбонны, Гизо решил претендовать на замещение позиции. Его соперником был молодой талантливый историк, ученик Левеска Ш. Лакретель. Покровительственное вмешательство Сюара позволило избежать конфликта, и М. Фонтен, великий магистр университета и доверенное лицо Наполеона, разделил кафедру на две – древней истории для Лакретеля и современной истории для Гизо⁶⁷⁵. Полвека спустя Гизо будет с благодарностью вспоминать о доверии, которое ему оказал Фонтэн⁶⁷⁶.

Молодой Гизо был аполитичным интеллектуалом. В канун первой лекции Фонтэн объяснил новому профессору, что необходимо предварить занятие приветственной речью в адрес императора. Однако Гизо категорически отказался смешивать науку с политикой, несмотря на отчаянные просьбы ректора, утверждавшего, что император обращает на это особое внимание. Спор закончился словами Фонтэна: «Делайте, что хотите. Если на вас пожалуются, мне придется отвечать»⁶⁷⁷.

Гизо занял кафедру, не имея ни образования историка, ни опыта проведения самостоятельного исторического исследования. Он сообщил о своем беспокойстве в доверительном письме Форьелю: «То, что я должен преподавать, меня пугает, и я отдаю себе отчет в существовании разницы между тем, что я преподаю и тем, что меня интересует»⁶⁷⁸. Однако вторую часть письма Гизо посвятил своим историософским размышлениям, заметив, что у современных людей в голове слишком много идей, готовых схем и философских концепций, но мало фактов, чтобы эти идеи и схемы заполнить⁶⁷⁹. Вероятно, подобное понимание возникло у новоиспеченного профессора истории в результате размышлений над собственным опытом, Гизо чувствовал недостаток эрудиции и сомневался в самой возможности исторического познания: «Мы никогда не узнаем прошлого. Я убежден в этом и начинаю его изучать»⁶⁸⁰. Столетие спустя Путас интерпретировал это признание как исторический агностицизм и ошибочное представление о задачах истории⁶⁸¹.

⁶⁷⁵ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 15.

⁶⁷⁶ Ibid. P. 15–17.

⁶⁷⁷ Феоктистов Е.М. Записки Гизо. Империя и Реставрация // Русский вестник. 1858. Т. 15. №5–6. С. 320.

⁶⁷⁸ Guizot F. Mémoires... Vol. 3. P. 406.

⁶⁷⁹ Ibid.

⁶⁸⁰ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 389.

⁶⁸¹ См.: Pouthas Ch.-H. Op. cit. P. 349.

Такой вывод можно назвать преждевременным, потому что уже во вступительной лекции⁶⁸², прочитанной Гизо перед немногочисленной аудиторией 11 декабря 1812 г., «непознаваемость» прошлого ограничивается определенными пределами: «Невозможно определить исчерпывающим образом истоки и подробности каждого события, нельзя узнать всех мотивов поведения и идей каждого [исторического деятеля]»⁶⁸³. В каких случаях на событие влияет склад ума и характера людей, в каких природные и климатические условия? Все это можно установить лишь с известной степенью условности: «Возьмите тех же героев, те же обстоятельства, но измените хоть одну деталь и прежней картины не получится»⁶⁸⁴, потому что история наполнена огромным множеством бесконечных деталей и случайностей.

В первой своей лекции Гизо также утверждал, что историк ищет истину наощупь в темноте, поэтому часто может заблуждаться и выдавать одно за другое⁶⁸⁵. Цезарь, Саллюстий, Тацит писали о событиях близких им по времени и имели преимущество наблюдателей. «Но как писать нам о далеком прошлом?» – задается вопросом Гизо. Восполнять пробелы, неизбежные во всяком историческом знании, по мнению Гизо, следует при помощи разума и метода, также как недостаток силы восполняется техникой.

Первые представления Гизо о методе были, строго говоря, не рациональные, а скорее романтические. Прошлое, на которое он смотрел глазами исследователя в 1812 г., было как нечто *Другое* по отношению к настоящему. Именно романтики в это же время сознательно пытались конструировать именно *Другое* прошлое, они «создавали эмоционально окрашенное, субъективное былое, отличное от настоящего, свободно и довольно равноправно используя описание и объяснение, воображение и вчувствование»⁶⁸⁶. Самые ранние примеры обращения историков к техникам вчувствования, погружения, идентификации и другим подобным приемам создания прошлого использовались задолго до появления романтической историографии. Чаще всего они были связаны с попытками понять и объяснить мотивы действий исторических персонажей. Создание образа человека достигалось художественными средствами, а выяснение мотивов поведения происходило с помощью обыденного суждения: «Для проникновения в мир действующего субъекта историк неизбежно должен был полагаться на собственный опыт, в том числе эмоциональный»⁶⁸⁷.

---

⁶⁸² Критики упрекали Гизо за то, что он выбрал «неясную дисциплину», историю цивилизации, потому что он не знал историю.

⁶⁸³ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 389.

⁶⁸⁴ Ibid.

⁶⁸⁵ Ibid. P. 390.

⁶⁸⁶ Савельева И.М., Полетаев А.В. История и интуиция... С. 17.

⁶⁸⁷ Там же.

Гизо в своих первых лекциях уделял немало внимания *эмпатии*. Для него этот метод состоял из двух частей: анализ собственных мыслей, переживаний на основе самонаблюдения и умозрительное помещение себя на место другого. Необходимо отметить, что для Гизо, как и для романтиков в целом, другой может быть не просто отдельной личностью, а неким коллективным субъектом, появление которого связано с антропоморфизацией больших социальных областей, таких как нация, народ, класс. Историк предлагает понимать греков, становясь греками, понимать римлян, становясь римлянами, понимать варваров, становясь варварами⁶⁸⁸.

Гизо предлагает рассматривать прошлое дифференцировано, поскольку существует два прошлых, из которых «одно совсем мертво и не представляет реального интереса, поскольку его влияние не выходит за его же рамки; другое длится до сих пор, благодаря тому влиянию, которое оно оказало на последующие века»⁶⁸⁹. «Мертвое прошлое» представляет собой «лабиринт неопределенных фактов» и непонятных нам ценностей. «Живое прошлое» мы можем познать и исследовать благодаря его результатам в виде великих идей и памятников⁶⁹⁰.

С первой же лекции Гизо начинает развивать взгляды, которые в будущем окажутся в фундаменте истории идей и цивилизационного подхода. В частности, он считает, что каждая эпоха и любая *цивилизация* дают нам некий комплекс доминирующих идей, самые ценные из которых не только становятся маркерами своего времени, но и развиваются на протяжении многих веков. Цивилизации египтян и финикийцев подготовили почву для греков и римлян, но оказались мертвы для варваров, обосновавшихся в Европе. История в целом это движение на пути к цивилизации⁶⁹¹, которое направляется разумом. Идея истории цивилизации, рассматриваемая как история последовательно сменяющихся (не)разрешаемых задач, высказанная в первой лекции Гизо, задаст вектор дальнейшей исторической работе, апогеем которой станет цикл лекций и публикаций 1828–1830 гг.

Из первой же лекции становится ясно, что «разум» является важным концептом в теории Гизо. Это понятие имеет как минимум два значения. Во-первых, представляет собой методологический принцип рационального исследования (именно разумом Гизо предлагает пользоваться для «восполнения пробелов» в историческом знании). Во-вторых, принимая во внимание знакомство Гизо с работами Канта, Гердера и Фихте, можно видеть в «разуме» Гизо

---

⁶⁸⁸ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 390.

⁶⁸⁹ Ibid. P. 393.

⁶⁹⁰ Ibid.

⁶⁹¹ Ibid. P. 394.

нечто близкое «разуму» Гегеля. Это понятие в поздних работах Гизо приобретет онтологический характер и будет встроено в телеологическую концепцию.

Идея эволюции общества и человека, ставшая основой историософии Гизо, впервые встречается в работе «О состоянии изящных искусств во Франции и о Салоне 1810 года». В теоретическом введении Гизо замечает, что в каждый исторический период перед человечеством стоит комплекс главных задач, успех в разрешении которых определяет значимость всей эпохи⁶⁹². Гизо смотрит на искусство с наиболее общей точки зрения, за что подвергается нападкам критиков, которые вновь утверждают, что такой странный подход связан с плохими знаниями автора⁶⁹³. Однако многое становится ясно благодаря письму Гизо Ш. де Виллеру: «Может быть мне удалось взглянуть на искусство с более общей точки зрения, чем это делается во Франции. Я горжусь, что воспитался в школе Лессинга»⁶⁹⁴. Очевидно, Гизо имеет в виду религиозно-философский трактат Г. Лессинга «Воспитание человеческого рода»⁶⁹⁵, написанный на закате жизни немецкого поэта. Лессинг видит функцию Бога в наставничестве, которое имеет три этапа. На первом этапе человек ищет истину сам, и правильность его поисков определяется наказаниями и поощрениями судьбы. На втором человек получает божественное откровение, знает о бессмертии души и загробной жизни. На третьем – нет ни наказаний, ни поощрений, потому что человеческий разум становится совершенен, и «люди делают благо ради блага»⁶⁹⁶. Идея эволюционного развития общества, благодаря совершенствованию разума, полностью разделялась Гизо.

Осуществляя идеи новой романтической критики в «Салоне 1810 года...», Гизо отказывается от принципа «хорошего вкуса», который торжествовал в критике классицизма. Он хочет поставить критику на объективно-историческую основу и объяснить, почему классическое искусство не волнует современную публику, а также доказать на примере современного искусства свои философско-политические взгляды и вместе с тем построить новую, историческую эстетику⁶⁹⁷. Гизо критикует эстетический снобизм и утверждает, что искусство не может иметь универсальных вневременных шедевров и эталонов, но каждая эпоха формирует свои «вкусы»⁶⁹⁸. Уже в этой работе, как и в первой лекции курса, можно обнаружить пока не достаточно ясные представления о движущей силе истории, о «главных идеях» каждого

⁶⁹² См.: Guizot F. De l'état des Beaux-Arts... P. 16–17.

⁶⁹³ См.: Broglie G. Op. cit. P. 41.

⁶⁹⁴ Цит. по: Реизов Б.Г. Указ. соч. С. 177.

⁶⁹⁵ Lessing G. E. Die Erziehung des Menschengeschlechts. Berlin, 1780.

⁶⁹⁶ См. подробнее: Ibid. P. 7–22.

⁶⁹⁷ См.: Реизов Б. Г. Указ. соч. С. 177.

⁶⁹⁸ См.: Guizot F. De l'état des Beaux-Arts... P. 17–18.

периода, увлекающих за собой всю эпоху и являющихся выражением той цели, которую эпоха должна достичь в случае успеха.

Участие в политической жизни первых лет Реставрации и последовавшие разочарования (убийство герцога Беррийского спровоцировало агрессивную реакцию ультрароялистов) подтолкнули Гизо к изданию первого большого политико-философского трактата «О правительстве Франции после Реставрации и о теперешнем министерстве», на страницах которого мыслитель вступил в открытый конфликт с политикой правых. Сочинение, как подсказывает его заглавие, главным образом было посвящено вопросам текущего момента, однако предисловие книги и ее первая глава были своеобразным историческим введением, призванным растолковать смысл происходящих событий.

В основе политического конфликта начала 1820-х гг. лежит старая романо-германская проблема борьбы между враждебными «народами», завоевателями и покоренными, которые сражались на территории Франции в течение тринадцати веков. Вся история государства – это история борьбы между этими силами⁶⁹⁹. Революция 1789 г. стала генеральным сражением, которое дал побежденный народ своим покорителям⁷⁰⁰. Несмотря на столетия, прошедшие с момента завоевания, борьба не прекратилась, а лишь меняла формы, а стороны меняли свои названия: «Франки и галлы, сеньоры и крестьяне, дворяне и простолюдины, все они задолго до революции назывались французами и считали Францию своей родиной. Однако время, которое изменяет все вещи, не стерло различия между ними. Непременно, все посаженное в почву рано или поздно принесет свои плоды. Тринадцать веков пытались сплавить в единое целое победоносную расу и расу завоеванную, победителей и побежденных. Первоначальный раскол продолжал сохраняться. Борьба продолжалась во все века в различных формах и различным оружием; и когда в 1789 г. депутаты Франции собрались вместе, оба народа поспешили начать старую ссору»⁷⁰¹.

Гизо рассматривает французскую историю как борьбу двух огромных социальных групп, переломным моментом которой является Французская революция, поменявшая местами «победителей» и «побежденных». Современная Франция это страна победившего третьего сословия, свидетельством же победы является Хартия 1814 г., которая поставила короля во главу новых завоевателей. Именно по этой причине, критикуя реакцию в целом и ультрароялистов в частности, Гизо не подвергает нападкам ни престол, ни фигуру короля. Мыслитель убежден, что реставрированная монархия должна осознать, что она является

⁶⁹⁹ См.: Guizot F. Du gouvernement de la France depuis la Restauration et du ministère actuel. Paris, 1820. P. 6.

⁷⁰⁰ См.: Ibid. P. 1.

⁷⁰¹ Ibid. P. 2.

наследницей революции, а не Старого порядка и признать завоевания 1789 г. Главный же результат вполне очевиден: «Некогда побежденный народ стал победителем. В свою очередь, он завоевал Францию. В 1814 г. он овладел ей бесспорно. Хартия признала это право и провозгласила в качестве его гарантии представительное правление»⁷⁰². Таким образом, если король не сопротивляется или потворствует ультрароялистам, он возглавляет априори проигравшую контрреволюцию.

Это был первый, но далеко не единственный пример того, как во время политического конфликта Гизо призывает к себе на помощь историю, а также использует исторические источники для обоснования политической теории. Острые аргументов достигло нужной цели, и именно по этой причине ответили Гизо не коллеги по цеху, а политические оппоненты. Мыслителя обвинили в злонамеренном разжигании политических страстей с помощью теории завоевания, «поэтому нападки на Гизо зачастую сопровождались и нападками на выдвинутую им теорию»⁷⁰³.

Разгоревшаяся историко-политическая дискуссия, в которой основным оппонентом Гизо был ультрароялистский публицист Ф.-Д. Монлозье, подтолкнула молодого историка к уточнению теории завоевания во втором издании книги. В предисловии Гизо начинает «бои за историю» и защищает свои идеи с агрессивностью революционного трибуна: «Дегенеративные наследники господствующей расы, которая владела мощным государством и заставляла трепетать великих королей, как вы отрекаетесь от ваших предков и вашей истории? Вы чувствуете свое падение, поэтому и протестуете против вашего прошлого величия... Если бы восстали из земли ваши предки [дворяне], то засвидетельствовали бы, что только они, победители, были свободны и обладали властью»⁷⁰⁴. Гизо с иронией говорит о собственном смущении из-за того, что он вынужден доказывать аристократам их бывшее величие. Он пишет, что удивлен обвинениями со стороны дворян, которые не хотят вспоминать о собственном падении, но забыть об этом невозможно, потому что падение это, как и бывшее возвышение аристократии, есть неотъемлемая часть истории: «Вы хотите, чтобы мы забыли нашу историю, потому что ее итоги против вас? Вы, апостолы прошлого, вы, кто с жаром защищал память веков, когда вы были могущественными, вы запрещаете нам помнить о том, что наши предки были третьим сословием, в то время, когда ваши были рыцарями...»⁷⁰⁵ Мыслитель также обращается к третьему сословию, призывая его не забывать о прошлом. Завершая свою атаку,

---

⁷⁰² Ibid. P. 3.

⁷⁰³ См.: Алпатов М. А. Указ. соч. С. 87.

⁷⁰⁴ Guizot F. Du gouvernement de la France depuis la Restauration et du ministère actuel. Paris, 1821. P. VI.

⁷⁰⁵ Ibid. P. XX–XXI.

Гизо утверждает, что поверить в отсутствие классовой борьбы, значило бы оскорбить память предков третьего сословия.

Указывая на истоки политического противостояния в современной ему Франции, Гизо создает оригинальную историческую концепцию классовой борьбы и тут же стремится доказать ее с помощью обращения к источникам⁷⁰⁶. В предисловии второго издания трактата «О правительстве Франции после реставрации...» в историческом знании впервые появится ставшая впоследствии знаменитой формула: «Классовая борьба наполняет, вернее, составляет всю историю»⁷⁰⁷. Во Франции, согласно Гизо, эта борьба выросла из завоевания германцами галлов. После победы политический класс, свободный и господствующий, формировался исключительно из германцев, которые допускали в свою среду лишь немногих галлов. Однако более многочисленные галлы, составлявшие основу простого населения, жившего в небольших городах и деревнях, оказались не только вне политической жизни, но подвергались постоянному угнетению и притеснениям, фактически они попали в рабство к завоевателям⁷⁰⁸.

С течением времени благодаря промышленности, коммерции и христианской религии, население городов увеличилось, стало богаче, и «как только оно почувствовало собственную силу, то сразу осознало потребность в [политических] правах»⁷⁰⁹. Самыми организованными простолюдными («les roturiers») стали наиболее богатые, выделившиеся из общей массы побежденных с момента создания средневековых коммун. Эту категорию людей Гизо начинает называть буржуазией («bourgeoisie»).

Истоки союза третьего сословия и монархии уходят во времена создания коммун, когда короли поняли, что подъем городского движения может служить укреплению центральной власти, а народ стремился освободиться от более близкого (часто персонифицированного) господства сеньоров и феодалов, поэтому он охотно шел на усиление центральной власти. В этой борьбе появилось «поистине новое сословие» горожан⁷¹⁰, одолевшее своих старых господ и завоевавшее для себя положение лучшее, чем имел народ в целом.

Гизо винит Людовика XIV за разрыв союза между королевской властью и третьим сословием. Отношение мыслителя к этому монарху наиболее критичное еще и потому, что именно Людовик XIV в 1685 г. отменил Нантский эдикт, даровавший гражданские права протестантам. Третье сословие потеряло значительную часть своих свобод, а вместе с ними

---

⁷⁰⁶ См.: Ibid. P. V–XXX.

⁷⁰⁷ Ibid. P. VI.

⁷⁰⁸ См.: Ibid. P. IX–X.

⁷⁰⁹ Ibid. P. XI.

⁷¹⁰ См.: Ibid. P. XII.

«общественное влияние в делах и смелость своего языка»⁷¹¹. Однако ущемление в политических правах не остановило рост экономического могущества третьего сословия: «Оно с успехом овладевало всеми способами развития и процветания... Естественный ход вещей вел к тому, что третье сословие стало практически единственной [частью общества], которая развивалась, богатела, просвещалась, приобретая с каждым днем все больше силы и [экономического] влияния»⁷¹². Гизо приводит классическое описание противоречия, существовавшего между огромной экономической ролью третьего сословия и его политическим бесправием. Впоследствии в марксистской историографии внимание к этой проблеме станет общим местом при описании причин Французской революции.

Далее Гизо показывает, что дворянство все это время шло в обратную сторону: укрепляя собственные политические права, оно теряло свое экономическое могущество и социальное значение. Монархия же, опиравшаяся со времен Людовика XIV исключительно на аристократию, потеряла поддержку третьего сословия и слилась с экономически деградирующей социальной группой и стала «бессильной и бесполезной»⁷¹³. Результатом стало то, что в канун революции «политическая система Людовика XIV» дожила свой век и оказалась неспособной реагировать на вызовы.

Согласно Гизо, третье сословие, осознав свое небывалое могущество, «совершило революцию, как долго скапливавшийся перед хрупкой плотиной поток пробивает себе русло»⁷¹⁴. Борьба вновь, как во времена галлов и германцев, вступила в открытую фазу. Революция стала генеральным сражением, которое дали представители всего третьего сословия своим угнетателям. Необходимо понимать, что «два борющихся народа» это не прямые биологические потомки германцев и галлов, а два «общественных положения», которые возникли в результате акта завоевания⁷¹⁵, который стал спусковым крючком классовой борьбы.

8 декабря 1820 г. Гизо начинает читать свой новый курс «Возникновение представительного правления»⁷¹⁶, которое он называл «целью развития европейских

---

⁷¹¹ Ibid. P. XIII.

⁷¹² Ibid. P. XIV.

⁷¹³ См.: Ibid.

⁷¹⁴ Ibid. P. XV.

⁷¹⁵ См.: Ibid. P. IV.

⁷¹⁶ Лекции курса публиковались в «Journal des Cours publics» сразу после прочтения, но не в авторской редакции, а по конспектам слушателей. В 1851 г., покинув политическую жизнь, Гизо издал в двух томах собственный вариант этого курса под названием «История представительного правления в Европе» (Guizot F. Histoire des origines du gouvernement représentatif en Europe. 2 Vol. Paris, 1851). Б. Реизов, сличивший два издания, обратил внимание на незначительность правок, внесенных Гизо и сделал заключение: сам факт переиздания свидетельствует о том, что курс выражал подлинные взгляды Гизо, уже и в 1820 г. достаточно отчетливые и устоявшиеся (См.: Реизов Б. Г. Указ. соч. С. 180).

политических институтов»⁷¹⁷. Первые лекции были посвящены истории представительства в средневековой Франции. Однако с начала 1821 г. профессор неожиданно для своих студентов, слушателей и поклонников меняет предмет своих штудий и обращается к английской истории. Этот неожиданный поворот в очередной раз породил толки о некомпетентности Гизо, которого упрекали в незнании французской истории⁷¹⁸. Даже биографы мыслителя объясняли обращение к английскому материалу тем, что трудно искать истоки европейского представительного правления в средневековой Франции, Гизо же понял это лишь по ходу курса и вынужден был совершить этот «неудачный маневр»⁷¹⁹.

В действительности историк хотел показать, почему представительное правление получило свое дальнейшее развитие не во Франции, а в Англии. Франция развивалась по принципу усиления центральной власти и ослабления местного представительства, т.е. «сбилась с пути» цивилизации⁷²⁰. Следуя логике курса, можно понять, что английский парламентаризм возник не автономно, но в русле развития цивилизации, а его история является дополнением и развитием французского представительства.

Из своего курса Гизо делал важный политический вывод для современной ему политической ситуации. Хартия 1814 г. казалась многим подражанием английским конституционным формам, но в действительности она являлась результатом французского освободительного движения, начавшегося в Средние века и завершившегося в 1789 г. Этот документ является неким итогом того пути, который прошла Франция к представительному правлению. Дальнейшие работы о принципах и практике представительного правления в большей степени принадлежат политической теории, а не историософии и рассматриваются в следующем разделе.

Усиление государственного контроля над университетами привело к запрету лекций Гизо, и профессор Сорбонны превратился в кабинетного историка. Однако вынужденный перерыв в преподавании позволил мыслителю завершить работу над «Опытом по истории Франции»⁷²¹. В этой работе Гизо продолжает развивать историю борьбы «положений», используя расширенный круг источников. Впервые мыслитель указывает, что именно из третьего сословия в исторической перспективе рождается средний класс, в свою очередь третье сословие уходит корнями в римское население Галлии. Аристократия же – это варвары-завоеватели.

⁷¹⁷ Guizot F. Histoire des origines du gouvernement représentatif en Europe. Vol. 1. Paris, 1951. P. 18.

⁷¹⁸ См.: Broglie G. Op. cit. P. 41.

⁷¹⁹ См.: Pouthas Ch.-H. Guizot... P. 304.

⁷²⁰ См.: Guizot F. Histoire des origines... P. IV.

⁷²¹ Guizot F. Essais sur l'histoire de France. Paris, 1823.

В «Опыте...» историк выделяет различные вехи борьбы «положений», отмечая эволюционный характер этих процессов. Германское завоевание Галлии положило начало эпохе Средневековья и дало старт «борьбе положений», однако это произошло не в один момент. Сначала на галльской земле появился римский чиновник, окруженный отрядами воинов⁷²². Их пришествие принесло с собой неравенство «положений». Вторжение Хлодвиг стало вторым этапом «противостояния народов». Покорение стало не следствием молниеносного завоевания, а было результатом «медленного и беспорядочного» угнетения. Хлодвиг и его воины вторгались в Галлию, грабили деревни и города, уводили рабов, а затем возвращались в земли франков. После набега галлы восстанавливали селения и возобновляли размеренную повседневную жизнь, которая продолжалась до следующей экспедиции франков. Потребовалось немало времени для того, чтобы галлы полностью попали под власть франков и заняли то самое «угнетенное положение»⁷²³.

Свержение Меровингов Каролингами засвидетельствовало победу германской Австразии над романизированной Нейстрией, когда «романская Франция оказалась в подчинении у Франции германской» и начался тысячелетний конфликт. До Гизо этот эпизод трактовался как обычная смена династий, историк же попытался доказать, что смена династий была лишь поверхностным результатом, закрепившим «победу одного народа над другим», новое королевство «было основано путем нового завоевания»⁷²⁴.

Гизо смягчает категоричность собственных выводов, сделанных им во введении к трактату «О правительстве Франции...». Историк приходит к пониманию того, что «изменение общественного состояния» не может произойти одномоментно, но всегда является следствием сложных и длительных процессов. Вместе с тем Гизо не отказывается от критики историко-политических концепций, авторы которых считали правление франков аристократией (А. Буленвилье), монархией (Ж.-Б. Дюбо) или республикой (Г. Мабли)⁷²⁵. Гизо убежден, что столь сложные формы общественной организации не могли возникнуть в ситуации перманентной войны и социального хаоса, поскольку любая форма правления предполагает существование определенного порядка. Политические и социальные трансформации (включая появление и распад империи Карла Великого), происходившие вплоть до создания централизованного государства, были лишь феодальной анархией, не обладающей определенной политической формой. В этом хаосе существовала лишь одна закономерность – борьба двух положений.

---

⁷²² Ibid. P. 66.

⁷²³ См.: Ibid. P. 54.

⁷²⁴ Ibid. P. 65–66.

⁷²⁵ См.: Ibid. P. 73.

Теория «борьбы положений» в «Опыте по истории Франции» оказывается на втором плане. Работа с источниками заставила Гизо сгладить первоначальную категоричность своей позиции. Историки-марксисты впоследствии писали, что с этого момента Гизо начал отходить от идеи классовой борьбы⁷²⁶. Это заключение легко опровергнуть, обратившись к «классическим» работам автора. Вероятно, в 1823 г. историк понял невозможность интерпретации всего многообразия исторических событий через теорию «борьбы положений».

Несмотря на внешние сложности, французская историография стремительно развивалась, и Гизо не мог упрекнуть современных ему историков в архаичности, за что ранее он критиковал своих предшественников в предисловии к книге Гиббона. Важнейшими, с точки зрения новаторства авторов, были исторические сочинения О. Тьерри «История Герцогов Бургундских», «Заметки по истории Франции» и П. Баранта «История завоевания Англии». Под огромным влиянием этих книг, которые оказались в pendant к его задумке об историческом подходе к политической теории, Гизо начинает работу над «Историей Английской революции», в которой не только продолжает традицию нарративной истории, но рассматривает революцию как цельное явление, а не совокупность фактов.

Формирование умеренного министерства Ж. Мартиньяка вернуло Гизо кафедру в Сорбонне. Мыслителю вновь было разрешено читать лекции, и 9 апреля 1826 г. он неожиданно для себя⁷²⁷ прочел вступительную лекцию своего знаменитого курса «История цивилизации в Европе». Гизо уже был политизированным интеллектуалом, но заявил о том, что собирается внести в занятия «спокойствие и умеренность»⁷²⁸. Лекции Гизо печатались отдельными брошюрами и выходили в свет через неделю после того, как они были произнесены в аудитории Сорбонны. Это был первый курс лекций, который Гизо прочитал от начала и до конца в соответствии с собственным планом. Данное обстоятельство позволяет говорить об «Истории цивилизации в Европе» как о репрезентативном тексте для понимания историософии Гизо. 6 декабря 1829 г. стартовал второй курс лекций, посвященный «Истории цивилизации во Франции». Материалы издавались аналогичным способом.

Конец 1820-х гг. стал временем огромной популярности Гизо, выступления которого выходили далеко за рамки аудиторий и становились событием общественной жизни страны. В аудитории, где выступал Гизо, собиралось до двух тысяч человек, которые завершали лекцию овацией. Многие биографы отмечали разницу между выступлениями историка в Сорбонне и в палате депутатов. Если в парламенте оратор стремился к драматическому впечатлению и

⁷²⁶ См., например: Алпатов М.А. Указ. соч. С. 93–95.

⁷²⁷ См.: Гизо Ф. История цивилизации в Европе... С. 15.

⁷²⁸ См.: там же. С. 16.

говорил очень эмоционально, то в общении с университетской публикой он избегал излишних метафор и неуместных риторических приемов. В отличие от Кузена и Вильмена, Гизо за университетской кафедрой был сдержан и хотел «просвещать, а не волновать»⁷²⁹.

Лекционные курсы, прочитанные в этот период, были изданы отдельными книгами, переведены на многие европейские языки и стали классикой исторического жанра. Они подвели итог всей исторической работе Гизо в период Реставрации и развили многие принципы, намечавшиеся в ранних трудах мыслителя.

В центре историософии Гизо находится проблема телеологии: «Стремится ли человечество к определенной цели, передают ли народы друг другу из века в век нечто неисчезающее, нечто возрастающее, хранимое как драгоценное сокровище, и, таким образом, нечто нетленное, вечное?»⁷³⁰ Историк убежден, что человечество имеет общее предназначение, что существует передача сокровищ цивилизации из поколения в поколение и, следовательно, существует всеобщая история цивилизации. Между событиями человеческой истории есть связь, которую не трудно обнаружить, если рассматривать отрезок пройденного уже пути. Никакой исторический факт не уходил в небытие без последствий, но имеет свой смысл и результат. Каждое действие народа и его правителей либо что-то вносит в копилку цивилизации, либо забирает из нее.

Телеология Гизо отождествляется с его идеей цивилизации, потому что цивилизация это прогресс, развитие. Термин этот неизбежно связан с представлением о народе, который движется вперед, – и движется для того, чтобы переменить не только место, но и состояние, – о народе, жизнь которого все более и более расширяется и улучшается. Идея прогресса, развития кажется Гизо основной идеей цивилизации⁷³¹. Прогресс же – это «усовершенствование гражданской жизни», «развитие общества в собственном смысле этого слова, развитие людских отношений»⁷³².

Цивилизация (или прогресс) невозможна без двух компонентов: усовершенствование общества и развитие личности⁷³³. Это связанные процессы, поскольку по мере самосовершенствования, человек стремится улучшить окружающих. Цель, к которой движется человечество – создание справедливого и нравственного общества, объединенного цивилизацией. По мнению Гизо, все важные исторические факты, содействовавшие развитию цивилизации, имели влияние на одну из упомянутых сфер человеческой деятельности.

⁷²⁹ См.: Реизов Б. Г. Указ. соч. С. 182.

⁷³⁰ Гизо Ф. История цивилизации в Европе... С. 19.

⁷³¹ См.: Там же. С. 24.

⁷³² Там же.

⁷³³ Там же. С. 29.

Компоненты цивилизации развиваются не равномерно, а часто разнонаправленно, и в определенные этапы складываются более благоприятные условия либо для обновления общества, либо для совершенствования личности: «Везде мы увидим кризисы или индивидуального, или общественного развития, явления, которые изменяли или внутреннюю природу человека, его верования, нравы, или его внешнюю жизнь»⁷³⁴. Например, христианство, одно из самых значительных явлений в истории цивилизации, в первые века не заявило никаких непосредственных притязаний на общественное устройство того времени, «оно громко возвестило, что не коснется его и приказало рабу повиноваться своему господину; оно не восстало против главнейших зол, против вопиющих несправедливостей современного общества»⁷³⁵. Однако оно стало переломным моментом в развитии цивилизации, потому что изменило внутреннюю природу человека, его верования, чувства, потому что «оно переродило, обновило человека в нравственном и умственном отношении»⁷³⁶. Или Французская революция, изменившая социальные отношения, но сыгравшая спорную роль в деле развития человеческой личности и нравственности, также была шагом в развитии цивилизации. Некоторые исследователи развивали мысль Гизо и замечали, что Французская революция в известной степени являлась результатом христианской нравственной идеи, а, с другой стороны, христианство в целом разделяло идеалы Французской революции (особенно равенство и братство)⁷³⁷.

Для существования цивилизации недостаточно развития одного из двух ее компонентов. Оба они состоят в тесной и неизбежной связи между собой, что, даже появляясь не одновременно, а разновременно, они не могут быть отделены друг от друга, и «рано или поздно один из них повлечет за собою другой»⁷³⁸. Для доказательства этого Гизо предлагает обратиться к всемирной истории, где мы найдем массу примеров того, как внутреннее развитие человека служило на пользу общества, и наоборот, всякое значительное развитие общества, в конечном счете, шло на благо человека. Безусловно, развитие одного компонента всегда преобладает над другим и сообщает прогрессу свой особый характер. Но вглядываясь глубже, нельзя не заметить связи, соединяющей их: «Пути провидения не ограничены тесными пределами; оно не имеет надобности извлекать сегодня же вывод из постановленного вчера принципа; оно извлечет его по прошествии веков»⁷³⁹.

---

⁷³⁴ Там же. С. 27.

⁷³⁵ Там же.

⁷³⁶ Там же. С. 28.

⁷³⁷ См.: Реизов Б. Г. Указ. соч. С. 185.

⁷³⁸ См.: Гизо Ф. История цивилизации в Европе... С. 28.

⁷³⁹ Там же. С. 30.

Обозначив личность как фактор цивилизации наравне с обществом и государством, Гизо совершил переворот в философии истории задолго до «субъективистской» революции. Он идет дальше Р. Коллингвуда, писавшего сто двадцать лет спустя, что «история – наука о человеческих действиях: историк изучает поступки, совершенные людьми в прошлом»⁷⁴⁰. Гизо видит поступок как внешний результат взаимодействия личности человека и социальной реальности. Для него личность каждого человека не менее значима, чем политические институты, народные движения, революции и военные баталии. То есть на одной чаше весов оказывается общество, государство и весь внешний мир, а на другой человек, но при этом весы сохраняют баланс.

Сегодня для историков очевидно, что «человек или система личности является столь же значимым объектом исторической науки как социальная и культурная системы»⁷⁴¹. Тема «человек в истории» является достаточно старой, но объектом изучения долгое время были лишь определенные люди – герои, а результатом – их биографии. И.М. Савельева и А.В. Полетаев выделяют три основных вида произведений этого жанра уже в Античности. В период Средневековья жизнеописания принимают форму «житий», повествующих о мучениках, святых, отцах Церкви. Возрождение ознаменовалось «открытием человека» и культом исторической личности (политиков, поэтов, полководцев). Эта тенденция сохранилась и во времена абсолютизма⁷⁴². Эпоха Просвещения обозначила разрыв в традиции интереса к человеку. Для философов XVIII столетия, человек, пребывавший когда-то в естественном состоянии, является частью природы, что делает нецелесообразным создание концепции самого человека, «ибо такая концепция предполагает изменчивость, а не постоянство человеческой природы»⁷⁴³.

Первая половина XIX в., время расцвета романтической историографии, с ее акцентом на субъективность, была периодом расцвета биографического жанра. Тема личности вновь выдвинулась на первый план, и вновь это была личность героя. Гизо, отчасти попав под влияние общих тенденций, отчасти руководствуясь собственным интересом, пишет биографию Дж. Вашингтона. Однако Гизо, в отличие от других любителей биографического жанра, призывает сделать личность каждого предметом исторического исследования. Он считает, что без изучения личности невозможно постижение исторического процесса. Провозгласив это в качестве методологического принципа истории, Гизо сознательно не реализовал его на

⁷⁴⁰ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 22.

⁷⁴¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом... Т. 1. С. 364.

⁷⁴² См. подробнее: там же. С. 364–365.

⁷⁴³ Там же. С. 366.

фактическом материале из-за проблемы источников и оказался не интересен для исследователей «субъективистского» поворота, которые считали автора «Истории цивилизации...» лишь предтечей теории классовой борьбы. Гизо в конце вводной лекции отметил: «Что касается меня, то я не предполагаю излагать историю европейской цивилизации в отношении ее к внутреннему миру человека; я займусь историей внешних событий, видимого, общественного быта. *Я ограничиваю себя, стесняю предмет свой более узкими пределами*»⁷⁴⁴ (Курсив мой – С.М.).

Гизо воспринимался как историк, принадлежащий традиции коллективистского подхода, для которого может существовать лишь «человек классовый» или «человек национальный», проникновение в тайну которого возможно лишь через исследование социальных целостностей. Однако сам французский мыслитель говорил о дихотомии личности и класса («положения», общества), а также задавался вопросом: «Существует ли общество для человека или человек для общества?»⁷⁴⁵.

«Великие люди» интересны для Гизо лишь потому, что они смогли совершить в своем сознании «нравственный переворот», в результате которого в них зародилась новая идея, новая добродетель или новая способность. В результате чего, их личность становится фактором цивилизации и истории, потому что они испытывают потребность проявить свои возможности во внешнем мире, осуществить свою мысль вне себя: «Едва только человек, по своему собственному убеждению, приобрел новую способность, новую силу, как в нем немедленно пробуждается идея долга: инстинктивное чувство, внутренний голос обязывает, побуждает его распространить перемену, улучшение, совершившееся в нем, сделать их господствующими вне его самого»⁷⁴⁶. Такова причина появления реформаторов, полководцев, поэтов. «Великие люди», обновившие сначала самих себя, а потом изменившие строй целого мира, руководствовались не чем другим, как именно этой непреодолимой потребностью или волей к действию.

Таким образом, история цивилизации, согласно Гизо, может быть создана либо с точки зрения личности, как совершенствование нравственности и интеллекта человека, либо с точки зрения общества, как совершенствование социальных взаимоотношений между людьми. Материалы этих двух историй кардинально отличаются: с одной стороны это история государств и политических систем, с другой – история идей, литературы и искусства. Однако социально-политическая история не может быть правильно понята, если при ее написании не

⁷⁴⁴ Гизо Ф. История цивилизации в Европе... С. 34.

⁷⁴⁵ Там же. С. 32.

⁷⁴⁶ Там же. С. 31.

учитывать памятники мысли и культуры. Два подхода к истории тесно связаны между собой, «они служат отражением, изображением друг друга». Однако они могут быть разделены, по крайней мере, сначала, для того, чтобы каждый из них мог быть подвергнут подробной разработке.

Проблема соотношения личности и общества является у Гизо важным компонентом концепции цивилизации. Существование двух факторов цивилизации – развития общества с одной стороны, и человека – с другой, неизбежно наталкивает на вопрос о том, что составляет цель, а что является средством? Словом, существует ли общество для человека или человек для общества? От ответа на этот вопрос неизбежно зависит разрешение другого: ограничивается ли назначение человека его общественной жизнью, исчерпывает ли, поглощает ли общество всего человека, или же он является самоцелью и может представлять ценность вне общества?

В «Истории цивилизации в Европе» Гизо не дает собственного ответа, а ссылается на слова Руайе-Коллара, который говорит, что «общества рождаются, живут и умирают на земле; этим они выполняют все свое назначение... Но они не поглощают собою всего человека. Вступив в общество, он сохраняет благороднейшую часть самого себя, свои высшие способности, которыми он возносится до Бога, до будущей жизни, до неведомых благ незримого мира... Мы, отдельные и подобные друг другу личности, мы, существа, одаренные бессмертием, имеем иное назначение, нежели государства»⁷⁴⁷. Руайе-Коллар имел в виду загробную жизнь, которая требует определенной нравственной подготовки. Однако контекст, в котором Гизо использует высказывание своего единомышленника скорее свидетельствует о том, что личность имеет приоритет над обществом, а нравственное развитие должно преобладать над социальным.

Гизо не вводит понятие «истории идей», но он придает огромное значение роли идей и нравственных категорий. Он считает, что социальное развитие невозможно без интеллектуального совершенствования и появления выдающихся творцов идей. Идеи, наряду с нравами и чувствами, определяют те отношения, в которые люди становятся друг к другу.

Единство человечества – важный принцип историософии Гизо. История началась с существования обособленных индивидов и групп, стремящихся к раздельному существованию и замкнутых в самих себе. К подобному состоянию человечество возвращалось и в эпохи, далекие от состояния цивилизации. Доказывая это, Гизо обращается к временам варварства и феодальной анархии времен франкского завоевания Галлии. Если при Римской империи существовала единая цивилизация, то крах государства привел различные элементы общества к

---

⁷⁴⁷ Там же. С. 33.

«замкнутости самих в себе, к местному, узкому существованию»⁷⁴⁸. Однако как только из хаоса начали возникать первые объединения людей, имеющие определенную форму, такие как городские и сельские общины, духовенство, они направили свои усилия к тому, чтобы «сблизиться, соединиться, сложиться в одно общество, образовать из себя нацию, правительство»⁷⁴⁹.

Историческая концепция Гизо предполагает существование общечеловеческой цивилизации, однако не перестает быть от этого европоцентричной. Европоцентризм связан и с объемом доступных исторических источников. Гизо считает, что результатом развития цивилизации должно стать единство европейских государств. Воля провидения ведет именно к такому результату. Для достижения этой цели европейские государства обращаются к различным экономическим и политическим системам, зачастую одновременно существовавшим в Европе: «Принцип общественного единства, политическую и нравственную связь они [правительства] искали и в теократии, и в аристократии, и в демократии, и в королевской власти. Но ни одна из этих попыток пока еще не имела успеха; ни одной системе, ни одному влиянию не удалось завладеть обществом, вдохнуть в него общественную деятельность и жизнь»⁷⁵⁰. По мнению Гизо это связано с отсутствием общих интересов и идей.

Историческая роль государства заключается в том, что оно выступает «могучей централизующей силой», продолжительное воздействие которой может укреплять и расширять общество, сделать его обширным и благоустроенным⁷⁵¹. Таким образом, для Гизо ослабление государства равнозначно ослаблению цивилизации (замедлению прогресса) и примером тому может служить Римская империя.

Гизо утверждает существование законов исторического развития, называя их *Провидением*. Развитие же личности человека ведет не к тому, что он становится способным создать свои правила, а лишь позволяет человеку постичь закономерности истории (или «волю Провидения») и, вместе с тем, достичь свободы через знание. Таким образом, человек содействует исполнению плана, не им созданного, а даже неизвестного ему в полном объеме, «он разумный и свободный исполнитель чужого дела, значение которого он узнает и поймет уже гораздо позже, когда оно проявилось в действительности, во внешнем мире; да и тогда он понимает его далеко не полно и несовершенно»⁷⁵². С развитием знания, а соответственно и свободы, все большее количество людей начинает включаться в процесс строительства

---

⁷⁴⁸ См.: там же. С. 245.

⁷⁴⁹ Там же. С. 246.

⁷⁵⁰ Там же.

⁷⁵¹ См.: там же.

⁷⁵² Там же.

цивилизации: «Представьте себе обширную машину, общая мысль которой доступна одному уму, а отдельные части вверены различным работникам, разбросанным, чуждым друг другу; никто из них не знаком со всем ее объемом, с окончательным, общим результатом, к которому должны привести все отдельные усилия; но, несмотря на это, каждый работник исполняет возложенное на него дело с сознанием и свободой, действует обдуманно и добровольно»⁷⁵³. Именно таким образом человеком управляют исторические законы, а в истории цивилизации проявляется два уровня: недоступный пониманию человека общий замысел и вполне ясные для «разумных людей» задачи, работа над которыми приближает человечество к общей цели.

Гизо готов оправдать даже самые отрицательные явления политической жизни, такие как анархия и деспотизм, если они содействовали в чем-нибудь цивилизации, заставили ее сделать значительный шаг вперед: «Там, где только признают существование цивилизации и фактов, содействовавших ей, невольно забывают цену, которою она куплена»⁷⁵⁴. Таким образом, идея Гизо примыкает к известной гегелевской формуле, согласно которой «все действительное разумно».

Закономерность исторического процесса, важнейший принцип историософии Гизо, ставит перед автором новую философскую проблему: как соотносятся необходимость и свобода? Гизо пишет, что необходимость в чем-либо часто осознана людьми, но далеко не всегда признается добровольно⁷⁵⁵. Он отстаивает принцип личной свободы, оговариваясь, что человек лишь тогда подлинно свободен, когда решает задачи, продиктованные историей, т.е. «свободно» осуществляет план, который «необходимо» должен быть выполнен.

Гизо использует историософию как средство политической идеологии. По мнению Г. Люббе философия истории при подобном подходе обладает той особенностью, что – в силу характерного для нее рассмотрения истории как последовательности эпох – она позволяет разъяснить историческим субъектам этого рассмотрения, почему они благодаря их положению в историческом процессе впервые и исключительно способны постичь этот самый исторический процесс. На этом основано их право приписывать себе роль партии, которая уже сегодня представляет авангард человечества будущего, а также право, даже обязанность, делать грядущие события обязательными. Таким образом, для Гизо-политического теоретика историософия выходит за рамки вспомогательной дисциплины или набора аргументов в парламентской дискуссии, но является важнейшей частью его теории, объясняющей исторические права и перспективу его политического проекта.

---

⁷⁵³ Там же. С. 247.

⁷⁵⁴ Там же. С. 20.

⁷⁵⁵ См.: Там же. С. 239, 299.

3.3. Свобода, равенство и власть в либеральном консерватизме Гизо.

Государственная деятельность и философская теория Франсуа Гизо сочетали в себе как либеральные, так и консервативные ценности. Политический и экономический либерализм в синтезе с социальной консервацией создали неповторимую идеологию орлеанизма, или либерального консерватизма⁷⁵⁶. Обращение к традиционным для французского интеллектуального и политического поля проблемам свободы, равенства и власти в работах Гизо позволит реконструировать важный раздел либерально-консервативной мысли.

Для Гизо *свобода* подразумевает свободу выбора, свободу слова, свободу совести, свободу прессы, гражданское равенство⁷⁵⁷. Философ называет свободу главной целью всех политических потрясений, которые пережила Франция с 1789 г. По его мнению, к появлению политической свободы, призванной оберегать все прочие свободы, вела сама логика развития французской цивилизации, и этот путь не имел альтернатив⁷⁵⁸.

Либерально-консервативный синтез в политической философии Гизо становится очевидным при обращении к категории свободы. Свобода – основополагающая идея либерализма – невозможна без порядка, а порядок невозможен без сильной центральной власти («Свобода и порядок» – девиз орлеанистов). Для создания фундамента свободы необходимо конституционное правление, гарантирующее права граждан, а «яростные декламации, чрезмерные амбиции, дух враждебности» ведут к угнетению⁷⁵⁹. Цель всякого правления заключается в достижении безопасности настоящего, которая подготавливает и гарантирует безопасность будущего⁷⁶⁰. Находясь в отставке и вспоминая о своей жизни в политике, Гизо писал в мемуарах: «Я защищал попеременно, то свободу против деспотизма, то порядок против революционного духа – две великие вещи, которые, собственно говоря, составляют одну, потому что разделение их губит и ту и другую. Пока свобода не отрешится окончательно от

⁷⁵⁶ См.: Rémond R. La droite en France... P. 22.

⁷⁵⁷ См.: Guizot F. Mémoires... Vol. 8. P. 3.

⁷⁵⁸ См.: Ibid. P. 1–2.

⁷⁵⁹ См.: Guizot F. Op. cit. 1821. P. 7.

⁷⁶⁰ См.: Ibid. P. VI.

революционного духа, а порядок от деспотизма, Франция будет переходить от кризиса к кризису, от ошибки к ошибке»⁷⁶¹.

Французский мыслитель убежден, что во время реакции в опасности находится не только свобода, но и сама власть⁷⁶². Примирение власти и свободы помогает в борьбе с экстремистскими силами, цель которых не допустить подобного союза: правые (роялисты) посягают на свободу, которая кажется им непомерно большой, левые (революционеры) посягают на власть, которая видится им чересчур сильной⁷⁶³. Политическая борьба порождает столкновение страхов, идентичных по своему источнику, но разнящихся по своим последствиям. Власть должна даровать людям безопасность и успокоение, получение которых делает граждан трудолюбивыми и усердными по отношению к государству⁷⁶⁴. Создание социальной и политической опоры правительства является сложным и кропотливым делом, успех которого зависит от союза между властью и гражданами⁷⁶⁵.

Свобода может быть ограничена, если ставит под угрозу порядок или «нормальное существование» государства, – мысль эта развита Гизо со всей обстоятельностью в большой статье «Некоторые соображения по вопросу свободы прессы»⁷⁶⁶. Философ доказывает преимущества «тишины, порядка и стабильности» и говорит о необходимости благоразумных гарантий этого порядка, а также указывает на губительные последствия, вытекающие из его нарушения. Свобода прессы оправдана только в развитом обществе, она всегда будет большим испытанием как для правительства, так и для граждан, потому что может вооружить анархию или тиранию: «Свобода прессы – это не государственная власть, не представительница общественного разума, не верховный судья; это просто право граждан высказывать свое мнение о государственных делах и об образе действий правительства. Право это могущественно и почтенно, но по существу своему высокомерно, и для того, чтобы оно всегда оставалось спасительным, общественные власти должны не склоняться перед ним, а налагать на него ту серьезную и постоянную ответственность, которая должна лежать на всех правах для того, чтобы они не сделались сначала мятежными, а потом тираническими»⁷⁶⁷. То есть либеральный консерватизм Гизо предполагает гражданский контроль за правами, в том числе за свободой

---

⁷⁶¹ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 3.

⁷⁶² См.: Ibid. P. 1.

⁷⁶³ См.: Ibid. P. 15–16.

⁷⁶⁴ См.: Ibid. P. 13–14.

⁷⁶⁵ См.: Ibid. P. 5.

⁷⁶⁶ Guizot F. Quelques idées sur la liberté de la presse // Mémoires... Vol. 1. P. 408–415.

⁷⁶⁷ Ibid. P. 409–410.

прессе, который имел бы возможность лишить прав силы, стремящиеся к анархии или деспотизму.

Гизо, как и многих современных ему политических мыслителей, волнует не столько проблема освобождения личности от деспотического гнета государства, сколько проблема соотношения политической и социальной сфер общества, их взаимодействия и взаимопроникновения⁷⁶⁸. Либеральный консерватизм как центристское движение, выступает за компромиссное решение социально-политических проблем. Это движение принимает послереволюционное общество, но пытается сформировать его управление на основе рациональных принципов, отличных от теорий просветителей и революционеров⁷⁶⁹. По мнению Гизо, для создания сильного государства после революционных потрясений необходимо, чтобы травмированное революцией общество пребывало в мире с самим собой: слабые должны отказаться от претензий на прошлое и сумасбродных планов на будущее⁷⁷⁰. Таким образом, «слабыми» являются крайние силы, в посленаполеоновской Франции это ультрароялисты и республиканцы.

Экстремизм препятствует социальной эволюции и может погубить в зародыше «развитие общественного здравого смысла», а внепарламентские формы политической борьбы всегда деструктивны. Так, революционная Франция могла заняться размеренной и кропотливой работой, избежать потрясений, но «взявшийся за оружие Старый порядок отбросил страну на путь хаоса, насилия и мрака»⁷⁷¹. Экстремизм не извлекает уроков, отвергает опыт, что подтвердилось в 1814 г. Во времена Империи сторонники Старого порядка были счастливы получить передышку, но в первые годы Реставрации они возобновили войну, считая себя в состоянии одержать победу. Однако радикальное правление никогда не сможет достичь свободы и порядка, потому что опирается ничтожно узкую социальную базу, интересы представителей которой чужды обществу в целом.

Существование экстремистов во власти и обществе, по мнению Гизо, создает постоянную напряженность и угрозу как внутренней, так и внешней войны. Эти силы не удовлетворены своим положением, они считают себя обделенными историей. С одной стороны всегда находятся реваншисты, а с другой – революционеры: «Людей Старого порядка революция лишила власти, поэтому власть и должна быть им возвращена; погибло их состояние – это состояние должно снова вернуться к ним»⁷⁷². Революционеры, наоборот,

⁷⁶⁸ См.: Федорова М. М. Либерализм первой половины XIX в... С. 47.

⁷⁶⁹ См.: там же.

⁷⁷⁰ См.: Гизо Ф. О средствах правления и оппозиции... С. 267–268.

⁷⁷¹ См.: там же. С. 268.

⁷⁷² Там же. С. 269.

считают, что власть и собственность, вырванные из рук Старого порядка должны оказаться достоянием широких масс. А поскольку власть, авторитет и привилегии не существуют вне их обладателей, то все это нужно отнять силой у нынешних их владельцев, а что это, как не война – «одна из тех войн, что потрясают общество до основания даже тогда, когда они уже перестали волновать его поверхность»⁷⁷³.

Гизо считает, что борьба с экстремистами оправдывает временное ограничение свобод всех граждан. Если страна испытывает потребность в урегулировании своих дел, в создании государственной системы и одновременно она должна отразить врага, стремящегося захватить ее землю и принадлежащие ей средства, чтобы возвести на этой земле свое собственное здание, то государство одновременно должно обустриваться и защищаться, испытывая потребность в войне и мире. Однако обе эти потребности находятся в противоречии и составляют друг другу препятствие. Государство, имеющее свободу печати, предоставляет ее всем гражданам, поскольку именно в этом заключается сущность конституционных свобод. Свободой печати завладевают и экстремисты, ведущие скрытую или явную войну с законным правительством. Используя равные условия, они атакуют правительство и справа, и слева⁷⁷⁴. Так французские ультрароялисты в первые годы Реставрации, не лишённые талантливых публицистов, получили мощное оружие, которым атаковали государственный порядок и поставили под угрозу само его существование. Они даже превозносили свободу печати, используя ее для яростных нападок не только против администрации и государства, но и против самого общества, его принципов, его организации, главных особенностей его развития. Общественное мнение разделяется, а атмосфера электризуется. Гизо резюмирует, что в пользу такой свободы усомнится множество мирных граждан, «людей, чуждых каким бы то ни было партиям»⁷⁷⁵.

Все сказанное относительно свободы печати Гизо распространяет и на прочие свободы. По его мнению, поспешное и бездумное создание условий для всевозможных свобод, призванных защищать граждан от злоупотреблений правительства, может вооружить и необычайно усилить экстремистов. Свободы нужно защищать от радикалов и не допускать, чтобы последние обладали всей полнотой гражданских прав, иначе осуществление свобод обернется опасностью для всего общественного строя⁷⁷⁶.

Экстремизм будет существовать всегда, но Гизо предлагает метод максимального ослабления и изоляции радикалов – создание широкой социальной опоры правительства в лице

---

⁷⁷³ Там же. С. 270.

⁷⁷⁴ См.: там же.

⁷⁷⁵ См.: там же. С. 271.

⁷⁷⁶ См.: там же. С. 272.

среднего класса, в который не попадают аристократия и беднейшие слои населения (наемные рабочие и крестьяне). Идея среднего класса, обладающего определенным интеллектуальным уровнем и имуществом, как гаранта стабильности – это сущность социальной концепции либерального консерватизма⁷⁷⁷.

Решение проблемы соотношения власти и общества связывалось Гизо и многими его единомышленниками с судьбой Революции во Франции. Если Констан рассматривает этот вопрос в контексте событий 1789–1794 гг., то Гизо обращается к нему на материале посленаполеоновского периода. Мыслитель убежден, что противоречия между властью и обществом возникают в неправильно организованных государственных механизмах, по сути же социальная и политическая сферы едины. Либеральный консерватизм предполагает взаимодействие сферы социального (лучших ее представителей – среднего класса) и политического посредством представительного правления, превращаясь тем самым в политическую технологию. При представительном правлении государство (власть) обращается к обществу при поиске средств правления. Подобный диалог стал возможен вследствие появления эклектичного, деперсонифицированного (классового) и нераздробленного (на аристократию и народ) общества. В новых условиях власть не является внешней по отношению к обществу. Гизо констатирует появление современного общества (не вводя соответствующего понятия), утверждая единство социума и власти. М.М. Федорова пишет, что это общество, в котором переплетены мнения, страсти, интересы, и политическая власть в нем эффективна только тогда, когда взаимодействует со всеми этими элементами, определяющими поведение масс⁷⁷⁸. Политическую власть, интегрированную в общество, Гизо называет социальной властью. Она пользуется средствами правления, заключенными в самом обществе и поэтому взаимодействует со всей массой граждан.

Вместе с тем Гизо выступает за сильное государство, которое способно не только декларировать, но и обеспечивать свободы, а также оберегать их от злоупотреблений радикалов, особенно в периоды, когда свободы только распространяются в обществе. Власть должна дать гражданину успокоение: «...если человек видит, что власть каждую секунду может быть захвачена врагом, то он станет по отношению к власти трудновосприимчивым и скупым; со всей скарденностью будет он отмерять ту помощь, что власть требует от него. Очень скоро либо по расчету, либо инстинктивно, но следуя неумолимому ходу событий, такой человек

⁷⁷⁷ Подробнее смотрите в разделе 3.4.

⁷⁷⁸ См.: Федорова М. М. Либерализм первой половины XIX в... С. 51.

будет игнорировать наиболее законные потребности власти, откажет ей в необходимой поддержке и, в конце концов, быть может, начнет трудиться над ее разрушением»⁷⁷⁹.

Государство, согласно Гизо, самый важный политический субъект. Задачи государства огромны, для их выполнения нужны силы и полномочия, которые находятся в различных институтах и закрепляются законами. Любыми законными способами власть должна получить достаточные полномочия: «Спорьте, торгуйтесь, неважно, – так или иначе власть должна быть вооружена и поддержана»⁷⁸⁰. Однако в новом обществе власть по природе своей не узурпирующая, а социальная, уходящая корнями в общество, которое она оберегает.

Гизо не связывает свободу с определенным политическим строем или конкретными институтами, наличие или отсутствие которых могло свидетельствовать о ее наличии или отсутствии: «Для появления политической свободы, в зависимости от времени и места, требуются разные условия»⁷⁸¹. Формы государственного устройства, располагающие к зарождению свободы, могут быть разнообразными: от монархии до республики⁷⁸². Большое влияние имеют социальные факторы, а также особенности внутренней и внешней политики. Познакомившись с «Демократией в Америке» Токвиля, Гизо в целом согласен с выводами младшего современника и доказывает, что свобода не исключительно американское явление, и она мало связана с политической организацией Соединенных Штатов и республиканской формой государственного устройства. В качестве аргумента он приводит опыт Англии, где при монархии возникла и получила развитие политическая свобода: «Политическая свобода равно существует в Англии и Соединенных Штатах Америки при различных формах правления и институтах. В одной стране она родилась при республике, в другой – под эгидой монархии»⁷⁸³. Однако демократическое устройство, искусственно уравнивающее людей, скорее приведет к анархии или тирании и погубит свободу⁷⁸⁴.

Проблема равенства была одной из самых дискуссионных во французском политическом поле со времен Революции. Гизо признает значимость Декларации прав человека и гражданина, а также влияние традиции Просвещения. «Все люди одной природы и, следовательно, равны... и обладают правами, принадлежащими человеку» в силу его естественного состояния: «Таким

⁷⁷⁹ Гизо Ф. О средствах правления и оппозиции... С. 272–273.

⁷⁸⁰ Там же. С. 272.

⁷⁸¹ Guizot F. Mémoires... Vol. 8. P. 2.

⁷⁸² См.: Ibid.

⁷⁸³ Ibid. P. 3.

⁷⁸⁴ См.: Ibid. P. 4.

является внутреннее право на свободу совести и большая часть гражданских прав, как право собственности и все права, из него вытекающие»⁷⁸⁵.

Однако Гизо отмечает, что главным образом речь идет о равенстве перед законом, потому что всеобщее равенство сделало бы невозможной свободу. Мыслитель предпочитает использовать не понятие «равенство» (*égalité*), а понятие «неравенство» (*inégalité*). Вслед за Монтескьё и Констаном Гизо говорит о разной степени природной одаренности людей и всеобщем интеллектуальном неравенстве: «Это неравенство – первая подлинная причина социального неравенства», потому что более образованные люди лучше подготовлены к государственной деятельности и ведению дел в целом. Положение человека в этой иерархии зависит от воли Провидения, а также от «интеллектуальных и моральных способностей каждого»⁷⁸⁶. Подобное неравенство является не тормозом, а источником прогресса, потому что стимулирует людей к самосовершенствованию, на нем зиждется конкуренция: «Власть... и все средства к ее приобретению, как богатство, способности, наука, происходят из естественного неравенства, которое развилось и принесло плоды»⁷⁸⁷. Конкуренция же позволяет наиболее способным и достойным стать обладателями этих сокровищ.

Гизо категорически против теорий и попыток уничтожения «естественного неравенства», он убежден, что их итогом станет деградация экономическая, политическая и социальная. Он переносит некоторые важнейшие принципы экономического либерализма А. Смита в политическое поле. Гизо солидарен с английским экономистом в признании социальной пользы индивидуального эгоизма, потому что от поддержки этого состояния «зависит прогресс и постепенное улучшение человеческого рода», тормозить же естественное неравенство «означает отрицать волю Бога и поднимать на нее кощунственную руку»⁷⁸⁸.

Таким образом, политическая теория Гизо предполагает существование естественного и искусственного неравенства. Последнее закрепляется в законах и привилегиях, и оно противно природе, потому что его создатели и защитники претендуют на то, чтобы играть роль Провидения, распоряжаясь судьбами людей. К тому же искусственное неравенство неизбежно будет заменять собой или сглаживать неравенство природное, что повлечет все негативные последствия, о которых сказано выше. Данная политическая теория является завершением исторической концепции классовой борьбы. Гизо убежден, что это противостояние конечно, и момент установления политического равенства и естественного (божественного) неравенства

⁷⁸⁵ Guizot F. Du gouvernement de la France... P. XXXVI.

⁷⁸⁶ Ibid. P. XXXII–XXXIII.

⁷⁸⁷ Ibid. P. XXXVII.

⁷⁸⁸ Ibid. P. 38.

станет временем наступления всеобщего социального мира, завершится многовековая борьба «победителей» и «побежденных»: «В лоне закона, и только там, может прекратиться противостояние двух рас, двух народов...»⁷⁸⁹.

Итак, Гизо констатирует всеобщее естественное неравенство людей, которые обладают различными способностями, талантами, навыками, задатками, добродетелями, также неодинаковы их физические силы и здоровье. Философ полагает, что считать людей равными – не просто заблуждение, но ошибка, способная остановить прогресс. Равенство посягает на своеобразие отдельной личности, отказывает людям в *праве* обладать индивидуальным талантом. В обществе существуют права, которые распределяются или присваиваются согласно неравенству и по заслугам каждого человека, что дает стимулы для развития социального организма и «является одним из факторов, формирующих настоящее общество»⁷⁹⁰. К перечню этих прав принадлежат и некоторые политические, в том числе избирательное право.

Гизо являлся соавтором закона «Об избирательной системе» от 5 февраля 1817 г., согласно которому для участия в выборах устанавливался высокий имущественный ценз. Главная идея закона, по мнению Гизо, заключалась в том, чтобы не допустить второго рождения революционного порядка и закрепить порядок конституционный, поскольку с 1789 г. «право всеобщей подачи голосов было во Франции только орудием разрушения или обмана: разрушения – когда оно действительно отдавало политическую власть в руки толпы; обмана – когда оно служило к уничтожению политических прав в пользу неограниченной власти, сохраняя посредством мечтательного вмешательства народа наружный вид избирательного права»⁷⁹¹. Творцы избирательной системы 1817 г., в том числе Гизо, хотели «выйти, наконец, из этой рутины насилия и лжи, ввести политическую власть в ту область, в которой естественно, независимо и разумно господствуют консервативные интересы общественного порядка...»⁷⁹². Новая избирательная система сосредоточила власть в руках ста сорока тысяч избирателей, представителей «среднего класса», обладавших собственностью.

Гизо поддерживал Хартию, установившую высокий избирательный ценз (имущественный и возрастной) как для активных, так и для пассивных граждан. Для того чтобы быть избранным в палату депутатов, необходимо было достичь возраста 40 лет и платить не менее тысячи франков прямых налогов в год (ст. 38: «Никакой депутат не может быть допущен в палату, если он не имеет сорокалетнего возраста и не платит тысячи франков прямых

⁷⁸⁹ Ibid. P. 20.

⁷⁹⁰ См.: Guizot F. Trois générations... P. 34–35.

⁷⁹¹ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 166.

⁷⁹² Ibid.

налогов»⁷⁹³). Для участия в выборах депутатов в качестве избирателя необходимо было достичь возраста в 30 лет и платить не менее 300 франков прямых налогов (ст. 40: «Избиратели, участвующие в выборах депутатов, не могут иметь права голоса, если они не платят прямых налогов в размере трехсот франков и если они имеют менее тридцати лет от роду»⁷⁹⁴). Более того, Гизо предлагал вслед за Руайе-Колларом проводить выборы только в крупных городах департаментов. В сочетании с имущественным цензом эта мера делала бы ведущей политической силой так называемый *средний класс* – главную социальную силу с точки зрения либерального консерватизма⁷⁹⁵.

3.4. Концепция среднего класса как социальной опоры либерального консерватизма

В современном понимании «средний класс» определяется через ряд исторически сложившихся признаков. Во-первых, ему присущ средний (для данной страны) уровень благосостояния, стабильность и постоянство источников дохода. Во-вторых, он обладает высоким уровнем образования и наличием профессиональной квалификации. В-третьих, он характеризуется высоким уровнем вертикальной мобильности – в том числе и внутриклассовой. В-четвертых, его отличают стремление к общественной стабильности и менталитет, характеризующийся реформизмом, индивидуализмом и установкой на поддержку существующего режима⁷⁹⁶.

Категория «средний класс» уже около двухсот лет является как важной, так и неопределенной составляющей социально-политического пространства Запада. В зависимости от эпохи, страны, некоторых нюансов восприятия понятие это может обозначать разные общественные слои. Впервые проблематизировал его Аристотель в пятой и шестой книгах «Политики», где он исследовал причины насильственных выступлений и переворотов, а также условия, необходимые для нормального существования государства. Стагирит считал формирование прослойки «средних граждан» спасительной мерой, благодаря которой

⁷⁹³ Charte constitutionnelle du 4 juin 1814. Paris, 1814. P. 4.

⁷⁹⁴ Ibid.

⁷⁹⁵ Подробнее смотрите в разделе 3.4.

⁷⁹⁶ См.: Goldthorpe J. H. Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. London, 1980.

«государственному устройству вообще и каждому из его видов в частности можно обеспечить устойчивое состояние»⁷⁹⁷. Согласно Аристотелю «средние слои населения» нельзя отнести ни к «верхам», ни к «низам», они могут служить опорой для наилучшего политического устройства, поскольку желают сохранения существующего строя⁷⁹⁸. Однако предпосылки для реального появления среднего класса, в его современном понимании, создаются в Новое время, когда рождается тип европейского буржуа, не только имеющего определенный материальный достаток, но и формирующего собственную систему мировоззрения, ценностей и культурных запросов. В XIX веке «теории о естественных правах олигархов были повсюду заменены теориями естественных прав всех людей на равную долю во всем хорошем в жизни»⁷⁹⁹. А. Смит, Э. Кондильяк, К. Сен-Симон, Ф. Гизо, О. Минье вводят в обществоведение Европы понятие социального класса, однако только Гизо выводит проблему из теоретической в практическую плоскость, актуализирует в своих исследовательских работах, преподавательской и политической практике концепт «средний класс» и придает ему особое значение. Для современного понимания «среднего класса» идея Гизо станет исходной, но останется в тени классовой теории сторонников и критиков марксизма.

Источником воззрений Гизо по вопросу среднего класса выступает комплекс факторов и обстоятельств, которые условно можно объединить в три группы, характеризующие исследовательскую работу, общественно-политическую деятельность автора и социальную реальность Франции интересующего нас периода.

Подход философа к историческому материалу сформировал веру в триумф среднего класса в результате развития цивилизации, представление о том, что залог его успеха кроется в лучшей организации общественных отношений⁸⁰⁰. Гизо объясняет исторические потрясения, пережитые Францией («первый великий урок, который дает нам наша история»), незрелостью социальной структуры, где «попытки учредить свободное правление всегда разрушались слепым соперничеством высших классов», которые «не сумели действовать заодно, чтобы быть вместе свободными и сильными, и тем отдали себя и Францию в жертву революциям»⁸⁰¹.

Доктринеры, интеллектуальным ядром которых был сам Гизо, считали, что «средний класс» делает государство устойчивым и выступает как «наилучшая защита принципов 1789 г., социального порядка, гражданских и политических свобод, прогресса и стабильности»,

⁷⁹⁷ Аристотель. Политика. М., 2012. С. 190.

⁷⁹⁸ См. там же. С. 195.

⁷⁹⁹ Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М., 1995. С. 67

⁸⁰⁰ См.: Гизо Ф. История цивилизации в Европе. Минск, 2005. С. 24–25.

⁸⁰¹ Гизо Ф. История цивилизации во Франции в 4-х томах. Т. 1. М., 2006. С. 15.

препятствует «повторению революционных кризисов»⁸⁰². Современный английский историк А. Крейуту убежден, что амбициозная цель Доктринеров заключалась в стремлении воспитать средний класс и преобразовать его в реальную политическую силу, что позволило бы сформировать опору представительного правления и «завершить» Французскую революцию⁸⁰³. Руайе-Коллар в 1822 году заявлял: «Производство и собственность привели к увеличению среднего класса, который включился в общественную деятельность; он не чувствует себя виновным ни в любопытстве, ни в смелости разума, чтобы этим заниматься, он знает, что это его дело»⁸⁰⁴. Однако доля внимания, уделенная Гизо разработке идеи «среднего класса», в позднейших источниках (исследовательских⁸⁰⁵ и политических⁸⁰⁶)⁸⁰⁷, позволяет говорить о его ключевой роли в формировании данного концепта.

Социальная реальность первой половины XIX века, особенности промышленного переворота и аграрного законодательства Великой французской революции⁸⁰⁸ превратили Францию в страну мелких собственников, в которой размыты перегородки между высшим классом буржуазии, с одной стороны, мещанством и низшими ее слоями, с другой. (Конечно, необходимо учитывать неоднозначность интерпретации понятия «буржуазия» во Франции в начале XIX века, где к этой категории традиционно причисляли представителей третьего сословия, совсем не в духе более поздней марксистской концепции, определяющей буржуазию как «господствующий класс капиталистического общества, обладающий собственностью на средства производства и существующий за счёт эксплуатации наёмного труда»⁸⁰⁹.) Именно в этот период средний класс начал стремительно расширяться. Шаткость общественно-политической структуры, претерпевшей с 1789 по 1814 г. сильнейшие потрясения (революция, наполеоновские войны) и глубокие трансформации (падение монархии, провозглашение

⁸⁰² Guizot F. Mémoires... Vol. 8. 1867. P. 21–23.

⁸⁰³ Craiutu A. Liberalism under Siege... P. 4.

⁸⁰⁴ Цит. по: Guizot F. Mémoires... Vol. 6. P. 347.

⁸⁰⁵ См.: Craiutu A. Liberalism under Siege...; Rulhmann J. Ni bourgeois ni prolétaires. La défense des classes moyennes en France au XIXe siècle, éditions du Seuil. Paris, 2001.

⁸⁰⁶ См.: Terray E. Le fondement de la pensée de droite reste la défense de l'ordre établi / liberation 20/03/2012 (<http://www.liberation.fr/livres/1201607-c-est-quoi-une-pensee-droitiere> (30.04.2012)).

⁸⁰⁷ Необходимо отметить, что это не социологические работы, посвященные анализу социальной структуры, а исторические исследования, в которых проблема среднего класса имеет второстепенную роль.

⁸⁰⁸ См.: Закон 15 марта 1790 г. «О порядке упразднения феодальных прав»; аграрные декреты 14, 25 августа 1792 г.; декрет «Об общинных землях» 10–11 июня 1793 г.; декрет 17 июля 1793 г. «Об окончательном упразднении феодальных прав». Документы истории Великой французской революции. Т. 1. М., 1990.

⁸⁰⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е издание. Т. 4. М., 1955.. С. 419–459.

республики, а затем империи, принятие семи конституций⁸¹⁰) сформировала политическую культуру, ориентированную на обширный социальный блок средних слоев собственников, заинтересованных в стабильности общества и способных стать опорой действующей власти.

Оформление идеи среднего класса предшествовало его реальному появлению в качестве элемента социальной структуры. Это подтверждается записями Гизо относительно состава этой прослойки. Мыслитель говорит, то о буржуазии, занимающей «промежуточное положение между старой аристократией и беднейшей частью населения»⁸¹¹, то о «средних классах» во множественном числе⁸¹², обнажая неоднородность буржуазной среды, которая включила в себя многочисленные группы различного имущественного состояния⁸¹³ (от рантье, торгово-промышленной буржуазии до чиновников, университетских профессоров и служащих). Неопределенность эту автор пытается нивелировать признанием высокой вертикальной мобильности французского общества, где «средний класс» открыт и постоянно расширяется за счет вливания в него представителей других социальных групп по мере развития их материального благосостояния и повышения интеллектуального уровня: «В просторном помещении, которое занимает буржуазия внутри общества, двери всегда открыты»⁸¹⁴, а в рядах ее «всегда хватит места для тех, кто хочет и умеет туда войти»⁸¹⁵. Таким образом, французская буржуазия, как английская аристократия, «омолаживает себя, привлекая людей из других классов по мере того, как они возникают вокруг нее»⁸¹⁶, т.е., родившись из народа, «она черпает и бесконечно питается из того же источника, который безостановочно течет и поднимается вверх», «это сама сущность и осуществленное право её»⁸¹⁷. Однако граждане, претендующие на попадание в эту категорию должны «не заниматься физическим трудом»⁸¹⁸, обладать достатком, который позволяет иметь независимость суждений и поступков и преодолевать имущественный ценз для участия в выборах: «Обогащайтесь посредством труда и бережливости, и вы станете избирателями!», говорил Гизо, согласно легенде.

⁸¹⁰ Впервые конституция была принята во время Революции 3 сентября 1791, якобинцами принята конституция I года (не вступила в силу), режим Директории установлен конституцией III года, после прихода к власти Наполеона принята конституция VIII года, режим пожизненного консульства установлен Конституцией X года, первая империя – конституцией XII года, после Реставрации была принята Хартия 1814 года.

⁸¹¹ Guizot F. Mémoires... Vol. 8. P. 22.

⁸¹² Ibid. P. 23.

⁸¹³ Терминологическая неопределенность Гизо позже отразилась и во французском языке, где «средний класс» определяется терминами «bourgeois», «bourgeoisie», «la classe moyenne» (сравните с англ. «middle class»), «les couche moyenne».

⁸¹⁴ Guizot F. Mémoires... Vol. 6. P. 348.

⁸¹⁵ Ibid. P. 349.

⁸¹⁶ Ibid.

⁸¹⁷ Ibid.

⁸¹⁸ Ibid. P. 347.

Из всех общественных слоев, именно «средний класс», по мнению мыслителя, должен оказывать решающее влияние на функционирование политической системы, поскольку он обладает «политическим разумом» и чувством справедливости. Одна из основных задач правительства – создание условий для того, «чтобы естественным путем социальные институты постепенно повышали число людей с соответствующим уровнем интеллекта и независимости, что сделало бы их достойными участия в осуществлении политической власти»⁸¹⁹. Фильтром, который допускает к управлению государством людей «подготовленных», является «Хартия», включившая в рафинированном виде все основные завоевания и права, необходимые буржуазии для общественного господства. Она провозгласила равенство всех граждан перед законом, независимо от их званий и титулов (что пресекло реставрацию аристократических привилегий), свободу слова, печати, совести, создала возможность существования реальной законодательной власти и политических партий «для потенциально активных элементов свободного правительства»⁸²⁰. Однако участие в политической деятельности и преодоление барьеров для этого не является единственным условием принадлежности к «среднему классу». Если активные граждане отказываются действовать в рамках существующей системы, допускают «революционные искажения» и используют «заговорщические принципы», которые «бросают тень (...) на их конституционную борьбу», то они не могут относиться к этой социальной группе⁸²¹. Патриотизм и лояльность правительству как неперенное свойство «среднего класса» подчеркивается и в исследовании «О демократии во Франции», где Гизо писал: «...и при войне, и при мире средние классы дают всегда людей готовых пожертвовать собой на службе родине»⁸²².

Среднему классу присуща умеренность и разумность, его представители «советуются, говорят, руководствуются здравыми интересами и не способны ни к слепой преданности, ни к самопожертвованию. Для них «преданность не исключает здравого смысла, а мужество – разума»⁸²³. Честолюбцы вроде Наполеона никогда не смогли бы прийти к власти в обществе, в котором господствует средний класс, потому что не смогли бы найти «отважное и слепое повиновение»⁸²⁴. Гизо считает, что «невежественная, безрассудная и неосмотрительная толпа, народ или армия, руководствуясь своими “великодушными” инстинктами, часто становится

---

⁸¹⁹ Ibid. P. 346.

⁸²⁰ Ibid. Vol. 8. P. 9.

⁸²¹ Ibid.

⁸²² Guizot F. De la democratie en France... P. 95.

⁸²³ См.: Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 61.

⁸²⁴ См.: Ibid.

орудием или игрушкой эгоизма, гораздо более развращенного и безразличного к его участи, нежели тот, в котором упрекают богатые и просвещенные классы»⁸²⁵.

«Средний класс» мыслится Гизо-политиком как активный слой, который способен снять с правительства часть «груза социальных гарантий» перед наименее защищенными группами и устранить необходимость «беспрестанного опасного перераспределения благосостояния»⁸²⁶. Именно «средний класс» несет высокую «очевидную и священную» ответственность за всю нацию и через правительство приходит на помощь наименее защищенным группам, чтобы «уменьшить их нищету и способствовать их растущему стремлению к благам цивилизации», исправляя таким образом «дефекты социальной организации, из которых вытекают все бедствия столь многих людей»⁸²⁷.

Гизо признает риски, которые связаны, в первую очередь, с особым положением, к приобретению которого идет «средний класс»: «Как и у всех общностей людей, которые получают подобные позиции, у среднего класса есть свои недостатки, ошибки, непредусмотрительность, упорство, тщеславие, эгоизм; легко об этом говорить, но не стоит клеветать на этот слой, учитывая его значение...»⁸²⁸. Для мыслителя очень важно «не разжигать соперничество и вражду между буржуазией и народом, похожую на ту, которая существует между буржуазией и дворянством». Он убежден, что для подобного противостояния отсутствует почва, ведь «современная буржуазия не отвергает свою историю; от имени и в пользу всех она завоевала права, которыми она обладает и которыми могут обладать все», на которых зиждется существующий общественный строй⁸²⁹.

Средний класс не требует и не пытается заполучить особые привилегии и исключительное для себя положение, хотя имеет ресурсы для этого: «Средние классы не думали никогда о том, чтобы сделаться среди всех привилегированными группами, и ни один здравомыслящий человек не думал этого за них»⁸³⁰. Гизо признает, что невозможно полностью преодолеть «бурление общественных страстей и разнообразие общественных положений», поскольку это «естественный плод общественного движения и свободы», но отныне эти процессы нельзя объяснять противостоянием «среднего класса»-буржуазии и народа, ибо отсутствуют жесткие разделительные линии между ними⁸³¹.

---

⁸²⁵ См.: Ibid. P. 62.

⁸²⁶ Guizot F. Mémoires... Vol. 6. P. 347.

⁸²⁷ Ibid.

⁸²⁸ Ibid. P. 348.

⁸²⁹ Ibid.

⁸³⁰ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 170.

⁸³¹ Ibid. Vol. 6. P. 349.

На практике, с 1816 по 1848 г. Гизо в разных статусах открыто поддерживал «средние классы», но выступал против того, чтобы «буржуазия сделалась новым привилегированным сословием, чтобы законы, предназначенные к установлению права подачи голосов, послужили к основанию господства средних классов, отнимая *de jure* или *de facto*, всякое политическое значение, с одной стороны, у остатков старинной французской аристократии, с другой – у народа»⁸³². Философ считал попытку установления тотального господства среднего класса «нелепой и безумной», а главное невозможной: «Не политическими теориями, не статьями закона утверждаются в государстве привилегии и господство какого-нибудь класса: эти интеллектуальные и медленные инструменты никак не помогут, необходимы или сила завоевания, или религиозное влияние. Тотально завладеть обществом могут военные или теократическая аристократия, но не буржуазия. История всех времен и народов доказывает это самым поверхностным наблюдателям»⁸³³.

Эклектичная природа среднего класса доказывает невозможность его владычества над другими социальными группами. По мнению Гизо, две идеи составляют характер цивилизации Нового времени, сообщая ей стремительное развитие: «...есть права всеобщие, неотделимые от самой природы человека, права, в которых не может отказать законным образом никому никакое правительство. Есть права индивидуальные, проистекающие единственно из личного достоинства каждого человека, несмотря на внешние обстоятельства происхождения, состояния или общественного положения, права, которые каждый носящий их в себе, должен непременно развивать. Законное уважение к общим правам человечества, свободное развитие природных преимуществ – вот два принципа, которые, хорошо или дурно понимаемые, почти около столетия порождали добро и зло, великие дела и преступления, прогресс и заблуждения, вызываемые то революциями, то самими правительствами из недр европейских обществ. Который из этих принципов вызывает, или хоть только допускает исключительное господство средних классов? Конечно, ни тот, ни другой. Один открывает все двери личным преимуществам; другой требует для каждого человека его места и доли»⁸³⁴. Подобные принципы не совместимы с каким бы то ни было исключительным положением любой социальной группы, и среднего класса в том числе.

Таким образом, «средний класс» — это обширный социально ответственный блок, возникший в результате общественного прогресса, занимающий в общественной иерархии пространство между аристократией и беднейшей частью населения (ядром его является

---

⁸³² Ibid. Vol. 1. P. 168.

⁸³³ Ibid. P. 168–169.

⁸³⁴ Ibid. P. 169–170.

буржуазия), доступ в него открыт всем собственникам, имеющим потенциальную возможность (пассивно или активно) участвовать в легитимной политической жизни; основной целью его и залогом благополучия является поддержание стабильности государственной системы. Если англо-саксонский «middle class» немногочисленный и выступает двигателем, локомотивом развития (буржуазия в традиционном понимании), то французский «les classes moyennes» (он же «bourgeois», «bourgeoisie», «les couche moyenne»), включивший в себя помимо буржуазии, широкий слой собственников, служащих, чиновников и преподавателей, является опорой политической системы и государства. В определении его преобладает политический аспект, экономическая же составляющая находится на втором плане. Возможно, это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, теоретиками французского «среднего класса» выступили люди, активно вовлеченные в политическую практику. Во-вторых, политические процессы во Франции конца XVIII —нач. XIX вв. в общественном восприятии явно доминировали над экономическими.

Идеи Гизо оказали воздействие на классовую теорию Карла Маркса. Это подтверждается словами последнего о том, что Гизо и мыслители периода Реставрации постоянно указывали на противостояние классов «как на ключ к пониманию французской истории, начиная со средних веков»⁸³⁵. В то же время практически нет сомнений в том, что Маркс не был знаком с мемуарами французского интеллектуала, иначе потеряло бы смысл его замечание о том, что Гизо «лишь изображал определенные формы классовой борьбы»⁸³⁶, но не теоретизировал саму проблему. Совершенно не в манере Гизо Маркс противопоставляет «средние слои» буржуазии, замечая, что мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как «средних сословий»⁸³⁷. Однако, как и французский мыслитель, он использует термины *la classe moyenne*», «middle class»⁸³⁸. У Маркса «средние сословия» так же не революционны, а консервативны: «Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории»⁸³⁹.

Отталкиваясь от анализа современных исследований классовой проблематики, можно заключить, что идеи Гизо относительно вопросов формирования, состава и роли среднего класса либо неизвестны, либо имеют очень малое влияние на современное научное сообщество.

⁸³⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е издание. Т. 21. М., 1961. С. 308.

⁸³⁶ Маркс К. «Debat social» от 6 февраля о демократической ассоциации // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е издание. Т. 4. М., 1955. С. 481.

⁸³⁷ См.: там же. Т. 4. С. 434.

⁸³⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Людвиг Фейербах... С. 308.

⁸³⁹ Маркс К. «Debat social»... С. 434.

Так канадский политический философ К. Макферсон, рассматривая проблемы либеральной демократии с позиций социологии класса, отмечает, что либеральная традиция XIX в. принимала и признавала классово разделенное общество, в которое и должна была быть встроена демократическая структура⁸⁴⁰. При этом автор не ссылается на Доктринеров или Гизо, хотя именно они декларировали эту позицию в качестве своей цели. Согласно К. Макферсону, в контексте того времени [первая половина XIX в.] класс понимался в терминах собственности: «Его составляли те, кто состоял в одних и тех же отношениях к владению или не владению производящей продукты земель и (или) капиталом»⁸⁴¹. В таком заключении очевидно ключевое влияние классовой теории Маркса и незнание с идеями Гизо относительно данных вопросов. Социологи, в том числе французские, в качестве классика темы также называют Маркса, отдавая ему приоритет⁸⁴². На Гизо ссылаются главным образом историки, зачастую упускающие теоретический аспект деятельности политического мыслителя. Ж. Рულман говорит о попытках французского правительства периода Июльской монархии создать себе социальную опору в виде среднего класса и называет Гизо идеологом этой политики⁸⁴³. Современный историк и философ А. Крейуту пишет о «серьезной цели» Гизо (периода его пребывания лидером Доктринеров), которая заключалась в том, чтобы воспитать средний класс и преобразовать его в реальную политическую силу, сформировать традицию представительного правления⁸⁴⁴.

В целом существование концепции среднего класса Гизо в значительной степени осталось незамеченным профессиональным сообществом. Во многом это связано с тем, что она была представлена не в исследовательской работе, а в мемуарах, которые издавались единожды.

Идеи Гизо относительно среднего класса чаще находят отклик во французских периодических изданиях широкого политического спектра. В консервативной статье «Защита установленного порядка как основание правой мысли», опубликованной во влиятельном политическом ежедневнике «*Liberation*» в марте 2012 года, автор отмечает, что еще Гизо предлагал защиту существующего порядка, с опорой на богатый средний класс⁸⁴⁵. Аналогичная

⁸⁴⁰ См.: Макферсон К. Б. Жизнь и времена либеральной демократии. М., 2011. С. 21.

⁸⁴¹ Там же. С. 22.

⁸⁴² См.: Kaufman P. Middle-Class Social Reproduction: The Activation and Negotiation of Structural Advantages // Sociological Forum. 2005. Vol. 20(2). P. 245–270; Chauvel L. Les Classes moyennes à la dérive. Paris, 2006.

⁸⁴³ Rulmann J. Op. cit.

⁸⁴⁴ Craiutu A. Liberalism under Siege... P. 4.

⁸⁴⁵ Terray E. Op.cit.

идея, только в критическом контексте, присутствует в публикации леволиберального ежедневника «Le Monde» за июль 2010 года⁸⁴⁶.

Франсуа Гизо стал первым социальным мыслителем, обогатившим идею среднего класса анализом его роли в реальном политическом пространстве. Он обратился к этой проблеме как теоретизирующий практик, что не было доступно ни Аристотелю, ни большинству критиков марксизма. Именно по этой причине концепция среднего класса в мемуарах Гизо содержит ряд противоречий относительно социального состава и настоящих устремлений его представителей, а философская семантика понятия неоднозначна. И если традиционно о двусмысленности понимания, различных оттенках значения понятия говорят, имея в виду подходы разных представителей политической философии, то применительно к нашей проблеме можно говорить об этих явлениях в текстах одного Гизо. Артур Лавджой, однако, отмечал, что именно из-за таких двусмысленностей обычное слово получает независимое существование и превращается в действующую силу истории⁸⁴⁷. Зафиксированная мыслителем информация схематизирует действительность, представляя идеализированное видение общественной структуры, реальные элементы которой были далеки от предложенной модели. Думается, такой подход стал возможен вследствие воздействия политического опыта автора, который стремился сгладить общественные противоречия, смешивая интересы правящего слоя с интересами обширного социального блока, что могло оказаться (или казаться) залогом стабильности государственной системы. Отсутствуя в действительности, средний класс являлся в своем идеальном выражении реальным социальным фактором.

3.5. Проблема суверенитета в философии Гизо

Сегодня проблема суверенитета практически исчезла из сочинений политических теоретиков⁸⁴⁸, однако она занимала центральное место в политической мысли посленаполеоновской Франции. Разработка этой темы — одно из наиболее популярных и

⁸⁴⁶ Solé R. Une jeune pousse, née sous Charles X // Le Monde 13/07/2010 (Режим доступа: <http://www.lemonde.fr/cgi-bin/ACHATS/acheter.cgi?offre=A=10>) (30.04.2012)

⁸⁴⁷ См.: Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. М., 2001. С. 10–27.

⁸⁴⁸ См.: Craiutu A. Liberalism under Siege... P. 123.

плодотворных направлений в политической философии XIX столетия. Кузен, Дестют де Траси, Констан и другие авторы журнала «Глоб», целый выпуск которого был посвящен этой проблеме, считали поиск источника суверенитета важнейшей политико-философской задачей своего времени⁸⁴⁹. Ее привлекательность для исследователей соответствовала степени ее актуальности в послереволюционных условиях. Из сферы схоластики она вышла на арену идеологических и политических столкновений⁸⁵⁰, участники которых искали ответа на конкретные вопросы – о причинах затухания революции и гибели наполеоновской империи, о судьбе династии Бурбонов и жизнеспособности Хартии 1814 г.

Причины угасания интереса к проблеме суверенитета сложны и разнообразны. Полвека назад Ж. Маритен в «Человеке и государстве» заметил, что «ни одно понятие не породило так много противоположных точек зрения и не завело правоведов и политических теоретиков XIX в. в столь безнадежный тупик, как понятие суверенитета»⁸⁵¹. Маритен предсказывает исчезновение проблемы суверенитета из политической философии конца XX в. Это произойдет не потому, что оно устарело и не отвечает реалиям, не из-за тупиковых споров, которые оно порождает, но потому, что, будучи рассмотренным в его подлинном значении, а также в перспективе той научной сферы, к которой оно принадлежит, это понятие (как и проблема) в действительности неверное и обречено вводить философов в заблуждение, если они будут продолжать употреблять его, полагая, что это понятие слишком долго и слишком широко использовалось, чтобы его можно было отвергнуть⁸⁵². Проблема суверенитета не имеет решения, поскольку невозможно найти реального суверена, будь то монарх, народ или любой другой субъект. Появление любого реального суверена приведет к тирании, хоть от имени монарха, хоть от имени народа.

Ж. Боден, основоположник современной теории суверенитета, отказывал светской власти в обладании «надмирским» суверенитетом, но признавал, что король является сувереном для своих подданных. У Бодена суверен не является частью народа и политического общества, а превращен в трансцендентное целое, которое есть его суверенная живая личность и посредством которого осуществляется управление другим целым, имманентным целым, или политическим обществом. Когда Боден говорит, что суверенный государь являет собой образ Бога, эту фразу надо понимать во всей ее полноте, и она означает, что суверен – подчиненный

⁸⁴⁹ См.: Федорова М. М. Либерализм первой половины XIX в... С. 48.

⁸⁵⁰ См.: Крашенинникова Ю. А. Указ. соч. С. 164–165.

⁸⁵¹ Маритен Ж. Человек и государство. М., 2000. С. 35.

⁸⁵² См.: там же. С. 36.

Богу, но ответственный только перед Ним, – вне политического целого, так же как Бог вне космоса⁸⁵³.

Понятие «суверенитет» окончательно оформилось в период расцвета абсолютной монархии в Европе. Если в Средние века король был лишь сюзереном сюзеренов, каждый из которых обладал собственными правами и властью, то Новое время дало политической философии теорию божественного права королей. Поскольку народ согласился с основополагающим правом королевской власти и дал королю и его наследникам власть над собой, то он лишился всякого права на самоуправление, и естественное право управлять политическим обществом с тех пор целиком принадлежало только личности короля. Таким образом, король имел право на верховную власть, которая была естественной и неотчуждаемой до такой степени, что свергнутые с престола короли и их наследники сохраняли это право навсегда, совершенно независимо от волеизъявления подданных. Так на прочном фундаменте суверенитета королей родился принцип легитимизма, сыгравший огромную роль в политической философии и государственной жизни посленаполеоновской Франции.

Гоббс писал, что, согласие неразумных существ обусловлено природой, «согласие же людей – соглашением, являющимся чем-то искусственным. Вот почему нет ничего удивительного в том, что, для того чтобы сделать согласие постоянным и длительным, требуется еще кое-что (кроме соглашения), а именно общая власть, держащая людей в страхе и направляющая их действия к общему благу». Тот, кто обладает этой властью, «называется сувереном, и о нем говорят, что он обладает верховной властью, а всякий другой является подданным»⁸⁵⁴.

Понятие «суверенитет» в нарождающуюся демократию ввел Ж.-Ж. Руссо, утверждавший, что Общественный договор дает политическому организму *абсолютную власть* над всеми членами последнего; эта-то власть, управляемая общей волей, называется, как я уже сказал, суверенитетом»⁸⁵⁵.

Обращение к концепции суверенитета Франсуа Гизо не только позволит реконструировать важную часть политической теории этого мыслителя, поможет пролить свет на философские истоки французского умеренного либерализма, продемонстрировать соотношение этой идеологии с демократической традицией, но также даст возможность увидеть сложную рефлексию французского мыслителя относительно статуса проблемы

---

⁸⁵³ См.: там же. С. 37–42.

⁸⁵⁴ Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. С. 68.

⁸⁵⁵ Руссо Ж.-Ж. Общественный договор или Начала политического права // Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения. СПб., 2013. С. 118.

суверенитета в философии и политической практике, т.е. дать ответ на вопрос: как рационалистический принцип работает в области политического?

М.М. Федорова замечает, что Гизо фактически ставит вопрос о том, каким образом возможно примирить науку о политических институтах и праве с реальным политическим действием? Если политика претендует на рациональность собственных оснований, то может ли она одновременно быть необходимой, т.е. детерминированной природой вещей, или она сохраняет определенную долю свободы? В таком случае может ли она претендовать на рациональность и научный характер? Эта антиномия между теоретическим и практическим разумом, обнаруженная в рамках немецкой классической философии, имеет большое значение, и размышления Гизо о суверенитете являются попыткой решения данной задачи⁸⁵⁶.

Гизо обращается к проблеме суверенитета в трех трактатах, написанных при разных политических обстоятельствах и на разных этапах жизни философа. Первый текст, «Политическая философия о суверенитете»⁸⁵⁷, всецело посвящен указанной теме. Гизо так и не закончил это сочинение, оно долгое время оставалось в архивах поместья Валь-Рише, и было впервые издано П. Розанваллоном в 1985 г. О народном суверенитете философ размышляет в работе «О демократии во Франции»⁸⁵⁸, написанной в январе 1849 г., то есть под прямым впечатлением от собственной отставки и событий февральской революции 1848 г. Наиболее взвешенный взгляд на проблему представлен в историко-философском трактате «Три поколения. 1789-1814-1848»⁸⁵⁹, а также в мемуарах⁸⁶⁰.

Многие современные справочные издания по философии не включают определения понятия «суверенитет». Блэквелловская энциклопедия политической мысли предлагает политологическое толкование суверенитета как «власти, которая дает право лицу, наделенному ей, принимать любые решения и урегулировать споры в пределах политической иерархии»⁸⁶¹. Философы хорошо знакомы с определением К. Шмитта, который писал, что «суверенитет есть высшая произвольная власть правителя»⁸⁶², а «суверен стоит вне нормально действующего правопорядка и все же принадлежит ему, ибо он компетентен решать, может ли быть *in toto* приостановлено действие конституции»⁸⁶³. Проблема верховной власти, по определению

⁸⁵⁶ См.: Федорова М. М. Либерализм первой половины XIX в... С. 47–48.

⁸⁵⁷ Гизо Ф. Политическая философия: о суверенитете... С. 507–588.

⁸⁵⁸ Guizot F. De la démocratie en France... 1849.

⁸⁵⁹ Guizot F. Trois générations...

⁸⁶⁰ Guizot F. Mémoires... Vol. 1–8.

⁸⁶¹ The Blackwell Encyclopaedia of Political Thought / by Miller D., Coleman J., Connolly W., Ryan A. (Eds.). Oxford, 1987. P. 492.

⁸⁶² Шмитт К. Указ. соч. С. 16.

⁸⁶³ Там же. С. 17.

Шмитта, всегда есть вопрос о том, кто является сувереном: «Суверенен ли только Бог, т.е. тот, кто в земной действительности действует как его представитель, не встречая прекословия, или император, или владетельный князь, или народ, т.е. те, кто, не встречая прекословия, может отождествить себя с народом, вопрос всегда стоит о субъекте суверенитета, т.е. о применении понятия к конкретному положению»⁸⁶⁴. Во французском интеллектуальном пространстве начала XIX в. существовало несколько интерпретаций основания верховной власти: традиционалистская модель Ж. де Местра и Л. де Бональда; концепция суверенитета народной воли Ж.-Ж. Руссо, развитая Б. Констаном; либеральная теория суверенитета абстрактного права или разума. Позиция Гизо представляла последний вариант, поскольку мыслителя не беспокоила проблема реальности субъекта высшей власти. Гизо отчасти идет за Кузеном, в творчестве которого суверенитет разума – одно из ключевых понятий, к этому же концепту прибегают Дестюд де Траси и Констан.

Как и во многих других вопросах, Гизо начинает рассматривать суверенитет с истории проблемы и обнаруживает историческое существование разных форм этого явления: «В области правления наши отцы видели, как на руинах права сильнейшего поднимается божественное право королей; сами же мы были свидетелями провозглашения суверенитета народа на руинах божественного права королей. Отвергая прежнего господина, люди не утратили надежды наконец получить правителя, который бы не смог лишиться власти и которого бы у них не было ни нужды, ни права свергать»⁸⁶⁵. Гизо уличает традиционалистов и сторонников народной воли в логической незавершенности их концепций: «Когда люди вознамерились обосновать суверенитет королей, они сказали, что короли суть образ Бога на земле. Когда они захотели обосновать суверенитет народа, было объявлено, что глас народа есть глас Божий»⁸⁶⁶.

Признавая Бога единственно суверенным, Гизо фактически лишает суверенитет реальной субъектности. Политическое объяснение этому очевидно: доктринер-центрист руководствовался задачей устранить опасность легитимации тирании как «справа», так и «слева». Он и сам признается, что, «поскольку ни одна власть в этом мире не является и не может быть тем, чем она должна быть, никто не имеет права называть себя сувереном»⁸⁶⁷. Ведь признать какой-либо реальный субъект сувереном означало бы признать его абсолютную власть и непогрешимость, т.е. реифицировать символы. Критикуя теории, овеществляющие

---

⁸⁶⁴ Там же. С. 21–22.

⁸⁶⁵ Гизо Ф. Политическая философия о суверенитете... С. 508.

⁸⁶⁶ Там же. С. 514.

⁸⁶⁷ Там же. С. 517.

суверенитет, Гизо резюмирует: «...следует отрицать существование какого бы ни было суверенитета на земле; либо, если таковой и существует, следует отдать ему должные почести, отказаться от какого бы то ни было сопротивления и покориться»⁸⁶⁸.

Согласно Гизо, никакая абсолютная власть не может быть легитимной, поскольку потенциально она не исключает произвол, следовательно, на земле вовсе не существует ни суверенитета, ни суверена⁸⁶⁹. Ни народ (и отдельные его представители), ни монарх не могут претендовать на высшую непроизвольную власть правителя и существовать вне нормально действующего правопорядка. Если человек по природе своей несовершенен и подвержен заблуждению, то никакая непогрешимая и совершенная власть, никакая власть, наделенная истинным *суверенитетом по праву*, не может ни оказаться в руках человека, ни происходить из недр человеческого общества. Однако, согласно Гизо, этот факт не захотели признавать ни народы, ни их правители: одни бесконечно искали надежной защиты абсолютно легитимной власти, другие стремились добиться суверенитета по праву, а вместе с ним и беспредельной, ни от кого не зависящей легитимности⁸⁷⁰.

Таким образом, Гизо подвергает сомнению принципиально важный атрибут *человеческого* (мнимого) суверенитета – его абсолютность и идет в этом вопросе вслед за Б. Констаном, который утверждал, что «вместе со словом абсолютный ни свобода, ни (...) спокойствие, ни счастье невозможны ни при каких институтах»⁸⁷¹. По мнению Констан, «никакая власть на земле не является безграничной – ни власть народа, ни власть людей, называющих себя его представителями, ни власть королей, под каким бы именем они ни правили, ни власть закона, который, в зависимости от формы правления являясь лишь выражением воли народа или государя, должен быть вписан в те же границы, что и власть, из которой он истекает»⁸⁷².

Но что такое Бог-суверен в понимании Гизо? Мыслитель выводит проблему единого суверенитета в сферу чистой абстракции и утверждает, что единственно легитимным по природе своей является разум, истина, справедливость, или, «выражаясь языком, более подобающим философии, это незыблемое Бытие, основными законами которого являются разум, истина, справедливость»⁸⁷³. При этом Гизо утверждает, что данные категории отчасти постижимы для человека: «... если бы человек не мог постичь истину, он бы никогда не знал,

---

⁸⁶⁸ Там же. С. 526.

⁸⁶⁹ См.: там же. С. 517.

⁸⁷⁰ См.: там же. С. 515.

⁸⁷¹ Констан Б. Принципы политики, пригодные для всякого правления... С. 32.

⁸⁷² Там же. С. 33.

⁸⁷³ Гизо Ф. Политическая философия о суверенитете... С. 509.

что способен заблуждаться, и одна только идея ошибки свидетельствует, что человек призван познать истину»⁸⁷⁴. Гизо развивает идею Ж. Неккера, который утверждал, что «истинный суверенитет принадлежит только вечному разуму и правосудию» и следует за Кузеном, полагавшем, что разум трансцендентен человеку и не доступен ему в полной мере⁸⁷⁵. М.М. Федорова замечает, что Гизо, в отличие от Кузена, строит свою концепцию суверенитета разума, отталкиваясь не от метафизики, а от политики⁸⁷⁶.

Гизо считает, что «божественное право» королей и «суверенитет народа» по сути своей базируются на более и менее очевидной насильственной узурпации власти, потому что ни монарх, ни народ в целом не тождественны разуму и не могут обладать суверенитетом. Просветители XVIII столетия, воспевавшие культ разума, изменили лишь источник суверенитета, но не отказались от принципа некой абсолютной власти. Для Руссо суверен непогрешим, поэтому решение, принятое обществом в результате обсуждения, способного обязать всех подданных перед сувереном, «не может обязывать суверена в отношении себя и, следовательно, противно природе общественного организма положение, когда суверен вменяет себе в обязанность подчиняться закону, который он не в состоянии нарушить»⁸⁷⁷.

Суверен Руссо реален, един, но образован из множества частных лиц, его составляющих, поэтому «он не имеет и не может иметь соображений выгоды, противоречащих их выгоде, и, следовательно, суверенная власть вовсе не нуждается ни в какой поруке в отношениях с подданными, потому что невозможно, чтобы организм пожелал нанести вред всем своим частям...»⁸⁷⁸ Гизо возмущен с какой легкостью Руссо, не знавший, конечно, темных времен Французской революции, наделяет народный суверенитет «непогрешимостью, единственно способной его легитимизировать»⁸⁷⁹. Великий женевец не отказывает суверену в абсолютности и реальности: «Суверен только по тому одному, что существует, всегда является тем, чем он и должен быть»⁸⁸⁰. Читая эти строки, Гизо восклицает: «Какая удивительная робость человеческой мысли даже во времена великой отваги! Руссо не осмелился нанести последний удар гордости человека и сказать, что (...) никто в этом мире (...) не имеет права называть себя сувереном»⁸⁸¹.

---

⁸⁷⁴ Там же. С. 510.

⁸⁷⁵ См.: Craiutu A. *Liberalism under Siege*... P. 128.

⁸⁷⁶ См.: Федорова М. М. *Либерализм первой половины XIX в.*... С. 48.

⁸⁷⁷ Руссо Ж.-Ж. *Указ. соч.* С. 129.

⁸⁷⁸ Там же. С. 130.

⁸⁷⁹ Гизо Ф. *Политическая философия*... С. 516.

⁸⁸⁰ Руссо Ж.-Ж. *Указ. соч.* С. 130.

⁸⁸¹ Гизо Ф. *Политическая философия*... С. 517.

Гизо призывает отказаться от бесконечного поиска суверена на земле, поскольку любой такой суверен окажется тираном. Однако мыслитель считает, что человек испытывает постоянную, повсеместную, абсолютную потребность во власти: «Это потребность в действительно существующей окончательной власти, которая, будь то в самой общей форме или в каком-то отдельном случае, выносит окончательное решение и требует послушания»⁸⁸². То есть должны существовать законы, обязательные для выполнения, суждения, выносящие окончательное решение. Когда мы говорим о делах человеческих, реальных, тогда поиски истины должны иметь цель, сопротивление – предел, а воля – непререкаемого властителя. По мнению Гизо, того требуют условия существования человека, кратковременность его жизни и неотлагательность нужд.

Обеспечить суверенность разума и избежать тирании, по мнению Гизо, может представительное правление, позволяющее постоянно обновлять власть и не прекращать поиск суверена. Такое правление не закоснеет, но всегда перестраивается под общественную жизнь и политические обстоятельства: государственный курс может меняться без (контр)революционных потрясений, а посредством выборов. Представительство постоянно доказывает собственную легитимность, восприимчиво к изменениям и отражает запрос времени. М.М. Федорова замечает, что такой подход к проблеме суверенитета оставляет вопрос о легитимности власти открытым; человек подчиняется власти, легитимность которой носит только возможный характер, а задача власти в постоянном подтверждении легитимности⁸⁸³.

Через проблему суверенитета Гизо переходит к принципу разделения властей. Фактический суверенитет, существующий где бы то ни было, подлежит разделению, чтобы предотвратить узурпацию власти и подвести людей под господство «единственно легитимного суверена» (разума, истины, справедливости). Фактический суверенитет должен быть плодом усилия, «результатом сближения и столкновения властей независимых, равных и способных принудить друг друга к совместным поискам истины, дабы объединиться лишь в лоне ее»⁸⁸⁴. В отличие от Монтескье⁸⁸⁵ Гизо сосредотачивает внимание не на равновесии и балансе властей, называя такую идиллию «пустым словом» и «химерой», но на их борьбе и труде. Мудрое управление этой борьбой с целью слияния властей «в лоне подлинного единства» – трудная

---

⁸⁸² Там же. С. 512.

⁸⁸³ См.: Федорова М. М. Либерализм первой половины XIX в... С. 49.

⁸⁸⁴ Там же. С. 537.

⁸⁸⁵ См.: Монтескье Ш. Л. Дух законов... Т. 1. С. 280.

задача, опасность которой заключается в возможности обретения чрезмерного превосходства одной из властей⁸⁸⁶.

Признав взаимное ограничение властей в рамках реального суверенитета, Гизо подвергает сомнению второй важный атрибут человеческого суверенитета – единство. И вновь мыслитель солидарен с Констаном, убежденным, что «до тех пор, пока суверенитет не ограничен, нет никакого средства дать индивидам защиту от правления»⁸⁸⁷.

Признавая существование народного суверенитета, Констан призывал к его ограничению и считал, что философы, наделившие суверенитет народа безграничной властью, сильно заблуждались⁸⁸⁸. Тем не менее, Констан, следуя в целом за Монтескье, считал, что власть небольшой группы наиболее подготовленных людей, санкционированная согласием всех, может превратиться в общую волю. То есть всеобщее избирательное право является достаточным фильтром для реализации народного суверенитета в политике и позволяет достичь высшей легитимности власти.

С подобным заключением Гизо не мог согласиться. Примыкание к численному большинству не является лучшей формой легитимности. Гизо считает, что политические теоретики сами ставили себя в тупик, когда пытались раз и навсегда сделать выбор между всеобщим избирательным правом и его отсутствием: «Одни полностью исключали избирательное право, хотя вовсе не стремились к разрушению свободы. Другие утверждали всеобщее избирательное право, хотя были вынуждены на каждом шагу опровергать самих себя»⁸⁸⁹. Ошибка этого подхода состоит в том, что его авторы полагали, будто численное большинство всегда является – либо не является никогда – наилучшим доказательством легитимности власти. По мнению Гизо, все это условно и зависит от различных состояний, в которых пребывают человек и общество⁸⁹⁰. Он считает, что широта применения права на волеизъявление должна беспрестанно варьироваться, «поскольку это право принадлежит на законных основаниях лишь способности»⁸⁹¹. То есть корпус избирателей расширяется в соответствии с увеличением количества образованных и состоявшихся людей, в терминологии Гизо – среднего класса.

Гизо считал, что суверенитет народа ведет к самым трагичным последствиям, таким как якобинский террор. Многие современники французского мыслителя понимали и принимали

---

⁸⁸⁶ См.: там же. С. 539.

⁸⁸⁷ Констан Б. Указ. соч. С. 32.

⁸⁸⁸ См.: Констан Б. Указ. соч. С. 28.

⁸⁸⁹ Гизо Ф. Политическая философия о суверенитете... С. 578.

⁸⁹⁰ См.: там же. С. 579.

⁸⁹¹ Там же. С. 584.

логику подобных умозаключений. Если Констан, принимая народный суверенитет как принцип, сосредоточен на определении границ народовластия, то Гизо обрушивает критику на идею непогрешимости народного суверенитета, восходящую к работам Руссо⁸⁹². Доктринер не понимает каким образом происходит переход от принципа свободы народа к идее его непогрешимости. Если из свободы человека не выводится его непогрешимость, то почему свобода людей – неизбежная причина народного суверенитета? Если отвергать нечто как абсурдное по отношению к индивиду, то почему это нечто, признанное за всем обществом, перестает быть абсурдным? М.М. Федорова замечает, что Гизо ставит проблему легитимности власти в прямую зависимость от ее подчинения разуму: всякая власть несовершенна, пока сохраняется зазор между нею и разумом. Таким образом, суверенитет не является ни целью, ни средством политики, и любое политическое действие должно постоянно соотноситься с разумом⁸⁹³.

В реальной политике теория суверенитета Гизо означала отказ от расширения избирательного корпуса, чтобы исключить из политической жизни неподготовленные для этого слои населения, не обладавшие имуществом и должным образованием. Гизо, как и все орлеанисты, считает, что народный суверенитет недопустим, поскольку на практике он сводится к «суверенитету городской площади», т.е. анархии. Такой суверенитет основывается на простой силе и является формой самой абсолютной власти. Для него нет ни правил, ни пределов, ни конституции, ни законов, ни добра, ни зла, на прошлого, ни будущего. Наставник и союзник Гизо Руайе-Коллар говорил: «Претензии самой капризной и сумасбродной тирании не идут так далеко, как претензии народного суверенитета, потому что никакая тирания не свободна до такой степени от ответственности»⁸⁹⁴. Коллективный субъект – самый беспринципный и безответственный политик, который с легкостью может привести к власти тирана. Монархия Наполеона тому пример.

М.М. Федорова справедливо отмечает, что представительство у Гизо сводится к идее о том, что в политической сфере должен оказаться представлен разум, соответственно, миссия такого представительства возлагается на интеллектуальную элиту, наиболее подготовленную к управлению государством⁸⁹⁵.

Критичное отношение к народной демократии было общим местом в идеологии доктринеров и восходило к опыту Французской революции. Гизо и его единомышленники во время философских дискуссий и парламентских дебатов неоднократно обращались к темным

⁸⁹² См.: Федорова М. М. Либерализм первой половины XIX в... С. 48.

⁸⁹³ См.: там же.

⁸⁹⁴ Цит. по: Бутенко В. А. Указ. соч. С. 336.

⁸⁹⁵ См.: Федорова М. М. Либерализм первой половины XIX в... С. 52.

временам революции для критики демократических идей. Они считали якобинский террор прямым политическим следствием реализации принципа народного суверенитета, который трансформировался в новую форму деспотизма. Падение Старого порядка доказало ошибочность и незаконность божественного права королей, а террор поставил под сомнение народный суверенитет. Оппоненты часто упрекали Гизо в предсказуемости его антидемократических аргументов, на что он отвечал вопросом: «Сколько раз должен повториться 1793 г., чтобы вы поняли несостоятельность народного суверенитета?»⁸⁹⁶ Все предосторожности против неограниченной власти будут бесполезны, если суверенитет не будет разделен.

По мнению Гизо, не народный или монархический суверенитет должен управлять обществом, а суверенитет неподвижный и бессмертный, суверенитет разума, «единственный истинный законодатель человечества». Через год после вынужденной отставки Гизо написал: «Демократическое идолопоклонство» (*l'idolâtrie démocratique*) является «величайшим из возможных зол, которое разъедает и разрушает правительства и свободы, человеческое достоинство и счастье [граждан]»⁸⁹⁷. Четырнадцать лет спустя философ нашел более сдержанные формулировки и признал определенную роль демократии, которую она смогла получить «только при помощи королевской власти»⁸⁹⁸. Мыслитель признал, что «демократия имеет большие права и значительную роль в современном мире, бóльшие, чем в любую другую эпоху, по крайней мере в крупных государствах»⁸⁹⁹. Однако эта политическая форма имеет мало общего с народным суверенитетом и по-прежнему не является единственно возможной, а тем более лучшей. Демократия как «сок, который течет от корней деревьев к ветвям, но она не является самим деревом с его цветами и плодами. Она – ветер, который наполняет паруса и гонит корабли вперед, но она не является ни солнцем, которое освещает дорогу, ни компасом, который их направляет. У демократии есть дух прогресса, но нет дара сохранения и предусмотрительности. Она легко возбуждается и щедра на слова о перспективах свободы, но в своем опьянении она быстро отдается шарлатанам, которые ей льстят, после чего она тиранически раздражается против свобод, которые ей не нравятся. Она возбуждается слишком легко, а сопротивляется слишком слабо. Ей легче разрушать, а не сохранять»⁹⁰⁰. Демократия лжива, потому что расточает несбыточные обещания всеобщего счастья и благоденствия.

⁸⁹⁶ См.: Craiutu A. *Liberalism under Siege*... P. 126.

⁸⁹⁷ Guizot F. *De la démocratie en France*... P. 2.

⁸⁹⁸ См.: Guizot F. *Trois generations*... P. 20–21.

⁸⁹⁹ Ibid. P. 210.

⁹⁰⁰ Ibid. P. 211–212.

Демократия безнравственна, поскольку апеллирует к правам самой темной части общества⁹⁰¹. Временный успех демократии Гизо отнес к «фатальным ошибкам цивилизации»⁹⁰², гибельным для человечества⁹⁰³.

Гизо говорит о постепенной подмене смысла понятия *демократия*. С течением времени под демократией начинают понимать равные возможности, в том числе для участия во власти, но не прямое народовластие. Политическая свобода свойственна не только демократии. Что мешало гражданину [во времена орлеанизма] предпринять усилия для преодоления имущественного и образовательного ценза, ведь «никаких аристократических привилегий не существовало», «все карьеры были открыты», «налоги распространялись на всех, а индивидуальные свободы были гарантированы каждому»? Орлеанизм (либеральный консерватизм) не обещал всеобщего равенства, но нет его и при «демократии»⁹⁰⁴, которая в процессе своего развития уходит от реализации принципа народного суверенитета.

До Гизо суверенитет рассматривали как нечто, присущее какой-либо форме правления. В частности, Руссо, идеализируя «естественное состояние», предполагал, что в этом состоянии каждый был сувереном самого себя, а человеческий род не был поделен «на стада скота, каждое из которых имеет вожака, оберегающего свое стадо для того, чтобы затем его сожрать»⁹⁰⁵. Отсутствие сконцентрированного в одних руках суверенитета подтолкнуло великого женеваца рассматривать первобытное общество в качестве образца свободы и счастья. Гизо полагает, что, если не существовало суверена, который бы управлял всеми, то таким сувереном был любой: «Причем он был сувереном не только по отношению к самому себе, но и против всех остальных, со всей неизбывностью грубой силы и всеми капризами ничем не сдерживаемой воли»⁹⁰⁶.

Согласно Гизо, формы правления существуют отдельно от суверенитета, поскольку они имеют отношение к человеческой жизни, а суверенитет – категория, принадлежащая вечности. Правление и суверенитет иногда смешивали, а иногда разделяли, но всегда забывали о природе суверенитета, и, забирая его у правления, им наделяли разнообразные власти или некие силы, которые не имеют на то никакого права⁹⁰⁷.

---

⁹⁰¹ См.: Ibid. P. 212.

⁹⁰² См.: Ibid. 21.

⁹⁰³ См.: Ibid. P. 24.

⁹⁰⁴ См.: Ibid. P. 208–209.

⁹⁰⁵ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 118.

⁹⁰⁶ Гизо Ф. Политическая философия о суверенитете... С. 518.

⁹⁰⁷ См.: там же. С. 517.

Анализируя ретроспективу соотношения суверенитета и власти, Гизо замечает, что в первых политических сообществах суверенитет и правление воспринимались как нечто единое, и выражалось это в праве сильного, которое царило единолично на протяжении многих столетий. Тот, кто был слаб, оказывался вне общества. Однако и суверенитет не был нигде сосредоточен, никакая общественная власть не была им обличена, но каждый индивид обладал им в одиночку в своей собственной сфере существования. Изоляция и независимость индивидов порождали суверенитет сильных, которые стали распространять свое право настолько далеко, насколько позволяла их сила⁹⁰⁸. Отсутствие единого и сконцентрированного в одних руках суверенитета подтолкнуло Руссо, а вслед за ним всю либерально-демократическую традицию к рассмотрению первоначального этапа развития общества в качестве образца счастья и свободы. Критикуя либеральную демократию сторонников Руссо, Гизо говорит, что все это течение оплакивало первоначальную независимость человека, забывая при этом, что, если не существовало единого суверена, то сувереном мог быть любой⁹⁰⁹.

Либеральный консерватизм Гизо отдает предпочтение суверенитету, который, концентрируясь, набирал силу и был «менее абсурдным и менее тягостным» и, в конечном счете, начал смешиваться с правлением, за счет постоянного обновления через выборы представительства. Философ убежден, что правление не является ни продуктом силы, ни итогом соглашения, а общественный договор, связывающий людей с законами справедливости и истины, не является результатом творчества человека, равно как и сами эти законы: «Это божественный договор, в который рукой Всевышнего вписаны правила всех человеческих взаимоотношений, он устанавливает взаимные обязательства между правлением и обществом именно в силу того, что является высшим по отношению к ним обоим», поэтому человек не властен разорвать этот договор или безнаказанно забыть о его существовании на долгое время⁹¹⁰.

Гизо не предпринимает попытку создать собственную классификацию форм правления, на что были направлены усилия многих политических философов. Более того, он полагает, что любое подобное построение произвольно и обманчиво, поскольку основывается на неких чертах и отличиях, которые искали то в формах правления, то в некоторых его проявлениях. Таким способом получали монархию, аристократию, демократию: «...все эти названия не только вскрывают принцип, сколько отражают факты, они заимствованы из внешней формы

---

⁹⁰⁸ См.: там же. С. 518.

⁹⁰⁹ См.: там же.

⁹¹⁰ См.: там же. С. 525.

правления, и не затрагивают его внутренней природы и его законов»⁹¹¹. Многие философы, в частности Монтескьё, решали задачу форм правления чисто теоретическим путем. В отличие от предшественников Гизо мыслит исторически. Если для Монтескьё существуют принципы монархии, деспотизма, республики, обнаруживающиеся в различные периоды и в различных странах, то для Гизо существуют только конкретные исторические обстоятельства, конструирующие те или иные политические формы, лишь внешне схожие.

Философская проблема суверенитета тесно связана с принципом легитимизма, поскольку определение природы суверена позволяет найти источник легитимности власти, а «легитимная власть всегда была целью человека»⁹¹². Многие биографы записывают молодого Гизо в лагерь сторонников концепции Ш.М. Талейрана и Ф.Р. Шатобриана, которые утверждали, что легитимность королевской власти представляет «защитный оплот для народов», почему она и «должна быть священна». Если Талейран говорит о легитимности власти вообще, независимо от формы правления («При легитимной власти, будет ли она монархической или республиканской, наследственной или выборной, аристократической или демократической, самое ее существование, форма и способ действия укреплены и освещены долгой чередой лет»⁹¹³), то Шатобриан рассуждает лишь о легитимности монархии в целом и французской монархии в частности⁹¹⁴.

Действительно, Гизо поддержал идею реставрации династии Бурбонов в 1814 г., однако его концепция легитимизма, став важной частью политической теории, существенно отличалась от построений предшественников. Во-первых, она была связана с проблемой суверенитета: поскольку никакая человеческая власть по природе не может обладать всей полнотой суверенитета, то никакая власть равным образом не может претендовать и на неотчуждаемость, т.е. она «не может утверждать, что в любом случае ее падение не будет легитимным...»⁹¹⁵ Таким образом, наиболее легитимной является отчуждаемая посредством выборов власть представительного правления. Гизо убежден, что следует защищать право власти, но право не ее действий, а ее происхождения⁹¹⁶. Признавая существование «легитимных и необходимых» революций и войн, Гизо все же считал их исключениями из правила и призывал парламент (в январе 1848 г.) «ограничивать их насколько это возможно»⁹¹⁷.

---

⁹¹¹ Там же.

⁹¹² Там же. С. 512.

⁹¹³ Талейран Ш. М. Мемуары. М., 1959. С. 295.

⁹¹⁴ См.: Шатобриан Ф. Р. Бонапарте и Бурбоны. СПб., 1814. С. 6–8.

⁹¹⁵ Гизо Ф. Политическая философия о суверенитете... С. 540.

⁹¹⁶ См.: там же.

⁹¹⁷ Guizot F. L'Histoire parlementaire de la France. Vol. 1–5. Paris, 1863–1864. Vol. 5. P. 539.

Во-вторых, концепция Гизо предполагает потенциальную легитимность любой государственной системы, а не только монархии, при которой политическая легитимность предстает в специфической и более очевидной форме. Однако принцип, лежащий в ее основе, и его следствия встречаются во всех обществах, во всех системах правления: «Повсюду эта черта где-либо да присутствует, связанная с каким-либо институтом». В монархии она закреплена за престолом короля, в республике – за конституцией⁹¹⁸. Сама природа человека вызвала к жизни принцип легитимизма, который пронизывает все правления, но лишь наилучшие из них сохраняют легитимность и в современном обществе это происходит при голосовании⁹¹⁹.

Вслед за Локком («Размышления о славной революции 1688») Гизо признает право на восстание: «Будь то старая или новая тирания и каковы бы ни были противники, под чьими ударами она пала, ее крах был столь же легитимен, сколь и их сопротивление, ибо сопротивление, как и власть, черпает свое право в своей моральной легитимности...»⁹²⁰ Однако в позиции Гизо отчетливо прослеживаются рефлексия по поводу событий Французской революции и антидемократизм. Во-первых, он напоминает, что сопротивление связано с незаконными действиями, и случаи, когда оно представляется необходимым, «достаточно редки и достойны сожаления»⁹²¹. Во-вторых, он считает, что это право не может быть раз и навсегда узурпировано ни одной волей, в том числе народной: «Если действительно будет доказано – а пока что это не так, – что сила, вершащая судьбы государств, заключена в народе, т.е. в большинстве, народ не получит от этого никакого права восставать против своего правительства и изменять его в соответствии с капризами собственной воли»⁹²².

Гизо, за столетие до Маритена, считал, что в сфере политики понятие «суверенитет» не может использоваться адекватно. Потому что, в конечном счете, ни одна земная власть не есть образ Бога (разума) и не является представителем Бога. Суверенитетом не может обладать ни монарх, ни народ. Гизо подверг сомнению важнейшие атрибуты реального (человеческого) суверенитета – его абсолютность, единство и непогрешимость. Идея о том, что источник легитимности власти находится вне реального мира, а сама верховная власть не имеет политической природы, восходит к работам Ж. Бодена. На ней строится традиционное представление о монархе как выразителе абсолютной власти Бога на земле. В некотором смысле Гизо приближается к первоначальной концепции суверенитета. Однако Гизо разделял принцип просвещенческого рационализма, но предложенная доктринером концепция

⁹¹⁸ См.: Гизо Ф. Политическая философия о суверенитете... С. 541–542.

⁹¹⁹ См.: там же. С. 545.

⁹²⁰ Там же. С. 541.

⁹²¹ Там же. С. 548.

⁹²² Там же.

суверенности Разума была органично вплетена в интеллектуальную культуру посленаполеоновской Франции и демонстрировала дистанцию между Просвещением и политической философией XIX столетия. Гизо ставит проблему легитимности власти в прямую зависимость от ее подчинения разуму: всякая власть несовершенна, пока сохраняется зазор между нею и разумом. Таким образом, суверенитет не является ни целью, ни средством политики, и любое политическое действие должно постоянно соотноситься с разумом.

Глава 4. Истоки политической философии Токвиля

4.1. Истоки мировоззрения Токвиля

Алексис Шарль Анри Морис Клерель де Токвиль родился 29 июля 1805 г. в Париже, но был крещен и зарегистрирован в церкви замка Верней⁹²³. История рода Клерелей отражена в письменных источниках XII в., в 1661 г. семейство завладевает фьефом Токвиль и принимает это имя⁹²⁴. Старинный дворянский род постоянно возвышался благодаря продуманной брачной политике: двоюродный дед Алексиса сочетался браком с графиней из рода Фодо (Faudoas); его собственный дед Бернар-Бонавентур, «рыцарь Токвиль», сочетается браком с Катрин де Дама-Крю, из старинной семьи Форез (Forez), в жилах которой текла кровь Святого Людовика и Чезаре Борджиа. Специалисты по генеалогии называют фамилию Токвиль в числе наиболее знатных в королевстве⁹²⁵.

Эрве Клерель де Токвиль, отец будущего философа, как и многие молодые дворяне, увлекался идеями просветителей и встретил Революцию с определенной симпатией. Когда же в Брюсселе начали формировать первые полки эмигрантов, он был внесен в список мушкетеров, подчинился семейному давлению и вступил в ряды «конституционной охраны Людовика XVI»⁹²⁶. Незадолго до казни короля в январе 1793 г., Эрве Токвиль в возрасте двадцати лет вступает в брак со своей ровесницей Луизой де Розамбо, дочерью маркиза Розамбо, внучкой Мальзерба, бывшего министра короля. По материнский линии Токвиль также породнился с Шатобрианом, племянники которого воспитывались вместе с Алексисом. Особенной опасности семейство подверглось после казни 24 апреля 1794 г. своего знаменитого родственника Мальзерба, выступавшего защитником короля перед революционным трибуналом. На молодую семью распространилось действие закона «О подозрительных», и супруги были арестованы. С этого момента и до 9 термидора Токвили ежедневно ждали вызова в трибунал и казни. В этот период Эрве де Токвиль окончательно порвал с философией просвещения, революционными

---

⁹²³ То обстоятельство, что Токвиль родился в Париже, а крещен был в Верней, ввело в заблуждение некоторых биографов мыслителя и порой можно встретить начало жизнеописания Токвиля с его рождения в замке Верней (См., например: Исаев С. А. Указ. соч. С. 9.).

⁹²⁴ См.: Jardin A. Alexis de Tocqueville... P. 9.

⁹²⁵ См.: Ibid. P. 9–10.

⁹²⁶ См.: Ibid. P. 11.

иллюзиями, идеологически примкнул к легитимистам и стал их последовательным сторонником⁹²⁷.

Во времена Империи Эрве Токвиль служил префектом Меца, а семейство смогло вернуться в родовой замок. В эти же годы родились три его сына: Ипполит, Эдуард и Алексис. Отец в семейном кругу не скрывал свои легитимистские убеждения, но не афишировал их публично. Он имел склонности к историческим штудиям и даже написал «Философскую историю царствования Людовика XV» (*Histoire philosophique du règne de Louis XV*), главы из которой зачитывал вслух перед семьей и ближайшими друзьями⁹²⁸ и «Общий взгляд на царствование Людовика XVI» (*Coup d'oeil sur le règne de Louis XVI*). Луизе Токвиль поддерживала легитимистские убеждения своего мужа и воспитывала детей в соответствующем духе. Алексис вспоминал как мать пела ему с братьями арию о гражданских смутах и трагической гибели короля Людовика XVI⁹²⁹.

Отец не оказал на Токвиля заметного влияния, за исключением привития вкуса к «хрустальной чистоте» литературного стиля и принципа, согласно которому форма в литературном произведении должна быть строго подчинена идее, а идея должна опираться на социальную реальность⁹³⁰. Впоследствии Алексис никогда не упоминал и не ссылался на сочинения отца, даже при работе над «Старым порядком». И.О. Дементьев находит объяснение этому «Эдипову комплексу» в историографии в различии между двумя типами истории, представителями которых выступали Токвили: «Отец в своих трудах предъявил пример старой нарративной истории, сын известен как основоположник истории аналитической...»⁹³¹

Падение Империи и реставрацию Бурбонов Токвили восприняли не как национальную трагедию Франции, но как избавление от деспотизма Наполеона⁹³². Эрве Токвиль, как верный сторонник старой династии, занимал различные государственные посты, а в 1827 г. стал пэром Франции. Он был изгнан из палаты в 1830 г., когда началась Июльская революция. Алексис признавал дарования и гений Наполеона, но не соперничал ему главным образом по причине резкого неприятия той формы правления, которую навязал император Франции и последствий этой формы для развития свободы и гражданского общества: «Я хочу представить силу этого ума, почти божественного, грубо употребленного на подавление человеческой свободы, – эту искусную и совершенную организацию силы, так что лишь величайший гений самого

⁹²⁷ См.: Ibid. P. 14.

⁹²⁸ См.: Исаев С. А. Указ. соч. С. 9.

⁹²⁹ См.: Дементьев И. О. Политическая теория Алексиса де Токвиля... С. 101.

⁹³⁰ См.: Jardin A. Alexis de Tocqueville... P. 56.

⁹³¹ Дементьев И. О. Политическая теория Алексиса де Токвиля... С. 102.

⁹³² См.: Gargan E. T. De Tocqueville... P. 18.

просвещенного и цивилизованного века один мог вместить ее, – и под тяжестью этой удивительной машины подавленное и угнетенное общество, ставшее бесплодным»⁹³³.

Таким образом, с детских лет Токвиль был свидетелем романтизированного, ностальгического отношения к Старому порядку и не мог впитать в семье доброжелательное отношение к Революции или наполеоновской Империи. Поэтому вплоть до революции 1830 г. Алексис считал себя легитимистом и не только потому, что «не видел серьезных оснований рвать с семейной традицией»⁹³⁴, но потому, что сам искренне сопереживал «законной династии» вплоть до ее падения⁹³⁵.

Если семейное влияние было легитимистско-традиционалистским, то круг чтения Токвиля главным образом состоял из сочинений просветителей XVIII в., с которыми он мог познакомиться в отцовской же библиотеке в 1821-1823 гг., обучаясь в лицее города Мец. Античные авторы, Декарт, Паскаль, Монтескьё, Вольтер, Руссо, Мабли были хорошо известны Токвилю уже в юном возрасте. Под влиянием этих работ Алексис воспринимал Средние века, традиционалистскую философию и романтизм в целом с рационалистической прохладой. Более того, известно, что Токвиль в 1828-1829 гг. написал серию очерков по истории Англии, но сжег их, обнаружив на их страницах проявление ненависти к Средним векам⁹³⁶.

Аббат Лезюе, янсенист, наставник Токвиля, прививал своему подопечному интерес к французским моралистам XVII в. – Паскалю, Ларошфуко. Из отцов церкви Токвиль читает только Августина. Влияние наставника во многом определило экзистенциальный пессимизм Токвиля в отношении «испорченной» природы человека, а также скептицизм по поводу свободы выбора человеком своих убеждений и поступков⁹³⁷. О значении аббата в жизни Токвиля свидетельствует и то, что получив известие о смерти наставника 9 сентября 1831 г., находясь в Америке, Токвиль был выбит из колеи почти на неделю: в его записных книжках под этими числами нет ничего, он пишет только письма друзьям и родным, вспоминая покойного⁹³⁸. Однако Токвиль был склонен к религиозному скептицизму и сомнениям, которые он открывает своему кузену Луи де Керголе. Письмо Токвиля не сохранилось, но А. Жарден приводит ответ Керголе, в котором кузен в духе янсенизма предлагаем верить Господу, а не «глупым людям»⁹³⁹. Тем не менее, некоторые исследователи считают, что религиозность

⁹³³ Цит. по: Эйхталь Е. Указ. соч. С. 5.

⁹³⁴ Исаев С.А. Указ. соч. С. 10.

⁹³⁵ См.: Токвиль А. Воспоминания... С. 73.

⁹³⁶ См.: Исаев С. А. Указ. соч. С. 10.

⁹³⁷ Jardin A. Alexis de Tocqueville... P. 44.

⁹³⁸ См.: Исаев С. А. Указ. соч. С. 19.

⁹³⁹ См.: Ibid. P. 64.

лежала в основе мировоззрения Токвиля: «Токвиль по рождению принадлежал к Римской Католической церкви, что во многом предопределяло его взгляды на общечеловеческие проблемы, его метод разрешения философских и, шире, мировоззренческих проблем»⁹⁴⁰.

Круг чтения Токвиля необычайно широк: в одно и то же время Алексис может читать до десятка книг, но отдает предпочтение политическим трактатам и мемуарам. Он увлеченно изучает и конспектирует «Историю Флоренции» и «Государя» Макиавелли, Сен-Эвремона, кардинала де Реца⁹⁴¹. Однако Токвиль довольно скептически отзывается об Аристотеле, находя его слишком «слишком античным» и «малопригодным» в современных условиях⁹⁴². Наиболее значимые, по собственному признанию Токвиля, философы – Паскаль, Монтескьё и Руссо.

Токвиль много читал и конспектировал работы Монтескьё. Об этом могут свидетельствовать не только цитаты на страницах «Демократии в Америке» и рассуждения без ссылок на страницы трактатов предшественника, но и стиль письма. Большое влияние на Токвиля оказывает метод Монтескьё. В истории он заключается в стремлении определить привычки и нравы общества, в политической науке – попытки установить связь и преемственность между тиранией и демократией, а также условия для реализации принципа разделения властей. Однако Монтескьё не становится для Токвиля идолом театра или неприкосновенной коровой. Токвиль без колебаний отвергает доводы своего предшественника, с которыми он не согласен, критикует и анализирует. Например, в «Демократии в Америке» Токвиль сетует: «Монтескьё, признавая за деспотизмом особую, лишь ему присущую силу, оказывал ему, как мне думается, незаслуженную честь. Деспотизм сам по себе не может быть прочной основой общества. Всмотревшись повнимательнее, начинаешь понимать, что абсолютистские правительства процветали столь продолжительное время благодаря религии, а не страху»⁹⁴³. Также Токвиль отвергает географический детерминизм при объяснении исторических процессов.

Влияние Руссо на Токвиля менее очевидно. Прямое упоминание великого женеваца есть только в «Старом порядке» при анализе роли литераторов во Франции XVIII столетия⁹⁴⁴. Исследователи отмечают, что Руссо оказал на Токвиля прежде всего стилистическое влияние и приводят в доказательство вторую главу «Демократии в Америке»⁹⁴⁵. В остальном влияние Руссо заключается в том, что Токвиль отмежевывался от демократической доктрины великого

⁹⁴⁰ Дементьев И. О. Политическая теория Алексиса де Токвиля... С. 127.

⁹⁴¹ См.: Токвиль А. Воспоминания... С. 91.

⁹⁴² См.: Tocqueville A. Oeuvres et correspondance inédits... Vol. 2. P. 63.

⁹⁴³ Токвиль А. Демократия в Америке... С. 88.

⁹⁴⁴ Токвиль А. Старый порядок... С. 64.

⁹⁴⁵ Дементьев И. О. Политическая теория Алексиса де Токвиля... С. 107.

женевца. Токвиль читает Руссо через призму травматического революционного опыта⁹⁴⁶ и видит в призывах просветителя интеллектуальную провокацию и недальновидность, достойную критики.

Благодаря Клоду Лефору известно, что Токвиль ценил установки интеллектуального движения физиократов⁹⁴⁷ и пытался реинтегрировать их наследие в корпус великой французской философии XVIII в.⁹⁴⁸ Несмотря на «незаметность» на фоне писателей-философов, по произведениям физиократов, по мнению Токвиля, можно лучше всего изучить природу Революции, ее истинный смысл: «Философы так и не вышли за пределы крайне общих и отвлеченных идей по поводу правления; экономисты же, не отрываясь от теорий, тем не менее, гораздо ближе снизошли к фактам»⁹⁴⁹. Почтение к эмпирическим фактам и доказательствам Токвиль во многом воспринял благодаря методу физиократов. Особенно он ценил то, что в их книгах можно увидеть демократический нрав Революции. В то же время Токвиль критикует физиократов за поклонение перед «общественной пользой» и стремлением к равенству «вплоть до рабства». Однако он отмечает, что в основном это люди мягкого и спокойного нрава, добропорядочные, честные магистраты, умелые администраторы, которых увлек за собой дух их произведений⁹⁵⁰.

Токвиль регулярно читал сочинения современных ему историков – Тьера, Мишле, Баранта, Гизо. Его волновали проблемы генезиса и эволюции монархии и аристократических учреждений, а также история Французской революции⁹⁵¹. Такое чтение можно назвать предварительной работой по написанию «Старого порядка и революции», потому что на страницах этого трактата Токвиль, не делая прямых ссылок, ведет скрытый диалог в том числе с указанными авторами.

Из современников Токвиль особенно внимательно изучал работы консервативных мыслителей – Берка, Местра, Бональда. На страницах «Старого порядка» он часто упоминает Берка, «разум которого озарен ненавистью, внушенной ему революцией»⁹⁵². В чем-то Токвиль соглашается, но часто полемизирует с английским мыслителем, упрекая последнего за умозрительность построений и попытки разобраться в происходящих во Франции процессах, не понимая их внутренней логики⁹⁵³. Часто критика Берка начинается со слов: «Берк был плохо

⁹⁴⁶ См.: Goldstein J. The Post-Revolutionary Self... P. 8–12.

⁹⁴⁷ Французская школа экономистов второй половины XVIII в., основанная около 1750 г. Франсуа Кенэ.

⁹⁴⁸ См.: Лефор К. Указ. соч. С. 211.

⁹⁴⁹ Токвиль А. Старый порядок... С. 142.

⁹⁵⁰ См.: там же.

⁹⁵¹ См.: Jardin A. Alexis de Tocqueville... P. 80.

⁹⁵² Токвиль А. Старый порядок... С. 15.

⁹⁵³ См.: там же. С. 15, 30, 74, 86, 130.

осведомлен...»⁹⁵⁴ Токвиль не сочувствует спиритуализму Местра, но цитирует интеллектуального лидера традиционалистов⁹⁵⁵ и тщательно изучает аргументацию его сторонников. С консерваторами Токвиля объединяет аристократическое происхождение, признание революционной травмы, отрицание индивидуализма как доминирующего социального и политико-философского принципа.

Как ни широк был круг интересов Токвиля, далеко не все, даже популярные у его современников авторы могли рассчитывать на внимание взыскательного интеллектуала. Его интересовали только те, кто мог что-нибудь прибавить к его знанию об окружающем мире, либо описывая эмпирические факты, либо предлагая обобщения реальных фактов. Токвиль не принимал немецкую идеалистическую философию своего времени не потому, что не был знаком с немецким языком или считал немецкую цивилизацию чуждой собственному духу⁹⁵⁶. С несвойственной резкостью он говорил о ненависти к абсолютным системам, «которые ставят все исторические события в зависимость от важных первоначальных причин, связанных между собой неразрывной цепью», поскольку системы, подобные Гегелевской, «устраняют людей из истории человеческого рода»⁹⁵⁷. Токвиль писал: «Я нахожу такие системы узкими не смотря на приписываемую им ширину, и ложными, несмотря на их кажущуюся математическую точность»⁹⁵⁸. Свое отношение к «очень систематичным и очень абсолютным» теориям Токвиль демонстрирует и при характеристике Траси, своего коллеги по кабинету министров 1851 г. и сына «идеолога» Дестюта де Траси. Токвиль замечает, что «крепкая внешняя оболочка теорий» изнашивается от соприкосновения с ежедневными событиями и революционными толчками⁹⁵⁹. Токвиля не интересовали ни Кант, ни Гегель (даже в популярной интерпретации Кузена). По этой же причине Токвиль не уделял никакого внимания Сен-Симону и не интересовался Огюстом Контом⁹⁶⁰. Никто из философов-теоретиков, чьи работы оторваны от реальности, не оказал положительного влияния на формирование мировоззрения Токвиля, который сформировался как эмпирик, реалист, и критик догматизма и фантазерства.

Как и в случае с Гизо, на Токвиля оказывает большое влияние английский опыт. Алексис блестяще овладевает английским языком и штудировать не только сочинения Локка, Юма и

---

⁹⁵⁴ Там же. С. 180.

⁹⁵⁵ См.: Токвиль А. Старый порядок... С. 16.

⁹⁵⁶ См.: Ковалевский М. М. Токвиль в его воспоминаниях, письмах и разговорах // Вестник Европы. 1893. Том 4. Кн. 7. С. 133.

⁹⁵⁷ См.: Токвиль А. Воспоминания... С. 70.

⁹⁵⁸ Там же.

⁹⁵⁹ См.: там же. С. 228.

⁹⁶⁰ См.: Исаев С. А. Указ. соч. С. 15.

Берка, но и читает английскую прессу⁹⁶¹. В отличие от Гизо, Токвиль не был англофилом, мог раздражаться «засильем англоязычной культуры» в Соединенных Штатах и Канаде⁹⁶², но он был сторонником английских политических учреждений и системы разделения властей.

После окончания лицея, Токвиль без личного желания по настоянию отца начал изучать право. Он стажировался в суде в Версале, куда был переведен его отец в 1823 г. Эти годы стали временем интенсивного самообразования Токвиля. В 1828-1829 гг. он посещает, тщательно конспектирует, а в последствии, комментирует лекции Гизо по истории цивилизации в Европе и во Франции⁹⁶³. Влияние Гизо на Токвиля очевидно и признано специалистами⁹⁶⁴. На лекциях Токвиль воспринял и антиреволюционный пафос молодого профессора, который не скрывал своего отвращения перед анархией. На полях «Истории цивилизации» Токвиль отметил важнейшие принципы историософии и метода Гизо⁹⁶⁵.

Более тридцати лет спустя, на заседании Французской академии в 1861 г. Гизо предложил почтить память Токвиля, который умер в 1859 г., и в торжественной речи указал на близость между их политическими теориями. Несмотря на разные средства и подходы, они были единомышленниками и преследовали одну долгосрочную цель – учреждение либерального режима, способного гарантировать свободу и порядок⁹⁶⁶. Это было намного больше, чем риторическое признание достоинств умершего коллеги.

С того самого момента, как Токвиль ступил на американскую землю и с первых страниц его книги «Демократия в Америке», особое внимание он уделяет равенству условий в Новом свете: «Среди множества новых предметов и явлений, привлечших к себе мое внимание во время пребывания в Соединенных Штатах, сильнее всего я был поражен равенством условий существования людей»⁹⁶⁷. Токвиль без труда установил то огромное влияние, которое оказывает равенство на все течение общественной жизни: «Придавая определенное направление общественному мнению и законам страны, оно заставляет тех, кто управляет ею [страной] признавать совершенно новые нормы, а тех, кем управляют, вынуждает обретать новые навыки»⁹⁶⁸. Вскоре Токвиль понял, что то же самое обстоятельство распространяет свое

⁹⁶¹ См.: Ковалевский М. М. Токвиль в его воспоминаниях... С. 132.

⁹⁶² См.: Исаев С.А. Указ. соч. С. 18.

⁹⁶³ См.: Gargan E.T. De Tocqueville... P. 25–26.

⁹⁶⁴ См.: Jardin A. Alexis de Tocqueville... P. 81–82; Diez del Corral L. Tocqueville et pensée politique des doctrinaires... P.59; Craiutu A. Tocqueville and the Political Thought of the French Doctrinaires (Guizot, Royer-Collard, Rémusat) // History of Political Thought. 1999. Vol. XX. №3. P. 456–493; Craiutu A. Liberalism under Siege... P. 93-100.

⁹⁶⁵ См.: Jardin A. Alexis de Tocqueville... P. 81.

⁹⁶⁶ См.: Craiutu A. Liberalism under Siege... P. 93.

⁹⁶⁷ Токвиль А. Демократия в Америке... С. 27.

⁹⁶⁸ Там же.

воздействие за пределы сферы политических нравов и юридических норм и что его власть сказывается как на правительственном уровне, так и в равной мере в жизни самого гражданского общества: «...равенство создает мнения, порождает определенные чувства, внушает обычаи, модифицируя все то, что не вызывается им непосредственно»⁹⁶⁹. Другими словами, общество становится демократичным, и демократия постепенно создает собственные учреждения и вырабатывает механизмы управления. Это заключение не было исключительно результатом наблюдения, эмпирические данные, полученные в Новом свете были вписаны Токвилем в структуру теории цивилизации Гизо, книгу которого путешественник просил прислать ему из Франции, спустя неделю после прибытия в Нью-Йорк. Как мы знаем, предметом исследования Гизо было развитие европейской цивилизации, которое заключалось в постепенном распространении равенства условий и росте могущества среднего класса. Токвиль отказался от понятия цивилизация в пользу более распространенного термина демократия. Однако в основе значения этих понятий было равенство условий, как один из важнейших итогов развития современного общества. У Токвиля понятие демократия подразумевает тот же самый смысл, что и понятие цивилизация у Гизо. Впервые эту близость отметил Джон Стюарт Милль, он провел явную параллель между Токвилем и Гизо. В рецензии на «Демократию в Америке» он писал, что «Токвиль путает признаки цивилизации с признаками демократии, включая в их перечень «все тенденции современного коммерческого общества»⁹⁷⁰. Это замечание прямо указывает на влияние теории цивилизации Гизо. Милль отмечает, что многое из того, что Токвиль связывает с современным демократическим обществом и иллюстрирует это примерами из американской действительности совпадает в значительной степени с тем, что Гизо рассматривал как «черты английского ума» и особенности развития цивилизации⁹⁷¹.

В «Старом порядке и революции» прослеживается отчетливое влияние историософии Гизо на историческую концепцию Токвиля. Книга последнего оканчивается на 1789 г., что доказывает отсутствие интереса автора к событийной истории или хронике Революции. Токвиль в большей степени озабочен большими длительностями (*longue durée*), скрытыми под пеной фактов. Регина Поцци считает, что под влиянием подхода Гизо у Токвиля сформировался интерес к «истории больших периодов» (*una storia di lungo periodo*) и безразличное отношение к отдельным фактам⁹⁷². А. Крейуту также замечает, что ни Гизо, ни Токвиль не интересовались *histoire événementielle* Французской революции, вместо этого они сконцентрировались на

⁹⁶⁹ Там же.

⁹⁷⁰ См.: Craiutu A. *Liberalism under Siege...* P. 94.

⁹⁷¹ См.: Ibid.

⁹⁷² Pozzi R. *Tocqueville e la storia (non scritta) della rivoluzione francese* // Cromohs. 2002. №7. P. 1-19. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.cromohs.unifi.it/7_2002/pozzi.html (11.09.2014).

факторах и силах, которые сделали возможными события 1789 г.⁹⁷³ В рамках этого подхода, Революция теряет свою специфичность и рассматривается не как качественно новое состояние общества, разрывающее ткань истории, но как «уплотнение эволюции» (*suggella un'evoluzione*) на пути к демократии (у Гизо – на пути к цивилизации)⁹⁷⁴. Самый важный тренд в истории Франции, по мнению Токвиля, заключается не в формировании национального государства и не в консолидации монархии, а в неизбежном движении к гражданскому равенству и демократии. К аналогичному выводу ранее приходит Гизо в «Истории цивилизации».

Работая над историей европейской цивилизации в свете Французской революции, Гизо обнаружил существование целой традиции представительных учреждений и местных свобод, которые были связаны с ростом влияния третьего сословия в современной Европе. Старый порядок, по мнению Гизо, характеризовало не только стремление к централизации, но и распространяющееся равенство условий и появление местного самоуправления (Токвиль затрагивает эти же самые проблемы во второй части «Старого порядка и революции»).

Исследователи отмечают интерес Токвиля к социологическому методу Гизо⁹⁷⁵. В заметках на полях лекций по истории цивилизации Токвиль подчеркивает, что история цивилизации как метод стремится к всестороннему пониманию мира, исследует человека и общественную жизнь в целом; в этом свете особенный интерес представляет взаимодействие между обществом и индивидом. История цивилизации состоит из социальной истории и истории идей (Токвиль называл это *l'histoire de l'intelligence*). Первая включает в себя не только историю гражданского общества с его фактами и законами, но также историю религий, в то время как *l'histoire de l'intelligence* прослеживает развитие академической и популярной литературы, трансформацию идей⁹⁷⁶. Эти размышления на полях лекций Гизо помогли Токвилю сформировать свой собственный исследовательский подход, который был обогащен эмпирическим материалом. Андрэ Жарден прямо говорит, что метод анализа прошлой социальной реальности, используемый Гизо, вновь встречается при исследовании американского общества Токвилем, который рассматривает во взаимосвязи социальные отношения и «внутреннюю жизнь» человека при демократическом устройстве⁹⁷⁷.

Токвиль редко ссылается на Гизо, но некоторые фрагменты из корреспонденции дают прямые доказательства огромного интеллектуального влияния лидера доктринеров на

⁹⁷³ См.: Craiutu A. *Liberalism under Siege...* P. 97.

⁹⁷⁴ Pozzi R. *Op. cit.* [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.cromohs.unifi.it/7_2002/pozzi.html (11.09.2014).

⁹⁷⁵ См.: Jardin A. *Alexis de Tocqueville...* P. 81.

⁹⁷⁶ См.: Craiutu A. *Liberalism under Siege...* P. 98.

⁹⁷⁷ См.: Jardin A. *Alexis de Tocqueville...* P. 81.

формирование мировоззрения Токвиля. В письме к Бомону⁹⁷⁸ от 30 августа 1829 г. Токвиль замечает, что он посвятил все свое время чтению исторических и политических сочинений Гизо, которые он нашел «действительно потрясающими» не только в силу своих стилистических достоинств, но и в анализе идей⁹⁷⁹.

Особое место в формировании мировоззрения Токвиля занимают путешествия, которые обогащают его культурный опыт, дают разнообразный эмпирический материал для последующих размышлений и помогают формулировать вопросы⁹⁸⁰. Поездка в Америку была самым известным, но далеко не единственным путешествием Токвиля. Еще в 1823 г. он отправляется в свою первую поездку: вместе со старшим братом Эдуардом он посещает Италию и Сицилию. Уже тогда все впечатления и размышления Алексис фиксирует в походном дневнике. Сохранившиеся отрывки, не лишённые некоторой неопытности, свидетельствуют о сформировавшемся стиле письма и привычке глубокого анализа проблем. Автора интересуют в первую очередь не красоты искусства и природы, которые тем не менее он чувствует очень глубоко, но экономические и политические вопросы⁹⁸¹. В 1829, 1836 гг. Токвиль посещает Швейцарию, в 1831 г. – Америку, в 1833 и 1835 гг. – Англию, в 1854 г. – Германию. В путешествиях сформировался и выкристаллизовался метод исследования, который через столетие получил широкое распространение в социологии и стал известен как метод интервьюирования. Вопросы, которые Токвиль задавал американцам в 1831 г., использовались позже в беседах с англичанами в 1833 и 1835 г.

Мировоззрение Токвиля вырабатывалось на протяжении длительного времени под воздействием противоречивых влияний. Социальное происхождение и семейные традиции позволили ему стать блестяще образованным и критически мыслящим интеллектуалом. Истоки некоторых взглядов философа можно искать в его аристократическом происхождении. В частности, размышляя о пользе ассоциаций, Токвиль традиционно умалчивал о пролетарских объединениях: представитель старинного дворянского рода испытывал глубокую враждебность не только к «фабричной аристократии», но и к рабочим. Роялистские и легитимистские убеждения, воспринятые в семейном кругу на почве страха перед революционным террором, по свидетельству Бомона, были не очень сильны⁹⁸², и подвергались испытанию во время чтения

⁹⁷⁸ На лекциях Гизо Токвиль познакомился с судебным служащим Гюставом Бомоном (1802-1866), происходившим из мелкопоместных дворян региона Страна Луары. Бомон стал ближайшим другом Токвиля, его спутником в путешествии по Америке, постоянным корреспондентом, соратником по политической борьбе, однопартийцем, коллегой в кабинете министров 1849 г. и издателем первого посмертного собрания сочинений.

⁹⁷⁹ Цит. по: Craiutu A. *Liberalism under Siege*... P. 98.

⁹⁸⁰ См.: Birnbaum P. Op. cit. P. 40.

⁹⁸¹ См.: Эйхталь Е. Указ. соч. С. 3–4.

⁹⁸² См.: там же. С. 3.

сочинений просветителей. По этой же причине Токвиль оказался не восприимчив к романтической пропаганде и не питал иллюзий относительно средневекового строя. Вместе с тем Токвиль навсегда сохранил неприязненное отношение к экстремистским, радикальным режимам. Неприятие имперского деспотизма открыло для мыслителя ценность свободы, что заметил первый его биограф Эйхталь: «Токвиль [с юных лет] стал и оставался все время одним из самых пылких исповедников свободы. Она не была у него лишь страстью молодости. Она следовала за ним всю его жизнь, все столь же глубокая, столь же интенсивная, смешанная с ретроспективным ужасом перед империей, или, скорее, будучи результатом этого ужаса, бывшего источником и самого понимания свободы»⁹⁸³. Главным источником суждений в основных работах Токвиля, являются как его конкретные наблюдения («Демократия в Америке»), так и документально подтвержденные факты («Старый порядок и революция»). Основные источники идейного влияния можно разделить на три группы: традиционалистско-легитимистская доктрина, в основе которой лежит антиреволюционная реакция; философия просветителей, в том числе экономистов-физиократов, в которой наибольшие симпатии Токвиля вызывают взгляды Монтескьё, а важнейшая для Токвиля теория Руссо тем не менее часто оказывается в фокусе критики; идеология умеренного либерализма доктринеров, выступавшая равным образом против имперского деспотизма и революционного террора. В мировоззрении Токвиля присутствовали как либеральные, так и консервативные ценности.

4.2. Политическая карьера Токвиля

Так же долго, как складывалось его мировоззрение, Токвиль пытался найти свою стезю. Он не хотел быть только юристом, только историком, только политиком, но искал некий синтез. Однако Июльская революция, которая застала будущего философа в судебной должности в Версале, и падение династии Бурбонов поставили под угрозу не только перспективы политической карьеры, но и возможность заниматься юриспруденцией. Токвиль не долго колебался и 16 августа 1830 г. принес присягу новой династии, объяснив свой поступок следующим образом: «Я до самого конца сохранял в сердце остаток наследственной

---

⁹⁸³ Там же. С. 5.

привязанности к Карлу X, но этот король пал, потому что нарушил дорогие для меня права, и я надеялся, что от его падения скорее оживится, чем заглохнет, свобода в моем отечестве»⁹⁸⁴. В этой присяге мировоззрение Токвиля получило оформление через поступок и его последующее объяснение. Будущий философ сознательно пошел на разрыв со своими друзьями-легитимистами и дал понять семье, какое значение для него имеет свобода.

В революции 1830 г. Токвиль увидел последний шанс Франции совместить свободу с конституционной монархией, и он надеялся, что Орлеанам удастся осуществить это соглашение, которое не могла провести в жизнь Реставрация. Именно поэтому он не подал в отставку, не имея, тем не менее, шансов на быструю карьеру. Привлекала Токвиля и антигеронтократическая направленность Июльской революции, вожди и идеологи которой, а также монарх, возведенный на престол, были молодыми людьми. Хартия 1830 г. снизила возраст пассивного избирательного права (для участия в выборах в палату депутатов) до тридцати лет⁹⁸⁵. Однако присяга, принесенная Орлеанам осложнила отношения Токвиля с семьей и друзьями, а административная работа стремительно превращалась в утомительную рутину. Тогда вместе со своим другом Бомоном Токвиль получил у министра внутренних дел графа Монталиве поручение изучить работу пенитенциарной системы Соединенных Штатов, для последующей реформы французских исправительных учреждений⁹⁸⁶. По мнению И.О. Дементьева, уже на земле Нового Света Токвиль начал основательную подготовку к будущей политической карьере: теоретическую (изучение трактатов и документов) в соединении с практикой (изучение механизмов решения социальных, экономических и политических проблем в американской государственной системе)⁹⁸⁷. Пьер Манан указывает на иные мотивы поездки Токвиля – мыслитель отправляется в путешествие по Америке с целью понять преимущества и опасности демократии и вооружить этим знанием французских политиков⁹⁸⁸.

Было бы ошибкой связывать начало политической карьеры Токвиля с выходом «Демократии в Америке». Несмотря на многочисленные политические идеи, изложенные в трактате, книга стала частью интеллектуальной, а не политической жизни Франции. А. Жарден говорит о начале политической карьеры Токвиля в момент его избрания в палату депутатов в

⁹⁸⁴ Токвиль А. Воспоминания... С. 73.

⁹⁸⁵ См.: Jardin A. Alexis de Tocqueville... P. 268.

⁹⁸⁶ О путешествии Токвиля по Америке смотрите фундаментальную работу Джорджа Уилсона Пирсона «Токвиль и Бомон в Америке» (Pierson G.W. Tocqueville and Beaumont in America. N.Y., 1938). Исследование основывается на дневниках и «американских» записных книжках Токвиля, которые, как и часть рукописи «Демократии в Америке», ныне хранятся в библиотеке Йельского университета.

⁹⁸⁷ См.: Дементьев И. О. Политическая теория Алексиса де Токвиля... С. 111–112.

⁹⁸⁸ См.: Manent P. Tocqueville et la nature de la démocratie. Paris, 1993. P. 7.

1839 г.⁹⁸⁹ Однако нам представляется, что уместно выделить как предварительный этап, так и активную фазу политической карьеры Токвиля, которая включает в себя интеллектуальное влияние на политическую повестку и реальное участие в государственных делах.

Предварительный этап политической карьеры Токвиля приходится на 1836-1838 гг. В 1836 г. Токвиль получил главную премию, присужденную французской Академией за первую часть «Демократии в Америке». В это же время Токвиль начал размышлять о перспективах политической карьеры. Сомнения его усиливались в связи с тем, что он считал себя плохим оратором. Отсутствие способностей к произнесению речей считалось серьезным препятствием для участия в парламентской деятельности. Токвиль поделился своими сомнениями с Руайе-Колларом и получил обнадеживающий ответ: «Репутация, которую вы цените как самое великое благо в мире, утверждается сегодня скорее такими книгами, как Ваша, [а не умением произносить речи]»⁹⁹⁰. Поддержка влиятельного доктринера убедила Токвиля, и в ноябре 1836 г. он выставил свою кандидатуру на парламентских выборах от округа Валонь, на территории которого располагался замок Токвиль. Его двоюродный брат, Моле, воспользовался служебным положением и включил Токвиля в число правительственных кандидатов. Такая поддержка не на шутку рассердила интеллектуала, который добился своей перерегистрации в качестве независимого кандидата⁹⁹¹ и потерпел на выборах поражение, набрав на своем участке 45% голосов⁹⁹².

Самонадеянный отказ от помощи влиятельных родственников оттолкнул от Токвиля наиболее могущественных землевладельцев. Представители буржуазии подозревали кандидата-дворянина в легитимизме и тайных симпатиях к Бурбонам⁹⁹³. Токвиль же довершил провал тем, что строил свою предвыборную кампанию, акцентируя внимание избирателей на своих заслугах в области литературы и реформы пенитенциарной системы. Однако местные избиратели ценили не глубину политической рефлексии кандидата и способности к масштабному мышлению, а умение видеть местные проблемы. Все эти обстоятельства и привели к поражению Токвиля на выборах.

В 1838 г. общественное влияние Токвиля возрастает, популярного автора принимают в ряды членов Академии моральных и политических наук, но не в секцию истории, в которой состояли Минье, Тьер, Гизо и Тьерри, а в секцию морали. Мыслитель становится кумиром «буржуазии умственного труда» – врачей, адвокатов, преподавателей, многие из которых

⁹⁸⁹ См.: Jardin A. Alexis de Tocqueville... P. 81.

⁹⁹⁰ Цит. по: Исаев С. А. Указ. соч. С. 31.

⁹⁹¹ См.: Jardin A. Alexis de Tocqueville... P. 269.

⁹⁹² Nantet J. Op. cit. P. 109–110.

⁹⁹³ См.: Gargan E. T. De Tocqueville... P. 35.

предлагают ему свою поддержку на выборах в палату⁹⁹⁴. Однако эти категории граждан порой не обладали достаточным имуществом для преодоления избирательного ценза. Токвиль вновь выставляет свою кандидатуру от округа Валонь. Мыслитель извлек урок из политической неудачи 1836 г. и в общении с избирателями сосредоточился на местных проблемах. Он отрекся от легитимизма и заявил о своей лояльности династии Орлеанов, обозначил свою приверженность постепенным общественным преобразованиям и «медленным реформам»⁹⁹⁵.

Общение с избирателями было необходимым условием избрания в палату депутатов. В двух обращениях к избирателям округа Валонь в 1837 и 1839 гг. Токвиль продекларировал свои политические принципы, которые не изменятся на протяжении его карьеры⁹⁹⁶. Эти принципы резюмирует И.О. Дементьев: личная и моральная ответственность депутата перед избирателями; независимость депутата от правительства и политических группировок; последовательность и постоянство в осуществлении своей политики; честность и порядочность политика; гласность в осуществлении политической деятельности и ответственность депутата перед избирателями⁹⁹⁷. Неоднократно Токвиль повторял, что философскую составляющую его политической программы можно найти на страницах «Демократии в Америке».

Новая стратегия возымела действие, и в феврале 1839 г. Токвиль избирается в палату депутатов от округа Валонь департамента Ла-Манш (56% голосов)⁹⁹⁸. 11 марта философ впервые принимает участие в заседании палаты, 2 июля произносит первую парламентскую речь. Токвиль энергично принялся за новые обязанности. Он специализировался на внешней и колониальной политике. В рамках своих возможностей, используя парламентскую трибуну, Токвиль требовал, чтобы правительство в восточном вопросе отказалось от закулисных сделок с великими державами, а также указывал, что в «век демократии» национальные интересы на мировой арене способно защищать лишь правительство, опирающееся на поддержку общественного мнения страны или большей части граждан.

Токвиль не создал собственную внешнеполитическую концепцию, но был сторонником *realpolitik* в международных отношениях и разделял основные принципы внешнеполитической доктрины Гизо, в особенности отказ от широкомасштабных внешнеполитических акций и проектов в пользу внутривластного развития. Философ не давал оценки международному порядку в целом, но был щедр на характеристики отдельных государств. В частности, он предсказал, что США пойдут по пути демократии, а Россия – по пути деспотизма, но оба этих

⁹⁹⁴ См.: Jardin A. Alexis de Tocqueville... P. 270.

⁹⁹⁵ См.: Tocqueville A. O. C. Vol. III. P. 52.

⁹⁹⁶ См. подробнее: Ibid. P. 41–44, 51–53.

⁹⁹⁷ См.: Дементьев И. О. Политическая теория Алексиса де Токвиля... С. 114.

⁹⁹⁸ См.: Gargan E. T. De Tocqueville... P. 39.

государства обретут невиданную силу и будут господствовать каждое над своей половиной мира⁹⁹⁹. Отношения к России различало Токвиля и консерваторов-традиционалистов, таких как Ж. де Местр, который восхищался самодержавием и теократией. Для Токвиля русский опыт был антипримером и иллюстрацией к описанию деспотического государства.

Токвиль стал последовательным критиком и противником рабства. Во время дебатов в рамках работы парламентской комиссии по эмансипации негров во французских колониях, он высказался за немедленную и полную отмену рабства, а также утверждал, что это «мнимое неравенство», которое не заложено природой. Токвиль использовал как традиционные аргументы – аморальность, бесчеловечность невольничества, так и новые – экономическая неэффективность подневольного труда, его противоречие принципам и духу конституционной Хартии¹⁰⁰⁰. Окончательное отношение к проблеме рабства сформировалось у Токвиля еще во время поездки по Америке, и на страницах «Демократии» автор резюмирует свою позицию по этому вопросу: «Рабство (...) обещает труд, оно вводит элементы праздности в общество, а вместе с праздностью – невежество и спесь, нищету и роскошь. Оно нерврует силы разума и усыпляет человеческую активность»¹⁰⁰¹. Пытаясь доказать экономическую несостоятельность рабства, Токвиль приводит пример из истории Соединенных Штатов: «...в провинциях, где рабов не было, население, богатство и благосостояние росли быстрее, чем в тех, где они были». Однако жители первых провинций были вынуждены сами обрабатывать землю или нанимать работников, тогда как жители вторых имели в своем распоряжении бесплатную рабочую силу. На основе этого знания Токвиль делает заключение: «Следовательно, жизнь в одних местах требовала труда и расходов, в других же можно было жить в праздности, к тому же ничего не тратя. В выигрыше, однако, были первые провинции»¹⁰⁰².

Токвиль критикует рабство не только с прагматической точки зрения. Для мыслителя очевидно, что существование рабства противоречит природе человека и ставит под угрозу свободу в целом. Этот общественный порок незаметно проникает в общество, поначалу его с трудом можно отличить от обычного злоупотребления властью, но «попав в почву, словно росток некоего проклятого Богом растения, это зло начинает питаться своими собственными соками, быстро растет и развивается самым естественным образом вместе с обществом, в которое оно проникло»¹⁰⁰³. Аболиционизм Токвиля носил индивидуальный характер,

⁹⁹⁹ См.: Токвиль А. Воспоминания... С. 319.

¹⁰⁰⁰ Nantet J. Op. cit. P. 67.

¹⁰⁰¹ Токвиль А. Демократия... С. 45–46.

¹⁰⁰² Там же. С. 255.

¹⁰⁰³ Там же. С. 253.

мыслитель не примкнул к движению Виктора Шельшера (1804-1893)¹⁰⁰⁴, но разделял взгляды последнего.

Как на отличительную особенность рабства Нового времени, мыслитель указывает на расизм. Если в древнем мире хозяин и раб принадлежали к одной расе, часто раб стоял выше хозяина по своему воспитанию и знаниям, то в современном обществе раб отличается от хозяина не только своей несвободой, но и своим происхождением: «Негра можно освободить, но от этого он не перестанет быть совершенно чуждым для европейца, (...) этого человека, рожденного на самой низкой ступени общества и появившегося у нас в обличье раба, мы лишь с натяжкой можем назвать человеком. Его лицо кажется нам отвратительным, его ум – ограниченным, вкусы – низменными, мы почти готовы принять его за промежуточное существо между человеком и животным»¹⁰⁰⁵. Токвиль считает, что отмена рабства не разрешит расовую проблему, потому что в сознании людей надолго закрепятся предрассудки о «превосходстве хозяина над рабом, белого человека над всеми другими людьми»¹⁰⁰⁶. Для преодоления расизма после отмены рабства потребуются десятилетия, пока белые откажутся от своего мнения о бывших рабах как о существах «интеллектуально и морально неполноценных», негры же, по мнению Токвиля, должны измениться¹⁰⁰⁷. Если не разрешить расовые противоречия, они могут стать источником драматичных конфликтов будущего, образцы которых Токвиль увидел во взаимоотношениях белого и цветного населения в Соединенных Штатах: «До сих пор повсюду, где сила была на стороне белых, они держали негров в унижении и рабстве. Там, где верх брали негры, они уничтожали белых. Вот единственная форма отношений, которая когда-либо существовала между двумя расами»¹⁰⁰⁸.

Историки, ценящие успех героя, дают скромные оценки политической карьере Токвиля¹⁰⁰⁹. Отказ от популизма, умеренность суждений, сдержанность, тихий размеренный голос составляли главные черты Токвиля-парламентария¹⁰¹⁰. Скрытой для парижан осталась неутомимая работа мыслителя на благо избирателей департамента Ла-Манш, которые отправляли своему представителю сотни писем с самыми различными просьбами местного характера. Токвиль добросовестно выполнял свои обязанности и регулярно объезжал свой округ, общался с избирателями, вникал в текущие проблемы. Помимо блестящих

¹⁰⁰⁴ Французский публицист и государственный деятель, известен борьбой за отмену рабства во Франции, увенчавшейся успехом в 1848.

¹⁰⁰⁵ Токвиль А. Демократия... С. 253.

¹⁰⁰⁶ См.: там же. С. 254.

¹⁰⁰⁷ См.: там же. С. 253–254.

¹⁰⁰⁸ Там же. С. 254.

¹⁰⁰⁹ См.: Алпатов М. А. Политические идеи... С. 132–133; Далин В. М. Токвиль и Вторая империя... С. 46.

¹⁰¹⁰ См.: Gargan E. T. De Tocqueville... P. 47.

просветительских выступлений, он занимался организацией строительных работ и ремонта дорог, субсидировал учебные заведения и помогал комплектовать местные библиотеки. Биографы свидетельствуют, что его искренне занимали эти проблемы, и он получал удовольствие от своей «работы на месте»¹⁰¹¹.

Токвиль встретил февральскую революцию 1848 г. в Париже и подробно изложил ход ее событий в своих «Воспоминаниях». Последние свидетельствуют о том, что Токвиль участвовал в акциях в меньшей степени как политический деятель, но главным образом как социолог. События лета 1848 г. привили Токвилю постоянный страх перед революцией и ненависть к рыхлой коррумпированной политической системе, отстаивавшей интересы одного класса, и допустившей революцию.

Токвиль болезненно относился к бессмысленным разрушениям, творимым в ходе восстания и считал их проявлением дурных наклонностей простолюдинов, безразличных к собственности¹⁰¹². Мыслитель почти сразу определил социалистический характер происходящих волнений и заявил, что социалистические теории стали философией февральской революции и причиной вспыхнувшей классовой борьбы: «Социалистические теории составляют отличительный характер февральской революции и будут предметом самых ужасных о ней воспоминаний; республиканская форма правления будет издали казаться не конечною целью переворота, а только средством»¹⁰¹³. В парламентских выступлениях Токвиль указывал на угрозу новой идеологии: «С 25 февраля множество странных систем стало внезапно возникать в головах нововводителей и проникать в умы взволнованного народа. Кроме королевской власти и парламента, еще ничто не было уничтожено, однако можно было подумать, что революционное потрясение обратило в прах все прежние учреждения и что была назначена премия тому, кто придумает самую лучшую форму для сооружения нового общественного здания; каждый предлагал свой проект; одни излагали его в газетах, другие в прокламациях, развешанных на стенах, третьи в публичных речах на открытом воздухе. Одни предлагали уничтожить неравенство состояний, другие – неравенство званий, третьи – самое старое из всех неравенств, то, которое существует между мужчинами и женщинами; указывались специфические средства против бедности и лекарства против того недуга, которым человечество страдает с первого момента своего существования, – против необходимости труда»¹⁰¹⁴.

¹⁰¹¹ См.: Дементьев И. О. Политическая теория Алексиса де Токвиля... С. 115–116.

¹⁰¹² См.: Токвиль А. Воспоминания... С. 44

¹⁰¹³ Там же. С. 85.

¹⁰¹⁴ Там же. С. 84.

Если либерализм и консерватизм боролись между собой, чтобы изменить форму правления, то ворвавшийся во французское политическое пространство в 1848 г. социализм, по мнению Токвиля, ставил своей целью изменить не форму правления, но сам общественный строй. Возникшее противостояние в сущности не было политической борьбой (в традиционном для Токвиля смысле слова), а стало «борьбой между различными классами населения и чем-то вроде борьбы рабов с их господами»¹⁰¹⁵. По мнению философа, социалистические теории призваны установить господство парижских рабочих над всей нацией¹⁰¹⁶.

Таким образом, отношение Токвиля к набирающему популярность социализму было не просто критичным, но враждебным. О презрении, которое питал представитель старинного аристократического рода к новой идеологии, свидетельствует «портрет типичного социалиста», работавшего дворником: «В доме, в котором я жил на улице Мадлен, был в то время [1848 г.] дворником старый солдат с очень дурной репутацией; он был не совсем в здравом уме, был пьяница и большой негодяй, беспрестанно бивший свою жену, а остальное время проводивший в кабаке. Можно сказать, что этот человек был социалистом от рождения или, верней, по темпераменту»¹⁰¹⁷. Токвиль не скрывал своего отвращения к социалистической идеологии, и его волновал лишь один вопрос: «Останется ли социализм предметом такого же презрения, какого заслужили социалисты 1848 г?»¹⁰¹⁸. Подобное отношение было не результатом аристократического происхождения Токвиля, но следствием уличных бесчинств и посягательства на свободу, которое Токвиль увидел в социалистических теориях.

Во время революции 1848 г. Токвиль начинает отклоняться вправо. Его парламентские выступления носят исключительно консервативный, охранительный характер. Он примыкает к течению республиканского консерватизма, выступает и голосует в палате против ограничения рабочего дня десятью часами, против отмены тяжелейшего налога на соль, за ужесточение условий призыва на воинскую службу и против амнистии участникам июньских событий в Париже¹⁰¹⁹.

Избрание Луи Наполеона в декабре 1848 г. президентом Французской республики не было для Токвиля неожиданностью, но все равно возмутило его. Мыслитель принял решение покинуть политику, однако избиратели департамента Ла Манш подавляющим числом голосов вновь избрали его в палату. Токвиль без симпатии относился к сложившемуся режиму, но именно на период Второй республики пришелся пик его политической карьеры. В мае 1849 г.

¹⁰¹⁵ Там же. С. 154.

¹⁰¹⁶ См.: там же. С. 188.

¹⁰¹⁷ Там же. С. 176.

¹⁰¹⁸ Там же. С. 86.

¹⁰¹⁹ См.: Дементьев И. О. Политическая теория Алексиса де Токвиля... С. 121–122.

президент Луи Наполеон предложил Токвилю пост министра иностранных дел в кабинете Одилона Барро (1791–1873). Этот кабинет был компромиссным между набирающей силу исполнительной властью и настороженным парламентом.

Во главе МИДа Токвиль продолжил внешнеполитический курс Гизо, предполагавший миролюбивую политику, отказ от авантюр и ориентацию на Англию. Главой канцелярии Токвиля стал его близкий друг Артюр де Гобино (1816–1882), ставший впоследствии автором арийской расовой теории. Однако Токвиль испытывает лишь личные симпатии, он отнюдь не соглашается с философскими воззрениями друга¹⁰²⁰.

Как политик-практик Токвиль считал порядок обязательным условием подлинной свободы. Будучи во главе МИДа во время подавления восстания в герцогстве Баденском, Токвиль направлял инструкции французскому эмиссару, в которых, помимо прочего, подчеркивал, что французское республиканское правительство желает помочь герцогу Баденскому в подавлении анархии и сохранении свободы, а также выступает за сохранение либеральных учреждений, существующих в его стране¹⁰²¹.

Главным провалом политической карьеры Токвиля, повлекшим падение кабинета Барро, стало «римское дело» – французская интервенция в Рим с целью восстановления папской власти Пия IX. Эта акция завершила дипломатическую карьеру Токвиля 31 октября 1849 г. Находясь во главе МИДа Токвиль придерживался принципов либерального консерватизма – он был либерален в отношении общих принципов внешней политики и консервативен, когда речь касалась национальных интересов Франции, порядка и стабильности. Он протестовал в сентябре 1849 г. против австро-российских угроз в адрес Османской империи, укрывавшей у себя венгерских и польских мятежников, но поддерживал клерикалов в Риме.

Последней политической акцией Токвиля был протест против государственного переворота Луи Наполеона. Во время выступлений в мэрии в декабре 1852 г. Токвиль был арестован и после непродолжительного заключения покинул Париж и политику.

Несмотря на мечты о политической карьере, волновавшие Токвиля в юности, он не смог добиться на этом поприще крупных успехов. Мыслитель опробовал свои силы как в исполнительной, так и в законодательной власти. Принимая либеральные и консервативные ценности, он стал проводником политики либерального консерватизма, которая потерпела неудачу во многом из-за личного склада мыслителя. Он предпочитал академическую работу публичной деятельности, письмо – устным выступлениям. Тем не менее фигура Токвиля значима во французской политической истории XIX столетия, мыслитель вошел в плеяду

¹⁰²⁰ См.: Jardin A. Alexis de Tocqueville... P. 409.

¹⁰²¹ См.: Токвиль А. Воспоминания... С. 279.

французских философов-практиков, политические теории которых во многом детерминированы государственной деятельностью.

Глава 5. Философия либерального консерватизма Алексиса де Токвиля

5.1. Система понятий в философии Токвиля

Токвиль считал свои трактаты первой попыткой создания науки, изучающей социальную и политическую реальность нового века: «Мы живем в эпоху великой демократической революции; все ее замечают, но далеко не все оценивают ее сходным образом»¹⁰²². Данная наука должна ответить на вопрос: куда движется общество¹⁰²³ и обучить людей демократии, распространяя новые политические знания¹⁰²⁴. Как справедливо заметил Исаев: «Новая наука обычно требует новых понятий и новых слов»¹⁰²⁵. Это предполагал и Токвиль, посвятивший целую главу проблеме понятий¹⁰²⁶. Он обнаружил, что американцы ввели в обиход английского языка много новых слов, в том числе в области политической терминологии, а также начали употреблять старые английские слова в новом значении¹⁰²⁷.

Токвиль пришел к выводу, что язык претерпевает изменения под влиянием социально-политической динамики: стремительное (как в США) или постепенное (как в Европе) появление нового (демократического) общества неизменно ведет к обогащению языка и смыслов слов¹⁰²⁸. По его мнению, «гений демократических народов» проявляет себя не только в большом количестве слов, вводимых в оборот, но также и в самой природе тех идей, которые выражаются при помощи новых слов. У таких народов законы в области языка, как и во всех других сферах, создаются большинством. В аристократиях же язык находится в состоянии покоя: «Поскольку в жизни не происходит почти ничего нового и создается мало новых вещей, людям не нужно много новых слов; и даже если появляется нечто новое, они принуждают себя описывать это с помощью известных слов, значение которых уже закреплено традицией»¹⁰²⁹. В таких системах понятия имеют «антидемократическое» происхождение и создаются интеллектуалами.

¹⁰²² Токвиль А. Демократия в Америке... С. 27.

¹⁰²³ См.: там же. С. 29.

¹⁰²⁴ См.: там же. С. 30.

¹⁰²⁵ Исаев С. А. Указ. соч. С. 33.

¹⁰²⁶ См.: Токвиль А. Демократия в Америке... С. 353–357.

¹⁰²⁷ См.: там же. С. 353.

¹⁰²⁸ См.: там же.

¹⁰²⁹ Там же. С. 353–354.

Токвиль неоднозначно относился к демократическому способу обновления языка, потому что этот способ таит в себе серьезную опасность: «Удваивая значение одного и того же слова, демократические народы создают неопределенность, двусмысленность как старого, так и нового его значений»¹⁰³⁰. Токвиль выступал против насилия над языком в мнимых интересах авторов, первый из которых начинает с того, что немного искажает первоначальный смысл известного слова или выражения для достижения своих целей, второй, пользуясь прецедентом, может сместить значение данного слова в другом направлении, а третий уже предложит собственный вариант его толкования, и, поскольку нет общепризнанного судьи, способного твердо установить значение данного слова, оно сохраняет неустойчивость своего положения. Токвиль опасался, что в конечном счете такое отношение к языку приведет к тому, что идеи утратят свою ясность, а авторы перестанут сосредотачиваться на конкретных мыслях, предоставляя читателю возможность самому судить, что именно имеется в виду¹⁰³¹. Поэтому мыслитель высказывался в пользу конструирования и заимствования новых слов, и против отягощения смысла имеющихся: «Я скорее предпочту, чтобы наш язык покрывлся колючками китайских, татарских или гуронских слов, чем соглашусь с необходимостью утраты французскими словами определенности их значений. Благозвучие и однозначность – важнейшие, если не главные достоинства, определяющие красоту языка. (...) без четких, ясных слов нет хорошего языка»¹⁰³². Именно этими принципами Токвиль руководствовался при написании своих сочинений. В его трактатах невозможно найти ничего подобного «модусам» и «атрибутам» Спинозы или «монадам» Лейбница. Токвиль использовал известные политико-философские понятия, встречающиеся в многочисленных сочинениях его современников: *демократия, аристократия, свобода, равенство, деспотизм, революция*. Автор не дал строгих определений этим терминам, но старался избежать двусмысленности в их употреблении, поэтому наиболее перспективной будет реконструкция значений этих понятий по контексту их употребления.

На первый взгляд может показаться, что эти слова не требуют специальных разъяснений, и смысл их каждый образованный человек определяет интуитивно. К сожалению, некоторые исследователи рассудили именно так и допустили очень серьезные ошибки. Например, известный американист В.В. Согрин по умолчанию считает демократию формой правления и

---

¹⁰³⁰ Там же. С. 355.

¹⁰³¹ См.: там же.

¹⁰³² Там же.

называет рассуждения Токвиля о демократии «ветхозаветными»¹⁰³³. Американский франковед А. Крейуту совершает аналогичную ошибку с термином аристократия¹⁰³⁴.

Некоторые термины политического языка Токвиля взаимосвязаны и определяются друг через друга. К подобным тандемам можно отнести демократию и аристократию, свободу и равенство.

Демократия – сложнейшее понятие политической философии Токвиля. Несмотря на то что оно вынесено в заголовок первого трактата мыслителя, Токвиль по-разному использует этот термин. Сначала философ говорит о нем как о стремлении к уравниванию всех сторон жизни общества. Он полагал, что это стремление является наиболее важным и неизбежным плодом Французской революции, и именно этому феномену он уделял самое глубокое внимание. В то же время он использовал этот термин для обозначения «не самой искусной формы правления», которая, тем не менее, может «вызвать в обществе бурное движение, придать ему энергию и исполинские силы, неизвестные при других формах правления»¹⁰³⁵. Иногда «демократия» принимает у него значение слова «народ», особенно когда мыслитель говорит о непокорных массах¹⁰³⁶. Этим же словом он называл всеобщее избирательное право, а также быстрое движение общества к равенству, которое сметало все привилегии, особенно в области политики¹⁰³⁷. В молодости Токвиль и сам признавал определенное непонимание значения слова «демократия», поэтому одним из мотивов его поездки в Америку было как раз стремление разъяснить смысл этого понятия¹⁰³⁸.

Общим местом у исследователей является согласие в том, что демократия для Токвиля – это «общественный строй»¹⁰³⁹, «общественное состояние»¹⁰⁴⁰, которому присуще равенство условий, т.е. отсутствие аристократии по рождению¹⁰⁴¹ (отсутствие привилегированных сословий в США сделало демократические принципы органичными американской почве). В частности, марксисты полагали, что аристократия подразумевает феодальный, а демократия – буржуазный строй¹⁰⁴². Однако Токвиль называл американских федералистов, выступавших за ограничение народовластия, аристократами¹⁰⁴³, а французский Старый порядок, по его мнению,

¹⁰³³ См.: Согрин В. В. Идеиные течения в американской революции XVIII в. М., 1980. С. 40.

¹⁰³⁴ См.: Craiutu A. Liberalism under Siege... P. 94.

¹⁰³⁵ Токвиль А. Демократия в Америке... С. 192.

¹⁰³⁶ См.: Токвиль А. Воспоминания... С. 91.

¹⁰³⁷ См.: Ласки Г. Дж. Предисловие // Токвиль А. Демократия... С. 16.

¹⁰³⁸ См.: там же. С. 7.

¹⁰³⁹ См.: Лефор К. Указ. соч. С. 220.

¹⁰⁴⁰ См.: Manent P. Tocqueville... P. 12.

¹⁰⁴¹ См.: Ibid. P. 21.

¹⁰⁴² См.: Кустова Л. П. Концепция буржуазного общества в системе исторических взглядов Алексиса Токвиля // Методологические и историографические вопросы истории. Томск, 1983. С. 134–135.

¹⁰⁴³ См.: Токвиль А. Демократия в Америке... С. 145.

имел не просто многие зачатки демократии, но был строем, где демократия получила значительное развитие и была готова «хватить через край»¹⁰⁴⁴. Таким образом, при буржуазном строе возможна аристократия, а при феодализме, пусть и гибнущем, возможна демократия. В понимании Токвиля, демократия становится возможна как во времена *всеобщего* рабства, поскольку пресловутое равенство условий сохраняется, так и в эпоху, когда граждане обладают личной свободой. Таким образом, есть два способа распространить общественное состояние демократии на политический строй: дать права и свободу каждому гражданину или лишить прав и свободы всех жителей страны. В обоих случаях речь пойдет о токвилевской демократии, но в двух ее крайних проявлениях¹⁰⁴⁵. Например, в США обычаи и местные особенности позволили сохранить суверенитет народа при всеобщем равенстве, а в России в условиях всеобщего равенства суверенитетом обладал только верховный правитель – царь.

П. Манан замечает, что иногда Токвиль колеблется между социальным и политическим определением демократии: «Американская демократия не была исключительно социальным состоянием или политической системой, но она была политическим принципом народного суверенитета, распространенного на все общество»¹⁰⁴⁶. М.М. Федорова также говорит о том, что Токвиль склонен дифференцировать демократию как общественное состояние и как политическую догму народовластия. Если в социальном плане демократия тождественна равенству условий, то политический принцип народовластия означает, что общество управляет собой самостоятельно, т.е. власть исходит из недр социума¹⁰⁴⁷. Такое определение делает понятие «демократия» очень близким к понятию «социальная власть», предложенному Гизо. Расшифровывая этот концепт, Токвиль также как и Гизо, во-первых, говорит о представительном правлении, благодаря которому граждане принимают законы и определяют политическую повестку в целом и, во вторых, убежден, что определение демократии через общественное состояние позволяет отличить современное (модерное) общество от архаичного, в котором царил власть, основанная на неравенстве условий. Таким образом, размышления Токвиля, обогащенные американским опытом, подтвердили более ранние предположения Гизо.

Демократия для Токвиля связана с проницаемостью общественной иерархии и разрушением сословного деления, со стремительным ростом власти большинства и распространением равенства, т.е. демократия – это также процесс, который ведет к победе одноименного ему общественного строя: «...та самая демократия, которая господствовала в

¹⁰⁴⁴ См.: Токвиль А. Старый порядок... С. 130.

¹⁰⁴⁵ См.: Manent P. Tocqueville... P. 14.

¹⁰⁴⁶ Ibid. P. 18.

¹⁰⁴⁷ См.: Федорова М.М. Либерализм первой половины XIX... С. 57.

американском обществе, стремительно *идет* (курсив мой – С.М.) к власти в Европе»¹⁰⁴⁸. Особенностью демократического общественного строя является отсутствие сословной иерархии, распространение равенства и угроза деспотизма большинства.

Стоит отметить, что для Токвиля не характерно понятие «прогресс», что отличает этого мыслителя от современных ему философов и политических теоретиков, таких как О. Конт, О. Тьерри, Ф. Гизо, Г. Спенсер, К. Маркс и др. Однако близким по смыслу к прогрессу в его работах является понятие «демократическая революция».

Демократическая революция – понятая как историческое развитие, представляет собой длительный по времени переход от аристократии к демократии, где в недрах старого общества зреют и развиваются элементы общества нового. Особенностью этого процесса является проникновение и распространение равенства в различных сферах общественной жизни: «...постепенное установление равенства условий есть предначертанная свыше неизбежность»¹⁰⁴⁹. Этот процесс носит всемирный, а не только европейский (как считали некоторые исследователи¹⁰⁵⁰), характер, и с каждым днем все менее и менее зависит от воли людей; все события, как и все люди, способствуют развитию демократической революции: «Благоразумно ли считать, что столь далеко зашедший социальный процесс может быть приостановлен усилиями одного поколения? Неужели кто-то полагает, что, уничтожив феодальную систему и победив королей, демократия отступит перед буржуазией и богачами? Остановится ли она теперь, когда она стала столь могучей, а ее противники столь слабы?»¹⁰⁵¹. Таким образом, историческое развитие ведет к неизбежному торжеству демократии и распространению равенства.

Аристократия в понимании Токвиля имеет два значения. Во-первых, это социальный строй, предшествующий демократии, основными характеристиками которого являются замкнутость высшего класса (дворянства или буржуазии) и его ответственность перед всем обществом. Во-вторых, правящая элита, будь то дворяне, буржуазия или интеллектуалы (впрочем, последних Токвиль относил к буржуазии).

Если демократические законы, по мнению Токвиля, обычно стремятся обеспечить благо большинства, поскольку они исходят от большинства граждан, которые могут ошибаться, но не могут выражать чуждых себе интересов, то аристократические законы, напротив, тяготеют к сосредоточению власти и богатства в руках небольшой группы людей, поскольку аристократия

¹⁰⁴⁸ Токвиль А. Демократия в Америке... С. 27.

¹⁰⁴⁹ Там же. С. 29.

¹⁰⁵⁰ См.: Лефор К. Указ. соч. С. 233; Исаев С.А. Алексис Токвиль... С. 43.

¹⁰⁵¹ Токвиль А. Демократия в Америке... С. 29.

всегда является меньшинством¹⁰⁵². Токвиль признает, что демократическое законотворчество несет больше блага человечеству, чем аристократическое, но аристократия мудрее и более умело пользуется законодательством, чем демократия. По его мнению, законы аристократии продуманны и долговечны, законы демократии несовершенны и несвоевременны. И главное – демократия часто ошибается в выборе людей, которым она доверяет власть, а народное благо требует от правителей добродетелей и талантов¹⁰⁵³.

Равенство – общественное состояние, свойственное демократии, при котором отсутствует иерархия и барьеры между социальными слоями, люди обладают одинаковыми возможностями. Процесс достижения равенства – демократическая революция или распространение демократии, т.е. в известной степени Токвиль отождествляет равенство и демократию¹⁰⁵⁴. Клод Лефор заметил, что во введении к первому тому «Демократии в Америке» понятия равенства условий и демократии непрерывно друг друга сменяют¹⁰⁵⁵. Токвиль восхищается в равенстве тем, что оно формирует в умах и сердцах людей некое смутное представление о политической независимости и инстинктивное стремление к ней¹⁰⁵⁶.

Философ выделяет две тенденции, порожденные равенством: первая ведет людей к независимости и свободе, однако может внезапно подтолкнуть граждан к анархии; вторая тенденция проявляется не так быстро и не так наглядно, она целенаправленно ведет людей к закреплению и деспотизму¹⁰⁵⁷. Равенство, делающее людей независимыми друг от друга, развивает индивидуализм: «Из всех политических последствий, порождаемых социальным равенством, именно это стремление к независимости прежде всего бросается в глаза...»¹⁰⁵⁸ Однако такой путь чреват политическим хаосом, анархией и разрушением здания социального устройства в периоды ослабления центральной власти, поскольку в такие моменты каждый отдельный гражданин предпочитает держаться от всего в стороне¹⁰⁵⁹. Замечая более очевидные опасности первого пути, люди выбирают второй, опасности которого скрыты от поверхностного взгляда.

С.А. Исаев и И.О. Дементьев справедливо связывают равенство с важной для Токвиля категорией нравственности и определяют его как императив общественного сознания, побуждающий людей разрушать сословные грани и превращающий аристократическое

---

¹⁰⁵² См.: там же. С. 185.

¹⁰⁵³ См.: там же.

¹⁰⁵⁴ См.: там же. С. 27–28.

¹⁰⁵⁵ См.: Лефор К. Указ. соч. С. 233.

¹⁰⁵⁶ См.: Токвиль А. Демократия в Америке... С. 482.

¹⁰⁵⁷ См.: там же. С. 481.

¹⁰⁵⁸ Там же.

¹⁰⁵⁹ См.: там же.

общество в демократическое¹⁰⁶⁰. П. Манан склонен делать акценты угрозах равенства, о которых говорит Токвиль. Исследователь отмечает озабоченность Токвиля раздробленностью общества, коей потворствует равенство условий. Подобное состояние чревато появлением власти, внешней по отношению к обществу и установлением диктатуры общественного мнения. Равенство, устанавливая тиранию общественного мнения, ведет к интеллектуальной стандартизации, при которой каждый индивид видит, хочет и может видеть только нечто подобное. В этих условиях человек стремительно прибегает к общим идеям, и в сознании людей растет потребность обнаруживать во всех отношениях общие правила, объяснять многообразие фактов общими причинами¹⁰⁶¹.

Свобода – ключевое понятие политической философии Токвиля, определение которому мыслитель не дает, но объясняет его через действие. Поскольку демократия имеет политическое и социальное измерение, свободе также характерна двойственность. Токвиль, как и многие его единомышленники, выделяет свободу индивидуальную и политическую. Дж. Ливли, М.М. Федорова и многие другие исследователи также выделяют два понимания свободы у Токвиля. Во-первых, это исторически сложившаяся общечеловеческая свобода, закрепляющая необходимый минимум прав человека. При такой свободе люди могут быть угнетены политически, но сохраняют определенное пространство личной свободы, существование которого обусловлено самой природой человека. Во-вторых, это политическая свобода, возникшая на основе индивидуальной¹⁰⁶². С.А. Исаев определяет свободу у Токвиля как «политическое устройство народа, при котором исключается произвол и поправление властью правопорядка. При демократии свобода обеспечивается разделением властей»¹⁰⁶³.

Если для Константа первостепенное значение имела индивидуальная свобода, то Токвиль убежден, что без политической свободы невозможна и индивидуальная. Исследователи отмечают, что свобода у Токвиля теснейшим образом связана с равенством, поскольку она равна и одинакова для всех¹⁰⁶⁴. Мыслитель и сам признался, что возможно представить некую точку, в которой свобода и равенство пересекутся: «Предположим, что все граждане соучаствуют в управлении государством и что каждый имеет совершенно равное право принимать в этом участие. В этом случае никто не будет отличаться от себе подобных и ни один человек не сможет обладать тиранической властью; люди будут совершенно свободны, потому что они будут полностью равны, и они будут совершенно равны, потому что будут

¹⁰⁶⁰ См.: Исаев С.А. Алексис Токвиль... С. 43; Дементьев И. О. Политическая теория Алексиса де Токвиля... С. 162.

¹⁰⁶¹ См.: Manent P. Tocqueville... P. 57–68.

¹⁰⁶² См.: Lively J. Op. cit. P. 9–10; Федорова М.М. Либерализм первой половины XIX в... С. 55–61.

¹⁰⁶³ Исаев С.А. Указ. соч. С. 43.

¹⁰⁶⁴ См.: Федорова М.М. Либерализм первой половины XIX... С. 60.

полностью свободны»¹⁰⁶⁵. По мнению Токвиля, описанное им состояние является идеалом, к которому стремятся демократические народы.

По собственному признанию Токвиля, исходным для него было понимание свободы у Джона Уинтропа (1588–1649)¹⁰⁶⁶, в политической философии которого этот термин также играл важную роль¹⁰⁶⁷. Американский государственный деятель выделял два вида свободы: естественную и гражданскую¹⁰⁶⁸. Естественная свобода, единая для всех живых созданий, по мнению Уинтропа постыдна, поскольку «человеческая природа находится в развращенном состоянии», в политике же такая свобода приведет к тому, что человек, наделенный властными полномочиями становится подобным хищному животному и действует только в угоду себе, но не на благо общества¹⁰⁶⁹. Принимая критику естественной свободы, предложенную Уинтропом, Токвиль занимает антирусоистскую позицию. Гражданская свобода у Уинтропа регулируется ковенантом (договором) между Богом и людьми, в ее же рамках существуют политические договоры между людьми. Именно этот вид свободы Уинтроп считает целью власти¹⁰⁷⁰.

Токвиль указывает на опасность, которая кроется в приоритете личной свободы, в точке, где «свобода и равенство совпадают»: демократический идеал свободы способствует изоляции членов общества и делает индивидов замкнутыми на себе, а разобщенное общество становится легкой добычей деспота¹⁰⁷¹. Политическая свобода призвана уберечь от опасности, которую несет равенство, поскольку она позволяет создавать устойчивые политические союзы и объединения, способные противостоять деспотизму.

М.М. Федорова резюмирует: «...идеал свободы, по Токвилю, объединяет в себе два противоречивых, но дополняющих друг друга процесса. Во-первых, принцип суверенитета личности приводит к постепенному размыванию личностных влияний, при помощи которых осуществлялось единство общества при аристократии. В то время как в гражданском обществе происходит высвобождение человека, в политической сфере вездесущность мажоритарной воли не позволяет ни одному индивиду избежать влияния со стороны общества. Во-вторых, идет менее спонтанный, т.е. более осознанный процесс восстановления социальной ткани, социальных связей [...], вплетение в демократический процесс того положительного, что было создано аристократией»¹⁰⁷².

¹⁰⁶⁵ Токвиль А. Демократия... С. 371.

¹⁰⁶⁶ См.: там же. С. 53.

¹⁰⁶⁷ См.: Winthrop J. Winthrop's Journal. History of New England, 1630–1649. Vol. 2. N.Y., 1908. P. 238.

¹⁰⁶⁸ См.: Ibid.

¹⁰⁶⁹ См.: Ibid.

¹⁰⁷⁰ Ibid.

¹⁰⁷¹ Токвиль А. Демократия в Америке... С. 375.

¹⁰⁷² Федорова М.М. Либерализм первой половины XIX... С. 61.

Токвиль также выделяет отдельные *политические свободы* – свободу совести, печати, ассоциаций, местную свободу – и утверждает, что они способствуют изменению законов, меняет нравы¹⁰⁷³. Свобода печати, по мнению Токвиля, необходима для защиты от деспотизма, однако сама по себе, она не привлекает французского мыслителя: «Я люблю ее гораздо больше за то, что она мешает злу осуществиться, нежели за те блага, которые она приносит»¹⁰⁷⁴. Вместе с тем, мыслитель убежден, что неограниченная свобода печати приведет именно к деспотизму, потому что ей смогут пользоваться как добропорядочные граждане, так и пропагандисты¹⁰⁷⁵. Токвиль также занимает умеренную позицию относительно свободы совести, выбирая нечто срединное между полной независимостью мысли и полным порабощением взглядов¹⁰⁷⁶. Делая свой выбор, мыслитель исходит из принципа, что важная функция свободы – поддержание общественного порядка. Свобода связана с народным суверенитетом: «В стране, где открыто признается суверенитет народа, цензура не только опасна, она абсурдна»¹⁰⁷⁷. Для Токвиля суверенность народа и свобода полностью соотносимы, а цензура и всеобщее избирательное право противоречат друг другу и не могут долго сосуществовать в политических институтах одного народа¹⁰⁷⁸.

Деспотизм – отсутствие свободы, полное подавление народного суверенитета. Токвиль считает, что деспотизм может стать инструментом политики в самую последнюю очередь, когда иные средства бессильны. Есть только один пример, когда мыслитель говорит о необходимости деспотизма – Токвиль призывает «употребить силу», чтобы заставить индейцев Северной и Южной Америки жить: «Создается впечатление, что народ, населяющий это красивое полушарие, упрямо стремится вырвать себе внутренности, и ничто не может его от этого отвлечь. Обессилив, он дает себе короткий отдых, а после отдыха им тут же овладевает новое неистовство. Присмотревшись к его жизни, то нищей, то преступной, я испытал искушение поверить, что для этого народа деспотизм был бы благом»¹⁰⁷⁹. Тем не менее отношение Токвиля к деспотизму сугубо отрицательное, мыслитель признается, что слова деспотизм и благо никогда не смогут стоять рядом в его голове¹⁰⁸⁰.

Деспотизм находит благоприятную почву и в народном суверенитете: «Воля народа есть, пожалуй, один из тех лозунгов, которым интриганы и деспоты всех времен и народов наиболее

¹⁰⁷³ См.: Токвиль А. Демократия в Америке... С. 149.

¹⁰⁷⁴ Там же.

¹⁰⁷⁵ См.: там же.

¹⁰⁷⁶ См.: там же.

¹⁰⁷⁷ Там же. С. 150.

¹⁰⁷⁸ См.: там же.

¹⁰⁷⁹ Там же. С. 181.

¹⁰⁸⁰ См.: Там же.

злоупотребляли»¹⁰⁸¹. Защитить от деспотизма может разделение властей и развитые государственные институты, их же слабость или номинальное существование неизбежно приведут к тому, что «деспотизм, загнанный внутрь общественного организма, рано или поздно вновь появится на поверхности»¹⁰⁸². По мнению Токвиля, Монтескьё, признавая за деспотизмом особую, лишь ему присущую силу, оказывал этому явлению незаслуженную честь: «Деспотизм сам по себе не может быть прочной основой общества»¹⁰⁸³.

Если при аристократическом правлении народ защищен от крайних проявлений деспотизма, потому что всегда находится некая организованная сила, способная оказать сопротивление деспоту, то при демократии с недоразвитыми институтами власти и гражданского общества, деспотизм может беспрепятственно восторжествовать¹⁰⁸⁴.

5.2. Соотношение свободы и равенства в либеральном консерватизме Токвиля

Соотношение свободы и равенства – ключевая проблема политической философии Токвиля, решение которой позволяет определить некий водораздел между либерализмом и демократией¹⁰⁸⁵. Токвиль считал, что равенство неизбежно наступит, однако без свободы оно будет нестерпимо. Задавшись вопросом, каким образом люди могут быть равными и свободными, Токвиль отправился в Америку, где его поразило равенство условий существования людей¹⁰⁸⁶.

Токвиль не противопоставляет свободу и равенство, не говорит об их несовместимости¹⁰⁸⁷, нигде не упоминает о возможности установления свободы без равенства. Однако свобода для мыслителя является абсолютной ценностью, ценность же равенства, распространившегося в ходе исторического развития, относительна¹⁰⁸⁸. Вопрос о доминировании свободы или равенства – это вопрос ведущей ценности, являющейся

---

¹⁰⁸¹ Там же. С. 62.

¹⁰⁸² См.: там же. С. 65.

¹⁰⁸³ Там же. С. 88.

¹⁰⁸⁴ См.: там же. С. 90.

¹⁰⁸⁵ Girard L. Les libéraux français... P. 189.

¹⁰⁸⁶ См.: Токвиль А. Демократия в Америке... С. 27.

¹⁰⁸⁷ См.: Ботьц М. Указ. соч. С. 25.

¹⁰⁸⁸ См.: Дементьев И. О. Политическая теория Алексиса де Токвиля... С. 163.

фундаментом общественного порядка, задающей вектор социального и политического развития.

Свобода и равенство в демократиях, согласно Токвилю, оказываются не одинаковыми вещами. Цена свободы ощутима сразу же; цена равенства делается заметной постепенно. Н. Больц, комментируя Токвиля, замечает, что иногда случается и наоборот: блага свободы раскрываются постепенно, а блага равенства можно ощутить сразу же, поэтому не стоит удивляться, что стремление к равенству столь велико, а любовь к свободе всего лишь умеренна¹⁰⁸⁹.

Таким образом, в демократиях граждане ценят свободу, но не рассматривают ее как ведущую ценность, отдавая предпочтение равенству. Они могут устремляться к свободе под влиянием сиюминутных импульсов и, если не достигают ее, то безропотно покоряются судьбе, потому что «им ничего не нужно, кроме равенства, и они скорее согласились бы погибнуть, чем лишиться его»¹⁰⁹⁰. В таком подходе Токвиль видит явное несоответствие принципов. Сложность сочетания свободы и равенства в политической сфере, по его мнению, заключается в том, что известны всего два способа, которыми можно достичь равенства в социальной сфере: нужно либо дать все права каждому гражданину, либо же не давать их никому¹⁰⁹¹. Мыслитель признает обоснованность стремления к равенству, но в то же время говорит, что иногда это стремление проистекает из силы – люди борются и конкурируют за признание и уважение себе подобных, а иногда это стремление исходит из слабости, когда слабые желают низвести сильных до собственного уровня, и люди при демократии могут скорее согласиться на равенство в рабстве, чем на неравенство в свободе¹⁰⁹².

Токвиль считает, что равенство порождает две тенденции: первая ведет людей к независимости и может подтолкнуть их к анархии; вторая тенденция не столь очевидна, она ведет людей к деспотизму и закрепощению¹⁰⁹³. Однако предотвратить нежелательные последствия равенства может свобода.

Размышляя о первой тенденции, мыслитель замечает, что равенство, делающее людей независимыми друг от друга, вырабатывает в них склонность руководствоваться лишь собственными желаниями. П. Манан отмечает, что это мнимый индивидуализм: люди отказываются доверять окружающим, сосредотачиваются на себе в убежденности, что каждый

¹⁰⁸⁹ См.: Больц Н. Указ. соч. С. 26.

¹⁰⁹⁰ Там же. С. 61.

¹⁰⁹¹ См.: там же.

¹⁰⁹² См.: там же.

¹⁰⁹³ См.: Токвиль А. Демократия... С. 481.

также хорош, как и другой, и это неизбежно ведет к потере всяких ориентиров, интеллектуальных и духовных авторитетов, а человек становится отчужденным¹⁰⁹⁴.

Полная независимость, которой люди пользуются в отношении с равными себе, со временем вызывает у них недовольство любой властью, а затем формирует понятие политической свободы и приверженность ее принципам¹⁰⁹⁵. Социальное равенство, порождающее стремление к независимости, вернее всего может привести к демократической анархии, которая обретает более опасные формы, чем в любом другом обществе: «...если граждане лишены возможности воздействовать друг на друга, то в случаях, когда сдерживающая их государственная власть ослабляется, быстро наступает политический хаос, и поскольку каждый отдельный гражданин предпочитает держаться от всего в стороне, здание социального устройства мгновенно рассыпается в прах»¹⁰⁹⁶.

Анархия – как первое из возможных следствий равенства, по мнению Токвиля, не так опасна, как второе возможное следствие – деспотизм, потому что люди быстро распознают угрозу анархии и всячески ей противодействуют, позволяя увлечь себя в другом направлении¹⁰⁹⁷. Когда граждане равны между собой и среди них нет лучших, им становится сложно защищать свою независимость от нажима властей, поскольку никто из людей не оказывается достаточно сильным, чтобы успешно сопротивляться поодиночке, поэтому лишь объединяя свои усилия, сообщая, люди способны гарантировать себе сохранение свободы¹⁰⁹⁸. Отчужденный же человек не верит ни другому гражданину, ни классу, ни церкви, но верит общественному мнению, которое безгранично преобладает в демократическом обществе. Общественное мнение осуществляет постепенное и почти неотразимое давление на разум людей, поработывая его. П. Манан замечает, что демократическая власть, в понимании Токвиля, оказывает давление на граждан посредством общественного мнения, которое, отличаясь оттенками, по сути едино. Тирания общественного мнения опасна в силу своей неочевидности, она ведет к интеллектуальной стандартизации¹⁰⁹⁹. Итак, по мнению Токвиля, люди на основе одного и того же общественного строя могут добиться двух разных результатов, схожих между собой лишь отсутствием свободы.

Токвиль критикует физиократов, которые ратуют в первую очередь за экономическую свободу и борются не только с некоторыми привилегиями, но и стремятся преодолеть сами

¹⁰⁹⁴ См.: Manent P. Tocqueville... P. 64–65.

¹⁰⁹⁵ См.: Токвиль А. Демократия... С. 481.

¹⁰⁹⁶ Там же. С. 481.

¹⁰⁹⁷ См.: там же. С. 482.

¹⁰⁹⁸ Там же. С. 61.

¹⁰⁹⁹ См.: Manent P. Tocqueville... P. 67.

различия между людьми, поклоняясь равенству «вплоть до рабства»¹¹⁰⁰. В связи с этим К. Лефор напоминает, что политический либерализм, как он формируется у Токвиля, имеет другую сущность, чем экономический либерализм¹¹⁰¹. В последнем Токвиль видит потенциального союзника равенства и деспотизма. Поэтому аргументы, с помощью которых Токвиль доказывает близость физиократов XVIII в. и социалистов XIX в. не имеют существенного значения, потому что физиократы строили свои концепции главным образом в поле экономики, а социалисты создавали свою идеологию как в поле экономики, так и в пространстве политики.

Токвиль враждебен к проекту социализма как общественного строя, в котором при помощи агрессивного принуждения к равенству под угрозой неминуемо окажется свобода отдельных граждан. Общее благо уничтожает частное право, борьба с привилегиями перерастает в ненависть ко всему отличному, борьба рабов с господами принимается за свободу¹¹⁰². П. Манан видит в позиции Токвиля глубокую враждебность аристократа не только к «фабричной аристократии» нуворишей, но и к рабочим¹¹⁰³. Больц, комментируя Токвиля, замечает, что во время Французской революции свобода и равенство сражались вместе, но после победы их пути разошлись: «Это означает, что до тех пор, пока равенство может использовать свободу в политических целях, равенство и свобода связаны друг с другом. Только в борьбе с автократической властью свобода и равенство могут быть союзниками. Затем культ победившего равенства потребует принести в жертву свободу. Этот культ настолько фанатичен, что сменится с рабством»¹¹⁰⁴. Чем шире равенство распространяется между гражданами, тем меньше готовность одних верить другим или повиноваться им; при равенстве все граждане независимы, но слабы, их желаниями руководит движение толпы¹¹⁰⁵. Воспринимая себя равными, люди перестают доверять друг другу, одновременно с этим растет готовность верить массам – тирания общественного мнения: «Если, уничтожив различные силы, которые сверх всякой меры затрудняли или сдерживали рост индивидуального самосознания, демократические народы станут поклоняться абсолютной власти большинства, зло лишь изменит свой облик. В этом случае люди не найдут способа добиться свободной жизни; они лишь с великим трудом сумеют распознать новую логику рабства»¹¹⁰⁶.

¹¹⁰⁰ См.: Токвиль А. Старый порядок... С. 143.

¹¹⁰¹ См.: Лефор К. Указ. соч. С. 212.

¹¹⁰² См.: Токвиль А. Воспоминания... С. 154.

¹¹⁰³ См.: Manent P. Tocqueville... P. 59.

¹¹⁰⁴ Больц Н. Указ. соч. С. 33.

¹¹⁰⁵ См.: Manent P. Tocqueville... P. 69.

¹¹⁰⁶ Токвиль А. Демократия в Америке... С. 324.

При господстве равенства политическая свобода сводится к системе институтов, предназначенных для охраны индивидуальной свободы, но, согласно Токвилю, свобода возникла исторически вне связи с этими учреждениями, поэтому они лишь могут имитировать ее присутствие. Мыслитель убежден, что институциональные проявления свободы ненадежны и могут приспособиться к новому проявлению рабства¹¹⁰⁷. Комментируя этот тезис, Лефор замечает, когда мы говорим, что люди раскрываются в демократии как индивиды и как граждане, нужно еще понять, что ничто не способно материализовать их свободу, как бы важны не были поддерживающие ее институты¹¹⁰⁸.

Свобода может спасти равенство как от анархии, так и от деспотизма: «...есть только одно эффективное средство борьбы против этого зла, которое может быть порождено равенством. Это средство – политическая свобода»¹¹⁰⁹. Гражданское общество, различные политические объединения и организации, которые складываются в общественной жизни и не ставят перед собой никаких политических целей, по мнению Токвиля, могут защитить людей от деспотизма большинства. Каждый гражданин становится сам по себе менее могущественным и менее способным в одиночку сохранить свою свободу, с наступлением равенства возрастает опасность тирании, и граждане должны найти способ сплотиться для защиты своей свободы¹¹¹⁰. Однако Токвиль признает, что стремление к свободе всегда идет рука об руку с враждебными ей устремлениями¹¹¹¹.

Обезопасить равенство может умеренная свобода, сочетающаяся с порядком. Свободный человек, по мнению Токвиля, неизбежно подчиняется обществу, но совсем не потому, что менее других способен управлять государственными делами, и не потому, что менее других способен управлять самим собой: «...он повинует обществу потому, что признает для себя полезным союз с себе подобными и понимает, что данный союз не может существовать без власти, поддерживающей порядок»¹¹¹². Таким образом, Токвиль формулирует классический либеральный принцип: личная свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека. Философ замечает, что во всем том, что касается взаимных обязанностей граждан по отношению друг к другу, отдельный человек оказывается в положении подчиненного, однако во всем том, что касается лишь его самого, он остается полновластным хозяином: «Он свободен и обязан отчитываться в своих действиях лишь перед

---

¹¹⁰⁷ См.: там же. С. 217.

¹¹⁰⁸ См.: Лефор К. Указ. соч. С. 217.

¹¹⁰⁹ Токвиль А. Демократия в Америке... С. 378.

¹¹¹⁰ См.: там же.

¹¹¹¹ См.: Токвиль А. Старый порядок... С. 144.

¹¹¹² Токвиль А. Воспоминания... С. 68

Богом»¹¹¹³. Отсюда вытекает правило, что каждый человек есть лучший и единственный судья в том, что касается его собственных интересов, и что общество только тогда имеет право направлять его действия, когда этими действиями он может нанести обществу ущерб, или же в том случае, когда общество вынуждено прибегнуть к помощи этого человека¹¹¹⁴.

Исследователи давно заметили, что в рассуждениях Токвиля индивидуальная и политическая свобода не обходятся друг без друга¹¹¹⁵. Подобная нерасчлененность объясняется тем, что свобода не локализуема, потому что она не является атрибутом человеческого существования, но она конститутивна в отношении его и не дифференцируется на составляющие.

Иерархичное аристократическое общество, организованное на основе многочисленных сетей личной зависимости, связующих последнее звено с первым, крестьянина с королем, привлекает Токвиля естественностью отношений и взаимозависимостью, которая и представляет собой *аристократическую свободу*. Лефор замечает, что в замке, поместье, коммуне, люди соотносились друг с другом; каждый замечал кого-то выше и ниже себя. Исчезновение же фигуры другого – ближнего, разрушение власти, ставшей гарантом социальной связи, имеет двойное следствие, а именно то, что индивид приобретает понятие общества, в котором он сам определен в качестве подобного, и что он не мог бы его видеть – ни видеть самого себя, ни видеть других в нем, – что он мог бы только потерять признаки своей идентичности, отказываясь от своей особенной перспективы, которая поглощается анонимным видением¹¹¹⁶. По мнению Токвиля, выравнивание условий существования народа, ведет к тому, что индивиды кажутся меньше, а общество больше, индивид поглощается народом¹¹¹⁷. Своими умозаключениями французский мыслитель создает популярный сегодня образ человека, затерянного в толпе. Человек этот быстро примыкает к общим воззрениям и испытывает потребность обнаруживать во всех отношениях общие правила, объяснять многообразие явлений общими причинами. П. Манан замечает, что отсюда «демократические языки» наполняются «родовыми понятиями» и «абстрактными словами», которые используются по всякому поводу и без связи с фактами. Они окутывают мысль и, увеличивая скорость понимания, уменьшают значимость идей. Таким образом, демократия стремится к тому, чтобы сокращать реальную интеллектуальную свободу индивидов¹¹¹⁸.

---

¹¹¹³ Там же.

¹¹¹⁴ См.: там же.

¹¹¹⁵ См.: Nantet J. Tocqueville... P. 82; Лефор К. Указ. соч. С. 218.

¹¹¹⁶ См.: Лефор К. Указ. соч. С. 226.

¹¹¹⁷ См.: Токвиль А. Демократия в Америке... С. 298.

¹¹¹⁸ См.: Manent P. Tocqueville... P. 69–70.

Парадокс *демократической свободы*, которую Токвиль считал справедливой, заключается в непрочном существовании человека, вынужденного всякий раз заново решать для себя дилемму: подниматься до уровня гражданских добродетелей или погружаться в бездну рабской покорности¹¹¹⁹. Эти противоречия возникают из того, что демократическая свобода всегда соотносится с равенством.

Токвиль убежден, что демократическое равенство не может быть универсальной ценностью¹¹²⁰. Так, Европа и особенно Франция представлены театром беспорядка: демократия там подвластна случаю, а власть находится не в руках тех, кто способен управлять, на Американском континенте демократия существует более органично. Лефор замечает, что Токвиль хочет извлечь уроки из этой модели¹¹²¹, однако не следует забывать, что во всех своих крупных работах Токвиль неоднократно оговаривался, что принципы и институты, подходящие для одного народа, не обязательно подойдут другому.

Манан справедливо замечает, что Токвиль нигде прямо не сопоставляет демократическую и аристократическую свободу, хотя различия между ними – важная проблема его политической философии¹¹²². Классик либерального консерватизма является бесспорным сторонником индивидуализма, поскольку убежден, что суверенное желание не обязательно тождественно совокупности всех желаний. По его мнению, реализованная демократическая свобода подавляет индивида, в то время как аристократическая – способствует его развитию и самостоятельности. Например, в аристократических обществах люди не испытывают необходимости присоединяться к ассоциациям, при демократии же индивид становится заложником всевозможных объединений¹¹²³. Токвиль заметил, что за внешними достоинствами демократических ценностей – свободы слова, печати, объединений – скрывается реальное неравенство членов общества и угнетение индивида¹¹²⁴.

Токвиль фокусировал внимание на противоречии между равенством и свободой. Мыслитель, как и многие его современники, признавал большое значение личной свободы, однако считал, что она подразумевает равенство и опасна изоляцией отдельных членов общества. Точка совпадения свободы и равенства является точкой, в которой рушатся все общественные связи, человек сосредоточен на себе и не признает никаких авторитетов. В этом состоянии индивиды становятся легкой добычей власти, внешней по отношению к обществу, использующей инструменты «тирании общественного мнения» для подчинения граждан. Во

¹¹¹⁹ Федорова М.М. Либерализм первой половины XIX... С. 60.

¹¹²⁰ См.: Nantet J. Tocqueville... P. 83.

¹¹²¹ См.: Лефор К. Указ. соч. С. 242.

¹¹²² См.: Manent P. Tocqueville... P. 37.

¹¹²³ См.: Ibid. P. 45.

¹¹²⁴ См.: Ibid. P. 49.

избежание угроз со стороны равенства есть только одно действенное средство – политическая свобода, которая позволяет создавать ассоциации и объединения. Теоретик либеральной демократии Констан считал, что индивид при демократии может быть независимым как в частной, так и в политической жизни (при этом политическая жизнь предстает внешней по отношению к личности). Теоретик либерального консерватизма Токвиль показал, как демократическое равенство может превращаться в тиранию или анархию, замаскированную демократическими институтами, имитирующими свободу, безопасным же может быть только равенство, сочетающееся с политической свободой.

5.3. Проблема суверенитета в политической философии Токвиля

Концепция суверенитета Токвиля в целом носит доктринерский характер и близка к основным положениям теории Гизо, но строится главным образом вокруг критики «демократического деспотизма» или народного суверенитета, возведенного в Абсолют. Главным идейным оппонентом Токвиля в вопросе суверенитета был Б. Констан (идея народного суверенитета восходит к Руссо¹¹²⁵), полагавший, что деспотизм принадлежит исключительно прошлому и не может возникнуть на почве народовластия и равенства. Токвиль не разделял беспечности знаменитого идеолога и говорил об опасностях демократии и рисках индивидуализма, которые кроются в недрах гражданского общества.

Токвиль убежден, что постепенное установление равенства условий есть предначертанная свыше необходимость. Это всемирный процесс, который носит долговременный характер и с каждым днем все менее и менее зависит от воли людей: «Все события, как и все люди, способствуют его развитию»¹¹²⁶. Равенство, распространившееся на сферу политического, порождает народный суверенитет, когда правами обладают все граждане, или деспотизм, когда правом обладает только один человек – тиран¹¹²⁷. Однако равенство под властью тирана – суверенитет королей – принадлежит, по мнению Токвиля, прошлому, потому что столь далеко зашедший социальный процесс не может быть остановлен силами одного

¹¹²⁵ Смотрите подробнее в разделе 3.6. настоящего исследования.

¹¹²⁶ Токвиль А. Демократия... С. 29.

¹¹²⁷ См.: Лефор К. Указ. соч. С. 238.

поколения, а уничтожившая феодальную систему и победившая королей демократия не отступит перед буржуазией и богачами¹¹²⁸.

Токвиль считает, что принцип народовластия так или иначе заложен в основу любых общественных институтов, но бывает более или менее заметен. С этим принципом не только считаются, но ему подчиняются, хоть и не признают. Суверенитет народа – это не следствие политической системы демократии, но ее порождающий принцип. Манан указывает, что истоки американской демократии как политического режима Токвиль предлагает искать (и ищет сам) в принципе народного суверенитета¹¹²⁹. Так классик политической теории описывает войну за независимость в США как борьбу за верховенство народного суверенитета над аристократическим правлением, и победа в этой войне впервые в истории возвела догму о народном суверенитете во главу правительства¹¹³⁰.

Самым непосредственным проявлением народного суверенитета служат спонтанные восстания, происходившие при любых правлениях. Зная о значении «воли народов», к ней обращаются деспоты и интриганы: «Одни считали, что эта воля выражается одобрением, исходящим от отдельных продажных приспешников власти; другие видели ее в голосах заинтересованного или боязливой меньшинства; некоторые даже находили, что воля народа наиболее полно проявляется в его молчании и что из самого факта его повиновения рождается их право повелевать»¹¹³¹. Таким образом, воля народа или народный суверенитет, в понимании Токвиля, – это принцип формирования любого, в том числе деспотического государства, поэтому народовластие нельзя рассматривать как признак общества, где существует свобода. Говоря о современной ему России, Токвиль заметил, что принцип народного верховенства «служит фундаментом для всякого правительства и кроется под самыми нелиберальными государственными учреждениями»¹¹³².

Признаком подлинного народного суверенитета, по мнению Токвиля, является свобода печати: «В стране где *открыто* (курсив мой – С.М.) признается суверенитет народа, цензура не только опасна, она абсурдна»¹¹³³. То есть суверенность народа и свобода печати полностью соотносятся, а цензура и всеобщее избирательное право противоречат друг другу и не могут долго существовать в политических институтах одного народа. Токвиль убежден, когда каждому гражданину предоставляется право управлять обществом, нужно признавать за этим гражданином способность делать правильный выбор и умение давать правильную оценку

¹¹²⁸ См.: Токвиль А. Демократия в Америке... С. 29.

¹¹²⁹ См.: Menant P. Tocqueville... P. 16.

¹¹³⁰ См.: Ibid. P. 17.

¹¹³¹ Токвиль А. Демократия в Америке... С. 62.

¹¹³² Токвиль А. Воспоминания... С. 276.

¹¹³³ Токвиль А. Демократия в Америке... С. 150.

происходящим событиям¹¹³⁴. Отношение самого Токвиля к свободе печати в целом доктринерское, заметно, что мыслитель всегда сопровождает оговорками свои похвалы этого явления¹¹³⁵. Он признается, что не испытывает к ней любви с первого взгляда, «которую испытываешь к вещам, добротным по своей природе и вне зависимости от чего бы то ни было»: «Я люблю ее гораздо больше за то, что она мешает злу осуществиться, нежели за те блага, которые она приносит»¹¹³⁶. Токвиль неоднократно говорил, что является сторонником умеренной, промежуточной позиции между полной независимостью мысли и ее порабощением, именно поэтому он настороженно относился к власти общественного мнения, считая последнюю ненормативной¹¹³⁷.

По мнению Токвиля, важной проблемой является та, что народный суверенитет подавляет индивидуальные свободы во имя интересов общества: «Государство все более и более стремится самостоятельно управлять всеми, даже самыми ничтожными из его граждан, во всех самых незначительных делах»¹¹³⁸. Токвиль замечает, что при Старом порядке благотворительные и образовательные учреждения возникали вследствие частной инициативы и принадлежали отдельным людям или корпорациям, но после демократической революции эти заведения зависят от государства, которое становится единственным кормильцем голодных, утешителем всех страждущих: «Государство получает, а иногда и само отбирает ребенка у матери, чтобы доверить его воспитание своим уполномоченным; оно само формирует образ мыслей нового поколения. В образовании, как и во всем ином, царит дух единообразия; разнообразие, как и свобода, исчезает из школы»¹¹³⁹.

С демократией Токвиль связывает неизбежное развитие коллективизма. Если при аристократии индивид, как это ни парадоксально, может существовать вне ассоциаций, то при демократии он становится заложником всевозможных объединений и даже свою политическую свободу человек вынужден делегировать партиям. Манан отмечает негативное отношение Токвиля к политическим партиям в целом и, в особенности, к малым партиям, поскольку большие политические объединения строятся на основе определенных принципов, а малые часто руководствуются сиюминутными целями и будоражат общество по ничтожным вопросам¹¹⁴⁰.

---

¹¹³⁴ См.: там же.

¹¹³⁵ См.: Лефор К. Указ. соч. С. 215.

¹¹³⁶ Токвиль А. Демократия в Америке... С. 149.

¹¹³⁷ См.: Menant P. Tocqueville... P. 20.

¹¹³⁸ Токвиль А. Демократия в Америке... С. 489.

¹¹³⁹ Там же. С. 490.

¹¹⁴⁰ См.: Menant P. Tocqueville... P. 30.

При аристократическом суверенитете государство непосредственно руководило своими гражданами только тогда, когда их деятельность имела очевидную связь с общенациональными интересами. Во всех прочих ситуациях государство предоставляло гражданам полную свободу: «В те времена правительство как бы не принимало во внимание того факта, что заблуждения и нищета отдельных граждан ставят под сомнение всеобщее благополучие, и поэтому попытка помешать разорению каждого отдельного члена общества должна быть делом всеобщим»¹¹⁴¹. Таким образом, по мнению Токвиля, аристократический суверенитет выступает против иждивенчества и способствует как развитию индивида, так и развитию инициативного гражданского общества.

Напротив, при народном суверенитете компетенция государства распространяется не только на всю сферу прежних органов власти; границы этой сферы уже не могут сдерживать власть государства, и она начинает распространяться на те области, которые ранее всегда были сферой индивидуальных свобод: «Множество видов деятельности, которые никогда до этого не контролировались государством, сегодня подпадают под его контроль, при этом число таких видов деятельности постоянно возрастает»¹¹⁴².

Аристократический суверенитет вынуждает подчиняться отдельным принципам и идеям, которые высказывают авторитеты, потому что ни одно общество не может существовать без догматических убеждений, которые принимаются гражданами на веру. Токвиль признает, что «это рабство допустимо и даже благотворно»¹¹⁴³. Однако строгая ориентация на демократические идеалы равенства превращает это благородное равенство в новую форму тирании, когда государство управляет всем народом и чувствует ответственность за дела и судьбы каждого своего подданного, а отдельные граждане все чаще рассматривают государственную власть под этим же углом зрения, обращаясь к ней со всеми своими нуждами и воспринимая ее как своего рода руководителя или наставника¹¹⁴⁴.

Как ни странно, но при демократии, по мнению Токвиля, под угрозой оказывается судебная власть, потому что тяжбы случаются не только между отдельными гражданами, но гражданами с одной стороны и государством с другой. Сильное централизованное государство (исполнительная власть) сужает независимость и юрисдикцию судебной власти, избавляя себя от обязанности добиваться одобрения своих действий со ее стороны, т.е. между собой и

---

¹¹⁴¹ Токвиль А. Демократия в Америке... С. 490.

¹¹⁴² Там же.

¹¹⁴³ Там же. С. 323.

¹¹⁴⁴ См.: там же. С. 490.

гражданами страны правительство хотело бы поместить вместо самого правосудия лишь его призрак¹¹⁴⁵.

Токвиль признает, что аристократическое правление может принять деспотические формы, однако деспотизм при аристократии ограничен и распространяется на небольшое число подданных: «В качестве объекта тирании выбирались некоторые наиболее важные персоны, остальные игнорировались; тирания была свирепой, но ограниченной»¹¹⁴⁶. Деспотизм в демократических обществах, по мнению Токвиля, менее жестокий, но более всеобъемлющий, принижая людей, он не подвергает их мучениям и является скрытым злом, а равенство, которое способствует установлению деспотизма, одновременно смягчает его¹¹⁴⁷. Жестокими и коварными демократические правительства могут быть в моменты народных волнений и большой опасности, но кризисы эти редки и кратковременны: «Когда я думаю о мелочности интересов наших современников, мягкости их нравов, о широте их познаний, о чистоте их веры и кротости их морали, об их аккуратности и трудолюбии, о воздержанности, которую они проявляют и в порядке и в добродетели, я думаю, что правители их будут не столько тиранами, сколько их наставниками»¹¹⁴⁸. То есть деспотизм в демократическом обществе приобретет новые, неизвестные ранее формы.

Если в либеральной демократии Константа политические решения принимаются, исходя из императива общего интереса, политическая власть вписана в общество в силу выполняемых ею специфических функций: поддержание общественного спокойствия путем заботы об охране безопасности каждого, поддержание неимущих и слабых, то либеральный консерватизм Токвиля отвергает социальное иждивенчество, при котором индивид оказывается в полной зависимости от общества и государства¹¹⁴⁹.

Говоря об опасностях народного суверенитета, Токвиль предсказывает появление общества потребления (Consumer society), где неисчислимые толпы равных и похожих друг на друга людей тратят свою жизнь в неустанных поисках маленьких и пошлых радостей, заполняющих их души: «Каждый из них, взятый в отдельности, безразличен к судьбе всех прочих: его дети и наиболее близкие из друзей и составляют для него весь род людской. Что же касается других сограждан, то он находится рядом с ними, но не видит их; он задевает их, но не ощущает; он существует лишь сам по себе и только для себя...»¹¹⁵⁰ Над этими разрозненными людьми появляется охранительная власть, наблюдающая за судьбой каждого. Токвиль называет

¹¹⁴⁵ Там же. С. 492.

¹¹⁴⁶ Там же. С. 496.

¹¹⁴⁷ См.: там же.

¹¹⁴⁸ Там же.

¹¹⁴⁹ См.: Nantet J. Tocqueville... P. 170–175.

¹¹⁵⁰ Там же. С. 497.

ее признаки: вездесущность, абсолютность, справедливость, предусмотрительность и ласка¹¹⁵¹. Отличает же эту власть от родительской заботы стремление не подготовить людей к жизни, но сохранить их навеки в младенческом состоянии. Демократическая власть желает, чтобы люди получали удовольствие и не думали ни о чем другом. Тем самым она разрушает свободу выбора, сужает сферу действия человеческой воли, постепенно лишая каждого отдельного гражданина возможности пользоваться всеми своими способностями¹¹⁵².

Если аристократия создает условия для господства лучших, то демократия строит препятствия в виде «мелких, витиеватых, единообразных законов», которые мешают выдающимся людям, талантам и оригинальным умам вознестись над толпой. Токвиль приходит к выводу, что демократия, народный суверенитет – это власть посредственности, которая препятствует рождению нового и превращает весь народ в стадо пугливых и трудолюбивых животных, пастырем которых выступает правительство¹¹⁵³. Демократический деспотизм – это господство заботящихся, гигантская охранительная власть, которая контролирует жизнь, охраняет и поставляет удовольствия.

Токвиль так истово ненавидел социализм именно потому, что эта идеология призвала форсировать движение к равенству, делая из этой ценности фетиш. С точки зрения либерального консерватизма агрессивное принуждение к равенству ставит под угрозу свободу отдельных граждан и разрушает политический порядок; общее благо уничтожает частное право; борьба с привилегиями перерастает в ненависть ко всему отличному. Как заметил Больц, говоря о «тревожной актуальности» Токвиля: «Двести лет от Французской до феминистской революции предлагают нам целый ряд примеров того, что каждая эмансипация свободы – это всего лишь маска уравниловки. А если учесть, что эмансипация дословно означает освобождение из-под власти хозяина, то каждое обещание эмансипации превращает обратившихся в рабов»¹¹⁵⁴.

В демократических обществах все люди независимы и равно слабы, поэтому они ничего не ожидают от сограждан, а ждут всех благодеяний от государства. Н. Больц замечает, что Токвиль увидел со всей остротой ключевую проблему демократии и поэтому «оказался в состоянии предвидеть наше сегодняшнее опекающее социальное государство», которое все чаще вмешивается в незначительные дела граждан, заботится о здоровье, труде, воспитании и образовании, пытаясь вселить в умы людей “корректные чувства и идеи”»¹¹⁵⁵. Демократический

---

¹¹⁵¹ См.: там же.

¹¹⁵² См.: там же.

¹¹⁵³ См.: там же.

¹¹⁵⁴ См.: Больц Н. Указ. соч. С. 33–34.

¹¹⁵⁵ См.: там же. С. 29.

деспотизм, каким видит его Токвиль, освобождает не только от тягостей жизни, но и от необходимости думать, которую заменяет общественное мнение. Оно оказывает интеллектуальное давление, которого никто не может избежать.

Лефор полагает, что Токвиль ставит под сомнение саму возможность существования народного суверенитета, поскольку под прикрытием безличности осуществляется грандиозный раскол между «всеми», сконцентрированными в органах власти, и каждым индивидом, который, будучи определен в качестве равного другому, утрачивает свою собственную идентичность¹¹⁵⁶. Таким образом, можно предположить, что народный суверенитет лишь прикрытие тирании, «установленное рабство», сочетающееся с некоторыми «внешними формами свободы»¹¹⁵⁷. Вместо того чтобы меня понятие суверенности индивида на понятие суверенности общества, Токвиль раскрывает таящуюся в последнем фикцию коллективного индивида и показывает, что она неотделима от образа всемогущей власти¹¹⁵⁸. В либеральном консерватизме, в отличие от либеральной демократии, индивид не подчинен императиву социальной связи. Индивид должен сам принимать решение об участии в политической жизни, что невозможно в имитационных механизмах демократии, попадая в которые, люди, лишённые талантов и компетенций, не только обманываются своей мнимой значимостью, но поддерживают существование самих механизмов.

Однако почему американская демократия не ведет к деспотизму? П. Манан всячески подчеркивает особость «американского кейса» Токвиля, поскольку отсутствие привилегированных сословий (аристократии) в США сделало демократические принципы органичными на американской земле¹¹⁵⁹. П. Бирнбаум считает, что Токвиль дает однозначный и убедительный ответ на этот вопрос – в Америке отсутствует сверхцентрализация исполнительной власти¹¹⁶⁰. Токвиль высоко ценил муниципальные свободы и децентрализацию, как механизмы, препятствующие возникновению деспотизма. Мыслитель выделял два вида централизации – правительственную и административную. В сочетании они приобретают небывалую силу и приучают граждан полностью и постоянно отказываться от проявлений собственной воли, способствуют подавлению гражданской инициативы, причем не по какому-то конкретному поводу, а всегда¹¹⁶¹. Токвиль признает необходимость сильной центральной власти, которая необходима не только для процветания, но и для существования нации, но замечает, что централизация административной власти, способствуя объединению на

¹¹⁵⁶ См.: Лефор К. Указ. соч. С. 213.

¹¹⁵⁷ См.: Токвиль А. Демократия в Америке... С. 213.

¹¹⁵⁸ См.: Лефор К. Указ. соч. С. 224.

¹¹⁵⁹ См.: Menant P. Tocqueville... P. 21.

¹¹⁶⁰ См.: Birnbaum P. Op. cit. P. 55.

¹¹⁶¹ См.: Токвиль А. Демократия в Америке... С. 83.

определенном этапе и в определенном месте всех сил нации, оказывает негативное воздействие на обновление этих сил и раздражает людей, потому что стремится ослабить у них общинный дух¹¹⁶². Таким образом, следует помнить, что Токвиль признает необходимость правительственной централизации, обеспечивающий государственный суверенитет, и выступает против административной централизации, ведущей к подавлению личности, гражданского общества и посягающей на свободу индивида. Административная децентрализация является залогом защиты от деспотизма и доказательством тому служит американский опыт¹¹⁶³.

Концепция суверенитета Алексиса де Токвиля строится в русле либерального консерватизма Руайе-Коллара и Гизо, которые полагали, что суверенитет народа должен быть ограничен центральной правительственной властью во имя справедливости – «закона законов и суверена суверенов»¹¹⁶⁴. Токвиль предлагает дифференциацию мнимого и подлинного народного суверенитета, где признаком последнего является свобода печати. Мыслитель убежден, что народный суверенитет и присущее ему равенство подавляют индивидуальные свободы во имя интересов общества. Этот процесс он называет «демократическим деспотизмом» – господством заботящихся, где гигантская охранительная власть удовлетворяет потребности, доставляет удовольствие, оберегает, охраняет и контролирует жизнь граждан. На фоне тревожных последствий демократии, Токвиль отмечает преимущества аристократического правления (суверенитета лучших), которое может принять деспотические формы, однако деспотизм при аристократии ограничен и распространяется на небольшое число подданных. Аристократическое правление, по мнению Токвиля, обеспечивает господство лучших и воздает человеку по его заслугам и добродетелям; гражданин в таком государстве не развращен мелочной опекой и имеет полную свободу. Однако противоядием от демократического деспотизма может стать административная децентрализация, подразумевающая свободу ассоциаций и объединений, в сочетании с централизацией правительственной, гарантирующей порядок и процветание. Либеральный консерватизм Токвиля не приемлет малых политических объединений, оправдывает существование больших политических партий, опирающихся на фундаментальные философские принципы.

---

¹¹⁶² См.: там же. С. 84.

¹¹⁶³ См.: Birnbaum P. Op. cit. P. 54–55.

¹¹⁶⁴ См.: Royer-Collard P. Op. cit. P. 61.

Заключение

Французский либеральный консерватизм возник как реакция на «разрушающий либерализм» идеологов Французской революции (1789–1794) и оформился как интеллектуальное и политическое движение в эпоху Реставрации (1814–1830), когда философы стремились найти не только идеальную форму государственного устройства, но и выработать реальные средства управления. Политические мыслители посленаполеоновской Франции – это особая социальная группа генераторов идей. Их размышления о свободе, справедливости, собственности, законе имеют непреходящее общетеоретическое значение, при этом постановка и решение этих проблем имеют связь с социальной реальностью их времени. Интеллектуальная среда этой эпохи создала переход от классической к постклассической политической философии, когда основной задачей политического теоретика стало не построение идеальной модели, а выработка технологии.

В изучаемый период установился обмен между политической и интеллектуальной элитами, интенсивность которого позволяет говорить о меритократии. Произошло рождение современного феномена интеллектуальной власти, власти основанной на знании. Проведенный сетевой анализ показал, что интеллектуалы посленаполеоновской Франции объединялись в группы и клубы не столько на мировоззренческих основаниях, сколько на основе общности политической веры. Мыслители становились политически ангажированными и стремились конвертировать свой культурный капитал в политический.

Либеральный консерватизм стал центристской политической доктриной, приверженцы которой (в первую очередь члены общества доктринеров) желали избежать искушений радикализма правого и левого толка. Сторонники данного движения были реалистами – они приняли общество, возникшее в результате Французской революции, отвергли идею реставрации Старого порядка и в то же время выступили против неконтролируемой демократии, чреватой террором. По их мнению, общественные изменения должны осуществляться с опорой на разум и без посягательств на порядок. Во многом с этим связан принципиальный отказ от любых форм популизма. Политическим воплощением ранней философии либерального консерватизма стал режим Июльской монархии – орлеанизм, вдохновителем которого был лидер доктринеров Ф. Гизо.

Другим важным представителем либерального консерватизма является младший современник Гизо – А. де Токвиль. Философские истоки французского либерального консерватизма восходят к интеллектуальному наследию этих двух мыслителей, которое сочетает в себе как либеральные, так и консервативные ценности. Во многом это связано со схожестью истоков мировоззрения Гизо и Токвиля. Травматический опыт Революции

сформировал у обоих философов неприязненное отношение к экстремистским, радикальным режимам; ужас перед имперским деспотизмом открыл для них ценность свободы. Принадлежность Токвиля к старинному дворянскому роду во многом определила глубокую враждебность мыслителя не только к «фабричной аристократии», но и к рабочим. Протестантское происхождение убедило Гизо в важности религиозной терпимости.

Либеральный консерватизм Гизо и Токвиля сформировался во многом как ответ на политические вызовы эпохи Реставрации и Июльской монархии и представляет собой систему философских взглядов и политическую технологию. Его отличает приверженность к политической свободе, стремление сохранить завоевания революции, рациональное восприятие текущей ситуации и страх перед новыми революционными потрясениями. Он выступает против системы рабовладения, как консервирующей «мнимое неравенство», не заложенное природой. Гизо и Токвиль признают аморальность, бесчеловечность и экономическую неэффективность подневольного труда. Токвиль доказывал это заключение, опираясь на свой американский опыт. Отдельной критике подвергается расизм, как разновидность рабства Нового времени.

Либеральный консерватизм Гизо и Токвиля отстаивает теорию суверенности разума и жестко критикует концепцию народного суверенитета. В частности, Гизо считает принцип народного суверенитета тождественным в стремлении к узурпации власти принципу божественного права королей. Мыслители рассматривают власть не как внешнюю по отношению к обществу силу, но как силу, возникающую в недрах социума («социальная власть»), в связи с чем, власть должна взаимодействовать со всеми гражданами посредством представительных органов и выборных институтов. Признавая значимость выборных учреждений, Гизо и Токвиль выступали за определенные ограничения при предоставлении избирательного права. Если представительное правление представляет собой реализацию принципа суверенитета разума, то быть представителями и участвовать в их избрании должны только подготовленные люди, доказавшие свою состоятельность в обладании имуществом. Гизо являлся соавтором закона, согласно которому для участия в выборах устанавливался высокий имущественный ценз. Главная идея закона, по мнению Гизо, заключалась в том, чтобы не допустить второго рождения революционного порядка и закрепить порядок конституционный, поскольку с 1789 г. «право всеобщей подачи голосов было во Франции только орудием разрушения или обмана». Токвиль связывает всеобщее избирательное право с диктатом широких масс, который ведет к уничтожению свобод, усилению роли государства, политическому индифферентизму и стремлению граждан к опеке.

Токвиль фокусировал внимание на противоречии между равенством и свободой. Мыслитель, как и многие его современники, признавал большое значение личной свободы,

однако считал, что она подразумевает равенство, а также опасна изоляцией и ослаблением отдельных членов общества. Точка совпадения свободы и равенства является точкой, в которой рушатся все общественные связи, человек сосредоточен на себе и не признает никаких авторитетов. В этом состоянии индивиды становятся легкой добычей власти, внешней по отношению к обществу, использующей инструменты «тирании общественного мнения» для подчинения граждан. Для предотвращения угроз со стороны равенства есть только одно действенное средство – политическая свобода, которая позволяет создавать ассоциации и объединения.

Гизо вводит важнейший концепт социальной теории либерального консерватизма – средний класс. Основной целью и залогом благополучия этого общественного слоя является поддержание стабильности государственной системы. Гизо стал первым мыслителем, обогатившим идею среднего класса анализом его роли в реальном политическом пространстве. Он обратился к проблеме как теоретизирующий практик, и по этой причине концепция Гизо содержит ряд противоречий относительно социального состава и настоящих устремлений представителей среднего класса, а философская семантика понятия неоднозначна. Однако именно из-за таких двусмысленностей обычное слово получает независимое существование и превращается в действующую силу истории. Отсутствуя в действительности, средний класс оказался в своем идеальном выражении реальным социальным фактором.

Политическая философия Гизо представляет собой систему оригинальных идей, оказавших значительное влияние на политическую теорию Токвиля, в частности, и на французский либеральный консерватизм в целом. Тем самым интеллектуальное наследие Гизо не только достойно реинтеграции в поле политической философии, но и находится у истоков влиятельной политической идеологии, что позволяет переосмыслить место Гизо в корпусе политических философов.

Гизо и Токвиль используют историософию как средство политической теории, поскольку любая разработанная политическая теория предполагает некую историческую модель, объединяющую прошлое, настоящее и будущее. В частности, Гизо впервые обозначил личность как фактор цивилизации наравне с обществом и государством, тем самым совершив переворот в философии истории задолго до Р. Коллингвуда. Гизо видит поступок как внешний результат взаимодействия личности человека и социальной реальности. Для него личность каждого человека не менее значима, чем политические институты, народные движения, революции и военные баталии. То есть на одной чаше весов оказываются общество, государство и весь внешний мир, а на другой – человек, но при этом весы сохраняют баланс. В

плоскости политической теории либерального консерватизма это свидетельствует о признании значимости гражданского общества

Ценности и принципы либерального консерватизма Гизо и Токвиля не утрачивают свою актуальность в современном обществе, а помогают маркировать политическое пространство и являются средством постижения как либеральной, так и консервативной традиции европейского Нового времени.

Список источников и литературы

Источники

1. Аристотель. Политика / Аристотель; [пер. с древнегреческого С. А. Жебелева, М. Л. Гаспарова]. – М. : АСТ : Астрель, 2012. – 393 с.
2. Гиббон, Э. История упадка и разрушения Римской империи : в 7 т. / Э. Гиббон. – Изд. 2-е, стер. – СПб. : Наука, 2006. – Т. 1. – 427 с.
3. Гизо и его «Записки» // Отечественные записки. – 1858. – Т. 118. – № 6. – С. 685–704
4. Гизо, Ф. История цивилизации в Европе / Ф. Гизо; [пер. с фр.]. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 336 с.
5. Гизо, Ф. История цивилизации в Европе / Ф. Гизо; [пер. с фр. М. Беленький]. – Минск : БелЭн, 2005. – 416 с.
6. Гизо, Ф. История цивилизации во Франции: в 4 т. / Ф. Гизо; [пер. с фр. П. Виноградова]. – М. : Издательский дом «Рубежи XXI», 2006. – 4 т.
7. Гизо, Ф. О средствах правления и оппозиции в современной Франции / Ф. Гизо; [пер. с фр. М.М. Федоровой] // Классический французский либерализм. – 2000. – С. 263–491.
8. Гизо, Ф. Предисловие к переводу (изд. 1828 г.) / Ф. Гизо // Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи : в 7 т. / Э. Гиббон ; [в переводе В. Н. Неведомского] – СПб. : Наука, 2006. – Т. 1. – С. 23–29.
9. Гизо, Ф. Политическая философия: о суверенитете Франции / Ф. Гизо; [пер. с фр. М. М. Федоровой] // Классический французский либерализм. – 2000. – С. 507–588.
10. Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Текст] : [Пер.] / Томас Гоббс; [Федер. прогр. книгоизд. России]. – М. : Мысль, 2001. – 476 с.
11. Дестют де Траси, А. Основы идеологии / А. Дестют де Траси; [пер. с фр. Д. А. Ланина]. – М. : Академический Проект; Альма Матер, 2013. – 334 с.
12. Дестют де Траси, А. Элементы идеологии / А. Дестют де Траси; [пер. с фр. А. С. Ивановой] // Вопросы философии. – 2013. – № 8. – С. 149–154.
13. Документы истории Великой французской революции: учебное пособие для студентов вузов / отв. ред. А. В. Адо. – М. : Изд-во Моск. Ун-та, 1990. – Т. 1. – 528 с.

14. Документы истории Великой французской революции: учебное пособие для студентов вузов / отв. ред. А. В. Адо. – М. : Изд-во Моск. Ун-та, 1992. – Т. 2. – 352 с.
15. Законодательные акты Франции / Пер. с предисл. Р. Лемберк. – СПб.: Книгоизд. "Молот" ; Тип. т-ва "Общественная Польза", 1905. – 128 с.
16. Констан, Б. Принципы политики, пригодные для всякого правления / Констан Б. ; [пер. с фр. М. М. Федоровой]. // Классический французский либерализм : сборник. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – С. 26–37.
17. Маркс К. «Debat social» от 6 февраля о демократической ассоциации / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е издание. Т. 4. [Пер. с нем.] – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 474–488.
18. Маркс, К., Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, 2-е издание. Т. 21. [Пер. с нем.] – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 360–381.
19. Маркс, К., Энгельс, Ф. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, 2-е издание. Т. 4. [Пер. с нем.] – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 590–607.
20. Местр, Ж. де Петербургские письма (1803–1817) / Ж. де Метр [пер. с фр. Д. В. Соловьева] – СПб. : ИНАПРЕСС, 1995. – 335 С.
21. Монтескьё, Ш. Л. Дух законов / Ш. Л. Монтескьё [пер. с фр.] 3 Т. – СПб. : издательство Императорского университета, 1839. – 3 Т.
22. Платон. Государство / Платон. Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 3. – М. : Мысль, 1971. – 3 Т.
23. Руссо, Ж.-Ж. Общественный договор или Начала политического права / Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения ; [пер. с фр. В. В. Некрасова, С. В. Занина; под ред. И. А. Исаева]. – СПб. : ООО «Издательство “Росток”», 2013. С. 116–239.
24. Руссо, Ж.-Ж. Письма с горы / Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения ; [пер. с фр. В. В. Некрасова, С. В. Занина; под ред. И. А. Исаева]. – СПб. : ООО «Издательство “Росток”», 2013. С. 268–487.
25. Талейран, Ш. М. Мемуары / Ш. М. Талейран [пер. с фр.]. – М. : Издательство института международных отношений, 1959. – 440 С.
26. Талейран, Ш. М. Записки князя Талейрана-Перигора / Ш. М. Талейран [пер. с фр.] Т. I–IV. – М. : Издание книгопродавца К. И. Шамова, 1838–1841. – 4 Т.
27. Токвиль, А. Воспоминания / А. Токвиль ; [пер. с фр. В. Неведомского]. – М. : Типо-литография В. Рихтер, 1893. – 319 + IV с.
28. Токвиль, А. Старый порядок и революция / А. де Токвиль [пер с фр. и предисловие П.Г. Виноградова]. – М. : Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1905. – 353 с.

29. Токвиль, А. Старый порядок и революция / А. Токвиль ; [пер. канд. филос. наук М. Фёдоровой]. – М.: Моск. филос. фонд, 1997. – 252 с.
30. Токвиль, А. Старый порядок и революция / Алексис Токвиль ; [пер. с фр. Л. Н. Ефимова]. – СПб. : Алетейя, 2008. – 248 с.
31. Токвиль А. Демократия в Америке / А. Токвиль [пер. с фр. В. Т. Олейника и др.] – М. : Прогресс, 1994. – 554 с.
32. Шатобриан, Ф. Р. Бонапарт и Бурбоны / Ф. Р. Шатобриан [пер. с фр.]. – СПб. : Издание книгопродавца К. И. Шамова, 1814. – 214 С.
33. Barante, P. de. La vie politique de Royer-Collard, ses discours et ses écrits: in 2 vol. / P. de Barante. – Paris : Didier et Cie, 1861. 2 vol.
34. Barante, P. de. Souvenirs du baron de Barante de l'Academie française, 1782-1866: in 8 vol. / P. de Barante. – Paris : Calmann Levy, 1893. – Vol. 2. – 592 p.
35. Barrot, O. Mémoires posthumes: in 4 vol. / O. Barrot. – Paris : Charpentier et cie, 1875–1876. – 4 vol.
36. Beugnot, J. C. Memoires du comte Beugnot Ancien Ministre (1783–1815) : in 2 vol. – J. C. Beugnot. Paris : E. Dentu, 1866. – 2 vol.
37. Beugnot, J. C. Memoires du comte Beugnot Ancien Ministre (1783–1815) : in 2 vol. – J. C. Beugnot. Paris : E. Dentu, 1868. – 2 vol.
38. Bonnal, E. Manuel et son temps: étude sur l'opposition parlementaire sous la restauration / Edmond Bonnal de Ganges. – Paris : E. Dentu, 1877. – 512 p.
39. Chateaubriand, F. R. Correspondance générale: in 8 vol. / F. R. Chateaubriand. – Paris : Gallimard, 1979. – Vol. 2. – 408 p.
40. Constant, B. Principes de politique applicables à tous les gouvernements representatives / B. Constant. – Paris : A. Eymery, 1815. – 321 p.
41. De la constitution française de l'an 1814. – Paris : Le Normant Imprimeur-Libraire ; De Launay, Libraire, au Palais-Royal, 1814. – 35 p.
42. Ferrand, F. Mémoires du Comte Ferrand, ministre d'Etat sous Louis XVIII / F. Ferrand. – Paris : Picard, 1897. – 313 p.
43. Guizot, F. Collection des Mémoires relatifs à l'histoire de France, depuis la fondation de la monarchie jusqu'au 13e siècle, avec une introduction, des suppléments, des notices et des notes // F. Guizot. 30 vol. – Paris : J.-L. Brière. 1823-1835. – 30 vol.
44. Guizot, F. Cours d'histoire moderne. Histoire générale de la civilisation en Europe depuis la chute de l'Empire romain jusqu'à la Révolution française. Histoire de la civilisation en France

- depuis la chute de l'Empire romain / F. Guizot. 6 vol. – Paris : Pichon et Didier, 1829–1832. – 6 vol.
45. Guizot, F. De l'état des Beaux-Arts en France et du Salon de 1810 / F. Guizot. – Paris : Maradan, 1810. – 91 p.
  46. Guizot, F. De la démocratie en France / F. Guizot. – Paris : V. Masson, 1849. – 159 p.
  47. Guizot, F. De la peine de mort en matière politique / F. Guizot. – Paris : Béchét, 1822. – 189 p.
  48. Guizot, F. Des moyens de gouvernement et d'opposition dans l'état actuel de la France / F. Guizot. – Paris : Ladvocat, 1821. – 398 p.
  49. Guizot, F. Du gouvernement de la France depuis la Restauration et du ministère actuel / F. Guizot. – Paris : Ladvocat, 1820. – 326 p.
  50. Guizot, F. Du gouvernement représentatif et de l'état actuel de la France / F. Guizot. – Paris : Maradan, 1816. – 525 p.
  51. Guizot, F. Essais sur l'histoire de France / F. Guizot. – Paris : Béchét, 1823. – 521 p.
  52. Guizot, F. Histoire de la Révolution d'Angleterre depuis l'avènement de Charles I, jusqu'à la restauration de Charles II. 2 vol. / F. Guizot. – Paris : Leroux et Chantepie. 1826–1827. – 2 vol.
  53. Guizot, F. Histoire des origines du gouvernement représentatif en Europe. 2 vol. / F. Guizot – Paris : Didier, 1851. – 2 vol.
  54. Guizot, F. Histoire parlementaire de la France. 5 Vol. / F. Guizot. – Paris : M. Lévy, 1863–1864. – 5 vol.
  55. Guizot, F. Le duc de Broglie / F. Guizot. Paris : Hachette, 1870. – 307 p.
  56. Guizot, F. Méditations sur l'essence de la religion chrétienne / F. Guizot. – Paris : M. Lévy, 1864. – 384 p.
  57. Guizot, F. Méditations sur l'état actuel de la religion chrétienne / F. Guizot. – Paris : M. Lévy, 1866. – 376 p.
  58. Guizot, F. Méditations sur la religion chrétienne dans ses rapports avec l'état actuel des sociétés et des esprits / F. Guizot. – Paris : M. Lévy, 1868. – 394 p.
  59. Guizot, F. Méditations sur l'essence de la religion chrétienne / F. Guizot. – Paris : M. Lévy. 1864. – 384 p.
  60. Guizot, F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps / F. Guizot. 8 vol. – Paris: M. Levy, 1858–1867. – 8 vol.
  61. Guizot, F. Nouveau Dictionnaire universel des synonymes de la langue française / F. Guizot. – Paris : Maradan, 1809. – 496 p.
  62. Guizot, F. Quelques idées sur la liberté de la presse / F. Guizot. – Paris : Lenormand, 1814. – 54 p.

63. Guizot, F. Trois generations. 1789 – 1814 – 1848 / F. Guizot. – Paris : M. Lévy, 1863. – 213 p.
64. Maistre, J. Oeuvres complètes : in 14 vol. / J. Maistre. – Lyon : Vitte et Perrussel, 1884. – Vol. 3. – 424 p.
65. Pasquier, E.-D. Histoire de mon temps. Mémoires du chancelier Pasquier : in 6 vol. / E.-D. Pasquier. – Paris : E. Plon, Nouritt et cie, 1893-1895. – 6 vol.
66. Rémusat, C. Mémoires de ma vie: in 5 vol. / C. Rémusat – Paris : Plon, 1958–1967. – 5 vol.
67. Rémusat, C. Correspondance de M. de Rémusat pendant les premières années de la restauration : in 6 vol. / C. Rémusat – Paris : C. Lévy, 1883–1886. – 6 vol.
68. Talleyrand-Périgord, L. C. M. de. Correspondance du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne / Louis Charles Maurice de Talleyrand-Périgord. Paris : E. Plon, 1881. – 528 p.
69. Tocqueville, A. Souvenirs / A. Tocqueville. Paris : Calmann-Lévy, 1893. – 431 p.
70. Tocqueville, A. Oeuvres complètes / Ed. J. P. Mayer. Paris: Gallimard, 1950–.
71. Vitrolles, E.-F. Mémoires et relation politiques : in 3 vol. / E.-F. Vitrolles. Paris : G. Charpentier, 1884. – 3 vol.
72. Winthrop, John. Winthrop's journal, "History of New England," 1630–1649 : in 2 vol. / John Winthrop. – New York, C. Scribner's Sons, 1908. – 2 vol.

Литература

1. Актуальность Жозефа де Местра : материалы российско-французской конференции / ред. В. Мильчина, П. Глод, С. Зенкин, М. Кольхауэр. – М. : РГГУ, 2012. – 256 с.
2. Алексеев, А. С. Возникновение конституций в монархических государствах континентальной Европы XIX ст. Ч. 1: Французская конституционная хартия 1814 г. / А. С. Алексеев. – М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1914. – 44 с.
3. Алпатов, М. А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. / М. А. Алпатов. – М.–Л., : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – 405 с.
4. Анкерсмит, Ф. Р. Политическая репрезентация / Ф. Р. Анкерсмит; [пер. с англ. А. Глухова]. – М. : Изд-во Высшей школы экономики, 2012. – 288 с.
5. Арон, Р. Этапы развития социологической мысли / Р. Арон; [общ. ред. и предисл. П. С. Гуревича]. – М. : Издательская группа «Прогресс» – «Политика», 1993. – 608 с.
6. Берлин, И. Философия свободы. Европа / И. Берлин; [предисловие А. Эткинда]. – 2-е изд. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 448 с.

7. Больц, Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо / Н. Больц ; [пер. с нем. И. А. Женина; под науч. ред. Я. Н. Охонько]. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 272 с.
8. Бутенко, В. А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. Т. 1. 1814–1820 / В. А. Бутенко. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. – 629 с.
9. Гаджиев, К. С. Либерализм: история и современность / К. С. Гаджиев // Новая и новейшая история. – 1995. – № 6. – С. 15–31.
10. Глод, П. Жозеф де Местр и Лун де Бональд. Контрреволюционные мыслители: сходства и различия / Пьер Глод; [перевод с франц. В. Мильчиной] // Актуальность Жозефа де Местра: Материалы российско-французской конференции / Редкол.: В. Мильчина, П. Глод, С. Зенкин, М. Кольхауэр. – М. : РГГУ, 2012. – С. 31-50.
11. Далин, В. М. Историки Франции XIX-XX веков / В. М. Далин. – М. : Наука, 1981. – 327 с.
12. Дементьев, И. О. Политическая теория Алексиса де Токвиля и французский либерализм первой половины XIX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Дементьев Илья Олегович. – Калининград, 2004. – 229 с.
13. Дживелегов, А. К. Токвиль / А. К. Дживелегов // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. М. : Ред.-изд. т-во «Гранат», 1937. Т. 41. Ч. VIII. – С. 263–264.
14. Иванов, В. В. Теория государства / В. В. Иванов. – М. : Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. – 288 с.
15. Иванова, А. С. Начала «идеологии»: Антуан Дестют де Траси и его наука об идеях / А.С. Иванова. // Вопросы философии. – 2013. – № 8. – С. 146–148.
16. Исаев, С. А. Алексис Токвиль и Америка его времени : [о трактате "О демократии в Америке"] / С. А. Исаев. – СПб. : Наука, 1993. – 141 с.
17. История понятий, история дискурса, история метафор : сборник статей / под ред. Х. Э. Бёдекер [пер. с нем.]. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 328 с.
18. История Франции: в 3 т. / А. З. Манфред (отв. ред.), В.М. Далин, В. В. Загладин, С. Н. Павлова, С. Д. Сказкин. – М. : Наука, 1973. – Т. 2. – 666 с.
19. Каленский, В. Г. Алексис Токвиль / В. Г. Каленский // Политические учения: история и современность / Графский В. Г., Грацианский П. С., Гулиев В. Е., Деев Н. Н., Каленский В. Г., Мамут Л. С., Нерсисянц В. С., Пахоленко Н. Б., Редкол.: Грацианский П. С., Гулиев В. Е. (Отв. ред.), Нерсисянц В. С. – М. : Наука, 1979. С. 68–100.

20. Каплун, В. Пьер Розанваллон: неустрашимость политического / В. Каплун // Розанваллон, П. Утопический капитализм. История идеи рынка / П. Розанваллон ; [пер. с фр. А. Зайцевой ; науч. ред., ред пер. и предисл. В. Каплуна]. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – С. 5–23.
21. Кареев, Н. И. История Западной Европы в средние десятилетия XIX века / Н. И. Кареев // Кареев Н. И. История Западной Европы в Новое время : в 5 т. / Н. И. Кареев. – Петроград: Типография М.М. Стасюлевича, 1916. – Т. 5.
22. Кимлика, У. Современная политическая философия: введение / У. Кимлика ; [пер. с англ. С. Моисеева] – М. : Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. – 592 с.
23. Ковалевский, М. Токвиль в его воспоминаниях, письмах и разговорах / М. Ковалевский // Вестник Европы, 1893. – Т. 4. – Кн. 7. – С. 100–135.
24. Козеллек, Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий / Р. Козеллек ; [пер. с нем. В. Дубиной] // История понятий, история дискурса, история менталитета : сборник статей под ред. Х. Э. Бедкера. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – С. 21–33.
25. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд ; [перевод и комментарии Ю. А. Асеева. Статья М. А. Кисселя]. – М. : Наука, 1980. – 486 с.
26. Коллинз, Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз ; [пер. с англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм]. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. – 1282 с.
27. Крашенинникова, Ю. А. Публичность и парламентаризм в политической теории Ф. Гизо. / Ю.А. Крашенинникова // Полис (Политические исследования). – 2002. – №3 (68). – С. 163–174.
28. Лавждой, А. Великая цепь бытия: История идеи / Лавждой А. ; [пер. с англ. В. Софронова-Антони]. – М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. – 376 с.
29. Лапицкий, М. Далекое – близкое. Заметки о Токвиле / М. Лапицкий // Полис (Политические исследования). – 1993. – № 3. – С. 120.
30. Лефор, К. Политические очерки (XIX – XX века) / К. Лефор ; [пер. с фр. Е. А. Самарской]. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 368 с.
31. Макферсон, К. Б. Жизнь и времена либеральной демократии / К. Б. Макферсон ; [пер. с англ. А. Кырлежева]. М. : Изд. Дом Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 176 с.

32. Маритен, Ж. Человек и государство / Ж. Маритен ; [пер. с англ. Т. Лифенцевой]. – М. : Идея-Пресс, 2000. – 196 с.
33. Мизес, Л. Либерализм / Л. Мизес ; [пер. с англ. и комментарии А. В. Куряева]. – Челябинск : Социум, 2014. – 299 С.
34. Мишель, А. Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времен революции / А. Мишель [пер. с фр. П. Рождественского]. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2008. – 535 с.
35. Моска, Г. История политических доктрин / Г. Моска ; [пер. с итал. Е. И. Темнова]. – М. : Мысль, 2012. – 326 с.
36. Мусихин, Г. И. Очерки теории идеологий / Г. И. Мусихин. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. – 288 с.
37. Пантин, И. К. Введение // Европейская политическая мысль XIX века [отв. ред. И. К. Пантин, И. И. Мюрберг]. – М. : Наука, 2008. С. 3–10.
38. Полетаев, А. В. Классика в общественных науках / А. В. Полетаев // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 11–49.
39. Радаев, В. В., Шкаратан, О. И. Социальная стратификация / В. В. Радаев, О. И. Шкаратан. – М. : Наука, 1995. – 337 с.
40. Рансьер, Ж. Несогласие: Политика и философия / Ж. Рансьер ; [пер. с фр. и примечания В. Е. Лапицкого]. – СПб. : Machina, 2013. – 192 с.
41. Реизов, Б. Г. Французская романтическая историография. 1815–1830 / Б. Г. Реизов. – Л. : ЛГУ, 1956. – 534 с.
42. Робин, К. Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Бёрка до Сары Пэйлин / К. Робин ; [пер. с англ. М. Рудакова]. – М. : Издательство Института Гайдара, 2013. – 312 с.
43. Розанваллон, П. Утопический капитализм. История идеи рынка / П. Розанваллон ; [пер. с фр. А. Зайцевой ; науч. ред., ред пер. и предисл. В. Каплуна]. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 267 с.
44. Руткевич, А. М. Времена идеологов: Философия истории «консервативной революции» / А. М. Руткевич // Гуманитарные исследования. WP6. Высшая школа экономики. – 2007. – № 02. – 35 с.
45. Савельева, И. М. Таланты и посредники: граница между академической и публичной наукой / И. М. Савельева // Общественные науки и современность. 2014. № 6. (в печати).

46. Савельева, И. М., Полетаев, А. В. История и интуиция: наследие романтиков / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. // «Гуманитарные исследования» (ИГИТИ НИУ ВШЭ). – 2003. – Вып. 6. – 52 с.
47. Савельева, И. М. Историческая социология и социальная история в XXI веке: мосты и переправы / И. М. Савельева. // «Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях : материалы Международной научной конференции, Москва, РГГУ. – 2012. – С. 118–127.
48. Савельева, И. М., Полетаев, А. В. Знание о прошлом: теория и история : в 2 т. / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М. : Наука, 2003–2006. – 2 т.
49. Савельева, И. М., Полетаев, А. В. Классическое наследие / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М. : ИД ГУ–ВШЭ, 2010. – 336 с.
50. Салмин, А. М. Идеюное наследие А. Токвиля и современная политическая традиция Запада / А. М. Салмин. – М. : ИНИОН РАН, 1983. – 72 с.
51. Скиннер, К. The State / К. Скиннер ; [пер. с англ. Д. Федотенко] // Понятие государства в четырех языках : сборник статей / ред. О.В. Хархордин. – СПб. : Летний сад, 2002. – С. 12–74.
52. Согрин, В. В. Идеюные течения в американской революции XVIII века / В. В. Согрин ; Ин-т всеобщей истории АН СССР. – М. : Наука, 1980. – 312 с.
53. Солженицын, А. И. Как нам обустроить Россию: Посильные соображения / А. И. Солженицын. – Л. : Сов. писатель, 1990. – 64 с.
54. Танышина Н. П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / Танышина Наталия Петровна. – М., 2005. – 515 с.
55. Танышина, Н. П. Франсуа Гизо: теория и практика французского умеренного либерализма / Н. П. Танышина. – М. : Издательство научно-образовательной литературы РЭА, 2000. – 240 с.
56. Тарле, Е. В. Наполеон / Е. В. Тарле. Сочинения. Т. VII. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1959. – 866 с.
57. Терехов, В. И. Концепция исключительности партийно-политической системы США в работах А. Токвиля, Дж. Брайса и М. Острогорского / В. И. Терехов // Вестник МГУ. Серия 8. История. – 1981. – №5. – С. 30–44.
58. Уварова, М. Коронованная демократия. Франция и реформы Наполеона III в 1860-е гг. / М. Уварова. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2014. – 256 с.

59. Федорова, М. М. Классический французский либерализм первой четверти XIX века / М. М. Федорова // Классический французский либерализм. – М. : РОССПЭН, 2000. – С. 5–22.
60. Федорова, М. М. Классическая политическая философия. – М. : Издательство «Весь мир», 2001. – 224 с.
61. Федорова, М. М. Либерализм первой половины XIX в. // Европейская политическая мысль XIX века [отв. ред. И. К. Пантин, И. И. Мюрберг]. – М. : Наука, 2008. – С. 30–66.
62. Федосова, Е. И. Франсуа Гизо во главе МИД Франции (1840–1874) / Е. И. Федосова // Вопросы истории. – 1993. №10. – С. 136–144.
63. Федосова, Е. И. Франсуа Гизо: историк и государственный деятель / Е. И. Федосова // Новая и новейшая история. – 1997. – №2. – С. 57–68.
64. Феоктистов, Е. М. Записки Гизо. Империя и Реставрация / Е. М. Феоктистов // Русский вестник. – 1858. – Т.15. №5-6. – С. 320.
65. Французский консерватизм XIX-XX вв. : (критика зарубежной историографии) : сборник обзоров / Акад. наук СССР, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам ; [редкол.: канд. ист. наук Т. М. Фадеева (отв. ред.) и др.]. – Москва : [б. и.], 1989. – 182 с.
66. Чалый, В. А. Рациональность в либеральных философских теориях / В. А. Чалый // Кантовский сборник. 2011. – № 4 (38). – С. 29–36.
67. Шарль, К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века / К. Шарль [пер. с фр. С. Л. Козлов]. – М. : Новое издательство, 2005. – 328 с.
68. Шмитт, К. Политическая теология / К. Шмитт ; [переводы с нем. Заключит, статья и составление А. Филиппова]. – М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. – 336 стр. (объем, изд-во)
69. Штраус, Л. Естественное право и история / Л. Штраус ; [в переводе Е. Адлер (Eve Adler) и Б. Путько]. – М. : Водолей Publishers, 2007. – 312 с.
70. Эйхталь, Е. Алексис Токвиль и либеральная демократия / Е. д'Эйхталь ; [пер. с фр. М. Г. Васильевского]. – М. : Книжный дом «Либроком», 2012. – 160 с.
71. Эпоха Реформации. Европа / А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек и др. — Минск: Харвест, 2002. — 624 с.
72. Эткинд, А. Иная свобода: Пушкин, Токвиль и демократия в России / А. Эткинд // Знамя. – 1999. – №6. – С. 179–203.
73. Ancillon, F. Essais philosophiques, ou nouveaux mélanges de littérature et de philosophie: in 2 vol. / F. Ancillon. – Paris : J. J. Paschoud, 1817. – Vol. 1. – 361 p.

74. Archer, M., Blau, J. R. Class Formation in Nineteenth-Century America: The Case of the Middle Class / M. Archer, J. R. Blau // *Annual Review of Sociology*. – 1993. – Vol. 19. – P. 17–41.
75. Arnhart, L. Political Questions / L. Arnhart. – New York : Macmillan USA, 1987. – 387 p.
76. Bagge, D. Les Idées politiques en France sous la Restauration / D. Bagge. – Paris : Presses universitaires de France, 1952. – 462 p.
77. Bardoux, A. M. Guizot / M. A. Bardoux. – Paris : Hachette et cie, 1894. – 228 p.
78. Bardoux, A. M. La jeunesse de La Fayette, 1757-1792 / M. A. Bardoux. – Paris : Calmann-Lévy, 1892. – 409 p.
79. Bardoux, A. M. Le comte de Montlosier et le gallicanisme / M. A. Bardoux. – Paris : Calmann-Lévy, 1881. – 394 p.
80. Barthélemy, J. Introduction du régime parlementaire en France sous Louis XVIII et Charles X / J. Barthélemy. – Paris : Giard & Brière, 1904. – 323 p.
81. Beneton, Ph. Le conservatisme / Ph. Beneton. – Paris : P.U.F., 1988. – 121 p.
82. Bénichou, P. Le temps des prophètes. Doctrines de l'âge romantique / P. Bénichou. – Paris : Gallimard, 1977. – 592 p.
83. Bertier de Sauvigny, G. La Restauration / G. de Bertier de Sauvigny. – 3 éd. revue et augmentée. – Paris : Flammarion, 1974. – 506 p.
84. Birnbaum, P. Sociologie de Tocqueville / P. Birnbaum. – Paris : P.U.F, 1970. – 160 p.
85. Bonnefon, J. Le Régime parlementaire sous la Restauration / Joseph Bonnefon. – Paris : V. Giard et E. Brière, 1905. – 424 p.
86. Bourget, P., Salomon, M. Bonald / P. Bourget, M. Salomon. – Paris : Bloud, 1905. – 332 p.
87. Broglie, G. Guizot / G. Broglie. – Paris : Perrin, 1990. – 549 p.
88. Broglie, G. Histoire politique de la «Revue des deux mondes» de 1829 à 1979 / Gabriel de Broglie ; préf. de Maurice Schumann. – Paris : Perrin, 1979. – 380 p.
89. Brunot, F. Les débuts du français dans la diplomatie / F. Brunot // *Revue de Paris*. – 1913. – Vol. 4. – P. 718–719.
90. Calmon, A. Histoire parlementaire des finances de la Restauration: 2 vol. / A. Calmon. Paris : M. Lévy, 1868. – 2 vol.
91. Capefigue, J.-B. Histoire de la Restauration et des causes qui ont amené la chute de la branche aînée des Bourbons: 10 vol. / Capefigue J.-B. – Paris : Dufey, 1831. – 10 vol.
92. Cassagne, Albert. La Vie politique de François de Chateaubriand / Albert Cassagne. – Paris: Plon, 1911. – 483 p.

93. Chauvel, L. Les Classes moyennes à la derive / L. Chauvel. – Paris : Seuil / La République des Idées, 2006. – 142 p.
94. Cox, M. R. The Liberal Legitimists and the Party of Order under the Second French Republic / M. R. Cox // French Historical Studies. – 1968. – Vol. 5. – P. 446–450.
95. Craiutu, A. Liberalism Under Siege: The Political Thought of the French Doctrinaires / A. Craiutu. – Oxford : LEXINGTON BOOKS, 2005. – 337 p.
96. Craiutu, A. Between Scylla and Charybdis: the «Strange» Liberalism of the French Doctrinaires / A. Craiutu // History of the European Ideas. – 1998. – Vol. 24. – P. 243–265.
97. Craiutu, A. Tocqueville and the Political Thought of the French Doctrinaires (Guizot, Royer-Collard, Rémusat) / A. Craiutu // History of Political Thought. – 1999. – Vol. XX. – №3. – P. 456–493.
98. Dareste, A. Histoire de la Restauration: 2 vol. / A. Dareste. – Paris : E. Plon, 1879. – 2 vol.
99. Daudet, E. Histoire de la Restauration: 1814-1830 / Ernest Daudet. – Paris : Hachette et Cie, 1882. – 459 p.
100. Daudet, E. La Terreur blanche / Ernest Daudet. – Paris : A. Quantin, 1878. – 403 p.
101. Daudet, E. Le Ministère de M. de Martignac / Ernest Daudet. – Paris : E. Dentu, 1875. – 422 p.
102. Daudet, E. Le Procès des ministres / Ernest Daudet. – Paris : Quantin, 1877. – 316 p.
103. Daudet, E. Louis XVIII et le duc Decazes, 1815-1820 / Ernest Daudet. Paris : E. Plon, Nourrit et cie, 1899. – 495 p.
104. Delbez, L. Les Grands courants de la pensée politique française depuis le XIXe siècle / Louis Delbez. – Paris : Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1970. – 194 p.
105. Granges, C. M. D. Le romantisme et la critique : la presse littéraire sous la restauration, 1815-1830 / Charles Marc Des Granges. – Paris : Société du Mercure de France, 1907. – 386 p.
106. Descotes, F. Joseph de Maistre pendant la Révolution : ses débuts diplomatiques, le marquis de Sales et les émigrés, 1789-1797 / François Descostes. – Tours : Alfred Mame et Fils, 1895. – 651 p.
107. Díez del Corral, L. El liberalismo doctrinario / L. Díez del Corral. – Madrid : Instituto de Estudios Políticos, 1956. – 602 p.
108. Díez del Corral, L. Tocqueville et la pensée politique des Doctrinaires / L. Díez del Corral // Alexis de Tocqueville. Livre de Centenaire. – Paris : Plon, 1960. – P. 57–70.
109. Douzinas, C. History Trials: Can Law Decide History? / C. Douzinas // Annual Review of Law and Social Science. – 2012. – Vol. 8. – P. 273–289.

110. Drescher, S. Tocqueville / S. Drescher // *The New Encyclopaedia Britannica*. Chicago, London, Toronto, etc., 1977. – Vol. 18. – P. 468–471.
111. Dulaure, Jacques-Antoine. Histoire de la Révolution française depuis 1814 jusqu'à 1830: 8 vol. / Jacques-Antoine Dulaure. – Paris : Poirée, 1835–1838. – 8 vol.
112. Duvergier de Hauranne, P. Histoire du gouvernement parlementaire en France (1814–1848): in 10 vol. / P. Duvergier de Hauranne. – Paris : Michel Lévy, frères, 1857–1871. – 10 vol.
113. Eliot, T. S. The Literature of Politics. In *To Criticize the Critic and Other Writings* / T. S. Eliot. – Lincoln : University of Nebraska Press, 1992. – 188 p.
114. Farber, D. The Rise and Fall of Modern American Conservatism: A Short History / D. Farber. – Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2010. – 296 p.
115. Fossaert, R. La théorie des classes chez Guizot et Thierry / Fossaert // *La Pensée*. – 1955. – № 1. – P. 20–32.
116. François Guizot et la culture politique de son temps. Colloque de la Fondation Guizot / Marina Valensise ed. – Paris : Gallimard & Le Seuil, 1991. – 324 p.
117. Furet, F. L'importance de Tocqueville aujourd'hui / F. Furet. // *L'actualité de Tocqueville*. – Caen: Centre de publications de l'Université de Caen, 1991. – P. 137–145.
118. Gargan, E. T. De Tocqueville / E.T. Gargan. – L.: Bowes and Bowes, 1965. – 94 p.
119. Garnier, I. Le sacre de Charles X et l'opinion publique en 1825 / I. Garnier. – Paris : Jouve & Cie, 1927. – 148 p.
120. Girard, L. Les libéraux français. 1814–1875 / Louis Girard. – Paris : Aubier, 1985. – 277 p.
121. Glazer, G. My Life in Sociology / G. Glazer // *Annual Review of Sociology*. – 2012. – Vol. 38. – P. 1–16.
122. Goldstein, J. The Post-Revolutionary Self: Politics and Psyche in France, 1750–1850 / J. Goldstein. – Cambridge : Harvard University Press, 2005. – 414 p.
123. Goldstone, J. A. The Comparative and Historical Study of Revolutions / J. A. Goldstone // *Annual Review of Sociology*. – 1982. – Vol. 8. – P. 187–207.
124. Goldthorpe, J. H. Social Mobility and Class Structure in Modern Britain / J.H. Goldthorpe. – Oxford : Clarendon Press, 1980. – 310 p.
125. Goodin, R. E. Folie Républicain / R.E. Goodin // *Annual Review of Political Science*. – 2003. – Vol. 6. – P. 55–76.
126. Graber, D. Mediated Politics and Citizenship in the Twenty-First Century / D. Graber // *Annual Review of Psychology*. – 2004. – Vol. 55. – P. 545–571.

127. Grémieux, A. La Censure en 1820 et 1821 / Albert Crémieux. – Paris : Cornély, 1912. – 195 p.
128. Haac, O. A. French Historians and Romanticism: Thierry, Guizot, The Saint-Simonians, Quinet, Michelet / O. A. Haac // *The French Review*. – May, 1995. – Vol. 68. – № 6. – P. 1107–1108.
129. Hereth, M. Essai d'interprétation de la Révolution en République Démocratique Allemande / Michaël Hereth // *Cahiers de philosophie politique et juridique de l'université de Caen*. – Mai, 1990. – № 18. – P. 93–100.
130. Houssaye, H. 1815 : La première restauration, le retour de l'île d'Elbe, les cent jours / H. Houssaye. – Paris : Perrin, 1893. – 636 p.
131. Houssaye, H. La seconde abdication. La terreur blanche / H. Houssaye. – Paris : Perrin et cie, 1905. – 602 p.
132. Jacobs, L. “Le Moment Libéral”: The Distinctive Character of Restoration Liberalism / L. Jacobs. // *The Historical Journal*. – Jun., 1988. – Vol. 31. – № 2. – P. 479–491.
133. Jardin, A. Alexis de Tocqueville (1805–1859) / A. Jardin. – Paris: Hachette, 1984. – 522 p.
134. Jardin, A. Histoire de libéralisme politique / A. Jardin. – Paris: Hachette, 1985. – 438 p.
135. Jaume, L. François Guizot et la culture politique de son temps / L. Jaume // *Revue française de science politique*. – 1991. – № 3. – P. 401–417.
136. Johnson, D. Guizot: Aspects of French History, 1787–1874 / D. Johnson. – London : Routledge & Kegan Paul ; Toronto : University of Toronto Press, 1963. – 469 p.
137. Kale, S. D. French legitimists and the politics of abstention, 1830–1870 / S. D. Kale // *French Historical Studies*. – 1997. – Vol. 20. – P. 665–701.
138. Kateb, G. Democratic Individualism and its Critics // *Annual Review of Political Science* / G. Kateb. – 2003. – Vol. 6. – P. 275–305.
139. Kaufman, P. Middle-Class Social Reproduction: The Activation and Negotiation of Structural Advantages / P. Kaufman // *Sociological Forum*. – 2005. – Vol. 20 (2). – P. 245–270.
140. Lacombe, Charles de. Le Comte de Serre. Sa vie et son temps: 2 vol. / Charles de Lacombe. Paris : Edité par Didier, 1881. – 2 vol.
141. Lacretelle, Ch. Histoire de France depuis la Restauration : 4 vol. / Ch. Lacretelle. – Paris : Delaunay, 1829–1830. – 4 vol.
142. Lamartine, Alphonse de. Histoire de la Restauration : 8 vol. / Alphonse de Lamartine. – Paris : Furne & Cie, 1851–1852. – 8 vol.

143. Latreille, C. Joseph de Maistre et la papauté, avec deux gravures et deux facsimilés / Camille Latreille. – Paris : Hachette et cie., 1906. – 359 p.
144. Lescure, Adolphe Mathurin de. Le comte Joseph de Maistre et sa famille, 1753–1852. Etudes et portraits politiques et littéraires / Adolphe Mathurin de Lescure. – Paris : H. Chapelliez et Cie, 1892. – 442 p.
145. Lessing, G. E. Die Erziehung des Menschengeschlechts / G. E. Lessing. – Berlin : Voß, 1780. – 90 p.
146. Levi, M., Stoker, L. Political Trust and Trustworthiness / M. Levi, L. Stoker // Annual Review of Political Science. – 2000. – Vol. 3. – P. 475–507.
147. Lowndes, J. E. From the New Deal to the New Right: Race and the Southern Origins of Modern Conservatism / J. E. Lowndes. – New Haven : Yale University Press, 2008. – 208 p.
148. Lubis, E.-P. Histoire de la Restauration 1814–1830 : 6 vol. / Etienne-Pierre Lubis. – Paris : Société de l'histoire de la Restauration, 1837–1847. – 6 vol.
149. Lucas-Dubreton, J. The Restoration and the July Monarchy / J. Lucas-Dubreton. – New York : G.P. Putnam's Sons, 1929. – 380 p.
150. Macfarlan, L. Modern Political Theory / L. Macfarlan. – London : Nelson, 1970. – 269 p.
151. Manent, P. Histoire intellectuelle du libéralisme / Pierre Manent. – Paris: Calmann Lévy, 1987. – 278 p.
152. Manent, P. Tocqueville et la nature de la démocratie / Pierre Manent. – Paris : Fayard, 1993. – 189 p.
153. Marcellus, M.-L. Chateaubriand et son temp / M.-L. Marcellus. – Paris : Michel Lévy, 1859. – 504 p.
154. Mazade, Ch. de. L'opposition royaliste : Berryer, de Villèle, de Falloux / Charles de Mazade. – Paris : E. Plon, Nouritt et cie, 1894. – 304 p.
155. Mazade, Ch. de. Le comte de Serre, la politique modérée sous la restauration / Charles de Mazade. – Paris, 1879. – 301 p.
156. McClelland, J. S. A History of Western Political Thought / J. S. McClelland. – London : Routledge, 1996. – 810 p.
157. McGirr, L. Suburban Warriors: The Origins of the New American Right / Lisa McGirr. – Princeton, N. J. : Princeton University Press, 2001. – 416 p.
158. Mellon, S. The Political Uses of History: A Study of Historians in the French Restoration / Stanley Mellon. – Stanford, Calif : Stanford University Press, 1958. – 266 p.
159. Mélonio, F. Tocqueville et les Français / F. Mélonio. – Paris : Aubier, 1993. – 408 p.

160. Meyer, J. W. World Society, Institutional Theories, and the Actor / J.W. Meyer // *Annual Review of Sociology*. – 2010. – Vol. 36. – P. 1–20.
161. Michon, L. *Le Gouvernement parlementaire sous la Restauration* / Louis Michon. – Paris : Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1905. – 471 p.
162. Mignet, M. *Nouveaux éloges historiques : De Savigny - Alexis de Tocqueville - Victor Cousin - Lord Broughman - Charles Dunoyer - Victor de Broglie - Amédée Thierry*. – Paris : Didier, 1877. – 353 p.
163. *The Blackwell Encyclopaedia of Political Thought*. – Oxford, UK: B. Blackwell, 1987. – 570 p.
164. Nantet, J. *Tocqueville* / J. Nantet. – Paris: Seghers, 1971. – 190 p.
165. Neidleman, J. A. *The General Will Is Citizenship. Inquiries into French Political Thought* / Jason Andrew Neidleman. – Lanham, MD : Rowman & Littlefield Publishers , 2001. – 195 p.
166. Nervo, J. B. *Les Finances française sous la Restauration : 4 vol.* / J. B. Nervo. – Paris : Michel-Lévy frères, 1865–1868. – 4 vol.
167. Nesmes-Desmarets R. de. *Les doctrine politiques de Royer-Collard* / Robert de Nesmes-Desmarets. – Paris : V. Giard et E. Brière, 1908. – 320 p.
168. Nettement, A. F. *Histoire de la literature française sous la Restauration : 2 vol.* / Alfred François Nettement. – Paris : Jacques Lecoivre, 1853. – 2 vol.
169. Nettement, A. F. *Histoire de la Restauration : 8 vol.* / Alfred François Nettement. – Paris : J. Lecoivre et cie, 1860–1872. – 8 vol.
170. Nisbet, R. *Conservateurs et libertariens: des cousins difficiles* [Электронный ресурс] / R. Nisbet. // *Contrepoints | Le nivellement par le haut*. – 2011. – Режим доступа: <http://www.contrepoints.org/2011/04/22/22411-conservateurs-et-libertariens-des-cousins-difficiles>.
171. Nisbet, R. *Conservatism: Dream and Reality* / Robert Alexander Nisbet. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1986. – 118 p.
172. Phillippe, A. *Royer-Collard, sa vie publique, sa vie privée, sa famille* / A. Phillippe. – Paris : M. Lévy, 1857. – 324 p.
173. Pierson, G. W. *Tocqueville and Beaumont in America* / G. W. Pierson. – N. Y. : Oxford Univ. Press, 1938. – 852 p.
174. Piliavin J. A., Charng H-W. *Altruism: A Review of Recent Theory and Research* / J. A. Piliavin, H-W. Charng. // *Annual Review of Sociology*. – 1990. – Vol. 16.– P. 27–65.

175. Pouthas, Ch.-H. Guizot pendant la Restauration / Ch.-H. Pouthas. – Paris : Plon, 1923. – 497 p.
176. Pouthas, Ch.-H. La Jeunesse de Guizot (1787–1814) / Ch.-H. Pouthas. – Paris : Librairie Félix Alcan, 1936. – 414 p.
177. Pozzi, R. Tocqueville e la storia (non scritta) della rivoluzione francese [Электронный ресурс] / R. Pozzi // Cromohs. – 2002. – №7. – P. 1-19. – Режим доступа: http://www.cromohs.unifi.it/7_2002/pozzi.html.
178. Prélôt, M. Histoire des idées politiques / M. Prélôt. – Paris : PUF, 1970. – 223 p.
179. Raaflaub, K. A. Democracy, Oligarchy, and the Concept of the “Free Citizen” in Late Fifth-Century Athens / K. A. Raaflaub // Political Theory. – Nov., 1983. – Vol. 11. – No. 4. – P. 530–539.
180. Raaflaub, K. A. Politisches Denken und Krise der Polis. Athen im Verfassungskonflikt des späten 5 / K. A. Raaflaub // Historische Zeitschrift. – Aug., 1992. – Bd. 255. – H. 1. – P. 5–57.
181. Rafael, D. D. Problem of Political Philosophy / D. D. Rafael. – London : Macmillan, 1970. – 207 p.
182. Reedy, W. The historical imaginary of social science in post-Revolutionary France: Bonald, Saint-Simon, Comte / W. Reedy // History of the Human Sciences. – 1994. – Vol. 7(1). – P. 1–26.
183. Rémond, R. La droite en France de la Première Restauration à la Ve République / R. Rémond. – Paris : Aubier, 1963. – 414 p.
184. Rémond, R. Le XIX-e siècle. 1815-1914 / R. Rémond. – Paris: Seuil, 1974. – 252 p.
185. Romberg, M. Louis XVIII et les Cent-Joures à Gand. Recueil de documents inédits. Paris, 1898 – 1902. – 2 vol.
186. Rosanvallon, P. Le moment Guizot / P. Rosanvallon. – Paris: Gallimard, 1985. – 414 p.
187. Ruggiero, G. The History of European Liberalism / G. Ruggiero. – Boston : Beacon Press, 1959. – 476 p.
188. Rulof, B. Wine, friends and royalist popular politics: legitimist associations in mid-nineteenth-century France / B. Rulof. // French History. – 2009. – v. 23 – P. 360–382.
189. Sabine, G. H. A History of Political Theory / G. H. Sabine. – 3. ed., rev. and enlarged, reprint. – London : George G. Harrap, 1968. – 948 p.
190. Sabourin, P. La France et les nations d'Europe dans la doctrine des libéraux de la première moitié du XIX e Siècle / P. Sabourin // La Revue administrative. – 1990. – № 315. – P. 239–245.

191. Sainte-Beuve, P. Chateaubriand et son groupe littéraire sous l'Empire : 2 vol. / P. Sainte-Beuve. – Paris : Garnier frères, 1861. – 2 vol.
192. Sautel, G. Histoire des institutions publiques depuis la Révolution française / G. Sautel. – Paris : Jurisprudence Générale Dalloz, 1978. – 633 p.
193. Siedentop, L. Tocqueville / L. Siedentop. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 154 p.
194. Simon, P. L'Elaboration de la charte constitutionnelle de 1814 / P. Simon. – Paris, É. Cornely et cie, 1906. – 181 p.
195. Smith, R. T. Anthropology and the Concept of Social Class / R. T. Smith // Annual Review of Anthropology. – 1984. – Vol. 13. – P. 467–494.
196. Solé, R. Une jeune pousse, née sous Charles X [Электронный ресурс] / R. Solé. // Le Monde. – 2010. – 13 Juillet. – Режим доступа: http://www.lemonde.fr/cgi-bin/ACHATS/acheter.cgi?offre=ARCHIVES&type_item=ART_ARCH_30J&objet_id=1130009&xtmc=une_jeune_pousse_nee_sous_charles_x&xtcr=5
197. Soltau, R. French Political Thought in the Nineteenth Century / R. Soltau. – New Haven : Yale University Press, 1959. – 226 p.
198. Spillman, L. Strand M. Interest-Oriented Action / L. Spillman. // Annual Review of Sociology. – 2013. – Vol. 39. – P. 5.1–5.20.
199. Stears, M. The Liberal Tradition and the Politics of Exclusion / M. Stears // Annual Review of Political Science. – 2007. – Vol. 10. – P. 85–101.
200. Terray, E. Le fondement de la pensée de droite reste la défense de l'ordre établi [Электронный ресурс] / E. Terray. // Libération. – 20.03.2012. – Режим доступа: http://www.liberation.fr/livres/2012/03/20/le-fondement-de-la-pensee-de-droite-reste-la-defense-de-l-ordre-etabli_804412.
201. Thureau-Dangin, P. Le Parti liberal sous la Restauration / P. Thureau-Dangin. – Paris : E. Plon, 1876. – 519 p.
202. Tudesq, A.-J. La démocratie en France depuis 1815 / A.-J. Tudesq. – Paris : Presses universitaires de France, 1971. – 200 p.
203. Vulabellé, Achille de. Histoire des deux Restaurations jusqu'à l'avènement de Louis-Philippe (de janvier 1813 à octobre 1830) : 8 vol. / Achille de Vulabellé. – Paris : Garnier, 1844–1852. – 8 vol.
204. Vermeren, P. Les têtes rondes du Globe et la nouvelle philosophie de Paris / P. Vermeren. // Romantisme. – 1995. – № 88. – p. 23–34.

205. Viereck, P. *Conservatism: From John Adams to Churchill* / P. Viereck. – Princeton, N. J.,: Van Nostrand Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Library, 1956. – 192 p.
206. Villemain, A. F. *Chateaubriand, sa vie, ses écrits, son influence littéraire et politique sur son temps* / A. F. Villemain. – Paris : Michel Lévy frères, 1858. – 560 p.
207. Wallerstein, I. *World-Systems Analysis* / I. Wallerstein // *Social Theory Today*. – Cambridge, 1987. – P. 309–324.
208. Warner, W. Lloyd. *Social Class in America: a manual of procedure for the measurement of social status* / W. Lloyd Warner. – N. Y. : Harper, 1960. – 298 p.
209. Williams, R. L. *From Malesherbes to Tocqueville: The Legacy of Liberalism* / R. L. Williams. // *Journal of the Historical Society*. – 2006. – v. 6. – p. 443–463.
210. Zelizer, J. E. *Reflections: Rethinking the History of American Conservatism* / J. E. Zelizer // *Reviews in American History*. 2010. Vol. 38. – p. 388–389.